

ВЛАДИМИР САННИКОВ

РУССКАЯ
языковая
ШУТКА

*От Пушкина
до наших дней*

АГРАФ
МОСКВА
2003

ББК 80
С185

Художник *В. Коротасва*

Информационный спонсор —
радиостанция «Эхо Москвы»

Санников В.З.

С185 Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней. — М.: Аграф, 2003. — 560 с.

Эта книга — первая антология русской языковой шутки, в которой автор, ведущий научный сотрудник Российской академии наук В.З. Санников, не только тщательно анализирует русскую языковую шутку, ее виды, особенности, способы ее создания, но и обсуждает общий вопрос, над решением которого со времен Аристотеля ломают копыя и филологи, и философы, и психологи, — что такое «комическое», какова природа юмора и каковы его функции.

Преимущество отдается именно языковой шутке, то есть шутке «с двойным дном», где кроме подшучивания над людьми, жизненными ситуациями есть одновременно подшучивание над языком, в частности над обозначением разных вещей и понятий одним и тем же словом (игра слов, каламбур). В сборник включены шутки многих русских литераторов — от Пушкина и Фонвизина до Андрея Кнышева.

В книге подробно рассматривается и другой важный источник — фольклор, шуточные афоризмы, поговорки, анекдоты.

Издание представит интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ББК 80

ISBN 5-7784-0263-5

© Издательство «Аграф», 2003

© Санников В.З., 2003

ВВЕДЕНИЕ

*О комическом,
о языковой шутке,
о каламбуре*

О природе комического

Юмор – один из элементов гения.
Гёте

Смех... есть радость, а посему сам
по себе благо.
Спиноза

Не забывайте, что юмор – черта богов!..
Нет ничего серьезнее глубокого юмора.
Б.Шоу

Что мелко в серьезной форме, то может
быть глубоко в остроумной.
Г.К. Лихтенберг

Мы не льстим себя надеждой внести вклад в теорию комического, имеющую двухтысячелетнюю историю, но обойти эту проблему молчанием мы, понятное дело, тоже не могли. Ограничимся несколькими краткими замечаниями.

1. Юмор – признак, бесспорно, присущий любому человеческому коллективу. Можно представить себе общество, не знающее слез и печалей, но общество без смеха, без юмора, без шутки – такое и представить трудно (да и не хочется). «Кажется, нет ничего на свете лучше и дороже смеха... Ведь смех –

это все равно, что солнце» [А.Амфитсатров, по карт. БАС].

«Смех свойственен одному токмо человеку» (Словарь Академии Российской, ч. 1–6, СПб., 1789–1794). «Где смех, там человек; скотина не смеется», – писал М.Горький. Смеется только человек – и только над человеком. Интересна мысль А.Бергсона (высказанная еще раньше Н.Г.Чернышевским): «Пейзаж может быть красив, привлекателен, великолепен, невзрачен или отвратителен; но он никогда не будет смешным» [Пропп 1997: 37–38].

2. В чем сущность комического? Задаваясь этим вопросом, мы вступаем на скользкий путь, от чего предостерегают многие авторы. Одни, как, например, Дюга, говорили о бессмысленности определения сущности комического: «...надо просто смеяться и не спрашивать, почему смеешься <...>, всякое размышление убивает смех» [Фрейд 1925: 196], другие, не отрицая важность подобного определения, подчеркивали его трудность, а может, и невозможность: «Юмор с трудом поддается определению, ведь только отсутствием чувства юмора можно объяснить попытки определить его» (Г.К.Честертон). Бернارد Шоу также расценивал подобные попытки как «тревожный литературный симптом»: «Желание писать о смешном свидетельствует о том, что чувство юмора у вас утрачено безвозвратно» («Суета сует»).

3. Теоретики комического отмечают, что «ни одному из исследователей <...> не удалось создать универсального и исчерпывающего определения» [Дземидок 1974: 50]; «Сокровенная тайна смеха пока так и остается тайной <...>, она лежит за горизонтом современной науки» [Лук 1977: 27]. И это при том, что над проблемой комического упорно более двух тысяче-

летий работали и психологи, и социологи, и искусствоведы, и филологи, и философы (в том числе многие создатели великих философских систем, такие как Аристотель, Гоббс, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Шеллинг)! Было создано бесчисленное множество концепций комического. Б. Дземидок даже вынужден объединять их в группы: 1. Теория негативного качества; 2. Теория деградации; 3. Теория контраста; 4. Теория противоречия; 5. Теория отклонения от нормы; 6. Теории смешанного типа [Дземидок 1974: 11].

В результате возникает безрадостная картина столкновения множества конфликтующих теорий, ни одна из которых не может быть принята полностью. Нетрудно, однако, заметить одно важное обстоятельство: каждая из существующих теорий содержит некое рациональное зерно. Если рассматривать их не как законченные всеобъемлющие теории (на что обычно претендовали их создатели), а расценивать их лишь как разработки отдельных положений, отдельных сторон комического, то всё встает на свои места, и вместо хаотического нагромождения взаимоисключающих теорий возникает достаточно четкое и, на наш взгляд, непротиворечивое понимание сущности комического. Попытаемся его изложить, отнюдь не претендуя при этом на полноту.

4. Более 2000 лет назад Аристотель отметил две основные черты комического: «Смешное – это некоторая ошибка и безобразия, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное». В качестве иллюстрации основных признаков комического указывают, например, ситуацию падения на улице важного господина, падения, сопровождаемого нелепыми телодвижениями, но ни для кого не опасного (смех тотчас прекратится, если мы увидим кровь или услы-

шим стоны). Современный исследователь – Богдан Дземидок – дает, в сущности, очень близкое определение: «Все комические явления <...> отвечают двум условиям: во-первых, любое можно считать в каком-то смысле отклонением от нормы, во-вторых, ни одно не угрожает личной безопасности познающего субъекта, не вызывает страха». И Кант отмечает, что рассказ о человеке, который от горя поседел в одну ночь, не вызовет смеха, но сообщение о страдальце, у которого от переживаний поседел парик, заставит смеяться [Лук 1977: 13].

«Это не означает, однако, что явления вредные, опасные или даже макабрические не могут быть предметом комического творчества» [Дземидок 1974: 56]. Легко заметить, что в его определении аристотелевские характеристики смешного – *ошибка, безобразное* заменены (и вполне оправданно, на наш взгляд) термином *неформальное*. Именно об *отклонении от нормы* предпочитают говорить современные теоретики комического. Были попытки как-то уточнить, детализировать это достаточно неопределенное понятие, но они были не очень удачны. Например, *теория автоматизма* А.Бергсона хорошо объясняет некоторые проявления комического, например, комический эффект неестественных движений Чарли Чаплина, но никак не может претендовать на универсальность: в строю солдат, шагающих неестественным строевым шагом и напоминающих автоматы, смешным было бы как раз нарушение этого автоматизма. Бесспорно, однако, что при всем их несходстве два приведенных только что примера комического (автоматизм движений Чаплина и нарушение автоматизма неловким марширующим солдатом) имеют нечто общее – нарушается некая принятая для данной ситуации *норма*.

5. Второй из аристотелевских принципов («Смешное никому не причиняет страдания и ни для кого не пагубно») вряд ли можно принять без оговорок и уточнений. Е.Замятин прав, когда пишет: «...смех – самое страшное оружие: смехом можно убить всё – даже убийство» («Мы»). Вслед за Гоббсом А.Лук справедливо отмечает, что «смех ни для кого не обиден лишь в том случае, если относится к нелепости или слабости, абстрагированным от конкретного лица» [Лук 1977: 9].

Вызывает протест не только смех над чем-то, угрожающим личной безопасности, но и вышучивание чего-то дорогого, близкого нам. А.Герцен писал, что бывают минуты, когда мы презираем и свой произвольный «судорожный» смех, и человека, который его вызвал. Показательно при этом, что даже совершенно несправедливая, но остроумная шутка «прилипает» к объекту шутки! В.Вересаев приводит следующий показательный эпизод литературной борьбы начала XX века: «Все презирали Буренина, но словечки его и прозвища часто неотрывными ярлыками навсегда прилеплялись к писателю. С его руки, например, пристали к Петру Дмитриевичу Боборыкину прозвище «Пьер Бобо» и слово «боборыкать». И читатель, берясь за новый роман Боборыкина, говорил, улыбаясь: – *Посмотрим, что тут набоборыкал наш Пьер Бобо!*

Извольте-ка после этого захватить читателя!» («Записи для себя»).

6. Не следует думать, что аристотелевский принцип личной безопасности нарушается в случае макабрического юмора, в шуточках типа:

*Шапочки в ряд, тапочки в ряд –
Трамвай переехал отряд октябрят.*

Или:

*В баню попал реактивный снаряд.
Галые бабы по небу летят.*

Или:

*Отпусти меня, тятя, на валю,
Не держи ты меня под замком.
По весеннему минному полю
Хорошо побродить босиком...*

(Игорь Иртеньев)

Некоторые теоретики комического, например, Клифтон Фэдимен, считают черный юмор симптомом социальной патологии: «...он относится к обычному юмору, как некрофилия – к нормальному половому влечению» [Лук 1977]. Суждение резкое и вряд ли справедливое – мы ведь имеем здесь дело не с подлинными ужасными происшествиями, а с вымышленными (впрочем, сейчас, когда на территории бывшего СССР почти ежедневно гибнут от снарядов и мин люди, две последние шутки кажутся не столь забавными, как десять лет назад).

Неоднократно отмечалось, что предметом юмора могут стать даже и подлинные трагические события. Ср. след. замечание Василя Быкова: «Агеев знал немало людей, которые о своем военном прошлом, зачастую трудном и даже трагическом, имели обыкновение рассказывать с юморком, посмеиваясь над тем, от чего в свое время поднимались волосы дыбом, находили в ужасном забавное» («Карьер»). Тем самым аристотелевский принцип личной безопасности предполагает, видимо, безопасность в настоящем и, возможно, в будущем (вряд ли герои Быкова стали бы «с юморком» говорить об ужасных событиях, ожидающих их в будущем).

Впрочем, и это положение не бесспорно. Есть, видимо, доля истины в шутовском замечании А.Бухова,

касающемся эволюции юмора: «...странен выбор времени, в какое имели обыкновение острить древние люди. Современный человек, если он трезв и нормален, в редком случае ходит острить на место крушения товарных поездов, в дворянские богадельни или к трупу пойманного в воде сельской стражей утопленника» («О древних остряках»).

В.Конецкий отмечал, что и современный юмор весьма разнороден: в отличие от русского юмора, используемого для рассказа о пережитом страшном, англосаксонский юмор характерен именно тем, что острят в момент опасности («Последний раз в Антверпене»). А вот Д.Лихачев считает, напротив, что «ободрение смехом в самый патетический момент смертельной угрозы всегда было сугубо национальным, русским явлением. <...> Суворов шутками подбадривал своих солдат перед битвой и на тяжелых переходах» [Лихачев – Панченко – Поньрко 1984: 61].

7. Не менее трудно определить границы допустимого в случае, когда объектом комического является произведение искусства. Любопытно, что авторы гораздо терпимее относятся к комической перелицовке их произведений, чем их горячие поклонники. Вл. Новиков указывает целый ряд эпизодов из жизни Жуковского, Пушкина, Блока, Ахматовой и других авторов, которые не прочь были посмеяться над пародийной переделкой своих произведений, а то и провоцировали подобные переделки [Новиков 1989: 113-116 и др.].

Вот, например, автоэпиграмма В.Капниста:

*Капниста я прочел и сердцем сокрушился:
Зачем читать учился!*

«Истинные ценности не боятся испытания смехом и даже в какой-то мере в нем нуждаются. Вспомним, как

беззаботно смеется пушкинский Моцарт, слушая безбожно коверкающего его музыку трактирного скрипача. И как нетерпим к насмешкам и гримасам Сальери: «Мне не смешно, когда маляр негодный / Мне пачкает Мадонну Рафаэля, / Мне не смешно, когда фигляр презренный / Пародией бесчестит Алигьери» [Новиков 1989: 115]. В своем негодовании Сальери не одинок, ср. следующее высказывание Валерия Брюсова: «Мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери», – восклицает у Пушкина Сальери. И этот крик негодования понятнее, человечнее, чем олимпийский, веселый смех полубога Моцарта. Нет, не смешно, а горько и больно, когда искажают и унижают дорогую мысль, заветную идею, особенно под видом ее защиты» (В.Брюсов, «Ник. Вашкевич. Дионисово действо современности»).

Юмор к тому же «привязан к конкретной ситуации». Дж. Свифт справедливо отмечает: «Существуют вещи чрезвычайно остроумные именно сегодня, или натошак, или в данном месте, или в восемь часов, или за бутылкой... но при малейшей перемене положения вся острота их теряется» [Лук 1977].

8. Признаки комического, выделенные Аристотелем и кратко охарактеризованные выше, необходимы, но недостаточны. Вполне очевидно, в частности, что не всякая безобидная ошибка вызывает смех. Так, большинство корректорских ошибок могут вызвать лишь досаду, как, например, опечатки в слове *послами*: *Высокие договаривающиеся стороны обменялись тослами (послами, бослами и т.п.)*. Не смешно. Почему же вызывает смех другая опечатка в том же слове: *Высокие договаривающиеся стороны обменялись ослами?* Очевидно, потому, что здесь возникает второй дополнительный смысл, контрастирующий с первым, – представле-

ние о глупости послов, их дискредитация. Ср. замечание Ю.К.Щеглова о парадоксальном тождестве контрастных элементов в остроте, которые как бы «просвечивают» друг через друга [Щеглов 1975: 169, 178].

Точно так же шутка-контаминация *приматонна* [из: *примадонна* + *тонна*] вызывает смех потому, что она, как и любая другая шутка, «двухслойна», причем ее составные резко контрастируют: один, обычный смысл («певица, исполняющая главные партии») – положительный, а второй, дополнительный (представление о тучности человека) – отрицательный.

С ограничениями другого рода комическое сталкивается в случае преувеличений, гипербол. Преувеличение – один из основных способов создания комического эффекта, ср.:

Воздух в зале [суда] был до такой степени сгущен, что многие дамы, любительницы уголовных дел, совершенно спокойно клали на него свои легкие шляпки (В.Буренин, «Мертвая нога», I).

...в дворницкой сидело, пило чай и откровенно любовалось Гришиной мягкой бородой убогое существо не толще вилки – черная юбка до пят... (Т.Толстая, «Поэт и муза»).

Казалось бы, приведенные примеры (не говоря уж о хрестоматийных гоголевских шароварах, в которых «можно бы поместить весь двор с амбарами и строением») убеждают в безграничности преувеличений. Это, однако, не так. И.Мандельштам [1902], кажется, первый заметил, что и гипербола должна знать меру. По его мнению, в приводимых ниже примерах из Сервантеса и Рабле «юмор почти исчезает вследствие крайности преувеличения: «если бы не несколько глотков хорошего вина, взятые мною, желудок высох бы до такой степени, что как нитку меня можно было бы продеть через иголку»; «Рабелэ завидует господам, не нуждающимся в портных; у них уши так велики, что одно мож-

но превратить в панталоны, сюртук и жилет, а из другого легко сделать шинель». Смеха это место не вызывает, вследствие преувеличения искажения» [Мандельштам 1902: 309].

Где же проходит граница допустимого? Почему приводимые Мандельштамом гиперболы, действительно, трудно признать удачными, если допустимы даже «шаровары шириной в Черное море»? Дело, видимо, в том, что приведенные нами гиперболы имеют количественный характер, это количественные преувеличения, тогда как гиперболы Сервантеса и Рабле включают действие – настолько фантастическое (сшить из человеческого уха панталоны, сюртук и жилет), что его даже представить себе трудно.

Отметим еще один важный момент, который не нашел отражения в концепции Аристотеля. Казалось бы, сталкиваясь в комическом с чем-то уродливым или не совсем нормальным, мы должны испытывать отвращение или, по меньшей мере, неприязнь. В действительности же это, наоборот, радует и забавляет нас. Исследователи (Т.Гоббс, К.Юберхорст, Т.Бейн, Ф.Шлегель, Ф.Шеллинг, З.Фрейд) единодушно объясняют это тем, что уродливые явления вызывают у субъекта, свободно (хотя бы в данный момент) от этого недостатка, ощущение силы, превосходства над кем-либо, довольства собой. Слыша шутку *приматонна*, мы смеемся над конкретным высмеиваемым лицом или же (если это – абстрактная шутка, не имеющая конкретного объекта) над воображаемыми тучными певицами, испытываем «фарисейское довольство собой», – во-первых, оттого, что мы лишены этого физического недостатка, и, во-вторых, от сознания исправности своего интеллекта, позволяющего понять шутку, проникнуть в ее механизм.

9. Итак, комический эффект вызывает не всякая безвредная уродливость (или, как сейчас пред-

почитают говорить, отклонение от нормы), а лишь такое отклонение, которое вызывает возникновение второго плана, резко контрастирующего с первым. Слушатель заманивается на ложный путь, а потом маска сбрасывается (фаза «озарения» и комической радости, сопровождаемой двигательными реакциями – движением некоторых групп мышц). А.Бергсон подчеркивал, кроме того, редуцированность шутки: в шутке есть исходная точка и вывод, без промежуточных звеньев. Это обеспечивает внезапность перехода и, тем самым, большой комический эффект (Buttler 1968: 36). Естественно, что внезапность перехода (и ценность шутки) утрачиваются при повторении. Л.Лиходеев писал: «Даже очень хорошая острота должна быть как шприц: одноразового пользования».

Как соотносятся между собой две части шутки? Важный вклад в понимание этого вопроса внесли теории «обманутого ожидания» и «комического шока». Это – две конфликтующие теории, а между тем правы сторонники как той, так и другой теории. Дело в том, что отношения между частями шутки не сводимы к одному из двух указанных типов. Здесь возможно и то, и другое.

1) Обманутое ожидание. И.Кант, Жан Поль, Т.Липпс подчеркивали, что в шутке наблюдается контраст между ожиданиями субъекта (основанными на его жизненном опыте) и конечной реализацией. Явление, кажущееся естественным, потом демаскируется как абсурд или ошибка и, тем самым, дискредитируется. Иллюстрацией может служить такая сценка: рыболов с громадным трудом тянет добычу и вытягивает... старый башмак.

Именно по этому типу строится большинство языковых шуток. Вот несколько примеров.

(1) *Истинный джентльмен всегда поправит галстук, если мимо канавы проходит женщина.*

(2) «Прекрасная Галатея! Говорят, что она красит свои волосы в черный цвет?» – «О, нет: ее волосы были уже черны, когда она их купила».

(Г.Лессинг)

(3) [Разговор о приеме на работу]:

– Скажите, но ваш протеже человек способный?

– О, да, господин директор! На всё.

Спенсер определял это как «нисходящую несовместимость»: человек ждет чего-то большего, а находит маленькое [Лук 1977: 10].

2) Комический шок. Здесь отношения между частями прямо противоположны описанным выше: явление внешне удивительное оказывается естественным и понятным. Мы, например, наблюдаем человека, нелепо размахивающего руками, а потом видим, что это дирижер.

Образцом языковой шутки с этим механизмом являются контаминации – «склеивание» двух единиц, например, слов (теоретики комического, особенно З.Фрейд, высоко ценят контаминации за экономность и богатство содержания):

выдвиженщина [из: *выдвиженец* + *женщина*]

(И.Ильф)

собакалipsis [из: *собака* + *апокалipsis*]

(А.Вознесенский)

дегенерал [из: *дегенерат* + *генерал*]

(польская шутка)

Сторонники концепции «комического шока» (например, К.Грос, К.Мелинар) отмечают, что в шутках такого типа процесс проходит три фазы: а) растерянность, дезориентированность в связи с новизной, необычностью комического объекта (фаза «шока»); б) фаза «озарения»; в) фаза комической радости, вызванная освобождением от нервного напряжения [Buttler 1968: 25-27].

Комический шок может быть вызван не только необычностью формы, как это имеет место в случае кон-

таминаций (типа *дегенерал, олимпьянство*), но и необычностью, неожиданностью смысловой. Вот несколько подобных примеров:

(1) *Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории.*

(Н.Гоголь, «Мертвые души», т. 1, IV)

(2) *Женщины подобны диссертациям: они нуждаются в защите.*

(Эмиль Кроткий, «Отрывки из ненаписанного»)

Вполне естественно, что эта смысловая необычность с развитием науки и техники в ряде случаев перестает быть необычностью, и шутка, ее эксплуатирующая, полностью утрачивает комический эффект. Так, современные часы указывают не только часы, минуты, секунды, но и дни и месяцы, в связи с чем теряет эффект известная шутка Л.Кэрролла:

Шляпа достал из кармашка часы, озабоченно посмотрел на них, встряхнул, поднес к уху и опять встряхнул <...>. «Какое сегодня число?» – обратился он к Алисе. Алиса посчитала в уме, подумала немного и сказала: «Четвертое мая!» – «Врут на два дня», – вздохнул Шляпа. [Современные часы могут врать и на два дня, и больше.]

В имеющихся определениях подчеркивается, что языковая игра имеет целью создание комического эффекта. Между тем многие из технических приемов создания комического – в первую очередь, многозначность, омонимия, звуковое сходство слов и словосочетаний (они будут рассмотрены ниже) – часто используются и с другими целями. Ср.:

*Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог, да столбов верстовых.*

(А.Блок)

*Не прелюды он и не вальсы
И не Листа листал листы...*

(О.Мандельштам, «Рояль»)

*Чтоб не жил – кто стар,
Чтоб нежил – кто юн!*

(М.Цветаева)

*Под твоим перстом –
Что господень хлеб,
Перемалываюсь,
Переламываюсь.*

(М.Цветаева)

Особенно часто рифмы такого типа использует Велимир Хлебников:

*Девы подковою топали
О поле, о поле, о поле!
Тяжкие билися тополи.*

(«Ночной бал»)

*Разве вы
От холода не выли
Вдвоем в землянке?
И от усталости не падали?
Не спали сытые на теплой падали?*

(«Настоящее»)

В последнем примере Хлебникова соединяются в одном тексте омоформы (прош. время глагола *падать* и существительное *падаль*), – как это часто делается в каламбуре. Но эти трагические строки невозможно назвать каламбуром.

Много, разумеется, промежуточных случаев. Вот, например, стихи О.Мандельштама:

*Ах, матовый ангел на льду голубом.
Ахматовой Анне пишу я в альбом.*

Это – каламбур? Вряд ли, но минимальное изменение могло бы перевести приведенные стихи в ранг каламбура:

*Ах, матовый ангел на льду голубом.
Ахматовой Анне кропаю в альбом.*

Е.А.Земская отмечала, что «комическое или «серьезное» звучание тропа зависит от намерения автора» [Земская 1959: 218]. Можно добавить: оно зависит (и это неоднократно отмечалось) и от «настроения» слушателей. В рассказе «Публика» Н.Тэффи описывает случай, когда юморист и профессор перепутали свои аудитории. Пришедшие на юмористическую лекцию хотали уже заранее над каждым словом серьезной лекции, а юморист лез из кожи вон, но не добился улыбки на сосредоточенных благоговейных лицах своих серьезных слушателей. Действительно, принадлежность или непринадлежность к языковой шутке определяется в значительной степени общей (юмористической, сатирической, трагической и т.д.) окрашенностью текста, создаваемой другими средствами. В значительной степени, но не целиком. Можно указать два важных структурных различия между шуткой и «серьезным» текстом.

В шутке крайне желательна резкая оценочная противопоставленность обыгрываемых элементов. Ср. каламбур Н.Глазкова, где одно из обыгрываемых слов – *товарищ* положительно окрашено (во всяком случае так было до недавнего времени) и резко противопоставлено бранному слову *тварь*:

*Я думал, что он товарищ,
А он презренная тварь лишь.*

Этим же примером можно проиллюстрировать и другое, не менее важное структурное различие между каламбуром и его «серьезным братом», так наз. *силлепсом*. Для каламбура характерен строгий порядок элементов: сначала слово, положительно окрашенное, потом – отрицательно окрашенное. Попробуем изменить порядок частей в приведенном двустишии Глазкова:

*Я думал: «Презренная тварь лишь!»
А он настоящий товарищ.*

Игра слов сохранилась, каламбур – исчез. Как и языковая шутка в целом, каламбур – судья, насмешник, но не льстец и комплиментщик. Общим правилом (чрезвычайно редко нарушаемым) является жесткое оценочное соотношение двух осмыслений: первоначальное нейтральное или положительное понимание внезапно сменяется отрицательно окрашенным. Ср.: *общезнание, интерпретация, оперативка, однозарядные шприцы* (примеры из: Гридина 1996); *шмапс-капитан* (А.Чехов) [прототип – *штабс-капитан*]; *памятник Первопечатнику* (И.Ильф) [прототип – *Первопечатнику*]; *перевалочный пункт* (журн. «Крокодил») [прототип – *перевалочный*]; *ерундия; филолук; «Почему это на защите диссертации было человек пятнадцать, а на банкете после – чуть не сто?» – «Стололазы»* [прототип – *скалолазы*]; *Отношение ревизора к делу было откровенно предвзяточным* (журн. «Крокодил», пример из: Земская 1992).

10. Суммируя сказанное, можно сформулировать следующее определение комического:

Комическое – это такое отклонение от нормы, которое удовлетворяет двум условиям: 1) приводит к возникновению двух содержательных планов (от исходной точки совершается внезапный переход к конечному результату, резко отличающемуся от этой исходной

точки); 2) ни для кого в данный момент не опасно, а для воспринимающих шутку даже приятно, поскольку это отклонение вызывает в них, лишенных этого недостатка, чувство превосходства или же (в случае «интеллектуальных» шуток) довольство по поводу исправности их интеллекта.

Изложенное выше понимание сущности комического согласуется с представлениями большинства ученых и в полной мере приложимо к словесному юмору, занимающему важное место среди различных видов юмора (изобразительный, музыкальный и т.д.).

По своему отношению к объекту комическое весьма неоднородно, это, образно говоря, целая семья, состоящая из брата и двух сестер, резко различающихся по характеру. Брат (юмор) добродушно, иногда даже со стыдливой любовью подтрунивает над частным, второстепенным, сестры же – ирония и сатира – злые насмешницы, отрицающие общее, основное; при этом если в иронии обидный оттенок еще несколько скрыт, то сатира бескомпромиссно враждебна к объекту.

Отношение словесной шутки к этой «семейке» – юмор, ирония, сатира – не совсем ясно. Каждая шутка имеет юмористическую, ироническую или сатирическую направленность, но в отличие от юмора и, в какой-то степени, от иронии и сатиры, которые в ряде случаев читаются между строк, как бы разлиты по всему тексту, иногда очень большому (ср., например, романы Диккенса), шутка сохраняет автономию в структуре произведения и может быть извлечена из него [Buttler 1968]. Языковая шутка – это цельный текст ограниченного объема (или автономный элемент текста) с комическим содержанием.

Установка на комическое

1. Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность. Только намеренная неправильность вызовет не досаду и недоумение, а желание поддержать игру и попытаться вскрыть глубинное намерение автора, эту игру предложившего.

Есть разные способы обозначить эту нарочитость, эту преднамеренность. Укажем два – самый примитивный, прямолинейный и самый изощренный.

2. Самый примитивный, но, пожалуй, и самый употребительный прием дать установку на комическое – это реплики типа: *Шутка! Шучу!* – в случаях, когда говорящий не уверен, что его поняли правильно (слушающий также может попросить уточнений репликами типа: *Это шутка? Шутить изволите?*). Иногда сам жанр текста, тип издания и т.п. указывают на намеренное отступление от языковых норм. Диалог: «*Тебя какая профессия привлекает?*» – «*Милиция*», в «серьезных» текстах воспринимается однозначно как спор о профессиях, однако видя этот диалог в юмористическом журнале «Крокодил», мы ищем и легко находим другую, дискредитирующую одного из собеседников интерпретацию глагола *привлекать* и фразы в целом – «привлекать к ответственности».

3. Другой способ дать установку на комическое настолько изощренный, что он, видимо, не осознается даже литературоведами (хотя само явление

давно ими замечено), – перепев, «перелицовка» широко известных художественных текстов (обычно стихов). Это явление представлялось несколько загадочным. Явное использование чужих стихов долгое время однозначно расценивалось как пародия – до тех пор, пока не заметили, что это делается подчас теми, кто не относится и враждебно или насмешливо к «пародируемым» авторам (таким, как Пушкин, Лермонтов), а даже «обожают» их и сами «пародируемые произведения»! Эта тема исчерпывающе полно исследована в блестящей работе о пародии Вл.Новикова [1989], к которой мы и отсылаем читателя. Вл.Новиков отмечает, что уничтожающая эпиграмма В.Курочкина, где фигурируют реакционный историк, юрист и философ Б.Чичерин и сверхреакционный журналист Фаддей Булгарин, направлена против них, а не против Пушкина, чьи стихи были использованы в эпиграмме:

*Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи.
Старца Булгарина тень чую смущенной душой.*

Еще пример перепева:

*И скучно, и грустно, и некого в карты задрать
В минуту карманной невзгоды.
Жену? ...но что толку жену обыграть –
Ведь ей же отдашь на расходы!*

(Н.Некрасов)

Неожиданное использование Некрасовым широко известного литературного источника позволяет ему сигнализировать читателю о комической направленности стихотворения и усилить комический эффект. Вл. Новиков пишет, что перепев – это «один из способов перевода художественной энергии вечных шедев-

ров в сатирическую злободневную энергию» [Новиков 1989: 290]. Новиков отмечает, что перепев экономит усилия пишущего, дает ему уже готовую форму, «удваивает смысловой вес бесхитростного сочинения» и одновременно приносит читающему радость узнавания, довольство «своей образованностью». Следует отметить и еще одно не менее важное свойство перепева – это «переключатель», установка на комическое, призыв к читателю воспринимать описываемое в юмористическом (или сатирическом) ключе.

КОМИЗМ «ВОЛЬНЫЙ» И «НЕВОЛЬНЫЙ»

«Незаконнорожденные» каламбуры

1. Необходимо сказать (на материале словесного юмора) еще об одном важном противопоставлении в сфере комического – противопоставлении комизма «вольного» и «невольного». О «невольном комизме» хорошо сказал Томас Манн: «Иногда в мелочах язык шутит с нами недобрые шутки, мы нечаянно придаем комический оборот слову, и в результате нам остается только вторить смеху слушателей <...>. Собрание небожителей, верно, сотрясается от гомерического хохота над таким бессилием наших уст» («Лотта в Веймаре»).

Нередко невольный комизм вызывает и более резкую реакцию, чем смех. Вот показательный пример.

Офицер пришел на прием к Ростовцеву, который был заикой, и обращается с просьбой. Ростовцев отвечает:

– Нет, почтеннейший! Этого нельзя! Государь не согласится.

– Помилуйте, Ваше Превосходительство. Вам стоит только заикнуться...

– Пошел вон! – загремел Ростовцев в бешенстве.

(«Рус. лит. анекдот.»)

Художественная литература адресована массовому читателю и не должна ориентироваться на индивидуальные особенности отдельных читателей, однако невольный комизм здесь также крайне нежелателен. В текстах «серьезной» художественной литературы встречающиеся необычные употребления как правило легко отличимы от игры и воспринимаются как языковая неправильность или неточность. Вряд ли можно сомневаться, что не с игрой, а с некоторой небрежностью (не преследующей специальных художественных целей) мы имеем дело у С.Аксакова:

Когда мы возвращались с богатой добычей, милая сестрица выбежала ко мне навстречу с радостным криком и с покательной чашкой спелой ежевики.

Андрей Белый вспоминает грубую ошибку в устном выступлении А.Веселовского: «Джордано Бруно, стоя одною ногою во мраке средневековья», – и далее, далее, далее (нагромождения придаточных предложений, во время которых оратор забыл, что «ногою»), – «другую приветствовал он зарю возрождения» (А.Белый, «На рубеже двух столетий»).

Даже замечательные лингвисты не гарантированы от подобных ляпсусов. В журнале «Новый Сатирикон» (№ 10 за 1914 г.) приводится один из них:

В «Дне» профессор Бодуэн-де-Куртенз пишет: «Из человеческого тела могут выходить разные звуки и разные звукосочетания».

Вот наблюдение, которое могло бы быть и не опубликовано!

Подобных неточностей, вызывающих, вопреки воле автора, комический эффект, очень много, и они не раз служили предметом осмеяния. Мы имеем в виду, в частности, книгу А.Измайлова («Пятна на солнце»). Измайлов приводит неточности не только смысловые (вроде лермонтовского «Терек прыгает, как львица с косматой гривой на хребте», вроде «орлиных стай» А.К.Толстого), но и чисто языковые. Один пример:

«У Надсона в «Мечтах королевы» <...> в душевной нише она стоит королева и мечтает о юноше. «О, ты знаешь, с каким бы блаженством всех их я тебе одному предпочла» <...>. Королева зарпоровалась и говорит совсем не то, что хотела бы сказать <...>. Не всех их – тебе одному, а уж, конечно, тебя одного всем им, – иначе и мечтать не о чем».

(А.Измайлов, «Пятна на солнце», V)

Разумеется, к неточностям, приводимым Измайловым, можно добавить немало иных. Укажем лишь некоторые.

(1) *Порфирий положил щенка на пол, который, растянувшись на все четыре лапы, нюхал землю.*

(Н.Гоголь, «Мертвые души», т. 1, IV)

(2) Карамзина «рассмешил один стих» в оде Державина «На кончину благодетителя»:

*Как огонь лампы ароматный,
Погас, распространил приятный
Вкруг запах ты...*

(по: Рус. лит. XX в.: 372)

(3) *Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шею ноги
Маячить больше невмочь.*

(С.Есенин, «Черный человек»)

[Вместо: *на шею ноги?*]

(4) Точно так Н.Гумилев наверняка не сознавал, какой комический заряд содержится в строках его стихотворения «Мой час»:

*А где-то пляшет океан,
Над ним белесый встал туман,
Как дым из трубки моряка,
Чей труп чуть виден из песка.*

Еще один случай – неточность в рассказе А.Чехова «На кладбище»:

... увы – случай стерг его... Бедняга пал жертвою своей наблюдательности. Однажды, подслушивая, получил такой удар двери в голову, что схватил сотрясение мозга (у него был мозг) и умер.

Нейтральное употребление – стал жертвою любопытства. Если же Чехов добивался комического эффекта, то, вероятно, лучше было сказать: стал жертвою любознательности.

Чаще всего к неожиданной двусмысленности приводит употребление многозначных единиц – омонимов, а также многозначных слов и словосочетаний. Для каламбуриста подобные случаи возникновения двусмысленности – хлеб насущный, однако в «серьезном» речевом общении каламбуры далеко не всегда желательны, иногда они – неожиданные и нежеланные гости, за которых говорящие даже извиняться вынуждены («Простите за невольный каламбур!», «Извините за дурной каламбур!»).

Непримиримым борцом с неосознанными каламбурами был А.Крученых [1923; 1924]. Он отмечал, что удачный каламбур «усиливает и обогащает звучание стиха», но в речи встречается громадное количество неосознанных каламбуров, сдвигов, которые способны, особенно при чтении вслух, «превратить в фарс любую оду», напр.: «И шаг твой землю тяготил» (ишак, у Брюсова). Отсюда призыв – «учредить особую «сдвиговую милицию» для современной ловли сдвигов у зазевавшихся авторов» [А.Крученых 1923: 35]. В число «зевак» попадает у Крученых Пушкин! «Разобрав только $1/2$ Пушкина», А.Крученых нашел у него 7000 «незаконнорожденных» – неосознанных каламбурных и сдвиговых строк, как, например, следующие:

Проклятье, меч и крест и кнут (На Фотия) [«Бедные меч и крест – они икают!» – замечает Крученых].

Со сна садится в ванну со льдом (Евгений Онегин)
[«Сосна садится сольдом»].

Он с трепетом к княгине входит (Евгений Онегин)
[входит стрепетом (птица)]*.

Крученых дает этих «незаконнорожденных», как он их называет, в систематизированном виде:

Иканье и за-ик-анье Евгения Онегина (*И к шутке, с желчью попалам...; И кучера вокруг огней*);

Ужи и львы из Евгения Онегина (*Все те же ль вы?; Сердечный друг, уж я стара...*);

икра à la Онегин (*Партер и кресла, всё кипит...*);

носатые стихи: *Но с рассудком вновь заспорит...* (Евгений Онегин); *Но с бочкой странствуя пустою...* (Послание Лиде) [у Лиды нос бочкой, да еще пустою!..]; *Но с пламенной, плекительной, живой...* (Голицыной) [у Голицыной пламенный нос].

2. Совершенно очевидно, что А.Крученых излишне придирчив при «перетряхивании пушкинской тоги»: во многих из приводимых им примеров двусмысленность в стихах не возникает, даже при чтении вслух. Однако его предостережение против неосознанных каламбуров все-таки вполне своевременно. Вяч. Иванов писал по этому поводу: «Крученых нашел у Пушкина «сдвиг», т.е. амфиболию: *Со сна садится в ванну со льдом*. Думаю, что если бы он указал на этот «сдвиг» Пушкину, последний или расхохотался бы, либо подосадовал <...>. Пушкин, думается, этого сдвига отнюдь не желал».

Не менее щепетильными, чем Крученых, оказываются в отношении к невольным каламбурам и некоторые другие авторы. В романе «Дар» В.Набокова поэт, Федор Константинович, забраковал мелькнувшую в го-

* Этот каламбур неоднократно обыгрывал еще раньше А.Чехов, напр.: *Благосклонные читатели и благочестивые слушатели! Стрепетом продавая, соблюдая хронологический порядок* (письмо Чеховым, 7 апр. 1887).

лове строчку, «лирическую возможность»: *Благодарю тебя, Россия, за чистый и крылатый дар* – из-за словосочетания *чистый и крылатый*, вызывающего, по мнению поэта, ненужные ассоциации («Икры. Латы. Откуда этот римлянин?»).

Итак, языковая шутка – это обычно языковая неправомерность (или неточность), намеренно допущенная говорящим и именно так и понимаемая слушающим.

Неуместные шутки. Правила речевого такта

Следует отметить, однако, что даже намеренно употребленные шутки не всегда уместны и желательны. Особую область культуры речи должны составить правила речевого такта. Необходимость этих правил отчетливо осознается говорящими и афористически выражается в принципе: «В доме повешенного не говорят о веревке».

Вряд ли тактично было бы предлагать кривым *побеседовать между собой с глазу на глаз*, а хромого упрекать за то, что в каком-то вопросе он *хромает*.

Герцен писал по этому поводу: «Всего гения Гейне чуть хватило, чтоб покрыть две-три отвратительные шутки над умершим Берне, над Платеном и над одной живой дамой. На время публика шарахнулась от него, и он помирился с нею только своим необычайным талантом» («Война»).

Чаще всего неуместность шутки связана с характером самой ситуации, ее драматизмом или трагизмом. Напомню известный случай. Петербуржцы, обычно восхищавшиеся остроумием актера П.А.Каратыгина, осудили его, когда он на похоронах брата, В.А.Каратыгина, усиливаясь протиснуться к гробу покойного, не утерпел и сказал каламбур: *Дайте мне, господа, добраться до братца!*

Ср. также реплики типа «Этим не шутят!» и анекдоты о неуместных шутках, например, известный анекдот о неудачливом молодожене. (Напомню. Похоронив жену, молодожене женился на ее сестре, которую постигла вскоре та же участь. Он женился на третьей, младшей сестре, а через несколько дней явился к родителям своих жен и сказал: «Вы мне не поверите, вы смеяться будете, но и эта умерла!»)

В наши дни неуместным, почти кощунственным каламбуром выглядела, например, неловкая фраза в ТВ-программе «Время»: «Землетрясение в Армении потрясло всех советских людей» (20 дек. 1988 г.).

Функции языковой шутки

1. Обычно говорят о разрушающей силе смеха, о дискредитации описываемого как неперменной принадлежности шутки, отличающей ее от языковой игры (которая может иногда даже возвеличивать свой объект). «Без сомнения, смех – одно из самых мощных орудий разрушения; смех Вольтера бил и жег, как молния» (А.Герцен, *Very dangerous!!!* по карт. БАС). И все-таки правильнее говорить не о дискредитации, а о снижении, поскольку понятие шутки, бесспорно, включает и случаи дружеского подтрунивания, любовного подшучивания.

2. Там, где дискредитация конкретного описываемого лица или объекта не является основной задачей шутки, на первый план выступают другие функции языковой шутки и языковой игры. Об одной из основных функций языковой игры хорошо сказал Н.И.Хмельницкий в «Невском альманахе» за 1846 г. (цитирую по статье В.В.Виноградова «Натуралистический гротеск»): «...напав на какое-нибудь слово, играю им, как мячиком... Поверьте, если бы мы почаще игра-

ли таким мячиком, то скорей бы приучились владеть языком, который не довольно еще гибок для языка разговорного».

3. Мне кажется, следует выделить еще одну чрезвычайно важную функцию языковой игры – *языко-творческую*. В этой связи представляет интерес следующее недоуменное высказывание З.Фрейда: «Какую экономию выгадывает остроумие благодаря своей технике? Произнесение нескольких новых слов, которые можно было, в большинстве случаев, найти без труда. Вместо этого острота из кожи лезет вон, чтобы найти одно слово, сразу покрывающее смысл обеих мыслей. <...> Не проще ли, легче и, собственно, экономнее было бы выразить обе мысли так, как это именно нужно? <...> Не будет ли больше чем уничтожена экономия, добытая выраженными словами, излишней тратой интеллектуальной энергии?» [Фрейд 1925: 58-59]. Фрейд не учитывает, мне кажется, одно важное обстоятельство: добавочные интеллектуальные затраты не пропадают бесследно: найденное в акте индивидуального творчества нередко закрепляется в языке как новый, более яркий (и экономный!) способ выражения мысли. Языковая игра – один из путей обогащения языка. Имеется много явлений, которые можно квалифицировать как языковую игру, переставшую быть игрой. Ср. «формульные выражения» – сравнения (*злой как сабака*), метафоры (*свежий ветер, железная воля*), генитивные конструкции (*реки крови*), сочинительные конструкции (*золото, а не человек*) и т.д., которые стали уже общеязыковыми. Долго не осознавалось (и не полностью осознается до сих пор), что языковая игра, может быть бессознательно, преследует не только сиюминутные интересы (развлечь, заинтриговать, заставить слушать), – она призвана выполнять и другую цель: развивать мышление и язык. Полностью освоено мы-

шлением то, что освоено языком. Мысль, для которой язык нашел краткое и четкое выражение, становится достоянием народа и народного мышления, и это мышление может подниматься на следующую, более высокую ступень. Язык закрепляет достижения мышления.

4. Среди других функций языковой игры указывают обычно стремление развлечь себя и собеседника, а также стремление к самоутверждению – триумф из-за исправности собственного интеллекта или же «обнаружение у других отрицательной черты, от которой сам наблюдатель свободен, что пробуждает в нем фарисейское довольство собой» [Buttler 1968: 12].

Самоутверждение путем осмеивания окружающего становится оправданной необходимостью в некоторых особых условиях общественной жизни, например, в условиях советского тоталитаризма, когда мы остро чувствовали, что «все в бедной отчизне преступно иль глупо», и ничего не могли изменить, когда смех оставался единственным общедоступным способом борьбы с окружающим злом. Не случайно анекдот, занимающий весьма скромное место в нашей современной бурной общественной жизни, был любимым, чуть ли не единственным способом «отвести душу» в предшествующий семидесятилетний период нашей истории. «Юмор – это убежище, в которое прячутся умные люди от мрачности и грязи», – писал А.Вампилов в записных книжках (цитирую по карт. БАС). «Новая острота обладает таким же действием, как событие, к которому проявляют величайший интерес; она передается от одного к другому как только что полученное известие о победе» [Фрейд 1925: 18-19]. Не правда ли, эти слова сказаны как будто о нас, о нашей недавней жизни?

Существует еще одна важная функция языковой игры, которую мы назвали бы *маскировочной*. Остановимся на ней несколько подробнее.

Маскировочная функция языковой шутки

Эта функция языковой шутки имеет прагматическую основу – касается не содержания описываемого, а отношений между говорящим и адресатом (адресатами), принятых ими соглашений: языковая шутка позволяет обойти «цензуру культуры». Бернард Шоу писал: «... для правды есть отдушина: то, о чем запрещается говорить всерьез, можно сказать в шутку» (Ларец острословов). Шутка позволяет «замаскировать» сообщение и, благодаря этому, выразить те смыслы, которые (по разным причинам) находятся под запретом. Можно указать на пять разновидностей подобных смыслов.

1. З.Фрейд [1925] считал юмор проявлением инстинктов – полового и агрессивного. Это такое же средство привлечь самку, как красивый павлиний хвост или яркий петушиный гребень. Одна из важных функций языковой шутки заключается также в удовлетворении склонности к обценному, обычно подавляемых. Сальный разговор, «чрезвычайно излюбленный простым народом», в образованном обществе вытесняется, отвергается цензурой культуры. «Смеяться по поводу грубой сальности... нам было бы стыдно, или она показалась бы нам отвратительной», – пишет Фрейд [1925: 136]. Но для психики человека отречение от «первичных наслаждений» очень тяжело. Острота позволяет упразднить отречение, вернуть потерянное. Теперь, когда остроумие пришло нам на помощь, мы вновь можем смеяться над неприличным. Говоря-

ший «прячется» за язык («А я что? Это язык так устроен!»). Именно с этим связан факт (иногда подвергающийся обыгрыванию): в непонятные слова и словосочетания слушающие склонны вкладывать бранный или неприличный смысл. Ср.:

(1) – *А кто же у вас тут климатологией занимается?*

– *Надо быть, Игнашка Кривой к этому делу причинен.*

Не то он конокрад, не то это самое.

(А.Аверченко, «Люди, близкие к населению»)

(2) – *Вчера вечером он мне сказал, что я выгляжу такой эфирной при лунном свете.*

– *А что это значит?*

– *Не знаю, но на всякий случай я ему съездила по физиономии.*

(3) – *Товарищ лейтенант, в отпуску я с девушкой познакомился.*

– *Ну и как? Вам удалось ее заинтриговать?*

– *Да, товарищ лейтенант, пять раз.*

(4) *Репортер – передовику производства:*

– *А какое у вас хобби?*

– *Ну, сантиметров 15...*

Сходным образом из множества возможных пониманий переделанной пословицы – *Машу каслом не испортишь* – безошибочно выбирается неприличное. Да и само слово *двусмысленность* обозначает не сочетание любых двух смыслов, а сочетание двух смыслов, один из которых считается неприличным.

Кроме отмечаемой З.Фрейдом маскировки неприличного, можно указать еще ряд проявлений реабилитации языковой шуткой запретных смыслов.

2. «Маскировочная» функция языковой шутки ярко проявляется в афористике. Как и сальность, она переживает кризис. Так называемые «общезначимые выражения» – сентенции, максимы – становятся после XVIII в. немодными и нередко вызывают раздра-

жение и насмешку. Вспомним, как едко издевался Брюсов над Леонидом Андреевым за содержащиеся в его произведениях, в частности в «Жизни человека», истины типа: «Молодость и любовь утешают и в бедности», «В удаче все льстят, при неуспехе отвертываются» (В.Брюсов, Л.Андреев. «Жизнь человека» в Художественном театре).

И.Губерман пишет на эту же тему:

*Люди воздух мыслями копят
многие столетья год за годом,
я живу в пространстве из цитат
и дышу цитатным кислородом.*

Суждение совершенно справедливое, но любопытно, что Губерман сам охотно «копит воздух» мыслями типа:

*Редко нам дано понять успеть,
в чем таится Божья благодать,
ибо для души важней хотеть,
нежели иметь и обладать.*

Или:

*Кто понял жизни смысл и толк,
Давно замкнулся и умолк.*

Современные авторы очевидным образом начинают стыдиться дидактического, назидательного тона. Но склонность-то к морализированию, видимо, сохраняется! И тут опять, как и в случае сальности, говорящие прячутся за язык, за языковую игру. Есть доля истины в шутливом высказывании Ф.Кривина: «...о серьезном говорить всерьез – все равно что заедать кирпич черепицей... Тут уж приходится выбирать: либо о серьезном несерьезно, либо о несерьезном серьезно» [Вл.Новиков 1989: 248].

В наше время сентенции типа: *Не посягай на чужое добро*, или: *В отношениях с людьми избегай трений*, или: *Ничтожества, когда их много, представляют грозную силу*, – выглядели бы старомодно-занудными. Однако те же сентенции в «каламбурной упаковке» – вполне уместны:

(5) *Уголовников тоже влечет к добру, но, к сожалению, к чужому* (Н.Глазков).

(6) *Что ты скажешь на это, физика? В отношениях между людьми трения ведут к охлаждению*.

(7) *Не согласен с математикой. Считаю, что сумма нулей дает грозную цифру*.

Два последних примера взяты из сборника сентенций Станислава Леца под характерным названием «Непричесанные мысли». Не точнее ли было бы название «Мысли с модной прической»?

3. Шутка позволяет, далее, высказывать тривиальное, то, что «навазло в зубах», но «накипело в душе» и требует выхода, например, мысль о том, что в нашей стране люди живут хуже, чем в «нормальных» странах; ср. известный анекдот «застойных» годов:

Иностранец спрашивает: – Что это за очередь?

– Масло дают.

– О! А у нас только продают. А это за чем очередь?

– Ботинки выбросили.

– Какие, эти? Да, у нас такие тоже выбрасывают.

Точно так же предельно сжатая каламбурная форма оправдывает возвращение Г.Лихтенберга к старым как мир мыслям о женском непостоянстве и об усыпительном действии проповедей:

Двухспальная женщина – односпальный церковный стул [Фрейд 1925].

4. Шутка позволяет высказывать странные, а то и абсурдные мысли. Ср.:

(8) *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот* (Козьма Прутков).

(9) *Заря подобна прилежному ученику: она каждое утро занимается* (Журн. «Сатирикон»).

(10) *«Эк тебя разнесло-то!..» – укорял Сидор Марфу, в которую угодил артиллерийский снаряд* (А.Кнышев).

Необходимо, однако, подчеркнуть, что для выражения подобных (странных или абсурдных) смыслов необходима «санкция языка» – сходство обыгрываемых слов. И стóит заменить в приведенных примерах выделенные слова другими, пусть близкими по смыслу (соответственно: *чистить зубы, горит, разорвало*), как получается полная бессмыслица, не заслуживающая внимания собеседника или читателя. Ср.: *Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее чистить зубы*.

Следует отметить, что возможны абсурдные высказывания, не санкционированные языком, представляющие собой простое нагромождение нелепостей. Здесь особенно отчетливо проявляется сущность абсурдистской остроты. Абсурдистская острота, по З.Фрейду, – «своеобразный бунт против тирании рассудка» [Дземидок 1974: 42].

Вот несколько ярких примеров этого «бунта» – из русского и английского фольклора:

(11) *Когда у кого заболит сердце и отягощает утроба, и тому пристойные статьи: Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкого вещного топу 13 золотников, светлого теложного скрипу 16 золотников, а принимать то всё по 3 дни не етчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть три дни на морозе нагаму, покрывшись от солнечного жаркого луча неводными мережными крылами в однорядь* (Лечебник XVIII в.).

(12) *Зашел в избу. Вижу: тесто бабу месит. Я усмехнулся, а тесту не понравилось.*

(13) *Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.*

(14) *В прошлое воскресенье рано утром, часов примерно в шесть вечера, я плыл на всех парусах через горы, когда повстречался вдруг с двумя всадниками в кафете, сидевшими верхом на одном муле, и спросил их, не знают ли они, на какой час назначена свадьба Билла Хэннефорда, которого отпели вчера в нашей церкви («Бабушкин дедушка»).*

5. Языковая шутка позволяет обойти цензуру культуры и еще в одном важном пункте: она позволяет говорящему нарушать важный принцип речевого общения – принцип вежливости, маскирует и сглаживает невежливость. Особенно отчетливо это проявляется в иронии. Ироническое высказывание *Да, ты – герой!* неприятно для слушающего, но все-таки не в такой степени, как «прямое» высказывание (имеющее, в сущности, близкое значение) *Ты – трус!*

Еще пример – частушка из к/ф «Свинарка и пастух»:

*Очень, девки, не гордитесь,
Три копейки вам цена!
...Только, девки, не сердитесь:
Это я протел шутя!*

Этот вид комического становится сейчас главенствующим, потеснив даже каламбур. Многие исследователи, например, Д.Мюкке, отмечают, что ирония – это уже не только и даже не столько стилистический прием, сколько «способ мировосприятия», «состояние духа», «способ мышления, незаметно возникший как общая тенденция нашего времени». Стоит потому остановиться на ней подробнее.

Несколько слов об иронии

Самое простое и традиционное понимание иронии сводит ее к антифразису, употреблению слов в отрица-

тельном смысле, прямо противоположном буквальному, типа: *Эй ты, неутомимый труженик, иди-ка сюда!* (по отношению к лежебоке, отлынивающему от работы). По определению М.В.Ломоносова, «ирония есть, когда через то, что сказываем, противное разумеем» [Лук 1977].

Этот вид комического строится на нарушении постулата истинности. Суть иронии (а также и сарказма) заключается в том, что «кому-нибудь или чему-нибудь приписывается та черта, которая отсутствует, и тем самым ее отсутствие только подчеркивается» [Дземидок 1974: 80].

Этот прием широко использовался уже в Древней Руси, в частности у Ивана Грозного и протопопа Аввакума, ср.:

*...присланы к намъ гостиницы: повесили на Мезени в дому
могмъ двухъ человекъ, детей моихъ духовныхъ.*

(Житие протопопа Аввакума)

Одно из основных приемов создания иронии – переосмысление стереотипных словосочетаний, клише типа *народный умелец, праведный гнев, перлы мудрости, труженик села, неиссякаемый интерес* и т.д.:

[О русских воеводах] *Это были люди веселого и неуживчивого характера, с таким широким размахом и неиссякаемым интересом к чужому имуществу.*

(А.Бухов, «История взятки»)

Греков протянул руку. – Привет надежде русского вокала.

(М. Чулаки)

Интерпретируя последний из приведенных примеров, С.И.Походня справедливо отмечает: «Словосочетание *надежда русского вокала*, употребленное даже относительно талантливого певца, имеет явно ироничный оттенок <...>. То же самое произошло и со стереотипным словосочетанием *инженер человеческих душ*, которое ныне употребляется в русской речи, пожалуй, чаще иронически, чем как поэтическая метафора». Отметим, что словосочетание *инженер человеческих*

душ употребляется иронически не только «шпысь», но уже и в 20-х годах XX века, ср.:

[О поэте] ...*между нами говоря, этот инженер) человеческих душ, как нарочно, оказался на редкость несостоятельным и ограниченным субъектом.*

(М.Зоценко, «Бедная Лиза»)

Ирония, как правило, дискредитирует описываемое (ср. приведенные выше примеры). Однако возможно и обратное: описываемый объект возвеличивается, а дискредитации подвергаются его хулители. Это ирония с отрицательным знаком, то есть наложение положительного смысла на отрицательный. Сюда относится *самоирония*, высказывания-«прибеднения» типа: *Где уж нам, дуракам, чай пить; Вы – умы, а мы – увы.* Предпочтительнее, однако, говорить не о самоиронии, а об *антииронии*, поскольку объектом возвеличивания под маской хулы может выступать не обязательно сам автор. Так, в полемическом стихотворении Василия Курочкина возвеличивается Чернышевский и его роман:

Нет, положительно, роман

«Что делать?» нехорош!

Не знает автор ни цыган,

Ни дев, танцующих канкан,

Алис и Риголбош.

Жена героя – что за стыд! –

Живет своим трудом;

Не наряжается в кредит

И с белошейкой говорит –

Как с равным ей лицом.

Нет, положительно, роман

«Что делать?» нехорош!

Общее у иронии и антииронии одно: слова употребляются в смысле, прямо противоположном буквальному:

Со временем, однако, понимание иронии и ее техника существенно изменились и усложнились.

Итак, языковая игра – это и замечательный учитель словесности, и забавный собеседник, и великий утешитель-психотерапевт. В «шутливой упаковке» непристойность становится допустимой шалостью, старомодная назидательность – мудростью, грубость – подтруниванием, тривиальность – любопытным соображением и, наконец, откровенная чушь – загадочным глубокомыслием. Почему это возможно? Видимо, потому, что кроме прямого, буквального, шутка включает богатый дополнительный смысл, который отвлекает читателя и усыпляет его критику. «Мысль ищет остроумной оболочки, так как благодаря ей мысль обращает на себя наше внимание, может показаться нам более значительной, более ценной, но прежде всего потому, что эта оболочка подкупает и запутывает нашу критику» [Фрейд 1925: 178]. Один пример:

Верная Пенелопа ждала его [Одиссея], коротая время со своими женихами. <...> Днем Пенелопа ткала, ночью порола сотканное, а заодно и сына своего Телемака.

(Н.Тэффи, «Древняя история»)

Любопытно, что снижение требовательности касается не только смысла приведенного высказывания, довольно странного, но и его грамматической правильности. Ведь, вообще говоря, *сотканное не порлот, а распускают*, и мы это отметили бы, не будь концовки *...а заодно и сына своего Телемака*, которая развлекает и отвлекает нас.

Языковая игра – это лингвистический эксперимент

Отметим и еще одну важную особенность языковой игры, особенно ценную для специалистов-лингвистов.

Языковая шутка – это игра с языком, которая позволяет четко определить языковую норму и отметить многие особенности русского языка, которые могли бы остаться незамеченными. Это, иными словами, лингвистический эксперимент. Парадоксальный факт – лингвистический эксперимент гораздо шире, чем лингвисты, применяют (уже многие столетия, если не тысячелетия) сами говорящие, – когда они играют с формой речи.

В качестве примера можно привести серию экспериментов О.Мандельштама с местоимением *такой*, указывающим на высокую степень качества (напр., *он такой сильный*). Вот строки из юношеского стихотворения 1909 г.:

*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим.*

Здесь несколько необычно сочетание местоимения *такой* с прилагательным *единый* и особенно с местоимением *мой*. Сочетание *таким моим* представляется допустимым, поскольку по смыслу оно близко к «вполне нормальным» сочетаниям типа *таким родным*. Однако Мандельштам сам отчетливо ощущал необычность этого сочетания и неоднократно использовал его в юмористических стихах, в своего рода автопародиях:

*Мне дан желудок, что мне делать с ним,
Таким голодным и таким моим?*

(1917 г.)

[Комический эффект создается за счет сужения и снижения самой темы, сведения ее к проблемам желудка.]

Или:

*Не учывай,
Садись в трамвай,*

*Такой пустой,
Такой восьмой...*

(ок. 1915 г.)

Комический эффект вызван сочетанием местоимения *такой* с числительным *восьмой*, которое трудно осмыслить как качественное прилагательное. Словосочетание *такой восьмой* аномально, но не бессмысленно: в результате игры возникает новый смысл. Дело в том, что в отличие от первых, «престижных», выделенных числительных (ср. *первая красавица, первый парень на деревне, первым делом*) числительное *восьмой* – невыделенное, «заурядное», и тем самым сочетание *такой восьмой* приобретает смысл ‘такой обычный, заурядный’.

Но тут уже, собственно говоря, начинается новая серия лингвистических экспериментов О.Мандельштама – эксперименты с числительными, с делением их на «престижные» и «непрестижные». Вот его шутка, использующая образ «путника», наивного и незнакомого с новейшими достижениями науки, такими как электричество (упоминаемый им Шилейко – известный асиролог, муж Анны Ахматовой, на время поселившийся в чужой роскошной квартире):

*Путник, откуда идешь? Я был в гостях у Шилейки.
Дивно живет человек, смотришь – не веришь очам.
В бархатном кресле сидит, за обедом кушает гуся.
Кнопки коснется рукой – сам зажигается свет.
Если такие живут на Четвертой Рождественской люди,
Путник, молю, расскажи, кто же живет на Второй?*

Стихи содержат шутовское представление, что на Второй Рождественской должны жить еще роскошнее, чем на Четвертой (подобно тому, как второе место в состязаниях почетнее четвертого).

Шутка предметная *vs. шутка языковая*

1. Не всякая шутка, словесно выраженная, является языковой. Вслед за Липпсом и другими исследователями мы выделяем среди словесных шуток предметные шутки и языковые шутки. Исследователи пытались выработать критерии для разделения этих двух типов. Д.Баттлер [Buttler 1968], исследующая польскую языковую шутку, указывает, что в языковой шутке языковая форма ненарушима, не допускает синонимических замен, не поддается передаче элементами чужого языка. Существенное различие между этими видами шуток проиллюстрируем двумя примерами.

Вот классический образец предметной шутки, приводимый разными авторами (Й.Фолькельт – на немецком языке, Д. Баттлер – на польском). Мы переводим ее на русский. Профессор, видя, как жена замахивается на него книгой, кричит: «Ради Бога, Гертруда, не этой! Эта из университетской библиотеки!». В этой шутке важен комизм ситуации; характеров, поэтому она может быть изложена другими словами («эта книга принадлежит университетской библиотеке», «эту книгу я взял в библиотеке» и т.п.) и легко переводима с одного языка на другой, – так же, как слова о гоголевском заседателе, от которого всегда пахнет водкой: «Он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою».

2. А вот пример чисто языковой шутки.

Первомайские лозунги:

для транспортников: Дадим каждому пассажиру по мягкому месту!

для связистов: За связь без брака!

Эта шутка имеет чисто языковой механизм, испол-

зует многозначность конкретных русских слов и словосочетаний:

мягкое место – 1) место на транспорте, оборудованное мягкой мебелью, 2) часть тела;

связь – 1) средство для передачи информации, 2) близость (в частности половая);

брак – 1) недоброкачественность, 2) супружество.

Естественно, что эта шутка, в отличие от шутки о профессоре, не переводима на другие языки и не допускает замены слов, составляющих костяк шутки, на другие, пусть близкие по значению русские слова. В этом легко убедиться, производя соответствующие замены: *Дадим каждому пассажиру по удобному месту!; За связь без повреждений!* Комический эффект полностью утрачен*.

В.Пропп утверждал, что «язык комичен не сам по себе, а потому, что он отражает некоторые черты духовной жизни говорящего, несовершенство его мышления» [Пропп 1997: 149]. С этим замечанием нельзя согласиться: языковая шутка – это шутка и над языком (а иногда – исключительно над языком).

3. Подчеркиваем, что мы будем говорить только о языковых (но не о предметных) шутках. Впрочем, отграничение чисто языковых шуток от предметных не так определенно, как нам этого хотелось бы, поскольку не слишком надежны сами критерии этого отграничения, в том числе и основной из них – непереводаемость на другие языки. Вот один показательный пример. Интересная работа Е.В.Падуче

* Метод эксперимента для «разрушения» каламбура успешно применял А.А.Щербина, подставляя созвучные слова или синонимы и убеждаясь, что «малейшее нарушение его (каламбура. – В.С.) семантико-звуковой структуры неизбежно уничтожает каламбур, а иногда даже и обесмысливает такой «разрушенный» контекст» [Щербина 1958: 65-66].

вой [19826] исследует обыгрывание норм ведения диалога в сказках Льюиса Кэрролла. При этом оказалось возможным анализировать русский перевод сказок, сделанный Н.М. Демуровой, поскольку оказались переводимыми с английского на русский многие случаи языковой игры, даже некоторые каламбуры. Что касается близкородственных языков, то здесь возможности «обмениваться шутками» еще шире. Так, мы убедились, что многие случаи языковой игры, приводимые в уже упомянутой нами обстоятельной работе Д. Баттлер [Buttler 1968], сохраняют комический эффект при переводе с польского языка на русский (даже шутки, использующие арсенал низших уровней языка – морфологию, словообразование). Несколько примеров: *безпортковец, недотрун, журналгалист, Министерство халтуры* [вместо культуры]; *Хорошая парочка – он кретиниват, она мегеровата; У меня есть слепой брат, но мы редко видимся.*

Интересно также отметить, что даже так называемая непереводаемая игра слов может быть передана средствами другого языка (с метаязыковыми пояснениями), и комический эффект при этом частично сохраняется. Один пример подобного переложения – из сборника «Физики продолжают шутить»: Томсон (лорд Кельвин) однажды вынужден был отменить свою лекцию и написал на доске: «Professor Tomson will not meet his *classes* today» (Профессор Томсон не сможет встретиться сегодня со своими учениками). Студенты решили подшутить над профессором и стерли букву «с» в слове *classes*. На следующий день, увидев надпись, Томсон не растерялся, а, стерев еще одну букву в том же слове, ушел (*Classes* – классы, *lasses* – любовницы, *asses* – ослы).

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО

Иногда считают, что *языковая шутка, языковая игра* – это игра слов. Действительно, обыгрывание лексики, игра на многозначности или омонимии – основной, самый распространенный вид языковой шутки – *каламбур*. О нем мы говорим в конце раздела, а сейчас приведем другие примеры языковой игры, и вы убедитесь, что для языковой игры, языковой шутки используются (пусть не в равной степени) ресурсы всех языковых уровней.

Языковая игра и фонетика, графика, орфография

Известный пародист Евгений Венский, пародируя Андрея Белого, использует фонетические средства – повторение одного звука:

*Тоца, как мощи ты.
Тоца, кашей те во щи!
Как теца, тощи мощи.
Ты тщетность красоты.*

Комическое впечатление производит шутивно-над-рывное обращение А. Чехова в письме к брату Александру: «Братт!». Любопытны также шутивные подписи, например, подпись одного из Полторацких, совмещающая буквы и цифры: $1/2$ цкий, или подпись переводчика Федора Федоровича Фидлера – Ф.Ф.Ф. либо Ф³ (эф в кубе).

Иногда для создания комического эффекта используется графическое оформление целого текста, например, так называемые фигурные стихи – стихотворные тексты, графически оформленные так, что из расположения строк складываются очертания какого-либо предмета: ромба, вазы и т.п. Пародируя фигурные стихи, Е.Венский приводит шутливую загадку, разгадка которой передается самой графической формой стиха, имеющего очертания соответствующего предмета:

Этой шуткой, греша и звеша, бьет частенько супруга
МЕНЯ

Языковая игра и морфология

Иногда языковые шутки обыгрывают (и, тем самым, подчеркивают) «неприкосновенность» слова (вернее – словоформы). Только в шутку его можно рас-сечь на части:

Напишите мне нечто о Карамзине, ой, вы.

(А.Пушкин)

[Из анекдотов о рассеянном профессоре Каблукове]:
Выходя из аудитории, профессор говорит: «Следующая лекция состоится во вторник», а потом кричит в дверь: «ник!»

Рассечение на части слова *трезволения* остроумно обыгрывается Н.С.Лесковым в рассказе «Полунощники»: *Николай Иванович к народу был проще, но зато страсть какой предприимчивый: постоянно он в трех волнениях, и все спешит везде постановов вопросу делать.*

Удачно также использует этот прием Борис Пильняк в романе «Голый год». В Москве, в годы Граждан-

ской войны человек, читая по складам вывеску магазина: «Коммутаторы, аккумуляторы», понимает ее в духе р-революционной непримиримости («Кому – таторы, а кому – литоры») и возмущается неравноправием: «Вишь, и тут оманывают простой народ!»

Сравнительно редко обыгрывается отсутствие того или иного члена парадигмы. На затруднительности образования формы родит. падежа мн. числа слова *кочерга* (*кочерг?* *кочерег?* *кочерёг?*) М.Зощенко построил, как известно, целый рассказ (напомним, что авторитетные справочные пособия А.А.Зализняка, Н.А.Еськовой и др. однозначно рекомендуют здесь форму *кочерёг*, указывая, впрочем, на ее затруднительность).

Нередко обыгрывается невежественное осмысление иностранных имен собственных на -а, -я как обозначающих лиц женского пола:

Подумаешь, Спиноза нашлась!

Сенечка. ...*Мария Сергеевна, я вас любил без нахальства, вежливо, как Данте свою Петфарку.*

(В.Шкваркин)

Комический эффект производит образование сравнительной или превосходной степени от слов, ее не имеющих.

[Разговор детей]: – *Мне сам папа сказал...*

– *Мне сама мама сказала...*

– *Но ведь папа самее мамы... Папа гораздо самее.*

(К.Чуковский, «От двух до пяти»)

Обыгрывание категории лица глагола заключается в употреблении одного лица вместо другого. Этот прием любил использовать А.Чехов. Вот примеры из его писем к жене, О.Л.Книппер-Чеховой, где он шуточно говорит о себе в третьем лице: ...*крепко целую тебя... Не забывай своего мужа. Он ведь сердитый, дерется; Не забывай своего мужа, вспоминай о нем хоть раз в сутки. Обнимаю тебя, мою пьяницу. Твой муж в протертых бровках, но не пьющий.*

Еще пример – обыгрывание категории совершенного вида глаголов на *по*, указывающих обычно на непродолжительность действия:

Почему ты всё дуешь в трубу, молодой человек?

Полезал бы ты лучше в гробу, молодой человек.

(О.Мандельштам)

В кровать можно лечь и полежать в ней, в гроб можно только лечь.

Языковая игра и словообразование

Говорящие обыгрывают, в частности, ограничения на образование притяжательных прилагательных. Ср.:

Глаза у него [Керенского] бонапартьи и цвета защитного френч.

(В.Маяковский)

Другое широко распространенное явление – необычное использование увеличительных и уменьшительных суффиксов. Очень любил этот прием М.Е.Салтыков-Щедрин для дискредитации своих героев. Ср.: *Но вот он делается чиновником... Не достойный ли, не презренный ли он сосуд... извините, сосудик!.. с каким трепетом берет он в руку бумажку, очинивает ножичком перышко, как работает его миниатюрное воображеньице, как трудится его крохотная мысль, придумывая <...> каждое выраженьице замысловатого отношеньица.* Вот еще несколько примеров из произведений Салтыкова-Щедрина: *Проектыцы; поэтыцы и поэтики; шалуниенок; шалунище; болтунище.*

Необычно употребление русских словообразовательных приставок и суффиксов в иностранных собственных именах, географических названиях. Вот шутка – мрачное политическое пророчество на 2000-й год. Крупный заголовок в газете «Нью-Йорк таймс»: *Колхозники Техасцины, Мичиганцины и Примиссисипья первыи полнили план по весеннему севу.*

Языковая игра и синтаксис

Некоторые синтаксические конструкции допускают двойное понимание, и это позволяет использовать их в языковой игре:

– «Ты что это там, Машечка, так громко читаешь!?» – «Историю, мама». – «Так читай про себя». – «Да в Истории, мамочка, про меня ничего не написано».

(Журн. «Сатирикон»)

Какой-то господин, участник похоронной процессии, обратился к соседу: «Вы не скажете, кто покойник?» – «Точно не знаю. Думаю, что как раз тот, что едет в передней карете».

(Жюль Ренар, по: «Ларец острословов»)

Деепричастный оборот может указывать на простую одновременность не связанных между собой событий, но может также содержать обоснование того, что описывается в первой части предложения, ср.:

[Семейная сцена]: «Я была душой, выходя за тебя замуж!» – «Да, но я был тогда так увлечен тобой, что этого не заметил».

В ряде случаев шутка строится на намеренном нарушении принципов сочетаемости слов:

Уехал поездом, вернулся ослом.

Сегодня вечерней лошастью я возвращаюсь в мою милую Одессу.

(К/ф «Неуловимые мстители»)

Мальчик спрашивает: *А где мама от этой девочки?* (по типу: *А где ключик от этой игрушки?*)

Вводные слова и словосочетания типа *видишь ли, понимаешь* и т.п., казалось бы, уместны при любом обращении на ты. Есть, однако, такие специфические условия, когда их использование приводит к комическому эффекту, например, на похоронах:

– *Спи спокойно, дорогой товарищ! Память о тебе, видишь ли, надолго сохранится в наших сердцах. Понял, нет?*

Некоторые синтаксические конструкции предполагают множественное число входящего в них существительного, которое лишь в шутку может быть заменено на единственное:

При Александре I в официальных придворных объявлениях приглашались на приемы люди таких-то званий, а также знатные особы обоего пола. Жуковский не имел определенного звания по службе при дворе. Он шутил, что в торжественно-праздничные дни и дни придворных выходов он был знатною особою обоего пола.

(«Рус. лит. анекдот»)

Глаголы, обозначающие физические действия конкретных существ (*Коля бежит <идет, гуляет>*), неохотно сочетаются с обозначениями географических единиц, и чем крупнее единица, тем сильнее ощущается необычность:

*Но папочка и мамочка уснули вечером,
А Танечка и Ванечка – в Африку бегом <...>
Вдаль по Африке гуляют,
Фиги-финики срывают.*

(К. Чуковский, «Бармалей»)

Уже в XIX веке были широко распространены иронические сравнения, ср.:

*Он у нас осьмое чудо –
У него завидный нрав.
Неподкупен – как Иуда,
Храбр и честен – как Фальстаф.*

(Н. Некрасов, «На Ф.В. Булгафина»)

Для создания комического эффекта могут использоваться и многие другие синтаксические средства, в частности, порядок слов, ср.:

Издателю журнала с эпиграфом «С нами Бог»

В чем разноречит он с читателем своим?

Он пишет: «С нами Бог!», тот говорит: «Бог с ним».

(А. Иллчевский)

Языковая игра и стилистика

Комическое впечатление производит использование слов «высокого стиля» или специальной терминологии – спортивной, военной, научно-технической и т.п. – при описании обычных бытовых ситуаций:

Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закончена.

(М.Зощенко, «Ночное происшествие»)

На свадьбе спортсмена женщина обращается к молодому человеку:

– Простите, это Вы жених?

– Нет, я выбыл в четвертьфинале.

*Эй, славяне, что с Кубани,
С Дона, с Волги, с Иртыша,
Занимай высоты в бане,
Закрепляйся не спеша!*

(А.Твардовский, «Василий Теркин»)

[Признание в любви студента-математика]:

*Наташа, родная, желанная!
Изранил меня треугольник страстей,
Заела любовь многогранная.*

(М.Исаковский, «Формула любви»)

– Я чту Уголовный кодекс. Я не налетчик, а идейный борец за денежные знаки.

(И.Ильф – Е.Петров, «Золотой теленок», XIV)

С богатой добычей вернулся в родное стойбище охотник Черттезнаев. Каково же было удивление 60-летнего охотника, когда оказалось, что мех двух убитых им лисиц – искусственный! Это уже не первый случай отстрела в Якутии лисиц с искусственным мехом.

(«Лит. газета», 13-я страница)

Нелепость содержания подчеркивает особенности газетного стиля, в частности, его склонность к штампам

и претензии на достоверность и точность информации.

Большой комический заряд содержится в так наз. макаронической речи, где смешиваются слова и формы из разных языков:

Ардальон Панкратьевич (нос свеклой, глаза – тусклые) вошел в палату и (кислым голосом):

– *Мать, поднеси чарочку.*

Ардальоновы девы всполохнулись, закивали туловищами, училили политес с конверзационом:

– *Пуркуа, фатер, спозаранку водку хлещете?*

(А. Флит, пародия на «Петра I» А. Толстого).

Комический эффект усилен смешением трех языков – русского (просторечного), немецкого и французского.

Многие авторы любят играть не отдельными словами или сочетаниями слов, а целыми текстами. Простое соединение двух текстов (вполне нейтральных или даже поэтически-возвышенных!) может привести к двусмысленности и производить комический эффект, как это происходит в рассказе Н.Тэффи, где совмещаются строчки из двух стихотворений Пушкина:

– *Пушкин... был вдохновен нянькой на свои лучшие произведения. Вспомните, как отзывался о ней Пушкин: «Голубка дряхлая моя... голубка дряхлая моя... сокровища мои на дне твоём таятся...» – Pardon, – вмешался молодой человек... – это как-будто к чернильнице...*

Цитирование широко известных текстов, зачастую неточное, обычно меняет их смысл на иронический:

Этот Жан – здоровеннейший мужчина, говорящий хриплым басом, пахнущий уксусом и вечно ищущий по свету, где оскорбленному есть чувству... фомка водки и рубль займа.

(А. Чехов, «Визитные карточки»)

Советское здравоохранение работало под девизом «Тяжело в лечении – легко в раю!» (обыгрывание суворовского девиза: «Тяжело в учении – легко в бою»).

Подобное же переосмысление происходит с пушкинскими строчками, которые использовали (и используют) с этой целью многие писатели. Ограничимся двумя примерами цитации Пушкинского стихотворения «Памятник»:

*И дикий тунгус, и сын степей калмык – все будут говорить:
майора Топтыгина послали супостата покорить, а он,
вместо того, Чижика съел!*

(М. Салтыков-Щедрин,
«Сказки. Медведь на воеводстве»).

– Слава? – перебил Кончев [автор сборника стихов «Сообщение»]. – Не смешите. Кто знает мои стихи? <...> В будущем, может быть, отыграюсь, но что-то уж очень много времени пройдет, пока тунгус и калмык начнут друг у друга вырывать мое «Сообщение», под завистливым оком финна.
(В. Набоков, «Дар»)

При иронической цитации обращение с первоисточником может быть достаточно вольным (это может даже обеспечить дополнительный комический эффект), ср. переключку (а по существу – полемику) А.Аверченко с гоголевской птицей-тройкой:

Эх ты, русский народ! Кто тебя выдумал, как говорит забывенный Гоголь...

Игра с исходным текстом, его высмеивание, зачастую доведение его до абсурда, особенно ярко проявляется в распространенном литературном жанре пародии.

Дж. Китчин видит в пародии «реакцию носителей расхожих представлений... В социальных вопросах – это защитник респектабельности, в литературе – установившихся форм» [Новиков 1989: 134].

Строки А.Ахматовой *Я на правую руку надела / Перчатку с левой руки* М.В.Панов в замечательном (к сожалению

нию, так и не опубликованном) курсе лекций по языку русской поэзии называл «камертоном», типичным образцом поэтики акмеизма. Но с какой жадностью, не брезгуя повторами, набросились на эти строки пародисты, привыкшие к абстрактной, «сверхвозвышенной» поэтике символистов! Вот лишь некоторые из пародий:

Только вздрогнула: – Милый! Милый!

О, господь мой, ты мне помоги!

И на правую руку стащила

Галошу с левой ноги.

(С.Малахов)

Стынут уста в немой улыбке.

Сон или явь? Христос помоги!

На ногу правую по ошибке,

Надела туфель с левой ноги.

(В.Зоргенфрей)

Но теперь, уступивши мужскому насилью,

Я скорблю глубоко!..

...Я на бледные ножки надела мантилью,

А на плечи – трико...

(Дон Аминадо)

Языковая игра и прагматика

Существуют общие закономерности общения, которыми должны руководствоваться все говорящие, на каком бы языке они ни говорили. Один из этих постулатов – постулат информативности («Сообщай что-то новое»). Пушкин, нарушая его, добивается комического эффекта в следующем (совершенно неинформативном) обращении к Павлу Вяземскому:

Душа моя Павел,

Держись моих правил:

Люби то-то, то-то,

*Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.*

Другой постулат – постулат истинности или искренности («Говори правду»). Его нарушение также необычно, а иногда может привести к недоразумению. Напомню сцену, когда Буратино с котом Базилио и лисой Алисой приходят в харчевню:

Хозяин харчевни выскочил навстречу гостям <...>

– Не мешало бы нам перекусить хоть сухой корочкой, – сказала лиса.

– Хоть коржой хлеба угостили бы, – повторил кот <...>

– Эй, хозяин, – важно сказал Буратино, – дайте нам три корочки хлеба.

– Веселенький, остроумненький Буратино шутит с вами, хозяин, – захихикала лиса.

Между тем Буратино не шутил, он строго следовал постулату истинности (искренности). Он не учел, что Кот и Лиса (как и все мы) склонны преувеличивать (или преуменьшать), ср.: *Миллион раз тебе говорил..; Можно тебя на секундочку?* Мы привыкли к подобным неточностям, преувеличениям, а Буратино – пока нет.

Еще пример нарушения постулата истинности для создания комического эффекта: *Цыганята бегают, грязные – смотреть страшно. Взять такого цыганенка, помыть его мылом, и он тут же помирает, не может вытерпеть чистоты.*

(А.Толстой, «Похождение Невзорова, или Ибикус»)

Явное преувеличение!

Грубое преувеличение или явное противоречие особенно характерны для иронии:

Потом были показаны турецкие кинжалы, на одном из которых, по ошибке, было вырезано: Мастер Савелий Сибиряков.

(Н.Гоголь, «Мертвые души», т. 1, IV)

*Я пришел к тебе с приветом,
я прочел твои тетради:
в прошлом веке неким Фетом
был ты жутко обокраден.*

(И.Губерман)

*Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,
Ньютоны ненаглядные, любимые до слез!
Ведь лягут в землю общую останки наши бранные,
Земле – ей все едино: апатиты и навоз.*

(В.Высоцкий)

[вряд ли советские ученые в целом допускают сравнение с Эйнштейном и Ньютоном].

Нередко в языковой игре используются особенности разных типов речевых актов (таких, как утверждения, просьбы, вопросы и т.д.). Так, в случае вопроса намерения спрашивающего могут быть разные: глубокая личная заинтересованность – праздное любопытство – полная незаинтересованность (когда вопрос задается, например, из простой вежливости). Эти различия обыгрываются в след. анекдоте:

На вокзале пассажир спрашивает у служащего:

– Скажите, здесь вход для депутатов Государственной Думы?

– Да, проходите, пожалуйста.

Его спутница: «Разве вы депутат Государственной Думы?»

– «А я и не говорил, что я депутат. Я просто спросил, здесь ли вход для депутатов».

Иногда один тип речевого акта «маскируется» под другой: просьба в виде вопроса (*Вы не могли бы подать мне соль?*) и т.д. Вот анекдот, обыгрывающий это явление:

Экскурсовод: – Если бы уважаемые дамы минутку помолчали, мы услышали бы ужасающий рев Ниагарского водопада».

пада. Просьба помолчать (с элементами упрека) – излагается в виде предположения.

В ряде случаев обыгрываются так наз. коммуникативные неудачи (результат разного понимания цели высказывания):

Врач – пациентке: *«Раздевайтесь!»* – *«А вы, доктор?»*

Языковая игра и лексика

Во многих случаях языковая шутка строится на обыгрывании компонентов значения слов. Любопытен в этой связи следующий анекдот:

Симпатичная молодая леди, ожидая автобуса, с трудом справлялась со своей юбкой, которую нещадно срывал ветер. К тому же ее нервиловал недалеко стоящий мужчина, который проявлял повышенный интерес к ее усилиям.

– Я вижу, что вы совсем не джентльмен! – рассердившись, крикнула она ему.

Приподняв шляпу и ослабившись, мужчина ответил:

– Но вы, моя красавица, как я успел заметить, тоже не джентльмен.

В этом значении слово *джентльмен* включает два смысловых компонента – так называемый пресуппозитивный ('мужчина') и ассертивный ('корректный, благовоспитанный'). В реплике женщины отрицается второй компонент, а в реплике мужчины – первый.

На сибирской реке встречаются две лодки:

– Куда едешь, однако?

Сибиряк, сидя на корме, указывает трубочкой на гребую против течения женщину:

– Везу жену в роддом, однако!

Конструкция *X везет Y-а* (когда и X, и Y – люди) предполагает определенное распределение физических усилий: везущий предпринимает большие физические усилия, чем везомый. Если бы сибиряк и его же

на поменялись местами, фраза *Везу жену в роддом* стала бы нейтральной и комический эффект утратился бы.

Как называется каннибал, который пожрал своих отца и мать? – *Круглый сирота.*

В словарях отмечается: «Круглый (круглая) сирота – тот, кто не имеет ни отца, ни матери». Приведенный случай полностью укладывается в это толкование (у каннибала, действительно, нет ни отца, ни матери). Дело, видимо, в том, что выражение *круглый сирота* уместно только в случае, если человек лишился отца и матери не по своей воле.

Иногда авторы добиваются комического эффекта нагромождением синонимов, ср.:

[Разговор Воробьянинова с гробовых дел мастером Безенчуком]:

– *Умерла Клавдия Ивановна, – сообщил заказчик.*

– *Ну, царствие небесное, – согласился Безенчук. – Преставилась, значит, старушка... Старушки, они всегда преставляются... Или богу душу отдают, – это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, – значит, преставилась. А, например, которая покрупнее да похудее – та, считается, богу душу отдает...*

– *То есть как это считается? У кого это считается?*

– *У нас и считается. У мастеров. Вот вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой. Вы, считается, ежели, не дай бог, помрете, что в ящик сызрели. А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, приказал долго жить. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: перекинулся или ноги протянул. Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают. Так про них и говорят: «А наш-то, слышали, дуба дал».*

Потрясенный этой странной классификацией человеческих смертей, Ипполит Матвеевич спросил:

– Ну, а когда ты помрешь, как про тебя мастера скажут?

– Я – человек маленький. Скажут: «гигнулся Безенчук». А больше ничего не скажут.

(И.Ильф – Е.Петров, «Двенадцать стульев», II)

...Кот выскочил к рампе и вдруг рывкнул на весь театр человеческим голосом: «Сеанс окончен! Мазстро! Урежьте марш!!» <...> и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей, марш.

(М.Булгаков, «Мастер и Маргарита»)

Кроме того, лексика – неисчерпаемая база для основного вида языковой шутки – каламбура. О нем мы будем говорить ниже, в особом разделе.

О каламбуре*

Область рифм – моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.

Д.Минаев

* В основу этой части работы положены статья «Каламбур как семантический феномен» (ВЯ, № 3, 1995) и введение к книге: В. Санников. «Русский каламбур. 1200 каламбуров старых и современных» (Hermitage publishers, 1995). Собранный материал включает: 1) каламбурные миниатюры разных авторов, а также каламбуры, «вкрапленные» русскими писателями XIX–XX вв. в свои произведения; 2) фольклорный материал – пословицы, анекдоты (разумеется те, которые имеют каламбурную основу). Однако для того чтобы избежать повторов, мы приводим минимальное число примеров. Богатый материал, касающийся каламбурного обыгрышания многозначных и омонимичных слов читатель найдет далее.

Определение каламбура

Жил, говорят, в австрийских Альпах, в селении Каленберг, священник, с которым были связаны смешные и забавные истории. По его имени (точнее – по имени селения, где он жил) и был, вероятно, назван основной, самый распространенный вид языковой шутки – каламбур, франц. *calembour*. Каламбур – это шутка, основанная на объединении в одном тексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию.

В каламбуре нас удивляет соединение двух разных смыслов, выражаемых одинаковым или сходным образом. Это забавная ненормальность, вроде двухголового теленка в кунсткамере.

[Разговор жениха и невесты]:

Д в о й р а. *И потом я хочу, чтобы вы меня немножко любими, Боярский.*

Б о я р с к и й. *А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубить? Смешно, ей-богу!..*

(И. Бабель, «Закат», 8)

[Обыгрываются два разных значения глагола «любить», соответствующие двум сторонам любви – духовной и физической.]

Обращение С. Маршака к своему *дорогому* (тоже каламбур!) портному:

Ах вы разбойник, ах злодей!

Ну как вы поживаете?

Вы раздеваете людей,

Когда их одевают.

(«Чукоккала»)

[Обыгрываются два значения глагола раздевать: 1) снимать одежду; 2) разорять.]

Еще несколько примеров каламбура:

Пан Директор как бы ни был завален работой, ему всегда удается ее развалить.

(С. Мишулин, МК, 12 окт. 1998)

Лучше заложить галстук, чем – за галстук.

(Журн. «Новый Сатирикон», 1913)

*Я хорошо усвоил чувство локтя,
Который мне совали под ребро.*

(В.Высоцкий)

– *Что у тебя с головой?*

– *Мне моча в голову ударила.*

– *А почему такой сыняк?*

– *Она в горшке была.*

«*Чувствую себя вполне сносно*», – говорил дом.

(А.Кнышев)

...я могу все эти кляверзы уничтожить <...> лежал я все время в обложной болезни с внутренностями в киевском вошпитале <...> – пускай себе что хотят едят: хоть свой рыбный суп, хоть даже говяжий мыштекс, – что им угодно.

(Н.С.Лесков, «Жидовская кувырколлегия»)

Разговор после бала: – Как тебе понравились туалеты?

– Не знаю, не был.

(D.Buttler)

– *Что делаешь, командир?*

– *Оперу пишу, Петя.*

– *Но ты же даже нот не знаешь!*

– *Ничего, опер поймет!*

[Обыгрывается совпадение формы вин. падежа существительного *опера* и формы дат. падежа существительного *опер* – «оперуполномоченный».]

[Разговор Михаила Светлова с вахтером Дома литераторов]:

Вахтер. – Член дома?

Светлов. – Нет, с собой.

Волжск-неваленск, а я вас уваленск.

(И. Ильф, «Записные книжки»)

1) Самый распространенный вид каламбура – каламбур, основанный на многозначности слов, ср.:

Верно, что и курица пьет, но кто видел ее пьяной?!

(Журн. «Сатирикон»)

Материя бесконечна, но ее все время не хватает кому-то на штаны.

(Г. Малкин)

Весна хоть кого с ума сведет. Лед – и тот тронулся.

(Э. Кроткий)

Стоит ли есть поедом подчиненного, если его не перевафриваешь?

(Журн. «Крокодил»)

Женщины бывают полные и пустые.

(А. Кнышев, «Тоже книга»)

По ошибке телеграмму человека, отправившегося в Африку, вручают жене недавно похороненного. Вдова читает: «Добрался благополучно. Жуткое пекло».

Многие люди ни на что не способны и одновременно способны на всё.

2) Второй по употребительности вид каламбура – обыгрывание сходства в звучании слов или словосочетаний (так наз. паронимазия). Вот несколько примеров паронимазии:

Анализ мочи – на стол мечи.

(И. Ильф, «Записные книжки»)

На всякого заведующего есть свой завидующий.

(Э. Кроткий)

От гурии до фурии один шаг.

(В. Ардов, «Почки»)

Секс без дивчины – признак дурачины [вм. Смех без причины – признак дурачины].

(А. Кнышев, «Тоже книга»)

Распространенный прием каламбурной игры – изменение звучания существительных (нарицательных или собственных) с целью их переосмысления.

Сюда относится, например, народная этимология, когда говорящий по незнанию норм литературного языка или же в шутку меняет звучание непонятого слова, сближая его со словами родного языка (*гульвар* вм. *бульвар*; *полуклиника* вм. *поликлиника*).

Народная этимология мастерски обыгрывается Н.Лесковым, ср.:

А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту ее рассмотрели в самый сильный мелкоскоп и сейчас в публицистские ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон вышел. <...> Подали ему англичане ихнего приготовление горячий студинг в огне. <...> – Мы на буреметф, – говорят, – смотрели: буря будет, потонуть можешь.

(Н.С.Лесков, «Левша»)

Иллюстрацией каламбурного изменения **с о б с т в е н н ы х** существительных могут служить злые и остроумные переделки имен и фамилий, принадлежащие В.Буренину:

Кузьма Распрогорький – Максим Горький,

Немерович-Вральченко – Немирович-Данченко,

Вакс Калошин – Макс (Максимилиан) Волошин,

Бесстыжжев-Рюмкин – Бестужев-Рюмин,

Владимир Искафиотович Коротенко – Владимир Галактионович Короленко.

Ср. также грустную, но удачную шутку Горького:

Один из посетителей Горького в последние годы его жизни спросил его, как бы он определил время, прожитое им в Советской России.

Максим Горький ответил:

– Максимально горьким.

(Ю.Анненков, «Дневник моих встреч»)

Иногда обыгрывается каламбурное сходство псевдонимов – иностранных фамилий с соответствующими словами, не являющимися именами собственными:

Ученый Дайфонд видит в мечтах совет директоров в составе: д-р Плиз, м-р Отдала, м-р Роздала и м-р Рискнулл; в действительности его встречают: д-р Скупоу, м-р Физвам и м-р Г. деГарантия.

(Физики продолжают шутить. М., 1968)

3) Каламбурному обыгрыванию подвергаются все типы омонимов:

– полные омонимы (слова, совпадающие во всех формах по звучанию и написанию):

Танцы – это трение двух полов о третий.

И у Иуды был преданный друг.

(А.Кнышев)

«Вкалываю с утра до вечера!» – жаловался наркоман.

(А.Кнышев)

– омофоны (слова, совпадающие по звучанию, но не по написанию):

Все говорят: он Вальтер Скотт,

Но я, поэт, не лицемерно.

Согласен я: он просто скот,

Но что он Вальтер Скотт, – не верю

(«Лицейские эпиграммы»)

– омографы (слова, имеющие одинаковое написание, но различное ударение):

Не может быть

Надежной спайки,

Покуда есть

Пайки́ и пайки.

(В. Орлов)

– омоформы (слова, совпадающие лишь в некоторых из своих форм):

«Пою мое отечество!» – заявляла продащица пивного лафька.

(А.Кнышев, «Тоже книга»)

– Да, кстати о сардинках, – сказал Деликатес, – они... ты их видела, конечно? «Да, на тарелке... – начала было Алиса, затупилась и поправилась: – В банке!». «В банке? Странно, – удивился Деликатес, – в мое время у них, помнится, не водилось лишних денег!»

(Л.Кэрролл, «Алиса в стране чудес», в пер. Б.Заходера)

Из окна дуло. Штирлиц выстрелил: дуло исчезло [дуть и дуло];

– омонимия слова и словосочетания (или омонимия двух словосочетаний):

*Парик на лысины надев,
Не уповаю я на дев
И ничего не жду от дам,
Хоть жизнь подчас за них отдам.*

(Д.Минаев)

[Пушкин скороговоркой говорит графу С., который сам лежит на диване, а его дети – играют на полу]: – «Детина полоумный лежит на диване». Граф обиделся. «Вы слишком забываетесь, Александр Сергеевич», – строго проговорил он. – «Ничуть... Но вы, кажется, не поняли меня... Я сказал: – дети на полу, умный на диване».

(«Рус. лит. анекдот»)

– случайное совпадение (или сходство) русских и иноязычных слов:

Один женатый этимолог уверял, что в русском языке много сходства и созвучий с итальянским. Например, итальянец называет жену свою *mia saга*, и я про свою говорю *моя кара*. [итал. *mia saга* – ‘моя дорогая’]

(«Рус. лит. анекдот»)

Белла донна по-итальянски – красивая женщина, на всех же других языках – трава.

Имеющиеся определения каламбура (в том числе определение, приведенное выше) нуждаются в одном существенном уточнении.

Эти определения подчеркивают звуковую бли-

зость обыгрываемых слов или словосочетаний. В большинстве случаев это действительно так. Однако иногда каламбур базируется не на формальной, звуковой, а на смысловой близости слов. Это псевдосинонимы или псевдоантонимы (то есть слова из разных синонимических рядов или из разных антонимических пар). Ср. подчеркнутые слова в следующих примерах:

(1) *В доме все было краденое, и даже воздух какой-то спертый.*

(А. Кнышев)

(2) Блажевич: *...на голову рухнули тетки, дядьки и жена – светлая шатенка с темным прошлым.*

(В. Шкваркин, «Страшный суд», III)

Ср. также принадлежащую А. Пушкину конечную каламбурную строку стихотворения В.А. Соллогуба:

*Какъ ты къ Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь,
Иль в Булгарина наступишь.*

[Ни одно из известных наименований субстанции, в которую боится наступить Пушкин, не созвучно с фамилией *Булгарин*.]

Резюмируя сказанное, можно дать следующее определение каламбура: каламбур – это шутка, основанная на смысловом объединении в одном тексте либо 1) разных значений одного слова, либо 2) разных слов (словосочетаний), тождественных по звучанию (омонимов), либо 3) разных слов (словосочетаний), сходных по звучанию (паронимов), либо 4) псевдосинонимов, либо 5) псевдоантонимов.

Предлагаемое определение и связанная с ним классификация русского каламбура учитывают формальные признаки строения каламбура и близки имеющим-

ся классификациям, в частности, классификации, предлагаемой в (Щербина 1958). Развивая и распространяя на русский язык классификацию немецкого каламбура Л. Райнерс, А.А.Щербина предлагает следующую «схему классификации семантико-звуковых основ каламбура в русском языке: 1) многозначность слова (включая переносные значения); 2) омонимия; 3) смежные общеязыковые и контекстуальные явления (созвучие и контаминация, мнимая этимология, разрушение фразеологии)» [Щербина 1958: 14].

Поскольку, однако, ядром каламбура является смысловая связь между обыгрываемыми словами, то попытаемся наметить, кроме формальной, также семантическую классификацию каламбура.

Семантические типы каламбуров

Сделаем несколько замечаний о семантике каламбура – самых предварительных, и к тому же «суммарных», то есть не разделяющих строго семантику языка и семантику искусства, которые причудливо переплетаются в каламбуре.

Возьмем слово *ПОЛ*. Оно весьма «перспективно», поскольку за ним закреплены в языке два омонимичных значения: 1) 'нижний настил в помещении'; 2) 'признаки организма, обеспечивающие размножение'. Это – общеизвестно, но этого знания недостаточно еще для создания каламбура, самое трудное заключается в объединении этих далеко отстоящих смыслов каким-то общим смыслом, общей идеей, как это делается, например, в следующей шутке:

Раньше носили платья до пола, а теперь – до признаков пола.

Или в другой, более удачной:

Танцы – это трение двух полов о третий.

В этом псевдонаучном определении происходит шутивая дискредитация танца и танцующих – сведением танца к чисто физическому явлению трения. Что и производит комический эффект.

Е.В.Падучева полагает, что каламбурное высказывание, «допускающее два или несколько осмыслений, которые все «имеются в виду» (в особенности осмыслений, далеких между собой), следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающего на игру смыслов друг с другом» [Падучева 1982: 85]. По сути дела, она отрицает наличие в каламбуре другого смысла, кроме «игрового». С этим трудно согласиться. Если мы видим смысл в общих высказываниях типа: *Раньше носили платья чересчур длинные, а сейчас – чересчур короткие*, то почему не видеть его в каламбуре: *Раньше носили платья до пола, а теперь – до признаков пола?* В каламбуре выражается, по сути, та же мысль, но выражается гораздо ярче и, что особенно важно, появляется некий дополнительный смысл. Выше мы сравнили каламбур с двухговым теленком, поскольку в нем объединяются два значения, выражаемые одинаково или сходным образом. Теперь мы видим, что дело еще сложнее и интереснее: в результате этого объединения появляется некий дополнительный (третий!) смысл. Каламбур – это «трехголовый теленок».

Если смысловой «увязки» созвучных слов или словосочетаний нет – комический эффект пропадает:

- (1) *Слышен свист и вой локомотивов,
Дверь лингвисты войлоком обили.*
- (2) *Угар и чад. В огне ведро мадеры.
«Уга!» – рычат во гневе дромадеры.*
- (3) *Далеко в Ригу поезд летит,
Дали ковригу – поест ли Тит?*

Приведенные строки (они взяты нами у Л.Тимофеева, Н.Романовой и А.Филиппова) – это весьма изощренная рифма (так наз. *панторифма*, или *голорифма*), но не каламбур, поскольку во всех этих случаях созвучные строки никак не связаны по смыслу (усилия лингвистов, видимо, не связаны с воем локобилей, аппетит Тита – с рижским поездом, и уж тем более, мадера – с дромадерами).

Поскольку ядром каламбура являются обыгрываемые слова (обычно тождественные или сходные по звучанию), то в основу семантической классификации каламбура естественно положить характер семантических связей между обыгрываемыми словами. И тогда с достаточной определенностью можно выделить три больших группы каламбура (некоторые из них делятся, в свою очередь, на подгруппы): 1) «соседи», 2) «маска», 3) «семья». Разумеется, эти наши наименования – лишь ярлыки, метки, удобные при рассмотрении достаточно сложного вопроса.

1) «Соседи». Часто (особенно на ранних стадиях развития каламбура) авторы ограничиваются простым суммированием смыслов созвучных слов. По такому типу строятся, например, многие каламбуры Д.Минаева. Вот один из них:

*На пикнике, под тенью ели
Мы пили более, чем ели.
И зная толк в вине и в эле,
Домой вернулись еле-еле.*

В каламбурах этого типа нет богатого добавочного смысла, обыгрываемые слова «мирно сосуществуют», мера удачности каламбура связана, главным образом, с его технической сложностью. Ср. приведенный калам-

бур с каламбуром Н.Глазкова, относящимся к этому же типу, но более технически сложным и интересным:

*На пир в ауле
Отцы нам дали
Напарули
И цинандали.*

Снова обращаем внимание читателя на то, что без «каламбурной упаковки» стихи Минаева, да пожалуй, и стихи Глазкова были бы заурядным описанием заурядной пирушки.

Однако и в каламбурах этой группы есть добавочный метаязыковой смысл. Нечто вроде: «А еще обратите внимание, что в языке разные слова имеют иногда сходное звучание, и на то, что я, автор, это подметил и сумел объединить их в одном связном тексте». И этот метаязыковой смысл есть в любом каламбуре (в том числе и в более семантически сложных каламбурах двух других групп), и мы не будем более обращать на него внимание читателя, сосредоточившись на других компонентах, тех, которые входят в смысл самого высказывания.

2) «Маска». Для каламбуров этого типа характерно резкое столкновение обыгрываемых слов: первоначальное понимание внезапно заменяется другим, ср:

Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их недостатка.

(И.Ильф – Е.Петров, «Двенадцать стульев»)

В каламбурах этого типа сущность комического отражена наиболее ярко, в ее классическом виде. Здесь отчетливо проявляется свойственная шуткам двушность, двухчастность, а также характер отношений между частями шутки.

Отношения между частями каламбуров-«масок» бывают двух типов:

а) Обманутое ожидание. Именно по этому типу строится большинство каламбуров-«масок»: слово «прикидывается» одним, а оказывается чем-то другим, слушатель заманивается на проторенный, но ложный путь:

«Не видите – я занят», – надменно произнес туалет.

(А.Кнышев)

Хорошие фильмы нам дороги, но и плохие подчас дороговаты.

(Э.Кроткий)

Галя теперь убита, а Веру повесили на Доске почета.

(А.Иванов)

б) Комический шок. Здесь отношения между частями – прямо противоположны описанным выше: явление внешне удивительное оказывается естественным и понятным. Для каламбура-«маски» комический шок менее характерен, чем обманутое ожидание, но все-таки он иногда используется и здесь. Приведем два примера:

...сочинения К. – недвижимое имущество его: никто не берет их в руки и не двигает с полки в книжных магазинах.

(по: «Рус. лит. анекдот»)

...снес яичко поросенок,

– снес его соседке,

Курочке-наседке

(Яснов, по: Береговская 1984).

Каламбуры двух описанных подгрупп («обманутое ожидание» и «комический шок») близки по смыслу: первоначальное понимание внезапно заменяется другим. Этот тип каламбура («маска») в наибольшей степени соответствует, как мы уже говорили, классическому пониманию комического. Однако в эстетическом (и в лингвистическом!) аспекте не менее интересны

каламбуров третьей группы, к рассмотрению которой мы переходим.

3) «Семья». Этот тип каламбура совмещает признаки двух рассмотренных выше групп. Как в каламбуре-«маске», обыгрываемые слова резко сталкиваются друг с другом, однако в этом столкновении нет победителя, второе значение не отменяет первое, и это роднит каламбур-«семью» с каламбурами первой группы (группа «соседи»). Примеры:

(1) *Один репортер, будучи на охоте, застрелил утку. Рассматривая убитую птицу, он узнал свою же собственную утку, выпущенную им в прошлом году.*

(Журн. «Осколки»)

(2) *И в летнюю погоду можно вылететь со службы.*

(Эмиль Кроткий)

(3) *Если не успеваешь по математике, физике, химии, английскому, то успевай хотя бы пообедать.*

(ТВ «С утра пораньше»)

(4) *Гости подразделяются на приятных, у которых можно заниматься, и неприятных, которых надо занимать.*

(Журн. «Стрекоза»)

(5) *Разница между верблюдом и человеком: верблюд может целую неделю работать и не пить, а человек – целую неделю пить и не работать.*

(6) *Я никого на свете не зарезал,
Напротив, резали меня редактора!*

(Н. Глазков)

(7) *Объявление. Выводим пятна и клиентов из себя.*

(Журн. «Сатирикон»)

(8) *Лучше заложить старую лошадь в маленькую повозку, чем новые часы в большой ламбард.*

(Журн. «Сатирикон»)

(9) – *Командир, в лесу белые!*

– *Не до грибов, Петя, не до грибов!*

Есть еще одна большая группа каламбуров, которая, на первый взгляд, резко отличается от всех рассмотренных выше. Это ошибки и намеренные переделки слов (ср: *приматонна, лживопись*), а также переделки устойчивых выражений и «устойчивых текстов» – пословиц, поговорок, известных стихов, песен и т.п.:

Нам с лица не водку пить.

(Г.Малкин)

Без рубашки ближе к телу.

(В.Шишков)

Легко заметить, что эти каламбуры обычно допускают развертывание в сочинительную конструкцию (ср.: *Это не примадонна, а приматонна; не живопись, а лживопись; Нам с лица не воду пить, и не водку и т.п.*).

Тем самым, эти каламбуры, на вид особые, представляют собой, в сущности, эллиптический вариант каламбура-«семьи», только здесь один из обыгрываемых элементов опущен – в силу своей общеизвестности. Подспудно он присутствует и вступает в игру с основным, эксплицитно выраженным смыслом.

В отличие от каламбуров первой группы («соседи») каламбуры второй и третьей групп кроме метаязыкового смысла, о котором мы говорили выше, содержат во многих случаях дискредитацию описываемого. Особенно характерна она для каламбура-«маски», ср.:

Бескорыстный человек! Защищает чужую диссертацию.

(Эмиль Кроткий)

У дам моих в купальне идут пренья

О конституции... их благородных тел.

(В.Буренин)

[Переход от первоначального понимания, уводящего в мир политических дискуссий, к окончательному пониманию особенно подчеркивает бездуховность и самовлюбленность дам.]

Анализировать тонкую игру смыслов в каламбуре –

дело сложное, почти безнадежное. Кажется, Анатолий Франс сравнил исследователя художественной речи с человеком, который ест апельсин, а потом на ладони рассматривает разжеванное, пытаясь понять, почему ему было так вкусно. С подобной же трудностью мы сталкиваемся, исследуя каламбур (и другие виды языковой шутки) и пытаясь понять, почему «нам было так смешно». И все-таки попытаемся это сделать, хотя бы на нескольких конкретных примерах.

Смысловое взаимодействие обыгрываемых слов.

Возникновение добавочных смыслов

1. Начнем с примера относительно простого.

Она была завита, как овца, и так же развита.

(Эмиль Кроткий)

Читатель сталкивается с видимым противоречием – *завита* и *развита* (стадия «комического шока», о котором мы уже говорили). Ища выход из противоречия, он понимает, что на самом деле слово *развита*, в отличие от слова *завита*, определяет не состояние прически, а низкий интеллектуальный уровень описываемого субъекта. В результате описываемое лицо дискредитируется, а читатель испытывает удовлетворение от того, что он лишен (как он полагает) этого недостатка, – подтверждением чего является правильное решение лингвистической задачи, содержащейся в каламбуре.

2. Приведем несколько примеров более сложных – с самыми краткими комментариями.

Ученье – свет, неученых – тьма. Автор, Эмиль Кроткий, устраняет тавтологичность пословицы *Ученье – свет, не*

ученье – тьма, дополняя ее смысл пессимистической характеристикой современного уровня образования.

Поэт фамильярно похлопывал Кавказ по его хребту [сверхфамильярность и самовлюбленность, граничащая с манией величия].

Морская качка была изображена художником с таким сходством, что при одном взгляде на картину тошнило. Затрагивается вопрос о соотношении искусства с действительностью. Сходство с реальностью считается зачатую достоинством, однако не всегда реальная жизнь и произведение искусства должны вызывать одинаковую реакцию. Под похвалой здесь искусно скрыто порицание.

Три приведенных и кратко прокомментированных каламбура принадлежат Эмилю Кроткому. Если Д.Минаев – признанный король каламбура XIX в., то королем каламбура советской эпохи следовало бы признать Эмиля Кроткого. Среди его каламбуров множество удачных – кратких и богатых по содержанию. Вот несколько примеров:

Она была тяжела на подъем, но легка на падение.

Дружба и чай хороши, если они горячие, крепкие и не слишком сладкие.

Он хотел развалиться в кресле, но кресло его опередило: оно развалилось.

Однако даже у Эмиля Кроткого есть менее удачные каламбуры, семантически недостаточно богатые или недостаточно мотивированные, ср.:

Писать надо кровью сердца. Своего, конечно, а не чужого.

Автора пьесы неоднократно вызывали в Комитет по делам искусств, в дирекцию театра. Не вызывала только публика.

Жег сердца глаголами и другими частями речи.

Допускаю, что мои оценки могут и здесь, и в других подобных случаях не совпадать с мнением читателя. Но это говорит о богатстве значения каламбура и о не-

предсказуемости результата каламбурного обыгрывания слов. Каламбур – это экспериментальная мастерская по выработке и оформлению необычных смыслов. Каламбурист никогда не может быть уверен в успешности своего эксперимента. Он оказывается в положении алхимика, который имеет определенный набор исходных элементов (многозначные или омонимичные слова или словосочетания), но не в состоянии предвидеть, какой сплав получится в результате эксперимента. В семантическом плане наиболее интересным представляется нам каламбур-«семья». Он таит в себе богатейшие возможности для выработки самых разнообразных смыслов. Но возможность не есть еще действительность: по своему качеству каламбуры этого типа наиболее разнородны. Как мы видели, даже у одного автора наряду с блестящими находками встречаются и каламбуры довольно слабые.

Вот еще показательный пример – два каламбура Козьмы Пруtkова:

Легче держать вожжи, чем бразды правления.

Болтун подобен маятнику: того и другого надо остановить.

В первом каламбуре смысловое сходство обыгрываемых слов (*вожжи – бразды*) удачно подчеркивает основную мысль: легче управлять лошадьми, чем людьми.

Второй каламбур по смыслу менее мотивирован: остановить болтуна следует, но маятник-то зачем останавливать!

3. При одном и том же составе обыгрываемых слов добавочные смыслы (и, соответственно, качество каламбура) могут существенно меняться. Вот два каламбура на одну тему, причем здесь и «камни» одни и те же (омонимичные слова *брак* «супружество» и *брак* «плохое качество»), различие лишь в «оправе»:

Вокруг только и видишь, что вместо счастливого брака получается один только брак...

(В.Ардюв, «Пособие для ораторов»)

Ну, что сказать о браке? Хорошую вещь браком не назовут.

Оба высказывания о браке – пессимистически-дискредитирующие, но второе короче и богаче по содержанию. Подтверждение собственному отрицательному отношению к браку автор шутки ищет в этимологии слова *брак*: случайное совпадение звучаний двух слов (славянского *брак* ('супружество') и германского *brak* ('изъян')) объявляется намеренным, выражающим исконное отрицательное отношение народа к этому социальному установлению.

4. Сказанное не означает, однако, что смысл каламбура-«маски» и, тем более, каламбура-«семьи», совершенно непредсказуем. Уже сейчас для этих достаточно сложных типов каламбура можно наметить некоторые закономерности.

Вот несколько самых предварительных соображений.

1) В тех из каламбуров этой группы, которые представляют собой сочинительную или сравнительную конструкцию, синтаксическое равенство элементов приводит и к некоторому их смысловому уравниванию, к некоторой, пусть достаточно мягкой, дискредитации описываемого лица, например, короля, посетителя ресторана, женщины в трех приводимых ниже примерах:

Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего двора.

(Эмиль Кроткий)

– Эх! Вывели... Вывели, как какое-нибудь ничтожное пятно на скатерти.

(А.Аверченко, «Новогодний тост»)

– Я потерял на одной неделе жену и зонтик.

(Последний пример содержит также и добавочный смысл: осуждение бессердечия осиротевшего супруга.)

2) Если в первой части каламбура указывается некая цель, а во второй – (формально!) говорится о ее достижении, то, учитывая специфику каламбура, можно быть уверенным, что по существу описываемое лицо потерпело неудачу (нечто на тему о тщете человеческих усилий или иллюзорности исполнения людских желаний). Ср. шуточный рассказ Е.Шварца о Константине Федине и Михаиле Слонимском:

Миша-профок

Федин уехал в Крым за неделю до землетрясения.

Слонимский сказал:

– Федин уехал встряхнуться.

Так и вышло.

Другой пример:

– Прислуживаться к начальству? Нет уж, увольте. И его уволили.

(Эмиль Кроткий)

3) В синтаксически сложных шутках синтаксические связи между частями сохраняются, однако общий смысл меняется, иногда до противоположного. Чаще всего обыгрываются таким образом причинно-следственные отношения. Вот показательный пример. Слова *слабый* и *сходить* многозначны. В предложении *Артист настолько слаб, что не может сойти со сцены* эти слова обозначают физический признак и его следствие – невозможность осуществить физическое действие (сойти со сцены). В предложении *Есть пьесы настолько слабы, что моментально сходят со сцены* мы имеем дело с переносными значениями слов *слабый* и *сходить*, и здесь естественное следствие прямо противоположное (неизбежность быстрого схода со сцены). Но вот С.Лец соединяет в одном высказывании значения, ко-

торые «находятся в разных измерениях» – прямое с переносным:

Есть пьесы настолько слабые, что не могут сойти со сцены.

Возникает каламбур, причинно-следственные связи приобретают абсурдный характер, но это – отражение абсурдности самой жизни: ведь слабые произведения, как известно, обладают иногда завидным долголетием.

Подобные шуточные обоснования требуют от автора изощренной техники и, естественно, довольно редки (впрочем, они встречаются уже и в литературе прошлого века, и в фольклоре). Еще несколько примеров:

На похоронах Н.А.Полевого, в церкви Николая Морского, Ф.В.Булгарин хотел было ухватиться за ручку гроба; присутствовавший при этом П.А.Каратыгин, оттолкнув его, сказал: – Уж ты его довольно поносил при жизни.

(«Рус. лит. анекдот»)

– Не бойтесь этой гранаты: она ручная.

(Эмиль Кроткий)

В того, кто полон оптимизма, больше ничего не лезет.

(Г.Малкин)

Вижу: пыль лежит. Дай, думаю, и я прилягу.

В последнем примере два совершенно не связанных по смыслу высказывания связываются на основании формальной близости двух элементов (*лежит – прилягу*). Тем самым, обращается внимание слушателя на то, что формальное сходство, не подкрепленное смысловым, может приводить к абсурду. Впрочем, приведенное высказывание не бессмысленно – происходит самодискредитация говорящего, в каком-то смысле приравнивающего себя к пыли.

А вот иной вид шуточного обоснования:

Моча – единственное на свете, о чем нельзя сказать, что это – говно!

Отказываясь от серьезного обоснования своего чрезвычайно пессимистического взгляда на жизнь

(«Всё на свете – дерьмо!»), автор дает шутовское, чисто лингвистическое обоснование, которое в формальном плане безупречно: с точки зрения языковых норм существительное *говно* в переносном смысле приложимо к любому существительному, кроме, может быть, существительного *моча*. И здесь, и во многих других случаях в смысл каламбура входят наблюдения над языком, подшучивание над его «странностями».

Приемы придания слову каламбурной многозначности

Итак, в каламбуре всегда обыгрываются несколько слов (сходных или тождественных по звучанию) или несколько значений одного слова.

Зачастую обыгрываемое слово повторяется в тексте (так наз. *антанаклаза*). В качестве примера приведем пророческое замечание М.Е.Салтыкова-Щедрина:

Во дни чрезвычайного упадка наших денег, совершенно несправедливый русский человек встретился с Салтыковым [Щедриным] в Париже и горько жаловался ему на низкий курс. «Я этого не нахожу, – патриотично заметил Михаил Евграфович». <...> – «Помилуйте! – воскликнул собеседник, – ведь нам дают всего только полтинник за рубль!» – «Так ведь все-таки дают полтинник, это превосходно! Вот когда за наш рубль будут давать в морду, тогда курс будет плохой».

А вот каламбур, где совмещаются три разных значения слова, и само оно также повторяется трижды:

А издатель-то как разошелся! Книгу мою издал. – Разошлась? – Нет. Но, зато я с ним на этой почве разошелся.

(Журн. «Сатирикон»)

Не реже, однако, случаи, когда обыгрываемое слово не повторяется. Важно, чтобы тем или иным способом

были представлены соответствующие смыслы, чтобы слову была придана каламбурная многозначность.

Перечислить существующие для этого способы совершенно невозможно – их бесчисленное множество, и авторы в погоне за оригинальностью изобретают все новые и новые. Укажем лишь основные.

1) Иногда каламбурная многозначность возникает благодаря специфичности (физиологической, социальной, исторической, географической и т.п.) самой описываемой ситуации:

(1) *«В первую голову надо поесть!» – просил Змей Горыныч.*
(А.Кнышев)

(2) *Кривой К. после долгого разговора с кривым О. сказал: «Я очень люблю беседовать с ним с глазу на глаз».*
(«Рус. лит. анекдот»)

Именно необычность ситуации (встреча двух кривых) вскрывает каламбурные возможности выражения «беседовать с глазу на глаз» и вызывает комический эффект – хотя здесь-то как раз это выражение употреблено совершенно точно!

(3) *«Не рой другому яму» – принцип не для могильщиков.*
(Эмиль Кроткий)

Кроткий выбирает ту (едва ли не единственную) профессию, где известное выражение «Не рой яму ближнему» понимается буквально.

(4) *Обедал знатный римлянин, всегда весь окруженный паразитами. Этот отвратительный обычай укоренился в Риме и не лишал гостей аппетита.*

(Н.Тэффи, «Древняя история»)

Автор прикидывается невеждой, который не знает, что в Древнем Риме слово «паразит» могло обозначать *нахлебников-сотрапезников*, и именно они (а не насекомые) кишели вокруг обедающего патриция.

(5) *Боевой клич индейцев: «Не стой под стрелой!»*

(Г.Малкин)

Известное правило техники безопасности «Не стой под стрелой!» получает новый смысл в ситуации с индейцами, с которыми в нашем сознании прочно ассоциируется, разумеется, не стрела подъемного крана, а стрелы, выполняющие совсем другую функцию (но тоже исключаящие небрежное обращение с ними).

2) Второй тип создания каламбурной многозначности имеет противоположную направленность: описываемая ситуация вполне обычна, но сами говорящие не вполне обычны – иностранцы, дети, русские, не вполне владеющие литературным языком, и т.д. Несколько примеров.

(6) Бабушка сказала внучке:

– А дождь так и жарит с утра.

Внучка, трехлетняя Таня, тотчас же стала внушать ей учительским голосом:

– Дождь не жарит, а просто падает с неба. А ты жарь мне котлету.

(К. Чуковский, «От двух до пяти»)

(7) Ненка: мой муж был большой любовник ходить на охоту.

(А. Чехов, «Из записных книжек»)

(8) На вокзале иностранка подзывает носильщика:

– Эй, насильник, эй, потаскун! Возьми меня первую!

3) Весьма удобными для создания каламбурной многозначности оказались иносказания, в частности басни с их смысловой двуплановостью (описываются животные и предметы, но имеются в виду люди): каждый план индуцирует свое понимание того или иного слова.

Как счастье многие находят

Лишь тем, что хорошо

На задних лапках ходят.

(И. Крылов, «Две собаки»)

Бутылку осудили за пьянство, а она оказалась невинной.

(Ф. Кривин)

Контекст в целом (ситуация суда) диктует одно понимание слова (*невинная* = 'не виноватая'), а категориальные свойства описываемой вещи (бутылки) – другое (*невинная* = 'не из-под вина').

4) В юмористических журналах и в газетных отделах юмора широкое распространение получили два способа создания каламбурной двусмысленности.

Один способ заключается в несоответствии между текстом и заголовком к нему: заголовок заманивает на проторенный путь, который оказывается ложным. Вот пример – небольшой рассказ на 16-й странице «Литературной газеты».

Старость отступает

Возвращаясь домой, пенсионер И.И.Иванов столкнулся в подъезде с хулиганом. И.И.Иванову пришлось отступить.

Еще более популярен другой, синтетический способ, объединяющий возможности словесного и изобразительного юмора. Каламбур здесь возникает благодаря несоответствию рисунка и подписи к нему.

Иллюстрацией может послужить помещенное в «Крокодиле» «житие» одного молодого человека, который:

«всегда тянулся к свету» (на рисунке герой вывинчивает в подъезде лампочку);

«ночи просиживал за классиками» (на рисунке ночь, луна, за памятником Пушкина герой и его собутыльники «содвигают стаканы»);

«когда видел старших, снимал шапку» (герой снимает шапку с трепещущего старичка);

«дня не сидел без дела» (герой, застенчиво потупившись, стоит перед столом следователя, поглаживающего папку с надписью «Дело №...»);

«и вообще далеко пошел» (герой под конвоем отправляется в места не столь отдаленные).

5) Еще один интересный и очень популярный вид ка-

ламбурной многозначности – «м е ж т с к с т о в а я» многозначность. Она возникает при переделке широко известных выражений. Многозначность возникает не в самом перелицованном тексте (он однозначен!), а из сопоставления этого текста с текстом исходным, разительно отличающимся по смыслу.

Сюда относятся переделки пословиц и поговорок, а также переделки широко известных стихов, песен и т.п. Продемонстрируем их удачными, на наш взгляд, переделками бодрой советской песни «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Одна из этих переделок принадлежит Г.Малкину: *Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью*.

Автор другой мне неизвестен: *Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью*.

Еще пример – переделка басни Крылова:

Волк и ягненок

(разговор таможенника с пассажиром-«челноком»)

– Ах, я чем виноват?

– *Малчи! Устал я слушать,*

Досуг мне разбирать вины твои, челнок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать, –

Сказал и мой баул куда-то уволок.

(Б.Брайнин)

А вот достаточно вольные переделки пушкинских и лермонтовских строк:

Что в вымени тебе моем?..

...в долине Драгестанна

С винцом в груди

Заснул отрадно я.

(Н.Лесков, «Полунощники», VI)

б) Нередко обыгрываются опечатки – разумеется, лишь те, где возникает каламбурная многозначность. Ср.:

(1) В одной одесской газете, при описании коронации, – не помню, Александра III или Николая II, – было напечатано: «Митрополит возложил на голову его императорского величества ворову».

В следующем выпуске газеты появилась заметка:

«В предыдущем номере нашей газеты, в отчете о священном короновании их императорских величеств, вкралась одна чрезвычайно досадная опечатка. Напечатано: «Митрополит возложил на голову его императорского величества ворову», – читай: «корову».

(По рассказу В.Г. Короленко)

(2) Решено было не допустить ни одной ошибки. Держали двадцать корректур. И все равно на титульном листе было напечатано: «Британская энциклопудия».

(И.Ильф, «Записные книжки»)

(3) Высокие договаривающиеся стороны обменялись ослами...

(4) На титуле книги: Эта книга издана без очепяток.

(5) Люляки баб; сыр в чанах.

(6) И шестирылый серафим // На перепутье мне явился
(А.Пушкин) – опечатка сообщена мне М.Григорян.

Впрочем, опечатки трудно отделить от широко распространенной «игры в опечатки», ср.: бальзамовский возраст; с подлинным скверно; свиная душонка (примеры из: Норман 1987); полное содрание сочинений (пример из: Щербина 1958); Список замученных опечаток (И.Ильф, «Записные книжки»); Сессиально озабоченный студент; Сезон вождей; Коммунистическая пария; Засуженный работник прилавка; Перепалочный пункт; Пример для подорожания (Журн. «Крокодил», 1996) и т.д.

7) Из чисто грамматических способов создания каламбурной многозначности укажем пять следующих:

– д о б а в л е н и е з а в и с и м ы х с л о в – дополнений, определений, обстоятельств:

Срывает лавры! Но не с чужой головы.

(С.Лев)

Крем для ответственного лица.

(Эмиль Кроткий)

Машину собрали в мешок и привезли уже другие люди.

(М.Жванецкий, «В век техники»)

- соединение с обыгрываемым словом семантически разнородной сочинительной цепочки: часть сочиненных членов актуализирует в слове одно значение, а другая часть – другое (в стилистике эту фигуру называют *зевмой*):

Губенко провел пресс-конференцию. И журналистов.

(«Коммерсантъ», № 42, 1991 г.)

- употребление сравнительного оборота:

Мужчина – как клубок: когда женщина вытускает его из рук – он распускается, а когда забирает его в руки – он сматывается.

(ТВ-программа «Вокруг смеха», 9/XI-1991 г.)

- добавление вводных слов:

*Воду / стираешь / с мокрого тельца
полотенцем, / как зверь, мохнатым.*

*Чтобы суше пяткам – / пол / стелется,
извиняюсь за выражение, / пробковым матом.*

(В.Маяковский, «Рассказ литейщика Ивана Козырева»)

Автор текста (совершенно невинного) извиняется за грубое выражение и, тем самым, заставляет нас видеть двусмысленность там, где нам и в голову не пришло бы ее искать.

- использование новообразований – производных слов:

В «застойные 70-е» украшением «Литературной газеты» была юмористическая 16-я страница, в частности созданный Вл.Владиным сатирический образ писателя Евг. Сазонова – великого *душелюб* и *людоведа*. Строго говоря, смысл этих определений один: человек, любящий и знающий людей. Но это высокое оп-

ределение снижается из-за того, что сквозь слова-новообразования: *душелоб* и *людовед* «просвечивают» реально существующие слова с резко отрицательной окраской – *душегуб* и *людоед*.

Мы указали лишь некоторые из существующих способов придания слову каламбурной многозначности. Их, повторяем, очень много и они иногда очень неожиданны и остроумны. В заключение укажем, пожалуй, еще два, связанные со спецификой театральной сцены. В первом – шутивное стирание разницы между подмостками сцены и реальной жизнью, во втором – между репликами действующих лиц и ремарками:

(1) *П.А.Катенин, поэт и театральный деятель, был приглашен на репетицию спектакля, в котором дебютировал актер – протеже некоего петербургского мецената. Репетировалась сцена, в которой старая купчиха упрекает сына за увлечение картами. «Не играй больше, прошу и заклиная тебя!» – патетически восклицала актриса, обращаясь к дебютанту, довольно бледно выглядевшему <...>. – Не играй!..» «И я тоже прошу, – присоединился с места Катенин, – больше не играй!»*

(«Музей остроумия»)

(2) *Поручика Ржевского уговорили заменить в спектакле заболевшего актера, пообещав, что поручику нужно будет только повторять реплики суфлера.*

Суфлер подсказывает: (*Садится в кресло!*). Поручик сел.

Суфлер: *Жениться, что ли?*

Поручик: *Жениться, что ли?*

Суфлер: *Да нет, пожалуй!*

Поручик: *Да нет, пожалуй!*

Суфлер: (*С трудом встает*).

Поручик, вслух: *Встает с трудом!*

Об истории и современном состоянии русского каламбура

В наше время каламбур, бесспорно, любимый и самый распространенный, самый «демократический» вид языковой шутки. Судя по сборникам русского фольклора, каламбурное обыгрывание слов не было редкостью и в Древней Руси. В качестве иллюстрации приведем несколько пословиц из рукописного сборника русских пословиц XVII в., изданного П.Симони:

У Фили пили, да Филлю же били.

Звал гостей, а накупил костей.

Мыло не мило, коли лицо сгнило.

То тебе не в чин, потому что ты Немчин.

У сыра дума, у сука сука привязана сука.

Однако в русской художественной литературе до XVIII в. каламбуры редки. Даже у протопопа Аввакума, прекрасно владеющего приемами комического (например, иронией), их мало, и они, на наш взгляд, не слишком удачны, ср.: «Я и к *объдне* не пошелъ и *объдать* ко князю пришелъ»; «Книгу *Кормъчию* далъ прикащику и онъ мнѣ мужика *кормщика* далъ» (примеры по: В.В.Виноградов, «Символика Жития протопопа Аввакума»).

В XVIII в. к каламбурам прибегали уже почти все писатели, но употребительность каламбуров была еще невелика – даже у таких признанных мастеров острого слова, как Фонвизин и Крылов [Ходакова 1969].

В России расцвет каламбура падает на XIX в., особенно на вторую его половину. Одни лишь анекдоты и каламбуры о носе столь многочисленны, что академик В.В.Виноградов говорит о «пестром букете «носологической» литературы первой половины XIX в., где

«мелькали перед глазами читателя носы отрезанные, запеченные, неожиданно исчезающие и вновь появляющиеся»; «... по разным жанрам блуждают «носологические» мотивы, утопая в каламбурах» [Виноградов 1976: 10-18]. Часть каламбуров и анекдотов о носе внесены в живописный альманах «Картины света» 1836 г. «Как ни неприятно быть иногда с носом, но все-таки сноснее, нежели быть совсем без носа», – читаем мы здесь. В.В.Виноградов обращает далее внимание на то, что одна из ранних (1822–1823 гг.) «пакостей» А.С.Пушкина примыкает сюда:

*Лечись – иль быть тебе Панглоссом,
Ты жертва вредной красоты, –
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.*

Казалось бы, после бурного расцвета *носология* должна была пережить период упадка. Ничего подобного! *Вешают нос, водят за нос, оставляют с носом* на протяжении всего XIX в. И даже в XX веке такой замечательный юморист, как Аркадий Аверченко, отдает дань носологии. Вот несколько примеров из его повестей:

– *Не такой она человек, чтобы водить за руку. Она за нос водит.*

(«Шутка Мецената»)

– *Я, господа, поднимаю этот стакан за людей, которые не вешают носа!*

– *За что ж его вешать? (. . .) Это было бы жестоко. Мой нос, во всяком случае, этого не заслуживает.*

(«Подходцев и двое других», ч. I, III)

Разумеется, история русского каламбура к носологии не сводится, для нее характерно тематическое богатство и разнообразие. Признанный король каламбура Д.Минаев, как известно, «даже к финским скалам бу-

рым обращался с каламбуром» (кстати, каламбурные возможности словосочетания *с каламбуром* этим далеко не исчерпываются: уже в XIX в. здесь был обнаружен малоэстетичный «сдвиг» *с калам бурым*).

Важное место каламбур занимает в творчестве А.Пушкина, Н.Лескова, В.Буренина, М.Салтыкова-Щедрина, поэтов «Искры», А.Чехова.

XX век – «серебряный век русской литературы» – выводит целую плеяду талантливых юмористов. Достаточно указать А.Аверченко, Н.Тэффи, О.Оршера (О.Л.Д'Ор), О.Дымова и других юмористов, группирующихся вокруг журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», в которых каламбур – частый и желанный гость (а точнее – веселый хозяин).

После октябрьского переворота, в эпоху «героических свершений» каламбур оказывается не у дел. В интересном исследовании советского каламбура А.А. Щербина отмечает, что некоторые советские литературоведы [напр. В.Фролов] относились к каламбуру пренебрежительно, склонны были отождествлять каламбур с «пустым зубоскальством», «комикованием», «мелким остроловием» [Фролов 1952]. Однако этот вид языковой шутки не жалуют и некоторые исследователи, не зараженные социалистической идеологией, – не жалуют за его доступность, за «примитивность» его техники. З.Фрейд считает каламбур самой многочисленной и «самой дешевой» группой острот [Фрейд 1925: 59]. Чарлз Лэм писал: «Каламбур – это пистолет, из которого выстрелили у самого вашего уха; слуха вы лишитесь – но не разума» (впрочем, он же отмечал:

Каламбур – материя благородная. Чем он хуже сонета? – Лучше.

(«Суета сует»)

Не жалуют каламбур и некоторые писатели. Так, Наталья Ильина в автобиографическом (точнее – био-

графическом) рассказе «Реформатский» пишет: *Каламбурный юмор всегда мне казался юмором уровня невысокого, и я рада была услышать однажды от А.Т.Твардовского такие слова: «Каламбур годится для домашнего употребления, для застолья, не больше!»*

Михаил Булгаков против каламбура, насколько нам известно, не высказывался, однако пользовался им редко и с большой осторожностью. Показательна такая деталь. В первоначальной редакции романа «Мастер и Маргарита» появление в ресторане «У Грибоедова» Ивана Безродного, потрясенного смертью Берлиоза, описывается следующим образом:

Лицо приятное, мясистое, лицо в огромных очках, в черной фальшивой оправе, бритое и сытое, участливо появилось у Иванушкина лица <...>.

– Товарищ Безродный, – заговорило лицо юбилейным голосом <...>.

– Ты, – заговорил Иван и стукнул зубами, – понимаешь, что Берлиоза убил инженер! Или нет? Понимаешь, арамей?

– Товарищ Безродный! Помилуйте, – ответило лицо.

– Нет, не помилую, – тихо ответил Иван и, размахнувшись широко, ударил лицо по морде.

(«Черный маг»)

В окончательной редакции романа каламбурная окраска последней фразы существенно смягчена:

«...ударил участливое лицо по уху».

(Гл. 5)

Как же примирить приведенные отрицательные оценки каламбура (их число можно было бы увеличить) с тем фактом, что каламбуром не брезговали такие взыскательные художники, как А.Пушкин, О.Мандельштам, В.Маяковский, В.Набоков, Андрей Белый (последний, правда, со свойственной ему непоследовательностью бросает в «Начале века»: «... каламбур характерен для мозгов мешан»).

Критики каламбура не принимают во внимание одно важное обстоятельство, на наш взгляд полностью каламбур реабилитирующее. Каламбур, как, пожалуй, никакой другой вид языковой шутки, весьма неоднороден по качеству. Это – оборотная сторона доступности каламбура. Он, казалось бы, «лежит на поверхности». База для него – поистине неисчерпаемое богатство слов и словосочетаний, совпадающих или сходных по звучанию, но до каламбура тут еще очень далеко. Это лишь заготовки для каламбура, грубые камни, нуждающиеся в шлифовке и в хорошей оправе. Хороший каламбур – это, как мы пытались показать выше, большое искусство.

И вполне естественно, что каламбур занимает заметное место в творчестве многих российских писателей – в первую очередь В.Маяковского, В.Шкваркина, И.Ильфа и Е.Петрова, Н.Глазкова. Удачны многие каламбурные миниатюры Эмиля Кроткого, Ф.Кривина, А.Кнышева. Охотно используют каламбур для создания комического эффекта также В.Высоцкий, Б.Заходер, Ю.Ким и другие авторы. Весьма активно, на грани назойливости, используется он в последнее время в газетной речи и в телепередачах. А что уж говорить о фольклоре! Большинство анекдотов – будь то анекдот политический, анекдот о Штирлице, о поручике Ржевском, о чукче, о новом русском – имеет «каламбурную закваску».

Каламбур живет.

Источники

Материалы, на которых основывается книга, собирались автором в течение последних 15-ти лет. Основным источником была русская художественная литература XIX–XX вв. (Все примеры, заимствованные из работ других авторов, специально оговариваются.)

Другой важный источник – это фольклор: пословицы, поговорки, анекдоты (разумеется, те из них, которые строятся на языковой игре). Они кочуют из уст в уста, из сборника в сборник, легко преодолевая даже государственные границы, и вряд ли кто-то возьмется определить, в каком из сборников появился впервые тот или иной анекдот. В большинстве случаев я мог бы указать, откуда взят тот или иной анекдот или афоризм, но это ведь факт моей личной биографии, вряд ли для кого-то представляющий интерес. Поэтому я вынужден здесь ограничиться указанием тех сборников, которые были для меня наиболее полезны.

Широко распространено мнение, что игра слов не переводима на чужой язык. Это, как уже отмечалось, сильное преувеличение, особенно там, где речь идет о близкородственных языках. Так, я убедился, что многие польские шутки, приводимые в работе D. Buttler «Polski dowcip językowy», легко переводятся на русский язык, не теряя при этом своего комического эффекта. Поэтому в книге приводятся (в моем переводе) некоторые из них, а также образцы языковых шуток из английской, французской, немецкой, американской художественной литературы и фольклора.

И еще одна оговорка. Я привожу немало шуток достаточно смелых – не из-за особого пристрастия именно к такого рода шуткам, а в силу объективной реальности: эти шутки занимают важное место, именно они, по мнению З.Фрейда, вызывают наибольший интерес говорящих.

Разумеется, собранный материал – лишь капля из неисчерпаемого богатства, накопленного русской литературой и фольклором...

* *
*

Бесконечно признателен Светлане Максимовне Кузьминой, Ольге и Андрею Санниковым – моим постоянным помощникам и советчикам. Андрей сыграл также исключительную роль при подготовке оригинал-макета книги и указателя.

**Русские писатели
XIX – XX вв.**

Д.И. ФОНВИЗИН

(1744 или 1745–1792)

Иной и день и ночь,
Пролив струями пот,
Гоняясь за скотом,
И сам бывает скот.

(«Корион», 1, 5, по: Ходакова 1968)

И мое воспитание было одно питание.

(«Разговор у княгини Халдиной, по: Ходакова 1968)

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю такая дрянь в глаза лезла.

Простакова. Какая же дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

(«Недоросль», 1)

[Правдин экзаменует Митрофанушку]:

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь, котора дверь?

Правдин. Котора дверь? Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему же?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так она покамест существительна.

Правдин. В грамматике он силен.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник (...)

Правдин (Митрофану). А далеко ли вы в истории?

Митрофан. Далеко ль? Какова история, в иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

(«Недоросль», 4)

Вопрос: Что есть число?

Ответ: Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно.

Вопрос: Что есть придворный падеж?

Ответ: Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся пред ними *в винительном падеже*; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно *падежом дательным*.

(«Всеобщая придворная грамматика»)

И.А. КРЫЛОВ
(1769 или 1768–1844)

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо
на задних лапках ходят.

(«Две собаки»)

Свинья на барский двор когда-то затесалась

<...>

В помоях по уши досыта накупалась;
И из гостей домой
Пришла свинья – свинойей.

(«Свинья»)

Везде старается он поспеть. Всегда занят и никогда
ничего не делает.

(«Похвальная речь науке убивать время»)

Читал, выписывал, справлялся,
И в книгах рылся и в грядах.

(«Огородник и философ»)

Какой-то Муравей был силы непомерной,
Какой не слыхано ни в древни времена;
Он даже (говорит его историк верный)
Мог поднимать больших ячменных два зерна!
Притом и в храбрости за чудо почитался:
Где б ни завидел червяка,
Тотчас в него впивался
И даже хаживал один на паука.

(«Муравей»)

Дворянка Лукерья: – Природа недаром дала нам тонкие чувства и тонкий ум.

Горничная Даша: – Где тонко, тут и рвется!
(«Урок дочкам», по: Ходакова 1968).

Из сборника
«Русский литературный анекдот»

В разговоре о сибирских рудниках и о том, что добываемое золото богачей лежит у них мертвым грузом, Крылов сказал: «Рудник хорош, когда его разроют, а богач, когда его зароят».

Была у него однажды рожа на ноге, которая долго мешала ему гулять, и с трудом вышел он на Невский. Вот едет мимо приятель и, не останавливаясь, кричит ему: «А что рожа, прошла?» Крылов же вслед ему: «Проехала!»

Крылов, который был крайне неряшлив, спрашивает совета, как ему одеться на придворный маскарад. – «Вы, Иван Андреевич, вымойтесь да причешитесь, и вас никто не узнает».

На набережной Мойки Крылову повстречались студенты. Один из них, увидев тучного Крылова, громко сказал товарищам: «Смотри, туча идет! Видно, дождь будет».

– Да, вот и лягушки заквакали! – в тон студенту отвечал баснописец.

П.А. ВЯЗЕМСКИЙ

(1792–1878)

Вписавшись в цех зоилов строгих,
Будь и к себе ты судия:
Жуковский пишет для немногих,
А ты для одного себя.

Поэтический венок Шутовского,
поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги
В комедиях, сатирах Шутовского
Находим мы веселость псалтыря,
Затейливость месяцеслова
И соль и едкость букваря.

Природы странною игрой
В нем двух начал раздор открытый;
Как может быть он человек пустой
И вместе с тем дурак набитый?

Богатому и тут люли!
Хоть дело черно, будет бело:
Из шляпы высыплет рубли,
И в шляпе дело!

Наши Ларошфуко

В журналах наших всех мыслителей исчисли,
В журналах места нет от мыслей записных;
В них недостатка нет, но в мыслях-то самих
Недостаёт чего-то: *мысли*.

То новый враг перед страдальцем:
С тетрадью толстой рифмодул
Стихами в петлю затянул,
Схватя за петлю мощным пальцем.

(«Кибитка»)

Невзоров,
 Перестань писать так много вздоров.
 Поверь, никто не остановит взоров
 На книге, где прочтет: писал Максим Невзоров.

С какую легкостью свободной
 Играешь ты в стихах природой и собой.
 Ты в «Шубах», Шутовской, *холодный*,
 В «Водах» ты, Шутовской, *сухой*.

[Эпиграмма на А.А.Шаховского, автора комедии
 «Липецкие воды» и поэмы «Расхищенные шубы»]

А скверная вещь эта холера! Того и глядишь, что
 зайдешь ты завтра ко мне... нет, зайду я к тебе, и ска-
 жут мне, что ты умер [Гаспаров 2001].

Обыкновенно женщины худо понимают плоскости
 и пошлости; она [А.О.Смирнова] понимала их и радо-
 валась им, разумеется, когда они были не плоско-пло-
 ски и не пошло-пошлы.

Чудак он, право, своенравный!
 Его ввести не можно в толк!
 На разговор он рыбе равный,
 А вежлив, как сердитый волк.

(А.Грибоедов и П.Вяземский, «Кто брат, кто
 сестра, или обман за обманом»)

Отчего говорят насморк? Надобно говорить *нос-
 мокр*.

(по: Ходакова 1964)

Есть в Петербурге промотавшийся рыцарь, есть у
 него карета, и нечего есть.

(А.И.Тургеневу, 1817 г., по: Ходакова 1969)

Я приехал в Москву, плачú и пла́чу.

(В.Ф.Вяземской, 31 мая 1824)

А.С. ПУШКИН

(1799–1837)

Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит!

(«К другу стихотворцу»)

[Дяде, назвавшему поэта братом]:
Нет, нет – вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе.

Лечись – иль быть тебе Панглоссом,
Ты жертва вредной красоты, –
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те.

О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы эти,
Те, те, те и те, те, те.

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

Почтения, любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади.
(«*Variantes en l'honneur de m-lle NN*»)

И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.
(«*К Зине*»)

День блаженства настоящий
Дева вкусит, наконец,
Час пробьет и на ...
Дева сядет на ...
(А.Пушкин (?), по: Крученых 1924)

На К. Дембровского

Когда смотрюсь я в зеркала,
То вижу, кажется, Эзопа,
Но стань Дембровский у стекла,
Так вдруг покажется там ...

А завтра к вере Моисея
За поцелуй я не робея
Готов, еврейка, приступить –
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.
(«*Христос Воскрес*»)

Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:
В молчании добро должно твориться.
(«*О бедность!*»)

«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будет вам по калачу,

Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

(«Утопленник»)

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

(К переводу *Илиады*)

«Хоть, впрочем, он поэт изрядный,

Эмилий человек пустой».

– «Да ты чем полон, шут нарядный?»

А, понимаю, сам собой;

Ты полон дряни, милый мой!»

(«Эпиграмма»)

– Фу, надоел Курилка журналист!

Как загасить вонючую лучинку?

Как уморить Курилку моего?

Дай мне совет. – Да... плюнуть на него.

(«Жив, жив Курилка!»)

Полу-милорд, полу-купец,

Полу-мудрец, полу-невежда,

Полу-подлец, но есть надежда,

Что будет полным наконец.

(На гр. М.С.Воронцова)

Не то беда, Авдей Флюгарин,

Что родом ты не русский барин,

Что на Парнасе ты цыган,

Что в свете ты Видок Фиглярин:

Беда, что скучен твой роман.

Коль ты к Смирдину войдешь,

Ничего там не найдешь,

Ничего ты там не купишь,

Лишь Сенковского толкнешь,
Иль в Булгарина наступишь.

«Пройдет ли мой недуг?» – лев у осла спросил.
Осел отвечивал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был» –
Два раза два – четыре.

(«Нравоучительные четверостишия»)

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю – сижу орлом
И болен праздностью поносной.

(«Из письма к Вяземскому»)

[по поводу посещения лицейского товарища Пушкина
на Кюхельбекера]:

За ужином обьелся я,
А Яков запер дверь оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наш Глинка
Уж не Глинка, а фарфор!

<...>

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

(«Канон в честь М.И.Глинки»)

[Первая строфа написана М.Ю.Виельгорским,
последняя – А.Пушкиным.]

Свое первоначально отрицательное отношение к белым стихам Пушкин ярко выразил в пародии-эпиграмме на Жуковского:

*Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлеф,
Приходит мысль: Что если это проза,
Да и дурная?..*

[Пушкин воспроизводит два с половиной стиха пьесы Жуковского «Тленность» (кончая словом *мысль*) и добавляет резкую эпиграмматическую концовку.]

(по: Новиков 1989)

Двум Александрам Павловичам

Романов и Зернов лихой
Вы сходны меж собою:
Зернов! хромаешь ты ногой,
Романов головою.

Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить шпичом?
Тот в кухне нос переломил,
А тот под Австерлицом.

[Приписывается Пушкину; Романов – Александр I; А.П.Зернов – хромой, с переломленным носом помощник гувернера в Царскосельском лицее.]

Да еще, – промолвил запинаясь урядник, – жалует он [Пугачов] вам... полтину денег... да я растерял ее дорогою; простите великодушно». <...> «Добро, – сказал я. – Благодарю от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку».

(«Капитанская дочка»)

Бертольд. ...прошу тебя уж в последний раз.

Мартын. Об этих последних разгах я слышу уж не в первый раз.

(«Сцены из рыцарских времен»)

«Пушкин вообще любил читать мне свои вещи, – заметил князь [А.М.Горчаков] с улыбкой, – как Мольер читал комедии своей кухарке».

(«Пушкин в жизни», т. I, 277)

[Пушкин о Денисе Давыдове]: Военные уверены, что он отличный писатель, а писатели про него думают, что он отличный генерал.

Помещики: Пустяков; Скотинины; Буянов; франтик Петушков.

Из сборника «Русский литературный анекдот»

– Как ты здесь? – спросил Орлов у Пушкина, встретившись с ним в Киеве.

– Язык и до Киева доведет, – отвечал Пушкин.

– Берегись! Берегись, Пушкин, чтобы не услали тебя за Дунай! – А может быть, и за Прут!

Е.К.Воронцова молча проходит мимо Пушкина и обращается к кому-то с вопросом: «Что нынче дают в театре?» Не успел спрошенный раскрыть рот для ответа, как подскочил Пушкин и, положив руку на сердце (что он делал, особенно когда отпускал свои остроты), с улыбкою сказал: «Верную супругу, графиня».

В доме у Пушкиных, в Захарове, жила больная их родственница, молодая помешанная девушка. Пола-

гая, что ее можно вылечить испугом, родные, проведя рукав пожарной трубы в ее окно, хотели обдать ее внезапной душой. Она действительно испугалась и выбежала из своей комнаты. В то время Пушкин возвращался с прогулки из рощи.

– Братец, – закричала помешанная, – меня принимают за пожар!

– Не за пожар, а за цветок! – отвечал Пушкин. – Ведь и цветы в саду поливают из пожарной трубы.

[Некая дама (рябая), будучи недовольна пьяным Пушкиным, говорит ему]:

– У вас, Александр Сергеевич, в глазах двоит?

– Нет, сударыня, – отвечал он, – рябит!

[Пушкин скороговоркой говорит графу С., который сам лежит на диване, а его дети – играют на полу]:

– «Детина полоумный лежит на диване». Граф обиделся. «Вы слишком забываетесь, Александр Сергеевич» – строго проговорил он.

– «Ничуть... Но вы, кажется, не поняли меня... Я сказал: – дети на полу, умный на диване».

Кто-то, желая смутить Пушкина, спросил его в обществе:

– Какое сходство между мной и солнцем?

Поэт быстро нашелся:

– Ни на вас, ни на солнце нельзя взглянуть *не поморщившись*.

Из сборника «Разговоры Пушкина»

Н.И.Тургенев, быв у Н.М.Карамзина и говоря о свободе, сказал: «Мы на первой станции к ней». – «Да, – подхватил молодой Пушкин, – в *Черной Грязи*».

[Черная Грязь – станция на дороге из Петербурга в Москву.]

Спросили Пушкина на одном вечере про барыню, с которой он долго разговаривал, как он ее находит, умна ли она? – «Не знаю, – отвечал Пушкин очень строго и без желания поострить (в чем он бывал грешен) – ведь я с ней говорил по-французски».

(П.Вяземский)

Князь N (хозяин за ужином). – А как вам кажется это вино?

Пушкин (запинаясь, но из вежливости). – Ничего, кажется, вино порядочное.

Князь N. – А поверите ли, что, тому шесть месяцев, нельзя было и в рот его брать?

Пушкин. – Поверю.

– Пушкин встретил гостей, держа в зубах булку с икрой, а в руках стакан красного вина. «Что вам угодно?» – спросил он вошедших. И когда последние сказали, что желали иметь честь видеть славного писателя, то славный писатель отчеканил им следующую фразу: «Ну, теперь видели?.. До свиданья...»

Орлов обнял Пушкина и стал декламировать: «Когда легковерен и молод я был». В числе кишиневских новостей ему уже переданы были новые стихи. Пушкин засмеялся и покраснел. «Как, вы уже знаете?» – спросил он. «Как видишь», – отвечал тот. «То есть, как слышишь?» – заметил Пушкин, смеясь.

Из писем

Что более вам нравится? запах розы или резеды? – Запах селедки.

(П.А.Вяземскому)

...чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости – как не воспоминаниями.

(А.А.Дельвигу, 23мар. 1821)

...не предвижу конца нашей разлуки. Здесь у нас молдованно и тошно; ах, боже мой, что-то с ним делается – судьба его меня беспокоит до крайности – напишите мне об нем, если будете отвечать.

(Н.Гнедичу 27 июня 1822; речь идет о Кюхельбекере)

По твоим письмам к княгине Вере вижу, что и тебе и кюхельбекерно и тошно.

(П.А.Вяземскому, 24-25 июня 1824)

Он славный человек, хоть и женится.

(Л.С.Пушкину, 14 мар. 1825)

На днях, увидя в окошко осень, сел я в тележку и прискакал во Псков.

(В.А.Жуковскому, 6 окт. 1825)

[По поводу женитьбы лицейского товарища Дельвига]:
...апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огонь вечный, – обнимаю и поздравляю тебя – рекомендую меня баронессе Дельвиг.

(А.А.Дельвигу, 20 фев. 1826)

Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей [Пушкин имеет в виду себя] неосторожно обрюхатил. <...> Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино.

(П.А.Вяземскому, конец апр. – начало мая 1826)

...обоих вас благодарю и еду к вам и не доеду. Какой! меня *доезжают!*..

(П.А. Вяземскому, 1/ХП-1826 г.)

Деньги же эти – трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого.

(С.А.Собалевскому, 15 июля 1827)

Гретхен хорошеет и час от часу делается невиннее.

<...>

В Малинниках застал я одну Анну Николаевну с флюсом и с Муром.

(А.Н.Вульффу, 16 окт 1829)

Об Яковлеве имею печальные известия. Он в Париже. Не играет, к девкам не ездит и учится по-английски.

(М.О.Судиенке, 22 янв. 1830)

...распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы.

(П.А.Вяземскому, март 1830)

Наше житье-бытье сносно. Дядя жив, Дмитриев очень мил. Зубков член клуба. Ушаков крив.

(П.А.Вяземскому, II пол. марта 1830)

...Как вы думаете, есть надежда на Надеждина или Надоумко недоумевает?

(М.П.Погодину, 20 мая – 6 июня 1830)

Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-первых, потому что он мне должен; 2) потому, что я надеюсь быть ему должен ...

(А.Н.Верстовскому, 2-я пол. нояб. 1830)

Поговори с ним [бароном Дельвигом] об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона.

(А.Пушкин – П.А.Плетневу, 9 дек. 1830)

...я писал к тебе несколько раз или (чтоб не солгать) два раза – стихами и прозой, как бывало в старину.

(Н.С.Алексееву, 26 дек. 1830)

Каков шут Дельвиг, в круглый год ничего сам не написавший и издавший свой альманах *в поте лиц наших?*

(П.А.Вяземскому 2 янв. 1831)

Все присутствующие члены [общества Арзамас] собрались немедленно, в числе двух. Председателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверчь.

(П.А.Вяземскому 14 авг. 1831)

Если не возьмется за имя, то оно пропадет же даром, Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а им и горя мало.

(Н.Н.Пушкиной, 11 июня 1834)

Перовский показывал мне Взятие Рима Гензериком (которое стоит Последнего дня Помпеи), приговаривая: заметь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник такой. Как он умел, эта свинья, выразить свою канальскую, гениальную мысль, мерзавец он, бестия. Как нарисовал он эту группу, пьяница он, мошенник. Умора.

(Н.Н.Пушкиной, 11 мая 1836)

Н.В. ГОГОЛЬ

(1809–1852)

[Начало «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» – см. (1) и пародия на него – (2)]:

(1) *Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю Бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! Взгляните, ради Бога, на них, – особенно, если он станет с кем-нибудь говорить, – взгляните сбоку: что за объявление! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворец, угодник Божий! отчего же это у меня нет такой бекеша! Он сшил ее тогда еще, когда Агафья Федосеевна не ездила в Киев. Вы знаете Агафью Федосеевну? Та самая, что откусила ухо у заседателя.*

(2) *Иван Прохорович Сучковатый... Вы знаете Ивана Прохоровича Сучковатого? Неужели вы его не знаете? Ах! Боже мой, да его вся Коломна знает: спросите в Канонерской, в Торговой, на Козьем Болоте – ей-богу! его все там знают! Я однажды шел даже от Прачешного... Нет, как бишь он, вот этот мост, ну – тот, что там через Пряжку по Мясной улице – вот, мимо рта суется... Нет! не припомню! Еще подле него будка полосатая, а подле будки всегда располагается на лавочке будочник, который однажды... Ох, господа! Это презабавное происшествие – об нем вся Коломна очень долго твердила, и все думали, что это шутки, выдумки Фомы Филипповича, известного своим остроумием во всей Коломне, не менее Вольтера в Европе во время оно... Ну, так, видите, ей-богу правда – иду я, идет и Иван Прохорович Сучковатый, так себе идет, еще и в шинель завернулся – у него прекрасная шинель пьюсового цвета – сукно сам он выбирал в Гостином дворе... и т.д. (по: Виноградов 1976: 244).*

А посмотрели бы, что у него в саду! Чего там нет? Сливы, вишни, черешни, огорожина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница.

(«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»)

[Иван Иванович] сделает надпись над бумажкою с семенами: «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то «участвовал такой-то».

(«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»)

Не стану описывать кушаньев, какие были за столом! Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу, ни об индейке со сливами и изюмом, ни о том кушанье, которое очень походило видом на сапоги, намоченные в квасе.

(«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»)

Агафия Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот с желтенькими цветами.

– Нет, твой отец, не говоря дурного слова, большая скотина, извини, – ведь мы на ты.

(«Игроки», XVI)

– Да я за то, батюшка, вам плюну в лицо, коли вы честный человек. Да вы после этого подлец, коли вы честный человек. Осрамить перед всем миром девушку!

(«Женитьба», д. 2, XXV)

Помещики: Довгочун, Собакевич, Коробочка; чиновники: Земляника, Ляпкин-Тяпкин, Ячница; крепостные: Неуважай-Корыто, Коровий Кирпич; Колесо Иван.

«Мертвые души», т. 1–2

На душе было так тяжело, как будто на тебя взвалил кто дохлую корову.

...Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке.

В окне помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно было бы подумать, что стояло два самовара, если бы один самовар не был с черною как смоль бороною.

Прочие тоже были, более или менее, люди просвещенные, кто читал Карамзина, кто «Московские Ведомости», кто даже и совсем ничего не читал.

Говорили они все как-то сурово, таким голосом, как бы собирались кого прибить; приносили частые жертвы Ваху, показав таким образом, что в славянской природе есть еще много остатков язычества; приходили даже подчас в присутствие, как говорится, нализовавшись.

Деревня *Маниловка* немногих могла заманить своим местоположением.

[Манилов – о своем сыне]:

– Я его прочу по дипломатической части. Фемистоклюс!.. хочешь быть посланником?

– Хочу, – отвечал Фемистоклюс, жуя хлеб и болтая головой направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля.

Мирная жизнь дотекла бы... до глубокой старости,

если бы не было бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным... и всяким *советникам*, даже и тем, которые не дают никому *советов*.

Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории.

Потом были показаны турецкие кинжалы, на одном из которых, по ошибке, было вырезано: Мастер Савелий Сибиряков.

[Рассказ Ноздрева о бале] ... одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши и черт знает чего не было.

Он [Чичиков] отвечал, что уже имел счастье нечаянным образом познакомиться; попробовал еще кое-что сказать, но кое-что совсем не вышло.

Но управляющий сказал, что меньше, как за 5000, нельзя найти хорошего управителя. Но председатель сказал, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющий сказал: «Где же вы его сыщете? разве у себя в носу?» Но председатель сказал: «Нет, не в носу, а в здешнем же уезде, именно – Петр Петрович Самойлов...».

Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконец, проглотили, хотя с большим трудом, это неуклюжее дорожное произведение.

В молодости своей он был и капитан и крикун, употреблялся и по штатским делам, мастер был хорошо высесть, был и расторопен, и щеголь, и глуп.

Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: Иностранец из Лондона и Парижа.

А.В. СУХОВО-КОБЫЛИН

(1817–1903)

[Нелькин делится парижскими впечатлениями]:

Нелькин. С Сорбонной познакомился...

Муромский. А это кто ж такая?

Нелькин. Тамошний университет.

Муромский. Сорбонна-то? (Грозит ему пальцем.)

Врешь, брат; не актриса ли какая?

(«Дело», III)

«Смерть Тарелкина»

Тарелкин (ставит вино и водку). Чем бог послал.
Расплюев (рассматривая с удовольствием закуску). Он недурно послал.

Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом – так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади!

Чванкин (запальчиво). – Нет, я спрашиваю: как же он смел? Да знает ли он, кто я? а? Да я... я сам власть имею, а? Я помещик Чванкин!! Да у меня в Саратовской губернии двести душ! да у меня в Симбирской губернии двести душ! Да у меня черт знает где черт знает сколько душ!

[Следователь Расплюев допрашивает Людмилу, пытаясь узнать, не оборотень ли ее сожитель]:

Р а с п л ю е в. Ты с ним жила?

Л ю д м и л а. Жила.

Р а с п л ю е в. Ну что, он оборачивался?

Л ю д м и л а. Завсегда.

Р а с п л ю е в. Во что же он оборачивался?

Л ю д м и л а. В стену. <...> как я на постель лезу, так он, мошенник, рылом-то в стену и обернется.

КОЗЬМА ПРУТКОВ

«Мысли и афоризмы»

«Военные афоризмы»

«Ефим! Блюди особенно ты за растением сим;
Пусть хорошенько прозябает».
Зима настала между тем.
Помещик о своем растеньи вспоминает,
И так Ефима вопрошает:
– Что? Хорошо ль растенье прозябает?
– «Изрядно, – тот в ответ, – прозябло уж совсем!»
(по: Арутюнова 1988)

Легче держать вожжи, чем бразды правления.

Вакса чернит с пользою, а злой человек – с удовольствием.

Приятно поласкать дитя или собаку, но всего необходимее полоскать рот.

Стремись уплатить свой долг, и ты достигнешь двойной цели, ибо тем самым его исполнишь.

Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.

Небо, усеянное звездами, всегда уподоблю груди заслуженного генерала.

[Полковник читает афоризм о себе]:
*Тому удивляется вся Европа,
Какая у полковника обширная шляпа.*

Комментарий полковника: «Чему удивляться? Обыкновенная, с черным султаном. Я от формы не отступаю. Насчет неправильной рифмы, отдать аудиторю, чтобы прискал другую». [Любопытный полковник и дальше не оставляет попытки подыскать рифму к заинтриговавшему его слову]:

Если ищешь рифмы на: Европа,

То спроси у Бутенюпа.

Комментарий полковника: «Кстати подвернулся Бутенюп. Ну, а если бы его не было? Приказать аудиторю, чтоб подыскал еще рифмы к Европе, кроме ...» (Бутенюп – офицер полка).

[Эта рифма и сейчас волнует умы, ср.:

Если едешь на Кавказ,

Солнце светит прямо в глаз.

Возвращаешься в Европу –

Солнце светит... тоже в глаз].

Н.С. ЛЕСКОВ

(1831-1895)

...а вокруг — тьма *промежная*, и коней тройка лихая мчится, и не знаю куда.

(«Тупейный художник», XI)

— ...она сейчас — хватъ меня по наружности и отпечатала. «Вывесть ее!» — говорит лакею; очень просто — и вывели <...>

— И что ж вы изо всего этого, Домна Платоновна, выводите?

— А что, батюшка, мне выводить! Не мое дело никого выводить, когда меня самое выводят.

(«Воительница», I)

«Ну, сделай, — говорит, — милость, Домна Панталоновна», — у них это, у полковых, у всех все такая привычка: не скажет: Платоновна, а Панталоновна.

(«Воительница», III)

Прибежала я в квартал, кричу: батюшки, не мой узел. «Знаем, — говорят, — что *немой*, рассказывай толком».

(«Воительница», V)

...классические квартеты *Гайдена* простолюдинам не нравились и даже нагоняли на них тоску. Мне они откровенно жаловались, что «им нет хуже, как эту *гадину* слушать».

(«Железная воля», II)

Сколько я ни дергал дверь, собственные мои силы, вероятно, оказались бы совершенно недостаточными, если бы мне на помощь не подспела чья-то добрая ру-

ка, или, лучше сказать, добрая нога, потому что дверь мне была открыта с внутренней стороны толчком ноги.
(«Железная воля», IV)

Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни и *нимфозории*, начиная с самой огромнейшей египетской *керамиды* до закожной блохи.
(«Левша», III)

А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту ее рассмотрели в самый сильный мелкоскоп и сейчас в публицистские ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон вышел <...>. Подали ему англичане ихнего приготовления горячий студинг в огне <...>. – Мы на буреметр, – говорят, – смотрели: буря будет, потонуть можешь.

(«Левша»)

Водопление стало ужасное, а левша все вниз в каюты нейдет – под *презентом* сидит, нахлобучку надвинул и к отечеству смотрит.

(«Левша», XVI)

– Я даже, говорит, – «пар сет оказиен» и стихи написал: вот, «экутэ», пожалуйста.

(«Жидовская кувьфколлегия», 9)

[Вышучивание макаронической речи – неоправданного «щеголяния» иноязычными словами.]

«Полунощники»

В их необыкновенном доме господствует система: как к ним «привалит» публика, или, как ее называют, –

«толпучка», дамы встречают гостей и тотчас же их сортируют.

...у меня в девушках был такой заковычный друг, Шура. Ах, какая была прелесть приятненькая, и зато уж мы любили друг друга!

– Ко всему память и соображения хорошие, а к учению нет – долбицу умножения сколько ни долбила, а как, бывало, зададут задачу на четыре правила сложения – плюсовать, или минусить, или в уме составить, например, пять из семи – сколько в отставке? – то я и никаких пустяков не могу отвечать <...>. Николай Иванович к народу был проще, но зато страсть какой предприятельный: постоянно он в трех волнениях, и все спешит везде постановов вопросу делать <...> он в этих своих трех волнениях неведомо чего хочет.

Сначала он более всего мимоноски строил, и в это время страсть как распустился кутить с морскими голванерами.

А одному военному это не понравилось и он говорит: «Лучше нашу кавказскую полковую», – и завел:

...в долине Драгестанна
С винцом в груди
Заснул отрадно я.

Д.Д. МИНАЕВ

(1835–1889)

Область рифм – моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурным
Обращаясь с каламбуром.

К картине «Сапожник» Кочетова

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом –
Тьфу! – кистью – я хотел сказать.

О картине «Лес» Шишкина

Правдиво так написан лес,
Что все невольно изумляются:
В таком лесу насмешки бес
И эпиграмма заплутаются.

К картине «Битая дичь» Граверта

Здесь в указатель глядеть не приходится,
Можно здесь разом постичь,
Что на картинах пред нами находится
Дичь, господа, только дичь!..

Какие ни выкидывай курбеты,
А все-таки, друг милый, не Курбе ты.

По прочтении романа И.Тургенева**«Вешние воды»**

При чтении этих «Вешних вод»
И их окончивши, невольно

Читатель скажет в свой черед:
«Воды действительно довольно...»

[В связи с политическим доносом Маркевича на И.С.Тургенева]:

На днях, влача с собой огромных два портсака,
Приплелся он в вокзал; с лица струился пот...
«Ему не донести!» – вокруг сожалел народ,
И только лишь какой-то забияка
Сказал: «Не беспокойтесь – донесет!..»

Нельзя довериться надежде,
Она ужасно часто лжет:
Он подавал надежды прежде,
Теперь доносы подает.

Болеславу М<аркевичу>
Не дается боле слава
Бедной музе Болеслава.

Кони ржут за Сулою,
Публицисты – в «Вести»,
На Неве и в Киеве
Все заржали вместе.

(«Слово о полку Игореве»)

Газете «День»

«Дню» мадригала лучше нет:
«Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет».

К пьесе «Чужая вина» г. Устрялова

Эта драма назваться должна,
Чтоб избежать скандала немалого,
Уж совсем не «Чужая вина»,
А вина – господина Устрялова.

После бенефиса

«Чья же пьеса нынче шла?»
«Александрова». – «Была
С шиком сыграна, без шика ли?»
«С шиком, с шиком: громко шикали».

Артисту-любителю

«Служителем искусства» постоянно
Ты, милый мой, привык себя считать.
Что ты «служитель» – это мне не странно,
Но об искусстве-то зачем упоминать?..

Черты прекрасные, молю я,
Изобрази мне, их малюя,
И я, написанный пастелью,
Портрет повешу над постелью.

На пикнике, под тенью ели
Мы пили более, чем ели.
И зная толк в вине и в эле,
Домой вернулись еле-еле.

В ресторане ел суп сидя я.
Суп был сладок, как субсидия.

«Скажите: да иль нет –
На колбасу вы в лавке покушались?»
«Покушали-с!» – наивный был ответ.

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

[В.П.Буренину, славящемуся своей желчной язвительностью.]

Ты грустно восклицаешь: «Та ли я?
В сто сантиметров моя талия...»
Действительно, такому стану
Похвал я выражать не стану.

Не ходи, как все разини,
Без подарка ты к Розине,
Но, ей делая визиты,
Каждый раз букет вези ты.

Она останется всегда
Артисткой, нужною для сцены.
И хоть не очень молода,
Но всё ж моложе Мельпомены.

В полудневный зной на Сене
Я искал напрасно сени,
Вспомнив Волгу, где на сене
Лежа, слушал песню Сени:
«Ах вы, сени мои, сени!..»

**В альбом. Круппу-младшему,
приехавшему в Петербург**

Ем ли суп из манных круп,
Или конский вижу круп –
Мне на ум приходит Крупп...
А за ним большая масса,
Груда «пушечного мяса».

Чиновным немцам

В России немец каждый,
Чинов страдая жаждой,
За них себя раз пять
Позволит нам распять.
По этой-то причине
Перед тобою росс,
Он задирает нос

При ордене, при чине:
Для немца ведь чины
Вкуснее ветчины.

Нельзя хулить «картофеля в мундире»,
Чтоб не обиделся иной мундирный Марс.

На ком шапка горит?

Имея многие таланты,
К несчастью, наши интенданты
Преподозрительный народ.
Иной, слыша слово «ворон»,
Решает, что сказали «вор он!»,
И на его, конечно, счет;
И если кто проговорится
Невинным словом «воробей»,
Он начинает сторониться.

Перед гробом М.Н.Лонгинова

Стяжав барковский ореол,
Поборник лжи и мрака,
В литературе раком шел
И умер сам от рака.

Вас в детстве слишком нежили,
Как мы в нужде вы не жили
И при хорошем старосте
В имени до старости,
Забот не зная, прожили,
Но средств своих не «прожили».

Женихи, носов не весьте,
Приходя к своей невесте.
Семьей забыта и заброшена,
За ленту скромную, за брошь она
Ласкалась некогда ко мне;
А нынче, позабыв о суженом,

Лишь только жаждет оргий с ужином,
С забвением в вине.

Что сделала ты из меня,
Постыдно мне так изменя?
Припомнится мне та пора
И, словно удар топора,
Я чувствую в скорби немой.
Мой угол как будто не мой,
Мне нынче обед не в обед...
Забыв воздержанья обет,
Я стал, по твоей лишь вине,
Топить свое горе в вине.
И прежде служивший мне стих
Струною оборванной стих.

Я, встречаясь с Изабеллою,
Нежным взглядом дорожу,
Как наградой. И за белую
Ручку взяв ее, дрожу.

Он емким сердцем очень нежен:
В нем поместится целый Нежин.

Парик на лысину надев,
Не уповаю я на дев
И ничего не жду от дам
Хоть жизнь подчас за них отдам.

[Онегин читает письмо Татьяны, «в письмо вставляя целый ряд / непозволительных цитат»]

Кто ты? мой ангел ли хранитель?

(Я ваш, сударыня, сосед.)

Или коварный искуситель?

(Вас искушать охоты нет.)

Никто меня не понимает

(Кому понятна ерунда!) и т.д.

(«Евгений Онегин нашего времени»)

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

(1828–1889)

Во время обеденного торжества имеют быть предлагаемы тосты, произносимы речи и прочитываемы поздравительные телеграммы, причем, однакож, из пушек палимо не будет.

...через губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь.

(«Сказки. Дикий помещик»)

И был тот помещик глупый, читал газету «Весть» и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое.

(«Сказки. Дикий помещик»)

И дикий тунгуз, и сын степей калмык – все будут говорить: майора Топтыгина послали супостата покорить, а он, вместо того, Чижику съел!

(«Сказки. Медведь на воеводстве»)

Сколько раз воры сговаривались: «Поднесемъте Трезорке альбом с видами Замоскворечья»; но он и на это не польстился.

(«Сказки. Верный Трезор»)

[пес Трезор корове Рохле]:

– Только твоей и заслуги, что молока полведра в день из тебя надоят, а, по-настоящему, какая же это заслуга! <...> Копыта об копыто ты не ударишь, чтоб хозяину заслужить, а вот тебя как награждают!

(«Сказки. Верный Трезор»)

Хоть и обыкновенный это был заяц, а преумный. И так здраво рассуждал, что и ослу впору.

(«Сказки. Здравомысленный заяц»)

[Городничий Вальяжный – обывателю, который не хочет «с женой жить»]:

– И баба-то какая... Давеча пришла... печь-печью! Да с этакой бабой... конца-краю этакой бабе нет! А ты! Ах ты, ах!

(«Сказки. Игрушечного дела людшки»)

Страсть к красавице-Канарейке до такой степени овладела всеми его [чижа] помыслами, что он, вопреки своей обычной осмотрительности, пренебрег даже справиться, что за птица была его невеста и есть ли за нею какое-нибудь приданое.

(«Сказки. Чижиково горе»)

«История одного города»

[Описание «русских бунтов»]:

Анархия началась с того, что глуповцы собрались вокруг колокольни и сбросили двух граждан: Степку да Ивашку. Потом пошли к модному заведению французки, девицы де-Сан-Кюлот (в Глупове она была известна под именем Устиньи Протасьевны Трубочисти-хи; впоследствии же оказалась сестрою Марата и умерла от угрызений совести) и, перебив там стекла, последовали к реке. Тут утопили еще двух граждан: Порфишку да другого Ивашку, и, ничего не доспев, разошлись по домам. <...>

В то время <...> неустрашимый штаб-офицер не дремал и <...> научил некоторую авантюристку, Клемантинку де-Бурбон, предъявить права свои. <...> Опять шарахнулись глуповцы к колокольне, сбросили с раската Тимошку да третьего Ивашку, потом пошли к Трубочистихе и до тла разорили ее заведение, потом шарахнулись к реке и там утопили Прошку да четвертого Ивашку».

...хотя он [помощник градоначальника] и попытал-

ся захватить бразды правления, но так как руки у него тряслись, то сейчас же их выпустил.

...поражал [градоначальник] расторопностью и какою-то неслыханной административной въедчивостью, которая с особенной энергией проявлялась в вопросах, касавшихся выеденного яйца.

...однажды [градоначальник] забрался ночью к жене местного казначея, но едва успел отрешиться от уз (так называет летописец мундир), как был застигнут врасплох ревнивцем-мужем.

Беневоленский [градоначальник] начертал несколько законов, между которыми наиболее замечательны следующие: ... «всяка душа да трепещет» и «всякий сверчок да познает соответствующий званию его шесток»...

...казнить, расточать или иным образом уничтожать обывателей надлежит с осмотрительностью, дабы не умалился от таковых расточений Российской империи авантаж и не произошло для казны ущерба...

...Просвещение внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития.

«Современная идиллия»

И хотя наши собеседования почти всегда заканчивались словами: «необходимо погодить», но мы всё-таки утешались хоть тем, что слова эти составляют результат свободного обмена мыслей... что воля с нас не снята, и что если бы, например, выпить при сем две-три рюмки водки, то ничто бы, пожалуй, не воспрепятствовало нам выразиться и так: Господа! Да неужто же наконец... <...>

Мы прежде всего направляли стопы на Круглый рынок и спрашивали, нет ли каких новостей; оттуда ша-

гали на Мытный двор и почти с гневом восклицали: «Да когда же наконец белорыбицу привезут?»

Такса (компенсация за оскорбление): За вымазание лица дегтем, салом, тестом и т.п. – 4 р. То же, веществами, коих вывоз в дневное время воспрещается, – 5 р.

[Письмо хана Наср-Эддина адвокату Балалайкину о присылке ему невесты]: «Свет очей моих, господин аблакат Балалайка! Докладываю вам, что присланную при письме девицу Людмилу мы в сохранности получили, и всё, что, по описи, той девице принадлежит – всё оное оказалось исправно».

Беседа беседе тоже розь, друзья! Иная беседа такая бывает, что от нее никакого вреда, кроме как воняет. Какой же, значит, от этого вред?

Объявление:

«ПОЛКОВОДЕЦ!!!

Делает рекогносцировки, берет хитростью и приступом большие и малые укрепления, выигрывает большие и малые сражения, устраивает засады, преследует неприятеля по пятам, но, в случае надобности, и отступает. В особенности может быть полезен во время междоусобий <...> Трезвого поведения. Спросить Полкана Редедю, Забалканский проспект, дом № 4-105, на дворе, в палатке. Комиссионерам не приходиться».

«А у Оленина (1831 г., in 8-vo) последний стих так напечатан:

Гляжу я безмолвно на черную шаль

И гладную душу дерзает печаль.

[Вм. пушкинского: «...И хладную душу терзает печаль».]

Примеры из [Ефимов 1953]

...купля и продажа всего, начиная с гнилых яблоков и подержанных штанов и кончая подержанною и гнилою совестью.

Военный скажет – помелом причешет.

Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан.

[Пародия на библейские тексты]:

Слепые прозрели, чающие движения воды взяли под мышку одр и на рысях побежали в кабак.

...спрашивали, нет ли Поль-де-Кокца в переводе почитать [вм. Поль-де-Кока].

Листья еще крепко держатся на ветлах деревьев и только чуть-чуть начинают буреть <...> везде жужжат мириады пчел, которые, как чиновники перед реформой, спешат добрать последние взятки.

Но вот он делается чиновником; с каким вниманием, с каким простодушием выслушивает он наставления начальника и благодетеля!.. Не достойный ли, не презренный ли он сосуд... извините, сосудик!.. с каким трепетом берет он в руку бумажку, очинивает ножичком перышко, как работает его миниатюрное воображеньице, как трудится его крохотная мысль, придумывая <...> каждое выраженьице замысловатого отношеньица.

...корни *сечения* горьки, но плоды его сладки [вм. *корни учения*].

С голого по нитке сытому рубашка [вм. «С сытого по нитке – голому рубашка»].

Во дни чрезвычайного упадка наших денег, совершенно несправедливый русский человек встретился с Салтыковым [Щедриным] в Париже и горько жаловался ему на низкий курс. «Я этого не нахожу, – патриотично заметил Михаил Евграфович» <...> – «Помилуйте! – воскликнул собеседник, – ведь нам дают всего только полтинник за рубль!». – «Так ведь все-таки дают полтинник, это превосходно! Вот, когда за наш рубль будут давать в морду, тогда курс будет плохой».

Белибердоносцы; клоповодство; мелкоплавание; пенкоснимательство; рылокошенис;

ерундоносная братия; чернилоносное чиновническое воинство; плюхопросящий тон; ассенизационно-любоэрастная газета; слабо-глупо-либерально-пьяный помещик; нагло-истерически-пустопорожные статьи; умонелепствовать; душедрянствовать; натяфтяфкать; сцапцарапать.

Градоначальники: Негодяев; Угрюм-Бурчеев; Перехват-Залихватский.

Деревня Проплёванная; Устав «Вольного Союза Пенкоснимателей»; Журнал «Вестник Пенкоснимательства»; Газета «Помои».

В.П. БУРЕНИН

(1841–1926)

У дам моих в купальне йдут пренья
О конституции... их благородных тел.

Военную повинность и на дам
Распространить – благой совет я дам...

(«1 января 1871 года»)

Возри на Пруссию: не Канты,
Не Гегели на целый мир
Ее прославили, но канты,
Погоны, выпушки, мундир.

(«Голос патриота»)

Воздух в зале [суда] был до такой степени сгущен, что многие дамы, любительницы уголовных дел, совершенно спокойно клали на него свои легкие шляпки.

(«Мертвая нога», I)

[Товарищ прокурора о даме легкого поведения Папильоткиной]:

Убитая была не простая дама, а дама приятная во многих отношениях. <...> Она никому не делала зла, она, напротив, всем и каждому, по мере сил своих, стремилась доставить удовольствие. К ней, говоря словами поэта прошлого времени, «шел воин, купец и пастух».

(«Мертвая нога», IX)

[Используются цитаты из Гоголя и Лермонтова.]

[Писатель-классик Распрогорький – аплодирующим читателям]:

– Чего на меня таращите буркалы? чего шлепаете? Шлепали бы вот лучше Распрокислomu: он высокохудожественнее еще меня. Читаешь его высокохудожественные рассказы, точно тряпку грязную сосешь. А мне что шлепать? Я не этуаль из шато де-кабака!

(«Литературные чтения и собеседования в обществе «Бедлам-модерн»» – пародия на Максима Горького)

Репетиллов – Чацкому:

Ведь ты подумай, чем я нынче занят!..

Чацкий:

Да чем же, наконец?

Репетиллов:

Борьбой!

Чацкий:

Ужели в цирк пошел атлетом?

Репетиллов:

Шутник ты был всегда и очень грешен в этом...

Оставь шутить: я говорю тебе

О политической борьбе.

(«Горе от глупости»)

Фамусов – о Чацком:

По мнению его, у нас один лишь вред

От бюрократии, комиссий, комитетов,

От канцелярий и советов:

Всё это, видите ли, вздор,

А нужен земский нам собор,

Как было на Руси московской...

Хлестова:

Не секты ль какой жидовской?

Вишь, вздумал что в недобрый час!

Соборов мало ли у нас:

Исакия, Казанский, Смольный.

(«Горе от глупости»)

Баронесса фон-дер-Блин; граф Сквернештерн; Макс Д'Уррак; пан Егзович;

донна Аграфена Пухлотелло; герцогиня Фекла де Груд-дасто и ее любовник дон Вавилло;

покойный командир Архип дель Морда;

поэты: Валерий Противуественный, Анкудин Гордый-Безмордый, Агафон Великий-Безликий, Через-забор-перелезинский;

поэтессы «модерн»: Кризантема Идиотовна Грациозно-Искриленная, Коринна Морозная Язва;

балетристы: Кузьма Распрогорький, Сидор Распропьяный, Карп Распрокислый, Фемистокл Наглый-Порнографов;

судебные эксперты: Попугай-Разболтаев и Разболтай-Попугаев;

«альфонсы»: Содержанцев 1-й и Содержанцев 2-й;

революционеры: Варава и Онан Глупейзеры.

(«Литературные чтения
и собеседования в обществе “Бедлам-модерн”»)

Макс Калошин (Макс Волошин).

Немирович-Вральченко (Немирович-Данченко).

Владимир Исхафитович Коротенко (Владимир Галактионович Короленко)

А.П. ЧЕХОВ

(1860–1904)

«Голова голове головою голову пробил». Прошипит редактор.

(«Комические рекламы и объявления»)

«Календарь "Будильника" за 1882 год»

Обеды. 1) Суп с мокрой курицей <...>. Спартанская похлебка. 2) Жареная селезенка селезня <...>. Гусь лапчатый фри. Газетная утка-фри.

Воскресенье. День сугубо светлый... Все гуляют, кроме почтальонов, которые... бегают. Почтамт разошлет 106 пуд. визитных карточек.

Апрель. Концертов тьма-тьмушая; между ними преобладают, разумеется, кошачьи.

Выдающиеся события, метеорология, пророчества <...>:

В сей день в 132 г. в Португалии ничего особенного не произошло.

◇ ◇ ◇

Ноги растут из того места, ради которого природа березу придумала.

(«Краткая анатомия человека»)

Я верую в переселение душ...

Я был щенком, когда родился, гусем лапчатым, когда вступил в жизнь.

(«Несколько мыслей о душе»)

Статский советник без брюшка – не действительный статский советник (Каламбур?! Ха, ха!)

(«Краткая анатомия человека»)

Я посланник. Каждое утро жена посылает меня на рынок за провизией <...>. Я городской, потому что я живу в городе, а не в деревне. Я дворянин – это несомненно. По вечерам я прогуливаюсь по двору, летом люблю спать на дворе, часто беседую с дворником и собаки мои называются дворняжками <...>. Я кавалер, потому что имею Анну на шее – и какую Анну! Толстую, краснощекую, строптивую <...>. Я целовальник, потому что люблю целоваться.

(«Мои чины и титулы»)

Богатые персы сидят на персидских коврах, а бедные – на колах, причем первые испытывают гораздо большее удовольствие, чем вторые.

(«К характеристике народов»)

– А вино, надо сознаться, препаскуднейшее! Vinum plochissimum!

(«Аптекарьша»)

– А мы к вам, шарманочка! – продребезжал генерал, довольный тем, что сумел по-своему переделать слово «charmante».

(«Герой-барыня»)

В августе начинается так называемое «бабье лето», когда природа совершенная баба: то улыбается, то кукусит.

(«Об августе»)

- Кого можно назвать падшим созданием?
- Человека, упавшего с каланчи.

(«Экзамен»)

Не место красит человека, а человек место. Посему не театр красит городского, стоящего у театрального подъезда, а городской красит театр.

(«Не тлетворные мысли»)

И дальние родственники суть наши ближние. Люби их.

(«Не тлетворные мысли»)

Если барышня любит не вас, а вашего брата, то это *братская любовь*. <...>

Если молодые люди объясняются в любви на плоту, то это *плотская любовь*. <...>

Если старая дева любит собак, кошек и прочих животных, то это *животная любовь*. <...>

Распутную жизнь, ведут почтальоны и ямщики, когда ездят осенью в распутицу.

(«Словотолкователь для «барышень»)

Вопрос. Где можно стоя сидеть?

Ответ. В участке.

(«Вопросы и ответы»)

[В бильярдной]:

Вдруг что-то: тррресь! Думали сначала, что он на бильярде сукно порвал, а как поглядели, братец ты мой, у него *Соединенные Штаты* по всем швам! Так высоко задрал, бестия, ногу, что ни одного шва не осталось.

(«В номерах»)

Можно сказать: «Я друг этого дома», но нельзя сказать: «Я друг этого деревянного дома». Из этого следует, что, говоря о предметах, нужно скрывать их качества...

(«Плоды долгих размышлений»)

Маленькое жалованье гораздо лучше большого безденежья.

(«Персона»)

Сидите вы тут сиднем и кроме невежества не видать в вас никакой цивилизации.

(«Умный дворник»)

Лет тридцать тому назад, в вербное воскресенье, в день именин старухи-вербы, старик сидел на своем месте, глядел на весну и удил...

(«Верб»)

– Я иду по ковру, ты идешь, пока врешь, – говорил Иван Петрович, усаживая дочь в коляску, – он идет, пока врет... Трогай! Прощайте пожалуйста!

(«Ионьки»)

Возьмем хоть вот этот рубль к примеру... Что он? Падает ведь, унижен, осрамлен, очернился паче сажки, потерял всякую добропорядочную репутацию, а люблю его! Люблю его, несмотря на все его недостатки, и прощаю...

(«Прощение»)

Петербургский репортер Z., обозревая мануфактурную выставку, остановил между прочим свое внимание на одном павильоне и начал что-то записывать.

– Это не вы обронили четвертную? – обратился к нему хозяин павильона, подавая ему бумажку.

– Я уронил две четвертные! – нашелся репортер.
(«Майонез»)

Этот Жан – здоровнейший мужчина, говорящий хриплым басом, пахнущий уксусом и вечно ищущий по свету, где оскорбленному есть чувству... рюмка водки и рубль взаймы.

(«Визитные карточки»)

Что такое доктор? Доктор есть предисловие гробокопателя... вот что-с!

(«Двадцать девятое июня»)

– Господи, какая цивилизация! Виды эти, разные Везувию... окрестности! Что ни шаг, то и окрестности!
(«В Париж!»)

Разведи там, на могиле, какую-нибудь мантифолию поцицеронистей, а уж какое спасибо получишь!

(«Оратор»)

Когда гроб опускали в могилу, жена даже крикнула: «Пустите меня к нему!», но в могилу за мужем не пошла, вероятно, вспомнив о пенсии.

(«Оратор»)

– А вы бы уходили, Герасим Алпатыч <...>. Вы назюкалились, и в вашем интересном положении самое лучшее теперь сидеть дома.

(«Скорая помощь»)

И физиомордия, знаешь, этакая тово... внушительная.
(«Староста»)

Если жена тебе изменила, то радуйся, что она изменила тебе, а не отечеству.

(«Жизнь прекрасна!»)

[Разговор жены, артистки, с мужем]:

- Я у тебя никогда ничего не брала.

- Так ли? А когда мы еще не были известной артисткой, то на чей счет мы жили? А кто, позвольте вас спросить, вытянул вас из нищеты и осчастливил?

(Mari d'elle)

- Кроме того, мы имеем доход от стеариновых свечей и зайцев.

- Охотой занимаетесь?

- Нет-с, зайцами у нас называются безбилетные пассажиры.

(«Хороший конец»)

Когда она [жена] не спала и не ела, она играла, когда не играла, то пела. Гаммы вытянули из меня все мои бедные жилы (я теперь без жил).

(«Мои жены»)

Во всем, что касалось ее [жены] принципов, она старалась быть беспощадной... - Нечестно, - говорила она мне, - носить бороду, когда из нее можно сделать подушку для бедного!

(«Мои жены»)

- Денег ваших я никогда у вас не брал, а ежели брал когда-нибудь, то по надобности.

(«Суд»)

Девушка Подзатылкина замечательна только тем, что ничем не замечательна.

(«Перед свадьбой»)

Прическа, как и подобает образованной девице, скромная: два-три пуда волос, зачесанных кверху, и на

волосах маленькая лестница для причесывающей горчишной.

(«Брак через 10-15 лет»)

– Бестия, я вам скажу! Честнейший человек, благороднейший, но мерзавец в своем роде, архаровец...

(«Рыцари без страха и упрека»)

[Кошке, обнюхавшей заливное]:

– Просили тебя нюхать! – сердится он, накрывая рыбу газетной бумагой. – Свинья ты после этого, а не кошка.

(«Накануне поста»)

[Врачи у постели больного]:

Миллер. Я говорю о *режиме*, который следовало бы изменить *in concrete* <...>. Я просил бы вас обратить внимание на его *конституцию*...

Больной (побледнев). Ах, господа, не говорите так громко! Я человек семейный..., служащий... Под окнами люди ходят... у меня прислуга... Ах!

(«У постели больного»)

[Проходимец, выдающий себя за врача и вынужденный выписать рецепт, пишет абракадабру, использующую латинский афоризм *Sic transit gloria mundi* («Так проходит мирская слава»)]:

Rp. *Sic transit* 0,05

Gloria mundi 1,0

Aquae distillatae 0,1

Через два часа по столовой ложке.

Г-же Съеловой.

Д-р Зайцев.

(«Ночь перед судом», по: Новиков 1989)

– Извозчик! Спишь, черт! В Салон де варьете!

– В Солёный вертеп? Тридцать копеек!

(«Салон де варьете»)

– А я ему честно и благородно... по-божески. «Пройди, говорю, мимо, пьяница этакая».

(«Ты и вы»)

[Разговор с подсматривающим любовную сцену мальчиком]:

– Подсматривать подло, а пересказывать низко, гнусно и мерзко... Полагаю, что вы, как честный и благородный человек...

– Дайте рубль, тогда не скажу! – сказал благородный человек. – А то скажу.

(«Злой мальчик»)

Да ведь за этикие деньги не то что жениться, в Сибирь пойти можно!

(«Трагик»)

Женщина с самого сотворения мира считается существом вредным и злокачественным.

(«О женщинах»)

Около него [жениха] сидела невеста с заплаканными глазами и с выражением крайней невинности на лице.

(«Свадьба с генералом»)

Когда я <...> оканчивал второй анекдот, Иван Иванович захохотал, покачнулся от хохота... Это был гомерический хохот. Так мог хохотать один только Гомер.

(«Кое-что»)

С шиком, канашка, шельмец этакой! Ай да мужчина!
Настоящий Вальтер Скотт!

(«Перед свадьбой»)

Один немец, член нашей Академии наук, переводя что-то с русского на немецкий, фразу «он женился на Красной горке» перевел таким образом: «Er heiratete die m-lle Krasnaja Gorka».

(«Красная горка»)

[Мальчик думает об умершей бабушке]:

До своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики, посыпанные маком, теперь же она спит, спит...

(«Стель», I)

Иван Никитич кашлянул, высморкнулся и чокнулся с хозяином.

– Желаю вам зла-погибели и бед всяческих... избежать! – сострил купчик.

(«Корреспондент»)

[На юбилее] Затем начальник сделал рукой жест, означавший, что он от волнения не может говорить, и заплакал, точно ему не дарили дорогого альбома, а, наоборот, отнимали...

(«Альбом»)

– Теперь можно узнать, – сказал бледный доктор, дрожа всем телом, – пуст этот гроб или же... он обитаем?

(«Страшная ночь»)

– Да и вонь же у вас, синьор! – сказал я, входя [в гостиницу] и кладя чемодан на стол. Смотритель понюхал воздух и недоверчиво покачал головой. «Пахнет, как обыкновенно, – сказал он и почесался. – Это вам с мо-

розу. Ямщики при лошадях дрыхнут, а господа не пахнут».

(«Ночь перед судом»)

...в тяжелом воздухе пахло щами, пеленками и Егорычем.

(«Старый дом»)

Этот Ескимосов парвеню и мове-жанр, свинья в ермолке, и моветон, но папаше с дочкой манже и буар хочется, так что тут некогда рассуждать о мове-жанрах.

(«Танер»)

...перейдя мостик, усмотрен мною без всяких признаков жизни повесившийся труп мертвого человека.

(«Донесение»)

Всё это дело вышло из-за, царствие ему небесное, мертвого трупа <...>. Разгоняю я народ, а на берегу на песочке утопый труп мертвого человека.

(«Унтер Пришибеев»)

Говорили о случаях, случайно случившихся на той или другой линии.

(«Рыцари без страха и упрека»)

[Разговор станового со своей женой об исчезнувшем и вновь «обретенном» помещике Клязуове]:

– Зачем следователь приезжал?

– Приезжал сказать, что Клязуова нашли. Вообрази, нашли его у чужой жены!

[Становиха говорит чистую правду, умалчивая лишь о том, что чужая жена, у которой в баньке обретен Клязуов, это она сама, становиха.]

(«Шведская спичка»)

Не испугались и сохранили присутствие духа одни только пожарные, которые в это время крепко спали, что мы и спешим удостоверить.

(«Злоумышленники»)

[Жена должна]:

Уметь: петь, плясать, читать, писать, варить, жарить, поджаривать, нежничать, *печь* (но не *распекать*), занимать мужу деньги.

(«По-американски»)

А вот какова должна быть и моя невеста:

Вдова или девица (это как ей угодно будет) не старше 30 и не моложе 15 лет.

(«По-американски»)

Управляющий сказал мне: «Держу вас только из уважения к вашему почтенному батюшке, а то бы вы у меня давно полетели». Я ему ответил: «Вы слишком льстите мне, ваше превосходительство, полагая, что я умею летать».

(«Моя жизнь», I)

Никифор, по моему мнению, был более прав, величая Калерию Ивановну шлюхой и *Кавалерией* Ивановной.

(«Цветы запоздалые», III)

[Разговор Н.А.Соллогуба с А.С.Даргомыжским]:

Послушай, Александр Сергеич, — обратился литератор к композитору, — будь другом, поставь поближе ко мне свечу, а то ничего не видно...

— В данную минуту мне приходится оригинальничать, — сказал Даргомыжский, принимая с комода свечу и ставя ее на столик перед В.А.Соллогубом. — Обык-

новенно я ставлю свечи перед образами, теперь же приходится ставить свечу *перед* образом...

(«Кое-что об А. С. Даргомыжском»)

Из «Записных книжек»

Настоящий мужчина состоит из мужа и чина.

А это, рекомендую, мать моих сукиных сынов.

– Он, господин мировой судья, обозвал мою собаку так: *сукин сын*.

Немка: мой муж был большой любовник ходить на охоту.

Садовник изменник, когда он продает настурции.

Шнапс-капитан.

Кавказский князь в белом шербете ехал в открытом фельетоне.

У насекомых из гусеницы получается бабочка, а у людей наоборот: из бабочки гусеница.

[Половому]: – Дай-ка порцию главного мастера клеветы и злословия с картофельным пюре.

Из писем

В Туле шнапс-тринкен, легкое опьянение и шляфен.
Спал, скрючившись в 3 погибели.

(Чеховым, 7 апр. 1887)

Видел богатых невест. Выбор громадный, но я всё время был так пьян, что бутылки принимал за девиц, а девиц за бутылки. Вероятно, благодаря моему пьяному состоянию здешние девицы нашли, что я остроумен и «насмешники».

(Чеховым, 25 апр. 1887)

На одном из поездов видел Союю Ходаковскую: мажется, красится во все цвета радуги и сильно окошко дохлалась.

(Чеховым, 11 мая 1887)

Ну, Гусев, надевай штаны и иди в «Пет<ербургскую> газ<ету>» за гонореей. Счет: № 252 – 312 строк... [вместо «за гонораром»]

(Ал.П.Чехову, 25 сен. 1887)

Кто-то напечатал стихотв<орение> «Тенденциозный Антон», где я назван ветеринарным врачом, хотя никогда не имел чести лечить автора.

(Ал.П.Чехову, 21 окт. 1887)

Я нанял себе дачу около города Сум на реке Псле. Место поэтическое, изобилующее теплом, лесами, хохлами, рыбой и раками.

(Я.П.Полонскому, 25 мар. 1888)

Вы можете застать меня в усадьбе ежедневно от 9 часов утра до 9 часов утра. Милости просим!

(А.Н.Плещееву, 17 апр. 1888)

...можете быть убеждены в том, что из вашей песо-пекарни выйдет большой толк.

(И.Л.Леонтьеву, 9 июня 1888)

...пароход «Дир», на котором мы плыли летом в Потн и терпели муки, приказал долго жить: разбился о южный берег Крыма.

(А. Чехов – А.С. Суворину, 17 дек. 1888)

Sire! Когда вы вернетесь из Петрограда, я и мощи Лины Саламонской будем уже сидеть на крылечке и слушать, как кричат соловьи и лягушки.

(Н.Н. Оболонскому, 23 апр. 1889)

...что поделявает Жан? Всё еще насилует Мельпомену?

(А.Н. Плещееву, 3 авг. 1889)

На Сахалине много медведей и беглых, так что в случае, если мною пообедают господа звери или зарежет какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихом.

(Н.М. Литтваревой, 5 мар. 1890)

Я же во всю мою жизнь <...> ни словом, ни делом, ни помышлением, ни в рассказах, ни в водевилях не пожелал жены ближнего моего, ни раба его, ни вола его, ни всякого скота его <...>. Правда, в лености житие мое иждих, без ума смеяхся, объедохся, опихся, блудил, но ведь все это личное.

(И.Л. Леонтьеву (Щеглову) 22 мар. 1890)

[Об уральцах] Здешние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик.

(Чеховым, 29 апр. 1890)

Когда получишь письмо от сестры насчет денег, то надень штаны и сходи в книжный магазин «Нового времени»: тут получи деньги за мои книги и вышли их сестре полностью.

(Ал.П.Чехову, 5 июня 1890)

Изобилие медведей, соболей, диких коз и всякой дикой всячины, которая занимается тем, что живет в тайге и закусывает друг другом.

(Н.А.Лейкину, 20 июня 1890)

Отдай Лике почтовую бумагу, а то она, т.е. бумага, заплеснеет.

(М.П.Чеховой, 16 мар. 1891)

Мои книги печатайте в каком угодно количестве. Не забудьте «Каштанку». Пора уже ее спустить с цепи.

(А.С.Суворину, 13/IV-1891 г.)

Меня пишет Браз. Мастерская. Сажу в кресле с зеленой бархатной спинкой. En face. Белый галстук. Говорят, что я и галстук очень похожи <...>. Буду очень, очень рад, если Вы меня встретите на вокзале; пусть приходят девицы в белых платьях, как Вы обещаете, и – нельзя ли еще также голеньких младенцев с крылышками? <...> Идя на вокзал, не берите с собой зонтика; он у Вас такой, будто Вы им кого-то долго били, и я его, откровенно говоря, боюсь.

(А.А.Хотяинцевой, 3 апр. 1898)

Ну, будьте живеньки, здоровеньки, актрисица лютая.

(О.Л.Книппер)

Милый друг Виктор Александрович, в настоящее время я лежу в постели и занимаюсь кровохарканием.
(В.А.Гальцеву, 11 дек. 1901)

В Ялте, где живет теперь А.П. Чехов, обретается, по словам «Саратовского листка», целая армия бестолковых, но невыносимо горячих поклонниц его художественного таланта, именуемых здесь «антоновками».
(О.Л.Книппер-Чеховой, 27 дек. 1901 г.)

У меня всё в порядке, всё, кроме одного пустяка - здоровья.
(О.Л.Книппер-Чеховой, 26 апр. 1901)

К Чехову пришла полная, здоровая, красивая дама и начала говорить «под Чехова»: «Скучно жить, Антон Павлович! Всё так серо: люди, небо, море... И нет желаний. Душа в тоске... Точно какая-то болезнь...» И Чехов ей ответил: «Да, это болезнь. По латыни она называется morbus pritvorialis».
(В.Вересаев)

Живодеро-Хамская железная дорога; Станция «Разбейся!»; Станция «Весёлый Трах-Тарарах»; Станция «Гнилушки»; Газета «Начихать вам на голову».

[Имена и фамилии – из разных произведений]:

Помещики *Гадюкин* и *Шилохвостов*; купеческий сын *Ескимосов*; дьяконы: *Вратоадов*, *Хлебонасущенский*; надворный советник и кавалер *Геморрой Диоскорович Лодкин*; *Савватий Паникадилович Пищух-Заблудовский*; *Чертоболотов*; *Зеленопугов*;

учителя: *Ахинеев*, *Лошадиных*, *Артаксерксов*, *Хамов*, *Змиежалов*, *Бабельмандебский*, *Лампадкин*, *Тарантулов*;
редактор журнала *Юдофоб Юдофобович Окрейц*; майор

Щелколов; полицмейстер Гиллодушин; унтер Пришибев; староста Шельма; девица Подзатылкина; купчиха Пятырлова; m-me Жевузем.

[Некоторые из шуточных обращений и подписей под письмами]:

Брату Ал.П.Чехову: *Саша-Таракаша! Братт! Пролетарий! Шантажист! Честный труженик, эксплуатируемый богачами! Бедный, немущий Саша! Профва! Недоуменный ум! Дубина! Хам! Штаны! Ремешок от штанов! Литературный бригадмайор! Инфузория! Довлично-вольнодумствующий брат наш! Раскавшийся пьяница!; 666! Гусев!; Гусопуло!; Гусиных!; Гуськов!; Гусинский!; Гусиади!*

О.Л.Книппер-Чеховой: *Актрисочка моя чудесная, ангел мой, жидовочка!; Милая моя дуся!; Милая, шустрая моя девочка!; Жестокая свирепая женщина!; Милая (моя) собака!; Собачка, милый мой песик!; Милая супружница!; Милая Книппуша, драгоценная моя!; Беспутная жена моя!; Милая актриса (актриска, актрисочка, актрисуля)!; Эксплоататорша души моей!; Мамуся, ангел мой, немочка прекрасная!*

Ваш Повсекакий Бумажкер; Ваш Шиллер Шекспирович Гёте.

А.А. ИЗМАЙЛОВ

(1873-1921)

Уж блещет свет иных светил.
Егор Чулков нас объегорил,
Кузмин нас крепко подкузьмил.

(«Новый век»)

[Разговор Петра Еремеевича с собутыльником Васей]:

– Вася, говорит, друг мой, что мне делать, ежели я у каждого под спинжаком и штанами шкелет вижу? Несчастный я человек!

– Ты, говорю, не несчастный, а просто малость на хересе ошибся. Оттого ты и в таком *террофе*. <...> Пойдем из лафиту братьев Чутревых с апельсинами *сокруши* делать.

Ну, что говорить, поколобродили мы в тот день с Петром Еремеечем изрядно. *Пропилеи* были здоровые [вм. *кряшоц*, *пьянство*].

(«Проклятие зверя»)

Я плавал по Нилу,
Я видел Ирбит.
Верзилу Вавилу бревном придавило,
Вавила у виллы лежит.
Мне сладко блеск копий
И шлемов следить.
Слуга мой Прокопий про копи, про опий,
Про морфий любил говорить.

(Пародия на К.Бальмонта).

Плетется «рысью» из пушкинского «Зима. Крестьянин, торжествуя...» можно понять – плетется «как рысь» (как, кстати, и перевел какой-то из немецких переводчиков).

(«Пятна на солнце»)

Углем круги начерчу,
Надушусь я серою,
К другу сердца подскачу
Сколопендрой серою.

(Пародия на З.Гиппиус)

[Начало пародии на стихи старых и современных русских поэтов (в частности В.Тредиаковского и Вл.Нарбута), использующих замысловатую составную рифму с переносом посередине слова (цитирую по: Рус. лит. XX в.)]:

Куполами серой жимолости
Лампа светом тени вымела. Сте-
Мнело...

(Вл. Нарбут, «Стихи. 1909»)

Екатерина по-
Ехала в Царское Село...

(В.Тредиаковский)

Рифмотвор старинный Тредья-
Ковский был в пиитах хи-
Трец и мастер. Буду впредь я
По нему писать стихи.
О, сколь радостно и досто-
Хвально то, что уж отны-
Не слова все очень просто
Рифме в жертву отданы.

В старину <...> один критик по поводу прелестной «Тамары» Лермонтова издевался над строками: «На голос невидимой пэри шел воин, купец и пастух». – «А по какой причине, – вопрошал он, – столь несправедливо обойдены гражданские чиновники?»

(«Пятна на солнце»)

Эрота выпрепленных и стремных крыльях на
От мирных пущ в волшеббе мечты лечу далече.

<...>

Бнюся в кольцах корч, желаннем пронзен.
Змий, жду тебя, змею, одре на одиноком.

(Пародия на Вячеслава Иванова)

Мистический анархизм!.. Анархический мистицизм!.. Александрррр Блок!.. Александрррр Блок!.. Дайте попочке сахару!.. Неприятие мира... Нетленная красота... Та-та-та! Соборный индивидуализм!.. Внутренний кризис!.. Кнутренний врзис!.. Александрррр Блок!.. Александрррр Блок!.. Александррррр Блок!.. Мейерхольд!... Космическое освобождение. Умиленность и покорность. Вячеслав Иванов... Христианский ренессанс. Роковая цепь истории... Александрррр Блок!.. Внутренний кризис!.. Дайте попочке сахару!..

(«История русской критики»; высмеивается «поток сознания» Георгия Чулкова)

Мой друг Рома Якобсон сказал мне:

– Если бы я не был филологом, я был бы кассиром.

Мы растрчиваем золото времени, накручивая кадры забракованного сценария.

Лев Толстой сказал мне:

– Если бы не было Платона Каратаева, я написал бы о тебе, Витя.

Толстой ходил босиком.

Босяки Горького вгрызаются в сюжет.

Госиздат грызет авторов.

Лошади кушают овес.

Волга впадает в Каспийское море.

Вот и всё.

(«История русской критики»; высмеивается «поток сознания» В.Шкловского)

Прогресса столпы и титаны труда, –
Я с гордостью это признаю всегда! –
Свое мне вниманье дарили...

[Автора этих стихов Анкудина Козодоева из пародии А.Измайлова нельзя обвинить во лжи: ему, действительно, уделили внимание такие люди, как Некрасов и Тургенев:

Некрасов – написал две записки (*одна говорит: «не подходит рассказ», другая: – «стихи не годятся»*);

Тургенев – *«при встрече случайно задев, чуть слышно сказал: «Извините».*]

[Купец третьей гильдии узнаёт, что встретившееся ему триумфальное шествие – в честь Достоевского]:

– Боже ты мой, если какого-то Достоевского толико почитают, что же это будет, когда господин Гейнце помрут?

(«Плутарх Российской, или Ридикюль остроумия»)

«Преизрядной стихотворец» Балтрушайтис подошел в ресторане к Куприну и представился:

– Балтрушайтис!

На что «оный сочинитель, Куприн, отвечивал:

– Я уже».

(«Плутарх Российской, или Ридикюль остроумия»)

А.С. БУХОВ

(1889–1937)

– А Мишка, – и он ткнул меня пальцем, – все рассказывал о вас... Сядет, говорит, за стол и рассказывает... Часа три битых говорит... И политика, и малитика, и история-кистория...

(«Громоотвод»)

[Флиртующая женщина свои пожелания провожающему ее мужчине облакает в форму обличений низменных мужчин]:

– Именно самцы, и ничего больше... Я вас всех как насквозь вижу... Дай-ка, мол, провожу, может, что-нибудь и выйдет...

– Ну, помилуйте... Ничего, ничего... Я провожу...

– Я и говорю... Сейчас наймете извозчика, сядете ко мне чуть ли не на колени... Сидите, наверное, и обдумываете, какой бы найти ресторан подешевле. Только имейте в виду, что я в скверный ресторан поехать не могу <...>. Если уж так не можете от меня отстать... Извозчик, «Рим» знаешь?

[И т.д. до логического конца: «Ну что, добились? Эх вы... Плотоядные...»]

(«Шаблонный мужчина»)

[Нерон] ухитрился сострить по поводу театра в тот самый момент, когда представлял собой только футляр для собственного меча.

(«О древних остряках»)

[На бегах приятель советует герою поставить на черную лошадь]:

– Черная. Пятый номер. На нее и ставь. Выиграет.

– Именно эта? Черная? Ты это верно?

Я посмотрел на лошадь. У ней был простодушный вид, совершенно не подчеркивающий ее желания оказать мне небольшую денежную услугу.

(«Первый опыт»)

Кстати о нянях. Я очень много читал и слышал об этих трудолюбивых женщинах, которые удачным подбором незамысловатых рассказов и сказок <...> умело готовили из простого незатейливого ребенка автора полного собрания сочинений.

(«Канва для биографа»)

[О русских воеводах] Это были люди веселого и неуживчивого характера, с таким широким размахом и неиссякаемым интересом к чужому имуществу.

(«История взятки»)

ЕВГ. ВЕНСКИЙ

(1884–1943)

Всякие идеи, теории, философские убеждения хороши только при наличии их отсутствия.

(Пародия на Л.Шестова, по: Новиков 1989)

Часто снился Вару ус, –
 Глупый был у Вари ум.
 Некий архивариус
 Варю свел в «Аквариум».

(«Круговорот»)

Случился случай раз,
 Случившийся случайно, –
 Меня ж вообще Парнас
 Лелеет чрезвычайно

(Пародия на А.Белого)

Альков, веселый льков –
 Альков всенощной ночи –
 Портьерой томной тьмы
 Нас скрыл, закрыл, укрыл.

(Пародия на А.Белого)

Вздел манишку, вздел манже-
 Ты, и за кофе сел манже,
 И сказал слуге: Васи-
 Лий, – пшел, «Копейку» принеси

(Пародия на Ив. Рукавишникова)

[В XIX веке были распространены фигурные стихи – стихотворные тексты, графически оформленные так, что из расположения строк складываются очертания какого-либо предмета: ромба, вазы и т.п.]:

Бокал из «Вены»

Испугались литераторы
 разбежались плагиаторы
 как в «Давыдку» я пришел
 крикнул: «Пива!», сел за стол
 меня вывели лакеи, взял
 под ручку полицмен
 дал тихохонько по шее
 старый хрен
 просыпа-
 юсь,
 н
 е
 т
 п
 у
 т
 и

Удивляюсь, изумляюсь
 я в Коломенской части...

Пародируя фигурные стихи, Е.Венский приводит шутовую загадку, разгадка которой передается самой графической формой стиха, имеющего очертания соответствующего предмета:

Этой штукой, гремя и звеня, бьет частенько супруга
 Меня

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

(1880-1934)

[Обыгрывание старославянизмов]:

... и возседох на колеснице, и возбрыкахся кобыла; и понесе <...>. И возопих гласом велием: «Извощиче, извощиче! Укроти клячу сию!» И бысть велий глас: «Тпру, чертова дочь!» И остановишася кони, яко вкопанни.

(«Серебряный голубь»)

...пролетарий и есть тот, кто, значит, пролетит по всем пунктам, то ись вылетел в трубу.

(«Серебряный голубь»)

В зале тело на теле сидело, тело к телу прижалось; и качались тела; волновались и кричали друг другу о том, что и там-то, и там-то, и там-то была забастовка, что и там-то, и там-то, и там-то забастовка готовилась, что они забастуют – здесь, здесь и здесь: забастуют на этом вот месте; и – ни с места!

(«Петербург», III)

...раз кто-то сказал: – «Белый ходит с Кантом». Разумелся философ: Иммануил Кант; было понято: – «белый кант» студенческого сюртука <...> каламбур характерен для мозгов мещан.

(«Начало века»)

Я вам Уйальдом задам: по задам!

(«Начало века»)

З.Гиппиус, точно оса в человеческий рост <...> с лобика, точно сияющий глаз, свисал камень: на черной подвеске; с безгрудой груди тархтел черный крест.

(«Начало века»)

[Встреча с Валерием Брюсовым, который в то время ходил «с раздутой скулой» и лечил флюс бромом]: ...помню, как мне на фразу показал, не обижаясь шаржем: «Борис Николаевич, стоит тут у вас – «Флюсов, Бромелий»; – совал карандаш в корректуру – «поставим-ка «Брюсов, Валерий».

(«Начало века»)

«Я вообще презираю все слова на «еры», в самом звуке «ы» сидит какая-то татарщина, монгольство, что ли, восток. Вы послушайте: ы. Ни один культурный язык «ы» не знает: что-то тупое, циничное, склизкое»

(«Петербург», II)

«Я боюсь буквы Ы. Все дурные слова пишутся с этой буквы: *р-ыба* (нечто литературно бескровнос), *м-ыло* (мажущаяся лепешка из всех случайных прохожих), *п-ыль* (нечто вылетающее из диванов необитаемых помещений), *д-ым* (окурков), *т-ыква* (нечто очень собой довольное), *т-ыл* (нечто противоположное боевым позициям авангарда».

(Э.К.Метнеру, 17 июля 1911)

И.К. ПРУТКОВ

О том, чего бы я хотел

Хотел бы я нектар прохладный
 Черпать из *Стиксовой реки*.
 Хотел бы я носить чулки
 Из тонких *нитей Ариадны*.
 Испечь хотел бы я пирог
 Из нежных *яблоков раздора*,
 Хотел бы изобилья *рог*
 Узреть на телке, у забора.
 Роскошный дом хотел бы я
 Сложить из *камня преткновенья*,
 И чтоб пред ним, струи лия,
 Журчали *волны вдохновенья*,
 Чтоб *красноречия фонтан*
 Играл брильянтами налево,
 А справа высился титан —
Генеалогическое древо.

<...>

Хотел бы, чтобы ты, дружок,
 Прелестна стала, как лилея, —
 Тогда б, прелестницу лелея,
 Тебя я посадил в горшок.

(«Интимное»)

Читатель-друг! Мораль весьма проста:
 Живи, не раскрывая рта,
 Дабы не токмо что ворона не влетела,
 Но и тебе чтоб не влетело.

(«Путник и ворона»)

Примите дар – певца поблёкнувший портрет.
Он стоил три рубля (портрет, а не поэт).

Звуки плыли, таяли,
Кольхалась талия
Ты шептала: «Та я ли?!»
Повторяла: «Та ли я?!»

(«Та ли?!»)

А.Е. КРУЧЕНЫХ

(1886–1968)

[Примеры «заумного языка» – поэтических опытов русских футуристов 1920-х гг.]:

Пускай сифонит небо,
 Устроим здесь веселый и пьяный разгалдай!..
 Рядышком
 В зыбке играл
 И рыбкой брыкался
 Их бордюрный эпюз;
 Вителью золотой звучало солнце,
 И паутица села на окняк.
 Резвийца муха прожужжала билинтрияс...
(«Вороная восекъ»)

Мы бросили мир хныкачей и ушли в за-ойный,
 Безнюнный, мы – заойники.

«Разобрав только 1/2 Пушкина», А.Крученых нашёл у него 7000 «незаконнорожденных» – неосознанных каламбурных и сдвиговых строк, как, например, следующие:

Проклятье, меч и крест и кнут (На Фотия) [«Бедные меч и крест – они икают!» – замечает Крученых].

Со сна садится в ванну со льдам (Евгений Онегин) [«Сосна садится сольдом»].

Он с трепетам к княгине входит (Евгений Онегин) [входит стрепетом (птица)].

Крученых даёт этих «незаконнорожденных», как он их называет, в систематизированном виде:

Иканье и за-иканье Евгения Онегина (*И к шутке, с желчью попадам...; И кучера вокруг онегий*);

Ужи и львы из Евгения Онегина (*Все те же львы?; Сердечный друг, уж я стара...*);

укра à la Онегин (*Партер и кресла, всё кипит...*);

носатые стихи: *Но с рассудком вновь заспорит...* (Евгений Онегин); *Но с бочкой странствуя пустою...* (Послание Лиде) [у Лиды нос бочкой, да еще пустою!..]; *Но с пламенной, пленительной, живой...* (Голицыной) [у Голицыной пламенный нос].

Н. ТЭФФИ

(1872–1952)

Мать Катеньки, бедная, но неблагородная вдова, всю зиму шила дамские наряды.

(«Катенька»)

Молодой дьякон Владыкесвоемушуйцулобызьященский.

(«Анафемы»)

Кроме мужчин и женщин население городишка состояло из министров и генералов.

(«Городок»)

[Разговор детей]:

– Ваша мама ужасная красавица, – покраснев, говорит Люня. – Моя мама тоже ужасная красавица, но ваша еще ужаснее.

– Господи! <...> За что наказуеши? – взвыл декадент, решив, что к Богу удобнее адресоваться по-славянски. – Наказуеши за что?!

(«Забывтый путь»)

Вы, вероятно, представляете себе так: вот встал миллионер утром, позанимался сколько следует своими делами, отдохнул <...>. Потом обед из каких-нибудь семисот тридцати пяти блюд.

(«Два Вилли»)

Взяли [в гувернантки] немку. Всѣ шло недурно, хотя она сильно была похожа на лошадь. Отпустишь ее с детьми гулять, а издали кажется, будто дети на извозчике едут.

(«Нянькина сказка про кобылью голову»)

– Пушкин, по его же собственному признанию, был вдохновлен нянькой на свои лучшие произведения. Вспомните, как отзывался о ней Пушкин: «Голубка дряхлая моя... голубка дряхлая моя... сокровища мои на дне твоём таятся...»

– Pardon, – вмешался молодой человек <...> – это как будто к чернильнице...

(«Нянькина сказка про кобылью голову»)

Кухарка Дарья зазналась уже давно, лет десять тому назад.

(«Катенька»)

Когда старушонка влезла на крыльцо [дома судьи], чупрастый мальчишка высунул голову и окрикнул строго: «Кто такова? Зачем прешь?» Старушка огляделась и сказала, таинственно приподняв брови: «По делу прю, батюшка. По делу прю». Она сразу поняла, что «прешь» есть выражение деловое, судебное.

(«Взятка»)

Судья сидел за столом, просматривал бумаги и напевал себе под нос:

– Не говори, что мол-лодость сгубила, Тюремностью истреррррзана моей! [вм. «ты ревностью»].

(«Взятка»)

Кроткая Олечка служит в банке.

Она так скромна, что краснеет даже при слове «омнибус», потому что оно похоже на «обнимусь».

(«Жизнь и воротник»)

И чего толку жениться-то? Женятся, а через месяц поли-хамию разведут, либо к брюкоразводному адвокату побегут.

(«Кулич»)

Beau-frère Васенька болтал веслами, языком и ногами и кричал, что задел веслом рыбу <...>.

«Какая красота, – твердил он, – Река точно серебро! Берега точно изумруд! Небо точно бирюза!.. Горизонт – точно золото! А этот чудный аромат распускающихся почек!..» Beau-frère Васенька потянул носом и с уважением произнес: «Ну! и нюх же у тебя! Действительно, на веранде кто-то почки в мадере уплетает».

(«Из весеннего дневника»)

– А что, Григорий, видал, как люди нынче летать стали?

– Лю-у-ди? Где ж они летают?

– Как где? Да вон, сейчас летел.

– Барин летел, а ты говоришь люди. Чего барину не полететь, – народ обеспеченный.

(«Аэродром»)

...та самая «нелегкая», которая понесла меня к Федоровым, <...> заставила меня снять пальто, понесла в гостиную, забила в мягкий угол дивана <...> и сунула в руки альбом с хозяйскими тетками. На девятой тетке раздался звонок, и влетела оживленная, раскрасневшаяся хозяйка.

(«Нелегкая»)

...потом было музыкальное отделение. Какая-то кобыла по-французски выла, а бульдог ей аккомпанировал.

(«Предел», VI)

Учитель: Я вас спрашиваю: кто был Людовик Пятнадцатый? Варя смотрит испуганно <...> – Ну-с!? – Людовик Пятнадцатый был... Вздохнула. – Был мужчина.

(«После праздников»)

В море он [Вилли Гульд] два раза терпел аварии <...> в Европе дрался на дуэли с принцем крови «до первой крови».

(«Два Вилли»)

[Репортаж журналиста-халтурщика]:

Вот идет П.Н.Милюков. «Здравствуйте, Павел Николаевич!» – говорит ему молодой симпатичный кадет. «Здравствуйте! Здравствуйте!» – приветливо отвечает ему лидер партии народной свободы и пожимает его правую руку своей правой рукой.

(«Карьера Сципиона Африканского»)

– И все-то у них дурь в голове! Пикники да микшики! Нет чтобы о старухином здоровье толком порасспросить.

(«Причины и следствия»)

– Господи! – ахает торговка. – Личико-то! Личико-то. Харю-то евонную посмотри!

(«Веселая вечеринка»)

– Да вы всякого быка переживете, не то что мужа. Вон личность-то у вас какая красная – рожа, тоись.

(«Потапович»)

[Женщина рассказывает о провинившемся сыне]:

– А жилец, Петр Дмитрич-то, очень заступается. Прямо горой за Лешку. Полно вам, говорит, Марья Васильевна, он, говорит, не дурак, Лешка-то. Он, говорит, форменный адепт, его и ругать нечего. Прямо-таки горой за Лешку.

(«Выслужился»)

Большинство дураков читает мало. Но есть особая

разновидность, которая всю жизнь учится. Это — *дураки набитые*.

Название это, впрочем, очень неправильное, потому что в дураке, сколько он себя не набивает, мало что удерживается.

(«Дураки»)

[М а л я р]: Как не понять. Очень даже понимаю. Слава богу, не первый год *маляршей* занимаюсь! Краска эта самая настоящая, которую вы хотели.

(«Маляр»)

[Коньков объясняет старичку, как он оказался в чужой квартире]:

«Позвольте! Меня сам Данилов пригласил...» Старичок похлопал его по плечу и той же рукой показал наверх: «Там Данилов! Там! Поняли?» «Умер?» — догадался Коньков и сразу взял себя в руки, чтоб не малодушничать... «Наверху он! — надрывался старичок. — Наверху живет. В третьем этаже».

(«Страшный ужас»)

Индийское море славилось тайфуном, Вязьма — пряниками, Пампасы — лесами, Льяносы — степями, Венеция — каналами, Китай — уважением к предкам. Все славилось! Хорошая славушка дома сидит, а худая по свету бежит — и даже Пинские болота славилась лихорадками.

(«Экзамен»)

[О «демонической женщине»]:

Начнет закусывать простая женщина, скажет:

— Марья Николаевна, будьте добры, кусочек селедки. Люблю лук.

Демоническая широко раскроет глаза и, глядя в пространство, завопит:

– Селедка? Да, да, дайте мне селедки, я хочу есть селедку, я хочу, я хочу. Это лук? Да, да, дайте мне луку, дайте мне много всего, всего, селедки, луку, я хочу есть, я хочу пошлости, скорее... больше... больше, смотрите все... я ем селедку!

В сущности, что случилось? Просто разыгрался аппетит и потянуло на соленькое. А какой эффект!

– Вы слышали? Вы слушали? Не надо оставлять ее одну сегодня ночью.

(«Демоническая женщина»)

[Разговор «демонической женщины» с кавалером]:

– Едем в церковь, дорогой мой, едем в церковь, скорее, скорее, скорее. Я хочу молиться и рыдать, пока еще не взошла заря.

Церковь ночью заперта.

Любезный кавалер предлагает рыдать прямо на перти.

(«Демоническая женщина»)

Каждый бутон подобен безобразнику: с каждым днем он все более и более *распускается*.

Первый дачник пришел с запада <...>. На второе лето он вернулся опять. Принес с собой две удочки и привел четырех детенышей на тоненьких ножках, в беленьких кепи.

(«Дача»)

[Одна гостья говорит другой – мадам Сердюковой]: – «Какое прелестное это ваше платье! Сейчас видно, что из хорошего дома. И какая вы в нем тоненькая» <...>. Но хозяйка дома не дремлет. «Огонь!» – командует она сама себе и говорит Сердюковой восторженно: «Да, замечательно удачное

платье. Я всегда на него люблюсь». Убила. «Всегда!»
(«Жильцы белого света»)

Фонари не горели, так как по календарю полагалась луна, почему-то в этот день на небесное дежурство не явившаяся.

(«Веселая вечеринка»)

– А мне фершал рвал [зуб], – вдруг вдохновенно воскликнула нянька. – Этакий был подлец! Ухватил щипцом, да в одну минутку и вырвал. Я и дыхнуть не успела. «Подайвай, – говорит, – старуха, полтинник». «Ловко, – говорю. – Я и дыхнуть не успела!» А он мне в ответ: «Что ж вы, – говорит, – хотите, чтоб я за ваш полтинник четыре часа вас по полу за зуб волочил?»

(«Арабские сказки»)

А тягучие, нудные [годы], как они противны! <...> И события в такой год такие же затяжные, нудные. Если кто в такой год заболит – так на три месяца. Женится – так на всю жизнь.

(«На Новый, 1927 год»)

– Ведь не могла же я за одну неделю так растолстеть! – дрожащими губами говорила Вера Павловна. – Неделю назад лиф так хорошо сидел. Верно, просто сел.

– Сидел, сидел, да и сел, – шутил веселый муж Веры Павловны. Сидел да и сел! Ха-ха-ха! Вот так чудеса с твоими платьями.

(«Письма»)

Андрей Андрейч слышал от одного француза, что большевики падут в сентябре, а Сергей Николаич знал сам от себя, что они должны были пасть еще в про-

шлом марте, но по небрежности и безалаберности, конечно, запоздали.

(«Атмосфера любви»)

Комиссар отмяк, расчувствовался и велел мне передать, что «искусство действительно имеет за собой» и что я могу провезти всё, что мне нужно, – он будет «молчать, как рыба об лед».

(«Воспоминания»)

– Фаничка провезла большущий бриллиант, так вы не поверите – в собственном носу.

– Ну, ей хорошо, когда у нее нос на пятьдесят карат. Не всякому такое счастье.

(«Воспоминания», 3)

[Заболевающая Тэффи слушает назойливого гостя]

Субъект монотонно бубнил: «Имею имение за Варшавою, конечно, небольшое... Имею доход от имения, конечно, небольшой...»

Снится это мне или не снится?

– Имею луга в имении, конечно, небольшие...

– Имею тетку в Варшаве...

– Конечно, небольшую, – неожиданно для себя перебиваю я <...>. – Молодой человек, вы, по-видимому, такой любезный – приведите ко мне доктора, конечно, небольшого.

(«Воспоминания»)

...вышел русский генерал-беженец на Плас де ла Конкорд, посмотрел по сторонам, глянул на небо, на площадь, на дома, на пеструю говорливую толпу, почесал переносицу и сказал с чувством:

– Всё это, конечно, хорошо, господа! Очень даже хорошо. А вот... ке фер? Фер-то ке?

[От фр. «que faire?» – что делать?] («Ке фер?»)

Ура, ура, ура! <...> Приехал из России какой-то инженер с какой-то своей «не женой». Инженера мы не видели, а «не жена» говорила, что большевизм и до весны не дотянет.

(«Из дневников ненаписанных»)

«Древняя история»

Древняя история есть такая история, которая произошла с римлянами, греками, ассирийцами, финикийцами и прочими народами, говорившими на мертворожденных языках.

...памятниками Египта служат развалины храмов. Более всего сохранилось их на месте древних Фив, прозванных по числу своих двенадцати ворот «сто-вратными».

Ассирийские цари были очень воинственны и жестоки. Врагов своих поражали более всего своими именами, из которых Ассур-Тиглаф-Абу-Хериб-Назир-Нипал было самым коротеньким и простеньким.

Богатые залежи мрамора, годного для памятников, естественно породили в Афинах славных мужей и героев.

Верная Пенелопа ждала его [Одиссея], коротая время со своими женихами <...> Днем Пенелопа ткала, ночью порла сотканное, а заодно и сына своего Телемака.

Воспитание детей было [в Спарте] очень суровое. Чаще всего их сразу убивали. Это делало их мужественными и стойкими.

Они [спартанцы] с детства приучились говорить лаконически, то есть коротко и сильно. На длинную

витиеватую ругань врага спартанец отвечал только: «От дурака слышу».

[Алкивиад] бегал как сумасшедший, развивая невероятную скорость и сокрушая все на своем пути. Бесхвостая собака еле попевала за ним и на пятнадцатом перегоне сдохла (412 г. до Р.Х.). Над ней стоит памятник, на котором Спартанцы начертали лаконически: «Странник, я сдохла».

Увидя, как колотят его персов, восточный деспот [Ксеркс] кубарем свалился с трона и, потеряв мужество (480 г. до Р.Х.), воротился в Азию.

Если Дарий [персидский царь] делал замечание не-радивым слугам, те хором отвечали ему по его же наущению: «А ты, Дарьюшка, помнишь ли об Афинянах?..»

Затем произошла битва у города Платеи. Оракулы предсказали поражение тому войску, которое первое вступит в бой. Войска стали выжидать. Но спустя десять дней раздался характерный треск. Это лопнуло терпение Мардония (479 г.), и он начал сражение и был разбит на голову и прочие части тела.

Царь Ксеркс, преемник Дария Гистаспа, пошел на греков с несметным (тогда еще не умели делать предварительной сметы) войском.

Однажды, рассердившись на мужа [Сократа], Ксанטיפпа вылила ему на голову ведро с помоями (397 г. до Р.Х.).

После него [Пизистрата] унаследовали власть сыновья его Гиппий и Гиппарх, названные так в честь зна-

комых лошадей (526 г. до Р.Х.). Но их вскоре частью убили, частью изгнали из отечества.

Все греки прославляли имя Мильтиада. Тем не менее, жизнь свою пришлось Мильтиаду окончить смертью.

Народ [римский] был тогда неприхотлив, и на сердца слушателей действовали даже такие избитые фразы, как... «O tempoга, o mores».

Пища римлян отличалась простотой. Ели они два раза в день: в полдень закуска (*prandium*), а в четыре часа обед (*coena*). Кроме того, поутру они завтракали (фриштик), вечером ужинали и между едой морили червячка. Этот суровый образ жизни делал из римлян здоровых и долговечных людей.

Обедал знатный римлянин, всегда весь окруженный паразитами. Этот отвратительный обычай укоренился в Риме и не лишал гостей аппетита.

Легионы вообще состояли из храбрых воинов, которые приходили в замешательство только при виде врага.

Марий был очень свиреп, любил простоту обихода, не признавал никакой мебели и сидел всегда прямо на развалинах Карфагена.

Доехав до речки Рубикона, Юлий долго *юлил* (51–50 г.) перед ней, наконец сказал: «Жребий брошен» — и пошел в воду.

Юность свою Нерон посвятил истреблению родственников. Затем отдался искусству и постыдному образу жизни <...>.

Он пел столь фальшиво, что самые фальшивые души из придворных не могли порою выносить этого оскорбления барабанной перепонки.

Скифы были очень храбры и жестоки. После сражения устраивали пиршества, во время которых пили и ели из черепов свежесбитых врагов.

Те из воинов, которые не убили ни одного врага, не могли принимать участия в пиршестве за неимением своей посуды...

А.Т. АВЕРЧЕНКО

(1881-1925)

Эх ты, русский народ! Кто тебя выдумал, как говорит незабвенный Гоголь...

[Князеву – по поводу выхода его книги]
Твое творенье, милый друг,
Достойно всяких восхищений,
Недаром все кричат вокруг,
Что это целый воз хищений.

[На пирушке] – Саня, Саня! Ты совсем не занимаешься физическим трудом – налей!

(«Новогодний тост»)

[Сетования пьяного]:

– Эх! Вывели... Вывели, как какое-нибудь ничтожное пятно на скатерти.

(«Новогодний тост»)

Мать послала маленького сына в трактир, куда удрал гуляка-отец. Сын вернулся один, без отца, и на вопрос матери: «Где же отец и что он там делает?» – отвечал: «Я его видел в трактире... Он сидит там с пеной у рта». – «Сердится, что ли?» – «Нет, ему подали новую кружку пива».

(«Юмор для дураков»)

– Надо ж купаться же ж! Освежиться надо же ж!

(«Купальщик»)

Мордальон.

- Зайдем лучше ко мне.
- ...к одинокому мужчине я не пойду!
- Я не одинокий! У меня есть канарейка, граммофон и две рыбки в аквариуме.

Что ему было на это возразить?

(«Роковая гребенка»)

[Разговор новобрачных, прерываемый репликами их приятеля]:

- А чьи это губки?

Из угла я говорю могильным голосом:

- Могу заверить тебя честным словом, что губы, как и все другое на лице твоей жены, принадлежат именно ей!

- Друг мой... я тебя не понимаю... Он, Липочка, кажется, сегодня нервничает. Не правда ли?.. А где твои глазки?

- Эй, - кричу я. - Если ты нащупаешь ее нос, то по левой и правой стороне, немного наискосок, можешь обнаружить и глаза!.. Не советую даже терять времени на розыски в другом месте!

(«Здание на песке»)

...муж бережно освобождает жену из своих объятий и, глядя на ее неестественно полный живот, спрашивает меня:

- Как ты думаешь, что у нас будет?

Этот вопрос муж Митя задавал мне много раз, и я каждый раз неизменно отвечал:

- Окрошка, на второе голубцы, а потом крем. Или: - Завтра? Кажется, пятница.

(«Здание на песке»)

- Я говорю вам - идите к хироманту! <...>

- Ни за что не пойду, - увесисто возразил я. - Ноги

моей не будет... или вернее – руки моей не будет у хироманта.

(«Оккультные тайны Востока»)

Разговор хироманта с клиентом:

– Итак, вот передо мной ваша левая рука... Ну, что ж я вам скажу?.. Вам пятьдесят два года.

– Будет <...>. Пока только двадцать четыре.

(«Оккультные тайны Востока»)

На столе лежал человеческий череп. Я приблизился, бесцельно потыкал пальцем в пустую глазницу и рассеянно спросил: «Ваш череп?» «Конечно, мой. А то чей же».

– Очень симпатичное лицо. Обаятельная улыбка. Скажите, он вам служит для практических целей или просто как изящная безделушка?

– Помилуйте! Это череп одного халдейского мага из Мемфиса.

– А вы говорите – ваш.

(«Оккультные тайны Востока»)

[На похоронах]:

– Кого мы хороним?! – воскликнул я, обедя присутствующих горестным взглядом. На этот вопрос любой из присутствующих мог бы ответить, что «хороним мы Игнатия Фомича Зябкина, а если я не знаю такой простой вещи, то лучше бы мне и не взбираться на могильный холм»... Но все промолчали, потому что поняли: такая фраза говорится ораторами для разгона. – Кого мы потеряли?! – взывал я (промолчали и на этот вопрос), – Игнатия Зябкина мы потеряли – вот кого!

(«Пантеон советов молодым людям»)

– Учеными же доказано, что всякое растение есть

живое существо, и если оно не может говорить, то это не доказывает, что оно не чувствует. О, как я был жесток! Сколько огурцов я убил на своем веку!

(«Апостол»)

– Стремглавов! Я хочу быть знаменитым.

– Нынче многие хотят сделаться знаменитыми.

– Я не «многий» <...> Василиев, чтоб они были Максимычами и в то же время Кандыбинными, встретишь, брат, не каждый день. Это очень редкая комбинация.

(«Золотой век», I)

[В цирке, разговор трансформатора с помощником]:

– *Эй, Мишка. Дай шпагу. Я ее проглочу на глазах почтеннейшей публики. Голос из-за кулис. Больше нету. Трансформатор. Как нету? Голос из-за кулис. Так и нету. Вчера последнюю шпагу проглотили. Больше не осталось. Трансформатор. Извините, господа. Придется этот номер отложить. Все шпаги уже проглочены.*

[Разговор с человеком, упавшим со второго этажа]:

– Не ушиблись ли вы?

– Чтобы сказать вам – да, так – нет. Чистейшей воды пустяк.

(«Рыцарь индустрии»)

[Юноши приходят к школьному товарищу и требуют у его матери Мотю].

Ответ был самый аристократический: – Мотя не принимает. – Как не принимает? – удивились мы. – Чего не принимает? – Вас принять не может... – Может быть, он нездоров? – попытался смягчить удар деликатный Шаша. – Здоров-то он здоров... Только у него, он говорит нервы не в порядке. <...> Ведь он теперь уже

помощник старшего конторщика. Очень на хорошей ноге... Нога, может быть, была и подлинно хороша, но нас она, признаться, совсем придавила: «Нервы, не принимает...»

(«Молодняк»)

Она встала с видом разгневанной королевы: «Вы нахал! Неужели вы думаете, что я могу в личной жизни иметь двух любовников?!» Это неопределенное возмущение я понял впоследствии, когда простак сообщил мне, что у нее на этом амплуа бывало и по четыре человека.

(«Мой первый дебот»)

«В обществе шептаться неприлично», – угрюмо сказала старая дева, поджимая губы. Из угла какой-то остряк сказал: «Отчего говорят: «не при лично»? Будто переть нужно поручать своему знакомому.

(«Сентиментальный роман»)

– Вот и блины несут! С маслом и сметаной.

– И с икрой, добавьте, – нравоучительно произнес гость.

– Икра, это – *Марфа и Онега* всего блинного, как говорил один псаломщик. Понимаете? Это он вместо алыфы и омеги говорил...

(«Широкая масленица»)

[Из рассказа писателя-халтурщика]:

Дирижабль плавно взмахнул крыльями и взлетел... На руле сидел Маевич и жадным взором смотрел на Лидию, полная грудь которой волновалась.

(«Неизлечимые»)

[На экзамене]:

– Кулебякин, Илья! Ну... ты нам скажешь, что такое дробь?

– Дробью называется часть какого-нибудь числа.

– Да? Ты так думаешь? Ну, а если я набью ружье дробью, это будет часть какого числа? <...> А вот если человек танцует и ногами дробь выделяет, это как же? По-твоему, не дробь? Видишь ли что, мой милый... Ты, может быть, и знаешь арифметику, но русского языка <...> ты не знаешь.

(«Бельмесов», III)

О фразе одного автора, «которая способна привести всех в изумление»:

«...А в соседней палате содержались исключительно больные *раками*».

И верно. Один больной болен *раком*. Десять больных – больны *десятком раков*. Женщина болеет *рачихой*.

...лампа, без суда и следствия, была повешена.

– Как вы думаете, крепко держится?

Я высказал предположение, что ходьба по полу верхнего этажа может довести лампу до самого легкомысленного падения.

(«Жалкое существо»)

Я очень люблю писателей, которые описывают старинные запущенные барские усадьбы, освещенные косыми лучами красного заходящего солнца, причем в каждой такой усадьбе, у изгороди, стоит по тихой задумчивой девушке, устремившей свой грустный взгляд в беспредельную даль.

(«Смерть девушки у изгороди»)

– И вы, греки, хорошие. <...> Ну... вообще. Приятный такой народ. Классический. Маслины вот тоже. Периклы всякие.

(«Дюжина ножей в спину революции»)

[Мальчик подслушивает разговор влюбленных]:

– Настасья Петровна! Десять минут... Мы так с вами редко видимся, и то все на людях... Я с ума схожу.

Мишка, лежа за ширмами, похолодел. Офицер сходит с ума!.. Это должно быть ужасно. Когда сходят с ума, начинают прыгать по комнате, рвать книги, валяться по полу и кусать всех за ноги! <...>

– Ах, Настасья Петровна... Вы жестокая, злая женщина.

«Ого! – подумал Мишка. – Это она-то злая? Ты бы мою маму попробовал – она б тебе показала».

– Почему ж я злая? Вот уж этого я не нахожу.

– Не находите? А мучить, терзать человека – это вы находите?

Мишка не понимал этих слов, потому что в комнате всё было спокойно: он не слышал ни возни, ни шума, ни стонов – этих необходимых спутников терзания. <...>

– Я день и ночь о вас думаю... Ваш образ все время стоит передо мной. Скажите же... А вы... А ты... Любись меня?

«Вот еще, – поморщился за ширмой Мишка, – на «ты» говорит. Что же она ему, горничная, что ли?»

(«Человек за ширмой»)

Нянька поставила детей на молитву. И что ж вы думаете? Братишка молится, а она, Любочка, значит, стоит и ждет чего-то: «А ты, говорю, что ж не молишься, чего ждешь?» – «А как же, говорит, я буду молиться, когда Боря уже молится? Ведь Бог сейчас его слушает... Не могу же я тоже лезть, когда Бог сейчас Борей занят!»

(«Дети»)

[Разговор мальчиков]: – Ты бы хотел быть пиратом?

– Хотел. Мне не стыдно. <...> Что ж, пират такой же человек, как другие. Только что грабит.

(«Рождественский день у Киндяковых»)

[Взрослые просят маленького мальчика показать, «как птички летают»]:

– Ну, покажи же, Петенька... Дяде хочется посмотреть, как птички летают.

Полет птиц, и даже в гораздо лучшем исполнении, мне известен был и раньше, но я считал долгом тоже монотонно тянуть вслед за кухаркой:

– Покажи, Петенька... покажи...

...мне посчастливилось узнать много ценных и любопытных сторон увлекательной Петькиной жизни, вплоть до самых интимных.

(«Тихое помешательство», I)

[Разговор влюбленных]: О, солнце мое! И я с вами. И впервые, вероятно, за время существования солнечной системы, с солнцем было поступлено так фамилярно: оно было поцеловано в гиб руки у локтя.

(«Актриса»)

Он украдкой, будто случайно, прикоснулся к ее руке и спросил бархатным баритоном:

– Ну, что же мы, мое солнышко, будем кушать?

– Ах, вашему солнышку решительно всё равно. Что хотите.

(«Женщина в ресторане»)

– Ведь это свинство: мы пьем, а ты не пьешь!

– Почему же свинство? У меня почки...

– А у нас нет почек? А у юбиляра нет почек? У всякого человека есть почки. Это уж, брат, свыше...

– Ну, я только одну...

(«Чад»)

[Переписка двух приятелей]:

«Прости, дорогой Аркадий, что я долго не отвечал тебе. Дело в том, что когда мы в прошлом году встретились случайно в театре Корша, ты спросил у меня, не могу ли я тебе одолжить сто рублей. <...> К сожалению, у меня тогда не было таких денег, а теперь есть и, если тебе надо, я могу прислать».

Я ответил ему: – «Три года тому назад однажды в ресторане Малоярославец ты спросил меня, который час? К сожалению, у меня тогда часы стояли. Теперь я имею возможность ответить тебе на твой вопрос. Сейчас четверть второго».

[На собрании сообщества преступников]:

– Мошенниками мы были, мошенниками, надеюсь, и умрем!

– Приятно видеть таких стойких негодяев! – одобрительно сказал председатель.

– Да! И в особенности под руководством такого мерзавца, как ты.

– Господа, господа! Мы здесь собрались не для того, чтобы расшаркиваться друг перед другом и отвешивать поклоны и комплименты. К делу!

(«Кипящий котел»)

Внимание, господа! – продолжал Голендухин. – Я предлагаю пригвоздить поступок Гадюкина к позорным столбцам какой-нибудь видной влиятельной газеты, а самого его в нашей среде предать... этому самому <...> как его, остро... остра...

– Остракизму? – подсказал Охлопьев.

– Во-во! Самому острому кизму.

– Чему?

– Кизму. И самому острейшему.

(«Кипящий котел»)

[На операции]:

– А где марля? Я катушки что-то не вижу. Куда она закатилась?

– Куда, куда! Старая история. И что это у вас за ма-
ния – оставлять у больных внутри всякую дрянь.

– Хорошая дрянь! Марля, батенька, денег стоит.

(«Резная работа»)

[Человек, который уверял, что он никогда не лжет, обещал прийти в гости в шесть]. А без десяти шесть от него принесли городскую телеграмму: «В отчаянии, что не могу быть. Случайность. На лестнице, когда поднимался к себе, в гостиницу, подвернулась нога. Лежу. Ваш Z». Другой гость рассказывает, однако, что видел посланного телеграмму на извозчике с очень красивой дамой. Обманщик так отвечает потом на упреки хозяина:

– Я не солгал! – упрямо сказал он. – Действительно, когда я поднимался по лестнице, впереди меня шла дама. На ходу она кокетливо приподняла край платья, и я увидел такую ножку – каких до сих пор не было в природе. И вы сами понимаете, что раз мне подвернулась такая нога...

– Гм... Но вы писали, что лежите больной?!

– Нет! – энергично вскричал он. – Слова «больной» я не писал! <...>

Он и тут был прав.

(«Ложь высшего качества»)

Вагон мой налетел на катафалк, гроб с покойником летит на рельсы, <...> гроб на куски, а покойнику колесом кусочек ноги отхватило...

(«Случай из жизни»)

Из скромности я остерегусь указать на тот факт,

что в день моего рождения звонили в колокола и было всеобщее народное ликование. Злые языки связывали это ликование с каким-то большим праздником, совпавшим с днем моего появления на свет, но я до сих пор не понимаю, при чем здесь еще какой-то праздник?

(«Автобиография»)

- Позвольте быть вам проводимой мной. Где вы живете?

- Ишь, чего захотели. Никогда я не скажу вам, хотя бы вы проводили меня до самого дома на Московской улице, номер семь.. Ах, что я сказала! Я, кажется, проговорилась...

(«Страшный человек»)

[Покупатель – продавцу «художественно-комиссионного» магазина]:

- А Фигур нет?

- То есть скульптуры? Очень есть одна стоящая вещь: «Диана с луком».

- Садит, что ли?

- Чего?

- Лук-то.

- Никак нет. Стреляет. Замечательный предмет.

(«Косьма Медичис»)

- Ну, что же... Ехать так ехать, как сказал Распутин, когда Пуришкевич бросал его с моста в воду.

(«Хамут, натягиваемый клещами»)

[Разговор редактора с военным журналистом]:

- Какую вы написали странность: «Австрийцы беспрерывно стреляли в русских из блиндажей, направляя их в них». Что значит «их в них»?

(«Специалист по военному делу»)

«Шутка Мецената»

Меценат удивляется просьбе Клинка внести в ломбард деньги за часы:

– Опять деньги на часы? Да ведь ты у меня вчера взял на выкуп часов?!

– Не донес! Одной бедной старушке дал. <...>

– Как теперь быстро стареют женщины, – печально сказал Кузя сверху. – В двадцать два года – уже старушка.

– Не такой она человек, чтобы водить за руку. Она за нос водит.

– А что, Куколка? – спросил Новакович. – Что если переложить эти стихи на музыку? Я бы и переложил.

– Да разве вы композитор?

– Я-то? Вы оперу «Майская ночь» слышали?

– Но ведь это вещь Римского-Корсакова?!

– Вот я и говорю – знаете «Майскую ночь» Римского-Корсакова? Так я могу написать в десять раз лучше!

«Моя вдова не затрапезная, – обиженно сказал Кузя, <...> – у нее был муж полковник и такая грудь, что вы таких грудей не видывали! А волосы! А губки!»

Я его [издателя газеты] так тогда отделал, что придется мне жить отдельно от этого отдела – простите за плохой каламбур.

«Подходцев и двое других», ч. I–II

– А! И ты здесь. И уж с утра апельсин жрешь. Проворный. А зачем шкурки на пол бросаешь?

– Что вы, Анна Матвеевна! Я, собственно, бросал их не на пол, а наоборот, в потолок... но земное притяжение... сами понимаете! Деваться некуда.

- У меня порядочная дыра на локте.
- У такого порядочного человека даже дыра на локте должна быть порядочная.

- Я не могу найти себе женщины, душа которой звучала бы в унисон с моей душой.

- Не там ты ищешь такую душу. <...>

- А где же искать?

- В женской пересыльной тюрьме.

[Прятели пытаются отвлечь хозяйку, пришедшую за квартирной платой, посторонними разговорами]:

- Погодка сегодня разгулялась, – сказал Урываев, смотря в окно.

- Это ее дело. А когда человек разгуляется и тратит деньги на пьянство, это, извините-с! Извините-с! <...> Вы на сегодня обещали.

- Неужели сегодня?.. Гм... Что это у вас, новая кофточка? Прехорошенькая.

- Новая. Позвольте получить, Константин Петрович.

- Что получить?

- Да деньги же! Пожалуйста, не задерживайте, мне на кухню нужно.

- Хозяйничаете все? Хлопчете? – ласково спросил Клинков. – Хе-хе.

- Может, вам разменять нужно? Я пошлю.

- Сколько там с меня?

- 20 рублей!

- Деньги, деньги... задумчиво прошептал Клинков. – Шесть букв... а какая громадная сила в этом коротеньком слове! Вы читали, Анна Марковна, роман Золя «Деньги»?

- А вы читали когда-нибудь повестку о выселении? – полюбопытствовала хозяйка.

– Я думаю, вас приглашают ради меня, – заметил Клинков, пыхтя от важности.

– Возможно, – согласился Подходцев, – как болгарина с обезьяной – пускают во двор ради обезьяны.

– А почему у вас две кровати? – осведомился гость.

– Эта комната так велика, что мне иногда, когда я бываю по делам в южной ее стороне, трудно достигнуть северной стороны, в особенности, если хочется спать. Поэтому я поставил на каждой стороне по кровати.

– Когда я жил у мамы, помню чистые скатерти, серебро на столе.

– Ну, если ты там вертелся близко, то на другой день суп и жаркое ели ломбардными квитанциями.

– Правильно сказали, многоуважаемый Семен Семеныч!

– Я не Семен Семеныч, а Василий Власич, – поправил аккуратный гость.

– Что вы говорите! Никогда бы не сказал по первому впечатлению.

– А я тебе говорю, что эта девушка все время смотрела на меня!

– Это ничего не доказывает! В паноптикумах публика больше всего рассматривает не красавицу Клеопатру со змеей, а душительницу детей Марианну Скублинскую!

– Проси прощения.

– Ну ладно. Прости, что я тебя назвал идиотом.

– Постой, да ведь ты меня не называл идиотом!

– Я подумал, но это все равно.

[Прятели предлагают Подходцеву издавать журнал]:

- Мысль такая: давайте, господа, издавать сатирический журнал.

- Я могу только издать удивленный крик, – признался Подходцев <...>.

- Это будет чрезвычайно приятный журнал.

- И полезный в хозяйстве, – добавил Подходцев, кусая ус.

- Почему?

- Как средство от мух.

- Не понимаю.

- Мухи будут дохнуть от ваших рисунков и стихов.

- Берегись, Подходцев! Мы назовем свой журнал «Апельсин», и тогда ты действительно ничего в нем не поймешь.

[Разговор двух приятелей-россиян]:

- Почему ты, Клинков, – переворачиваясь на живот, с упреком сказал Подходцев, – не предупредил меня, что мы живем в России?

- Совсем у меня это из головы вон.

[В ресторане посетитель говорит официанту, указывая на своего приятеля]:

- Свиные котлеты – ему! Ибо сказано: кесарево – кесарю!..

- А вы, видно, рубаха-парень?!

- Совершенно верно. Многие до вас тоже находили у меня поразительное сходство с этой частью туалета.

Разочарованные, опечаленные [отъездом Клинкова], оба друга с опущенными головами побрели в буфет.

– Выжили человека... Добились... <...> Скотами были, скотами и останемся. Не могли уберечь эту кристальную душу.

– Слушай! – закричал вдруг Подходцев. – Вот она!

– Кто?

– Кристальная душа-то! Пожарскую котлету лопает. Действительно, за буфетным столиком сидел путешественник Клинков.

Пальца ему в рот не кладите – не потому, что он его откусит, а вообще – не заслуживает он этого.

[Разговор двух друзей] :

– Она сказала, что я напоминаю ей покойного брата.

– Очень может быть. В тебе есть что-то от трупа.

[Подходцев упрекает своего приятеля Клинкава]:

– Откуда этот неожиданный прилив любви к детям?!!

– Я всегда любил ухаживать за детьми, – попробовал вставить свое слово Клинков. <...>

– Да! Когда им было больше восемнадцати лет! ...Раньше он [Клинкава] сравнивал детей с клопами, говорил, что они «заводятся» и что их нужно шпарить кипятком.

– От кого письмо?

– Недоумеваю. Наверное, какая-нибудь графиня <...> пишет, что я поразил ее до глубины души.

– Возможно. Если она гуляла на огороде, а ты стоял в своей обычной позе – растопыря руки и скривившись набок для наведения ужаса на пернатых...

– Меня, брат, однажды целое лето принимали в семье одного статского советника.

– Ну да, но как принимали? Как пилюлю: сморщившись.

...родственники [невесты] еще плотнее обсели бедного кроткого Громова, – так что он, затертый ими, как бриг северными льдами, накренился набок и тихо примерз к своей съеденной молью невесте.

– Да ведь ты принадлежишь к тому незадачливому разряду людей, которых и в церкви бьют. Вот я и думал...

– Ты? Думал?! Может ли с тобой это случиться?

– Когда же похороны? ...Я бы тоже пришел отдать последний долг.

– Да зачем же вам беспокоиться? Отдайте через меня.

– Что?

– Вы говорите должны ему что-то?

– Нет, это вообще такое выражение.

– А мы как раз проектировали с Громовым: я оставляю дома все свои деньги, Громов всю свою жену, забираем тебя и идем в наш старый притон «Золотой якорь».

«Новая история»

Это произошло при короле Карле IX – слабой, безвольной душонке. Летописец того времени характеризует его так:

– Это второй зять Мижув из «Мертвых душ».

После третьего плавания в Америку Колумб стал уже подумывать о тихой спокойной жизни без тревог и приключений... В этом ему пришел на помощь сам испанский король Фердинанд: он заковал Колумба в цепи и посадил в тюрьму.

[Хотя жизнь в тюрьме тиха, спокойна, размеренна, исключает какие бы то ни было приключения, однако, Колумб мечтал, видимо, о другой жизни].

Кортец так надоел королю своим беспокойным характером, что тот однажды послал его к черту.

Придравшись к этому случаю, храбрый Кортец назвал себя *посланником короля*, взял отряд из 500 человек и явился в Мексику.

...появился в Англии Шекспир. Это был хотя и знаменитый писатель, но рост имел очень маленький, почему о нем впоследствии и говорили:

– *Сапоги выше Шекспира.*

[Обыгрывание известного выражения «Сапоги выше Пушкина».]

По сравнению с Тридцатилетней войной Семилетняя война была совсем девчонка. Та – годилась бы ей в матери.

Добрые, революционно настроенные парижане поймали как-то на улице аббата Мори. Понятно, сейчас же сделали из веревки петлю и потащили аббата к фонарю. – «Что это вы хотите делать, добрые граждане?» – с весьма понятным любопытством осведомился Мори. «Вздернем тебя вместо фонаря на фонарный столб». – «Что же вы думаете – вам от этого светлее станет?» – саркастически спросил остроумный аббат.

Мы категорически должны опровергнуть утверждение некоторых историков, которые производят имя великого Бонапарте от его военных подвигов на поле брани (На-поле-он)... Корсиканцы по-русски не говорят, почему назвали бы Наполеона по-французски

(Il est sur le champ); кроме того, имена, обыкновенно, даются еще при рождении, когда самый проникательный человек не может определить размера будущих ратных подвигов ребенка.

Этот бывший артиллерийский офицерик [Наполеон] носился по всей Европе, как собака, которой привязали к хвосту гремящую жестянку-честолюбие.

[По поводу знаменитой исторической фразы Наполеона в Египте]:

Предположим, кто-нибудь из читателей попал со своим войском в Египет. Предстоит упорная битва. <...> – Солдаты! – кричите вы. – Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!

Простодушные солдаты поражены. – Так много! – шепчут они. – Бросимся же, братцы, в бой!

Если разобраться в сказанной вами фразе – в ней не найдется ничего существенного. Но закаленный в боях воин нетребователен. Ему много не надо. «Сорок веков» его восхищают. Если вблизи нет пирамид, можно придаться к чему-нибудь другому. <...> Например, кругом пусто, а сверху светит обыкновенное солнце.

– Солдаты! – торжественно говорите вы. – Это то самое солнце (как будто есть еще другое), которое светило во время побед Людовика XII.

Не нужно смущаться тем, что злосчастный Людовик XII не имел ни одной победы – всюду его гнали без всякого милосердия...

[Разговор Аверченко с драматургом]:

- По источникам писали?
- Чего-с?
- Я говорю: когда пьесу писали – источниками пользовались?

- Помилуйте! Все лето на Кавказе провел.
- Разве... там... можно... найти?
- Дитя! Видно, вы никогда не бывали на Кавказе: эссентукские, железноводские, нарз...

(1812)

В почтовом ящике журнала «Новый Сатирикон» Аверченко отвечает незадачливому автору под псевдонимом Сигизмунд:

«Если хотите, – пишет Сигизмунд, – можете начало и конец рассказа сделать другие». Исполнено. Сделана также другая середина. Всё это подписано «Арк. Аверченко» и помещено в настоящем номере. Довольны?

О. Д'ОР

Говорят, что язык до Киева доведет. Это правда, до Киева доведет. Мне даже известно, когда язык до Сибирских тундр доводил...

«Русская история»

Жили тогда славяне, следуя строго обычаям предков – в вечной ссоре и непрерывной драке между собой.

Занимались они [древние славяне] ловлей невест, рыб и зверей. <...> Рыбу славяне жарили и варили. С зверей снимали шкуру... Невесты же в свою очередь сдирали шкуру с славян и отсылали своим родителям. Последний акт назывался в е н о .

Из прозаических сочинений <Древней Руси> к нам дошли превосходные сказки, в которых говорилось о первой русской авиаторше Бабе-Яге, летавшей на аппарате, который был тяжелее воздуха, – в ступе.

Киев так понравился <князю> Олегу, что в порыве восторга он приказал ему: «Будь матерью городов русских!» <...> Киев же, несмотря на свою явную принадлежность к мужскому роду, не посмел ослушаться грозного князя и стал матерью.

Киевляне почесали затылки и робко сказали:

«Но хазары могут прийти и побить нас». Олег рассмелся: «Эка важность, что побьют. Побьют и устанут, а потом уйдут».

Еще при Ольге стал княжить ее сын Святослав. Это

был очень храбрый князь: он потерпел поражение от самого Цимисхия, императора Византийского.

В Киеве на столе сидел Всеволод I, который, как все Всеволоды, никаким умом и талантом не отличался. Киевляне давно уже хотели снять Всеволода со стола и посадить на стул, но не сделали этого из уважения к его сыну Владимиру Мономаху.

В то время прославился новгородский князь Александр.

– С татарами нам не справиться! – сказал этот воинственный князь. – А бить кого-нибудь надо. Начнем бить шведов и Ливонских рыцарей.

– На безрыбьи и рак рыба! На бесптичь и Бальмонт соловей! – согласилась дружина.

Один из князей, Давид, не вытерпел и, пригласив к себе в гости Василька, выколол ему глаза. – Теперь ступай! – сказал Давид, отпуская Василька, – не поминай лихом. Кто старое помянет, тому глаз вон...

В десять начинался урок русского языка – царь Иван IV ругал бояр.

В одиннадцать – Иоанн Васильевич приступал к занятию чужими языками: вырезывал языки у провинившихся приближенных, а оставшиеся части тела бросал в темницу.

Рыцари [Ливонского ордена] никогда не вступали в брак, но с каждым годом население их увеличивалось и немало ливонят бегало в домах самых строгих рыцарей.

Борис отпустил Шуйского и велел созвать бояр. Бо-

яре пришли. Борис вышел и обратился к ним белыми стихами:

- «Достиг я высшей власти...»

Бояре переглянулись. Послышался шепот:

- У Пушкина украл! У Пушкина украл!

Борис сделал вид, что ничего не слышит, и продолжал:

- «Седьмой уж год я царствую...»

Тут чей-то негодующий голос резко прервал Бориса:

- Это грабеж! Своего же поэта грабить!

Борис стоял бледный, как полотно железной дороги.

Пожарский <...> освободил Москву от поляков.

Большую помощь оказал ему при этом голод, любезно согласившийся поселиться в Москве во время осады.

Поляки, питающие с малых лет отвращение к голоду, отдали Москву русским.

Они <турки> грустно опустили турецкие носы на турецкие сабли, потом сами опустились на турецкие ковры и с горя стали пить турецкое кофе.

Петр уехал в Амстердам, где стал учиться плотничьему искусству. Теша бревна, он неоднократно думал: - Вот так я обтешу бояр.

Впоследствии Петр должен был сознаться, что *обтешать бревно* гораздо легче, чем *обтешать боярина*...

В первый раз [при Петре] на улицах Москвы раздавалась, впоследствии столь знаменитая, четырехчленная формула «Стригут, бредют, кровь отворяют».

Кто не хотел стричься и бриться, тому «кровь отворяли».

Ужас объял бояр.

Когда все бороды были отрезаны, обнаружилось, что под бородами высшие сановники носили широкие длиннополые кафтаны.

«Половые проблемы» боярских кафтанов были также решены посредством ножниц.

Война кончилась отнятием у турок Азова.

Последний вскоре научился говорить и писать по-русски.

Впоследствии он совершенно растурчился и начал писать фельетоны в русских газетах, подписываясь полным именем: «Вл. Азов».

Петр очень гордился победой над турками и отнятием у них Азова.

[Обыгрывается фамилия одного из журналистов начала XX века Вл. Азова.]

Победив кого следует, Петр задумал прорубить окно в Европу. «Пора, – сказал он, – на людей посмотреть и себя показать!» – «Окно, государь, вещь опасная. Прорубишь окно, а в него швед влезет». – «А мы ему в шею накладем! – смеялся Петр. – Он и уйдет».

В его [Петра I] царствование был заложен первый камень русской письменной словесности – по приказу Петра был рожден Вячеслав Иванов, прославившийся в то время под фамилией Третьяковского.

Было начало пятидесятых годов. В воздухе уже носились шестидесятые годы.

О.Э. МАНДЕЛЬШТАМ

(1891–1938)

Были мы люди, а стали людье.

(«Дикая кошка – армянская речь...»)

В альбом спекулянтке Розе

Если грустишь, что тебе задолжал я одиннадцать
тысяч,

Помни, что двадцать одну мог я тебе задолжать.

Печален мир. Все суета и проза.

Лишь женщины нас тешат да цветы.

Но двух чудес соединенье ты:

Ты женщина! Ты *Роза!*

Ванну хозяин прими, но принимай и гостей.

Дня три или четыре

Росинки маковой он не имел во рту.

Но величайший *постник* в мире

Лишь тот, кто натошак читает «*На Посту*».

Почему ты всё дуешь в трубу, молодой человек?

Полежал бы ты лучше в гробу, молодой человек.

(«Газелла»)

Старик Маргулис зачастую

Ест яйца всмятку и вкрутую,

Его враги нахально врут,

Что сам Маргулис тоже крут.

Пришла Наташа. Где была?

Небось, не ела, не пила...

И чует мать, черна как ночь:
Вином и луком пахнет дочь.

Ой-ли, так ли, – дуй ли, вей ли, –
Всё равно –
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино!

«Камень» в витринах есть, но есть и в печени камень:

Знай, *рассосаться*, мой друг, трудно обоим камням.
(«*Ковфейня разбитых сердец*», коллективное стихотворение о «Камне» – сборнике стихов Мандельштама)

*Мне дан желудок, что мне делать с ним,
Таким голодным и таким моим?* (1917 г.)
[автопародия на свои ранние стихи:
*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим*].

Не унывай,
Садись в трамвай,
Такой пустой,
Такой восьмой...
(ок. 1915 г.)

Делия, где ты была? – Я лежала в объятьях Морфея.
Женщина, ты солгала, – в них я покоился сам.

[Шутка, использующая образ «путника», наивного и незнакомого с новейшими достижениями науки, такими как электричество. Шилейко – известный ассириолог, муж Анны Ахматовой, на время поселившийся в чужой роскошной квартире]:

*Путник, откуда идешь? Я был в гостях у Шилейки.
Дивно живет человек, смотришь – не веришь очам.*

*В бархатном кресле сидит, за обедом кушает гуся.
Кнопки коснется фужером – сам зажигается свет.
Если такие живут на Четвертой Рождественской лодки,
Путник, молю, расскажи, кто же живет на Второй?*

[Обыгрывается шутовское представление, что на Второй Рождественской должны жить еще роскошнее, чем на Четвертой (подобно тому, как второе место в состязаниях почетнее четвертого).]

Ах, матовый ангел на льду голубом.
Ахматовой Анне пишу я в альбом.

Держу пари, что я еще не умер.
[Последнее стихотворение в одномомнике 1933 года, по: Гаспаров 2001.]

А.Н. ТОЛСТОЙ

(1882–1945)

[Спор родителей Никиты о продаже лошади]:

«В таком случае, – отец даже расшаркивался, – я прямо заявляю: или эта проклятая кобыла в хозяйстве или я!» В конце концов матушка, как и догадывался Никита, предпочла отца.

(«Детство Никиты»)

Хозяин харчевни выскочил навстречу гостям <...>

– Не мешало бы нам перекусить хоть сухой корочкой, – сказала лиса.

– Хоть коркой хлеба угостили бы, – повторил кот <...>

– Эй, хозяин, – важно сказал Буратино, – дайте нам три корочки хлеба.

– Веселенький, остроумненький Буратино шутит с вами, хозяин, – захихикала лиса.

(«Золотой ключик»)

– Вот и верно, что при царе плохо жилось, а нынче хорошо. Из Тарусы одной знакомой племянники пишут: «Дорогая тетя, слава труду, живем хорошо... Папенька наш сослан за Ледовитый океан... А при царском режиме две лавки были... У маменьки, слава труду, чахотка».

(«Сожитель»)

Графиня, проснувшись поутру, полезла под кровать за известным предметом... «Графиня, не за то хватаетесь!» – загремел под кроватью голос знаменитого сыщика...

(«Чукоккала»)

«Похождения Невзорова, или Ибикус»

Цыганята бегают, грязные – смотреть страшно. Взять такого цыганенка, помыть его мылом, и он тут же помирает, не может вытерпеть чистоты.

Это была облупленная беседочка, на полу ее, еще издали, выднелось то, что остается от человека, когда он посидит.

Выдумали же люди такое отвратительное слово – «эвакуация». Скажи – отъезд, переселение или временная, всеобщая перемена жительства – никто бы не стал, вылупив луковицами глаза, ухватив узлы и чемоданы, скакать без памяти на подводах и извозчиках в одесский порт, как будто сзади за ним гонятся львы.

Говорят – русские тяжелы на подъем. Неправда, старо. Иной, из средних интеллигентов, самой судьбой определен жить и умереть в захолустьи, а глядишь – сидит на крыше вагона, на носу – треснувшее пенсне, за сутулыми плечами – мешок, едет заведомо в Северную Африку, и ничего себе, только борода развеивается по ветру.

А.Г. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

(1889-1938)

Обо всем понемножку: про *мейергоголевского* «Ревизора» и зловредную гармошку. (Название пародии на Д.Бедного; обыгрывается фамилия режиссера Мейерхольда, поставившего «Ревизор» Гоголя):

Недаром такие речи ведутся:

Был бы «Ревизор», а Мейерхольды найдутся!!

Дорогие деточки,
Тише, не кричать!
Планчик пятилеточки
Будем изучать.

<...>

Вагончик за вагончиком
По рельсикам бежит,
С железом и бетончиком
К заводикам спешит.

(«Мы – индустриальчики»)

Или я или Илья? Или – или.

(Пародия на Н.Адуева)

Душа моя играет, душа моя поет,
А мне товарищ Пушкин руки не подает.
Александр Сергеич, брось, не форси,
Али ты, братеник, сердишься?

(Пародия на А.Прокофьева)

Задымилась голубые трубы, застукотели маховики, забарахолили цилиндры печей, загрохотали бремсберги, и колеса электропередачи закружились в разных пересечениях, наклонениях, спряжениях, числах и падежах.

(Пародия на Ф.Гладкова)

Обилие стихов и прозы

Завбибов делает бодрей.

(Читатель рифмы ждет: колхозы!

На, вот возьми ее скорей!)

(Завбиб – заведующий библиотекой) – шутливая
переключка с шутливыми стихами Пушкина:

И вот уже трещат морозы

И серебрятся средь полей...

(Читатель ждет уж рифмы розы;

На, вот возьми ее скорей!)

(«Евгений Онегин», гл. 4, XLII)

С. ЕСЕНИН

(1895–1925)

Ах, яблочко,
Цвета милого!
Бьют Деникина,
Бьют Корнилова.
Цветочек мой,
Цветик маковый.
Ты скорей, адмирал,
Отколчакивай.

(«Песнь о великом походе»)

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

<...>

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

(«Русь уходящая»)

Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

<...>

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, –

Страшнсь по морям безверия
Железные пускать корабли!

(«Инония»)

Милая, ты ли? та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь уголят в поцелуях.

Но коровы в спуске
На траве у леса,
Говоря по-русски,
Смыслят ни бельмеса.
Им бы лишь мычалось
Да трава качалась, —
Трудно жить на свете
Пастушонку Пете.

(«Сказка о пастушонке Пете...»)

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылок рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

Сестре Шуре

Ты — мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную тербя?

И Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел —
И в клетке сдохла канарейка.

(«На Кавказе»)

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.

<...>

Давай, Сергей,
За Маркса тихо сядем,
Понюхаем премудрость
Скучных строк.

(«Стансы»)

Но погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

[О поездке Есенина в Грецию, к знаменитой, но не
очень уже молодой танцовщице Айседоре Дункан]:
Куда Есенина унес аэроплан?
В Афины древние, к развалинам Дункан.

Если чего-нибудь ждать настоящего, то только здесь –
не у бизнес-же-менов в Америке!

(С.Есенин, по: Гаспаров 2001)

В.В. МАЯКОВСКИЙ

(1893-1930)

Не слышал про спичи лось,
Да сказать приспичилось!
(«Литературные шушу(т)ки»)

У родичей
 губы
 галоши вроде.
Вид у родичей -
Не родичи,
 а уродичи.
(«Обряды»)

Белый
 ест
 ананас спелый,
черный -
 гнилью моченый.
Белую работу
 делает белый,
черную работу -
 черный.
(«Блэк энд уайт»)

Форд -
 в миллионах фордов,
 сам же Форд -
 в аршин.
Мистер Форд,
 для вашего,
 для высохшего зада
разве мало

двух
просторнейших машин?
(«Кемп «Нит гедайге»)

В бульварах
буржуеныши
под нянин сказ
медведям
игрушечным
глядят плюшики.
(«На Западе всё спокойно»)

Старается
разная
музыкальная челядь
пианинить
и виолончелить.
(«Маруся отравилась»)

Как это
у вас
говаривала Ольга?..
Да не Ольга!
из письма
Онегина к Татьяне.
– Дескать,
муж у вас
дурак
и старый мерин,
я люблю вас,
будьте обязательно моя,
я сейчас же
утром должен быть уверен,
что с вами днем увижусь я.
(«Юбилейное»)

Спящий дом,
в костюмах,
в белье, —

радуйся,
растратчик и мот.

«Ателье
мод».

(«Стабилизация быта»)

Его
некультурной
ругать ли гадиной?!

Берет
и с удовольствием
перелистывает книжку,
интереснейшую книжку —

сберегательную.
(«Стих не про дрянь, а про дрянцо...»)

Полками
по полкам книжным,
чтоб буквы
и то смяло.

Мысль засеет
и выжнем.

Вперед!
Но этого мало.

(«Молодая гвардия»)

Появились
молодые
превоспитанные люди —
Мопров
знаки золотые
им

И в эту
 тишину
 раскатившийся всласть
 бас,
 окрепший
 над реями рея:
 «Которые тут временные?»
 Слазы!
 Кончилось ваше время».

(«Хорошо», 6)

Кто стихами льет из лейки,
 кто кропит,
 набравши в рот –
 кудреватые Митрейки,
 мудреватые Кудрейки –
 кто их, к черту, разберет!

(«Во весь голос»)

Из комедии «Клоп»

Б а я н. Когда ваш свадебный картэж...
П р и с ы п к и н. Что вы болтаете? Какой картэж?
Б а я н. Кортэж, я говорю.

Германский
 небьющийся
 точильный брусок,
 30
 копеек
 любой
 кусок.
 Точит
 в любом
 направленьи
 и вкусе

бритвы,

ножи

и языки для дискуссий!

Вам мировая революция нужна, вам выход в Европу требуется, вам только Чемберленов и Пуанкаров сломать, и вы Мулен Ружи и Пантеоны красотой телодвижений восхищать будете.

[Обучение танцам] Б а я н. ...Так, так! Да не шевелите вы нижним бюстом, вы же не вагонетку, а мадмуазель везете. Так, так! Где рука? Низко рука!

Б а я н. Красота – это мать...

Ш а ф е р (мрачно и вскакивая). Мать! Кто сказал «мать»? Прошу не выражаться при новобрачных.

Случайный

сон –

причина пожаров, –

на сон

не читайте

Надсона и Жарова!

1-й пожарный. Под печкой обнаружена бывшая женщина с проволочным венчиком на затылочных костях.

1-я старуха. Как сейчас помню...

1-й старик. Нет – это я помню, как сейчас!

2-я старуха. Вы помните, как сейчас, а я помню, как раньше.

2-й старик. А я как сейчас помню, как раньше.

Из комедии «Баня»

Моментальников. ...лучше умереть под красным знаменем, чем под забором.

Белведонский [художник]. Восхитительно! <...> Товарищ Победоносиков, разрешите мне продолжить ваш портрет и запечатлеть вас как новатора-администратора, а также распределителя кредитов. Тюрьма и ссылка по вас плачет, журнал, разумеется. Музей революции по вас плачет, – оригинал туда – оторвут с руками!

Оптимистенко: ...У вас есть заключение?

Просительница: Нет, батюшка, нельзя ему заключение давать... Можно, говорят, его на неделю заключить, а я чего, батюшка, кушать-то буду.

Победоносиков. Даже Лев Толстой, даже эта величайшая медведица пера, если бы ей удалось взглянуть на наши достижения в виде вышеупомянутого трамвая, даже она заявила бы перед лицом мирового империализма: «Не могу молчать...»

Иван Иванович. Да, да! Сделайте нам красиво! В Большом театре нам постоянно делают красиво. Вы были на «Красном маке»? Ах, я был на «Красном маке». Удивительно интересно! Везде с цветами порхают, поют, танцуют разные эльфы и... сифлиды.

Режиссер. Сильфиды, вы хотели сказать?

Иван Иванович. Да, да, да! Это вы хорошо заметили – сифлиды.

Победоносиков: ...шляешься по чужим квартирам. <...> Не могла себе даже хахалей найти сообразно моему общественному положению. Шкодливая юбконосица!

Победоносиков. <...> Итак, товарищи, мы переживаем то время, когда в моем аппарате изобретен аппарат времени.

Победоносиков. Хорошо, хорошо, пускай попробуют, поплавают без вождя и без ветрил!

Самогоном упился метранпаж. Лишь свистят под ротационкой ноздри метранпажины.

(«Газетный день», по: [Виноградов 1972])

Индейцы босые, а если и обуты, то во что-то не поддающиеся ни чистке, ни описанию.

(по: Береговская 1984)

[Ответ Маяковского на записку]:

- Ваши стихи не греют, не волнуют, не заражают!

- Я не печка, не море, не чума!

«...Луначарский говорит, выступая: «Боюсь, присутствующий здесь Маяковский разделает меня под орех».

Маяковский из зала:

- Я не древообделочник!»

- Маяковский, зачем вы носите кольцо на пальце? Оно вам не к лицу.

- Вот потому, что не к лицу, и ношу на пальце, а не в носу.

(«Ларец острословов»)

[Маяковский – в ответ на критику]:

- Что?.. Ну, вы, товарищ, возражаете, как будто возражаете... А вы, я вижу, ровно ничего не поняли. Собрание постановило считать вас отсутствующим.

(«Ларец острословов»)

И.Э. БАБЕЛЬ

(1894–1941)

– Джентльмены, – говорил нам мистер Троттиберн, – помяните мое слово, детей надо делать *собственноручно...*
(«Пробуждение»)

[Налетчики подожгли полицейский участок, где усердствовал новый пристав – «новая метла чисто метет»]:

Участок исправно пылал с четырех сторон. <...> Под шумок разбежались арестованные. <...> Пристав – та самая метла, что чисто метет, – стоял на противоположном тротуаре и покусывал усы, лезшие ему в рот. Новая метла стояла без движения.

[Налетчик Бенья Крик]... попросил у Эйхбаума руки его дочери Цици. Старика хватил легкий удар, но он поднялся. В старике было еще жизни лет на двадцать.
(«Король»)

Коля Шварц привел с собой жену в фиолетовой ша-ли с бахромой, женщину, годную в гренадеры и длинную, как степь, с мятым, сонливым личиком на краю.
(«Ди Грассо»)

«Извиняюсь, – говорит, какая у вас, между прочим, национальность?»

«По какой причине, – спрашиваю, – вы меня, господин, за *национальность* трогаете, когда я тем более *нахожусь* в дамском обществе?»

(«Конармия. Вдова»)

«Товарищ следователь Бурденко. На вопрос ваш отвечаю, что *партийность* имею номер двадцать четыре

два нуля, выданную Никите Балмашеву Краснодарским комитетом партни».

(«Конармия. Измена»)

Барахло у ребятишек пооборвалось, рубашонки такие, что половой зрелости не достигают.

(«Конармия. Конкин»)

[Брат невесты Левка пытается объяснить сватам ее несколько странное поведение]:

Левка. Наша Вера сегодня немножко угорела от утюга.

Боярский. Угореть от утюга может всякий, но быть хорошим человеком – это не всякий может.

(«Закат», 1)

Д в о й р а. И потом я хочу, чтобы вы меня любили, Боярский.

Б о я р с к и й. А что с вами делать, если не любить вас? На котлеты вас рубить? Смешно, ей-богу!..

(«Закат», 8)

Революция! Ищи-свищи ее! Пролетариат? Пролетариат пролетел, как дырявая пролетка, поломав колеса! И остался без колес.

(Ю. Анненкову, 18 янв. 1933 г.)

– Об чем я думаю? Об выпить рюмку водки, об дать кому-нибудь по морде, об иметь немножко удовольствия с моей супругой.

(«Чукоккала»)

В.В. ВЕРЕСАЕВ

(1867–1945)

«Иван Петрович подошел к столу. Он был очень весел».

Прочитав что-нибудь подобное, всякий считает себя обязанным притвориться идиотом и спросить: – Кто был весел? Стол?

Гомер нисколько не стесняется говорить: «он побежал», раз по смыслу понятно, о ком идет речь, хотя бы в предыдущей фразе дело шло о столбе.

(«Записи для себя»)

Был беллетрист и корреспондент Василий Ив. Невмирович-Данченко. Он вечно завирался в своих корреспонденциях самым фантастическим образом. Буренин прозвал его «Невмирович-Вральченко».

(«Записи для себя»)

«Невыдуманные рассказы о прошлом»

- Сколько яблоко стоит?
- Рубль.
- И находятся такие дураки, что покупают?
- Нет, дураки спросят и дальше идут.

Был я в Италии. Раз во Флоренции поехал на извозчике осматривать Фьезоле. Извозчик на козлах все время поет-заливается. Потом вдруг оборачивается ко мне и протягивает шляпу: «Я вам пел». – «Да я вас во все не просил». Начинает скандалить, кипятиться. Дал ему две лиры. Едем дальше. Я начал во все горло петь. Попел, потом толкаю извозчика в спину и протягиваю ему шляпу: «Я вам пел!» Он изумленно взглянул, усмехнулся, достал кошелек и положил мне в шляпу лиру.

– Нет, к доктору не хочу. Вдруг он мне скажет: у вас чахотка. Ведь есть такие жестокие доктора.

Подошла к трамвайной остановке женщина. Лицо совсем раздетое: как ругалась в кухне с соседками из-за коптящего примуса, таким лицо и осталось. Нужно же одевать лицо, когда выходишь на люди!

Жена. Если тебе ночью захочется воды, то вон на столе стакан молока.

Муж. Гм!.. А если тебе ночью захочется вина, то вон под столом жестянка с керосином.

– Мы с мужем объяснились в любви, совсем как Кити и Левин в «Анне Карениной». Только те много разных букв писали, пока столковались, а мы сразу друга друга поняли. Он всего три буквы написал: «я В. л.» А я ему в ответ четыре: «и я В. л.»

– Никогда не следует спрашивать женщину о годах. Важно, какую она сама себя чувствует. Если чувствует себя тридцатилетней, то и может сказать, что ей тридцать лет <...>. Это еще один король французский сказал: «Лета – с'э муа». [Государство – это я (от франц. L'état c'est moi). Здесь героиня путает франц. l'état (государство) с русск. *лета* (в смысле – годы).]

«В одной одесской газете, при описании коронации, – не помню, Александра III или Николая II, – было напечатано: «Митрополит возложил на голову его императорского величества *ворону*».

В следующем выпуске газеты появилась заметка:

«В предыдущем номере нашей газеты, в отчете о священном короновании их императорских величеств, вкралась одна чрезвычайно досадная опечатка.

Напечатано: «Митрополит возложил на голову его императорского величества *ворону*», – читай: «*корову*».

(В.Г. Короленко и Н.Ф. Анненский –
по рассказу В.Г. Короленко)

«Рассказы о детях»

[Боря, тринадцати лет]:

– Мама, когда Татьяна в «Евгении Онегине» вышла за генерала, это был ее второй муж?

– Что за вздор ты говоришь! Первый, конечно!

– Нет, второй. Вот послушай:

Мартын Задека стал потом

Любимец Тани. Он отрады

Во всех печалях ей дарит

И безотлучно с нею спит.

[Вересаев спрашивает у маленького Глеба, вернувшегося с прогулки]:

– Солнышко есть? – Нету. Только небо.

– Почему в молитве «Отче наш» все слова русские, а одно слово французское?

– Что за вздор ты говоришь? Где французское слово?

– А как же! «Отче наш, иже иси на небеси».

[У мальчика спрашивают] «Это кто, сын Акулины?» – «Нет, он ей больше уж не сын». – «Почему так?» – «С бородой, с усами, – какой же сын».

В.Я. ШИШКОВ

(1873–1945)

Из романа «Угрюм-река»

[Американский инженер мистер Кук, любитель русских пословиц]:

Рюска хорош пословиц говорит: Кто обжегся на мошке, дует водку... Ну, живо, живо, живо!.. Бутылка водки!..

Мужик сначала грянет, а потом перекрестится.

[Вместо: Пока гром не грянет, мужик не перекрестится.]

Без рубашка – ближе к телу... Оччень лютший русский пословиц...

Придет великий пост, а коту дадут маслица.

[Вместо: Не все коту масленица: придет и Великий пост.]

На чужую кровать рта не разевать, как говорит рюсский, оччень хорош пословиц.

[Вместо: На чужой каравай рот не разевай.]

Личная жизнь каждого гражданина страны есть святыня! И сор в чужую избу мести не надо, как говорит рюсский хорош пословиц.

На пожаре:

– Фено-ме-нально... – Коллосаль, коллосаль... О! – воткнул мистер Кук палец в небо. <...> Но почему такой совсем глупый рюсска пословиц: «Огонь не туши?»

– С огнем *не шутит*, – снисходительно улыбаясь, поправил отец Александр.

Мистер Кук крикнул: – Иван! Чаю! Бутерброд! Четыре экземпляр!

К.И. ЧУКОВСКИЙ

(1882-1969)

Но папочка и мамочка уснули вечером,
А Танечка и Ванечка – в Африку бегом
В Африку!

В Африку!
Вдоль по Африке гуляют,
Фиги-финики срывают, –
Ну и Африка!
Вот так Африка!

(«Бармалей»)

Черепаша

До болота идти далеко,
До болота идти нелегко.
«Вот камень лежит у дороги,
Присядем и вытянем ноги».
И на камень лягушки кладут узелок.
«Хорошо бы на камень прилечь на часок!»
Вдруг на ноги камень вскочил
И за ноги их ухватил.
И они закричали от страха:
«Это – ЧЕ!
Это – РЕ!
Это – ПАХА!
Это – ЧЕЧЕРЕ!
ПАПА!
ПАПАХА!»

Едет в поезде человек. Сосед спрашивает, как его фамилия. Он говорит: «Первый слог моей фамилии то, что хотел дать нам Ленин. Второй то, что дал нам

Сталин». Вдруг с верхней полки голос: «Гражданин Райхер, вы арестованы».

*(Дневник 1930–1969. Запись анекдота, рассказанного
Казакевичем, 4 марта 1956)*

Из книги «От двух до пяти»

[Девочка, басом]:

– Баба мылом морду моет!

– У бабы не морда, у бабы лицо.

Пошла поглядеть опять.

– Нет, всё-таки немножечко морда.

Когда Ляле было два с половиною года, она гордо заявила своей матери:

– Мама, я такая распутница!

И показала веревочку, которую удалось ей распутать.

Услышав, например, песню, которая начиналась словами:

Царь дрожащего творенья,
ребенок сейчас же воспринял ее так:

Царь, дрожащий от варенья.

– ...Почему кормилица? Надо поилица. Ведь не котлетами же будет она нашего Зюзьку кормить!

Когда он услышал, что пришедшая в гости старуха «собаку съела» на каких-то делах, он спрятал от нее своего любимого пса.

– Он совсем не художник: он очень хорошо нарисовал.

– Почему ручей? Надо бы журчей. Ведь он не ручит, а журчит.

Мать причесывает четырехлетнюю Люду и нечаянно дергает ее волосы гребнем. Люда хнычет, готова заплакать. Мать говорит в утешение:

– Терпи, казак, атаманом будешь!

Вечером Люда играет с куклой, причесывает ее и повторяет:

- Терпи, коза, а то мамой будешь.
- Вовка меня по-деревянному сегодня обозвал.
- Как это?
- Он сказал: сучка.
- Обо что ты оцарапался?
- Об кошку.

[Спрашивает его о сестре]:

- Что же твоя Иришка с петухами ложится?
- Она с петухами не ложится – они клюются: она одна в свою кроватку ложится.

– Мне сам папа сказал... – Мне сама мама сказала... – Но ведь папа самее мамы... Папа гораздо самее.

– Бабушка! Ты моя лучшая любовница.

– Мама! Поехал покойник, а за ним идет большая очередь.

– Я сижу и отмухиваюсь! Сижу и отмухиваюсь!

– Ах ты, стрекоза! – сказала мать своей трехлетней Ирине.

– Я не стрекоза, а я люды!

– Ты такая неряха!

– Ладно, я буду ряха!

– Ах, какие обезьяны уклюжие!

Чаянно,
мазелин,
тепломер, теплометр,
вертилятор,
улицционер,
играль (рояль),
копатка.

И. ИЛЬФ

(1897–1937)

Марк Аврелий

Не еврей ли?

*(«Литературные шуш(т)жи»)***Из «Записных книжек»**

Над городом слышался скрип колеса фортуны.

Товарищи, если мы возьмем женщину в целом...

Мы ехали в поезде по Крыму. Когда моя соседка увидела зеленую траву, она так обрадовалась, как будто она была коровой, всю зиму проведенной в мрачном уединении хлева.

Женщина-милиционер прежде всего – женщина.

Женщина-милиционер всё-таки прежде всего милиционер.

На стол был подан страшный, нашпигованный сплетнями гусь.

Из отчета: «Заметно растет т. Муравицкая».

У палатки пьет морс дачник в белых, но совершенно голубых брюках. Сам он их, что ли, подсинивал?

Докладчик: «На сегодняшнее число мы имеем в Германии фашизм».

Голос с места: «Да это не мы имеем фашизм! Это они имеют фашизм! Мы имеем на сегодняшнее число советскую власть».

«Что это? Дом отдыха или...» Он не окончил, так как сознавал сам, что это давно уже не дом отдыха, а это самое «или» и есть.

Пардон, еще пардон.

Внесметные и сверхсметные толпы.

Воленс-неволенс, а я вас уволенс.

Анализ мочи – на стол мечи.

Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу.

Край непуганых идиотов.

Памятник Первопечатнику.

Каламбуркул.

Фабрика военно-походных кроватей имени товарища Прокруста.

Артель «Красный бублик», или «Булка Востока»; крестьянский писатель-среднячок из группы «Стальное вымя».

Решено было не допустить ни одной ошибки. Держали двадцать корректур. И все равно на титульном листе было напечатано: «Британская энциклопедия».

На титуле книги: Эта книга издана без очепяток.

Список замученных опечаток.

Профессор *Скончаловский*; гражданин *Лошадь-Пржевальский*; *Крытых-Рынков*; *Крайних-Взглядов*; *Старый Артилеридзе*; два друга: *Телескопуло* и *Стетоскопуло*.

Е. ПЕТРОВ

(1902–1942)

Я вошел под своды Большого театра.

Дирижер Л.Штейнберг был на высоте. <...> Он вышался над оркестром и был виден всему зрительному залу.

(«Нюрнбергские мастера пекиня»)

– Что же ты, дурак, намерен предпринять?

– Жениться! – твердо сказал Журочка.

– Ну, и женись, если, конечно, тебя привлекает именно этот не особенно удобный способ самоубийства.

(«Проклятая проблема»)

[Влюбленный в телефонистку Обуялов]:

«Слушайте. Клянусь вам, что я погибаю. Что у вас в груди – сердце или камень?» Обуялов прислушался. Ответа не было. Его больше не слушали. Вопрос о содержимом грудной клетки телефонистки так и остался невыясненным.

(«Беспокойная ночь»)

Журналист Терпейский, ненавидящий бюрократию и бюрократическое косноязычие, назначается заведующим и через год пишет: «Сим имею известить вас на предмет появления помянутого фельетона, каковой таковой...»

[О поэте, свихнувшемся на каламбурах]:

– Пишите, знаете ли... гм... это самое. Понимаете?.. Веселое. Выдумывайте каламбуры... этакие... гм... словообразования... <...> Глаза поэта загорелись хищным блеском. Он вскочил со стула и, пробежавшись по комнате, выпалил:

– Среднее словообразование или высшее? Я скоро словообразуюсь и, если ты, словообразина, мне не ве-ришь, я тебя живо словообразую... <...>

– А я на дачу! – воскликнул он широко, по-детски, улыбаясь.

– Ну, что вы, милый, – сказал я, пожимая его холодную вялую руку, – какая может быть дача в январе месяце?

– Они-с на *Канатчикову* дачу, – почтительно сообщил детина в фартуке.

– Ну да. В Канаду. На Канадчикову дачу, Шпагатчикову незадачу, неудачу, удачу...

– Идем, что ли! – сказал детина.

– Не поиду-у-у!!! Не пойдуплетом в угол!.. Р-р-ранга, нга...

Поэта стали вязать.

– Я изобрел Сатурн!!! – крикнул он, отбиваясь изо всех сил.

– Не плюйте в сатурну!..

(«Юморист Физикевич»)

И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ

Хорошо стреляют в Черноморском флоте.

То есть когда стреляют хорошо – это у них считается плохо. Извините, но это не каламбур. Считается хорошо, когда стреляют отлично.

(«Начало похода»)

Из романа «Двенадцать стульев»

[Безенчук, владелец и единственный сотрудник похоронной фирмы «Милости просим»]:

...я – фирма старая. Основан в тысяча девятьсот седьмом году. У меня гроб – огурчик, отборный, любительский.

[Разговор Безенчука с зятем умирающей женщины]:

– «Как здоровье тещеньки, разрешите узнать?» – «Мр-мр-мр», – неопределенно ответил Ипполит Матвеевич <...>. – «Ну, дай Бог здоровычка, – с горечью сказал Безенчук, – одних убытков сколько несем, туды его в качель!»

[Разговор Воробьянинова с гробовых дел мастером Безенчуком]:

– Умерла Клавдия Ивановна, – сообщил заказчик.

– Ну, царствие небесное, – согласился Безенчук. – Преставилась, значит, старушка... Старушки, они всегда преставляются... Или богу душу отдают, – это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, – значит, преставилась. А, например, которая покрупнее да похудее – та, считается, богу душу отдает...

– То есть как это считается? У кого это считается?

– У нас и считается. У мастеров. Вот вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой.

Вы, считается, ежели, не дай бог, помрете, что в ящик сыграли. А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, приказал долго жить. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: перекинулся или ноги протянул. Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают. Так про них и говорят: «А наш-то, слышали, дуба дал».

Потрясенный этой странной классификацией человеческих смертей, Ипполит Матвеевич спросил:

– Ну, а когда ты помрешь, как про тебя мастера скажут?

– Я – человек маленький. Скажут: «гигнулся Безенчук». А больше ничего не скажут.

Матушка [попадья] поняла только одно: отец Федор ни с того ни с сего остригся, хочет в дурацком картузе ехать неизвестно куда, а ее бросает.

– Не бросаю, – твердил отец Федор, – не бросаю, через неделю буду назад. Ведь может же быть у человека дело? Может или не может?

– Не может, – говорила попадья.

Умирает старый еврей. Тут жена стоит, дети. «А Моня здесь?» – еврей спрашивает еле-еле. «Здесь». – «А тетя Брана пришла?» – «Пришла». – «А где бабушка? Я ее не вижу». – «Вот она стоит». – «А Исак?» – «Исак тут». – «А дети?» – «Вот все дети». – «Кто же в лавке остался?!»

[Бендер – Воробьянинову о спрятанных сокровищах мадам Петуховой]:

– Выбор неплохой. Камни, я вижу, подобраны со вкусом. Сколько вся эта музыка стоила?

– Тысяч семьдесят – семьдесят пять.

- Мгу... Теперь, значит, стоит полтора ста тысяч.
- Нужели так много? – обрадованно спросил Воробьянинов.
- Не меньше. Только вы, дорогой товарищ из Парижа, плюньте на все это.
- Как плюнуть?
- Слюной, – ответил Остап, – как плевали до эпохи исторического материализма. Ничего не выйдет.

Застенчивый Александр Яковлевич тут же, без промедления, пригласил пожарного инспектора отобедать чем бог послал.

В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки, домашние грибки, форшмак из селедки, украинский борщ с мясом первого сорта, курицу с рисом и компот из сушеных яблок.

Тут Ипполит Матвеевич не выдержал и <...> смачно плюнул в доброе лицо отца Федора. Отец Федор немедленно плюнул в лицо Ипполита Матвеевича и тоже попал.

- При наличии отсутствия пропитанных шпал, – кричал Виктор Михайлович на весь двор, – это будет не трамвай, одно горе!

Москвич любил пиво, Маховик-Датский, кроме водки, ничего в рот не брал.

Молодая была уже не молода. Ей было не меньше тридцати пяти лет.

[О. Федор в письме жене рассказывает о стычке с Воробьяниновым]: «Какой, говорю, срам на старости лет, какая, говорю, дикость в России теперь настала: чтобы предводитель дворянства на священнослужите-

ля, аки лев, бросался и за беспартийность упрекал! Вы, говорю, низкий человек <...> и охотник за чужим добром, которое теперь государственное, а не его». Стыдно ему стало, и он ушел от меня прочь, в публичный дом, должно быть.

...работать с таким малокультурным компаньоном, как вы, из сорока процентов представляется мне абсурдным. Воленс-неволенс, но я должен поставить новые условия.

[Из произведений Никифора Ляписа]:
Страдал Гаврила от гангрены,
Гаврила от гангрены слег.

Волны перекачивались через мол и падали вниз стремительным домкратом.

[Остап Бендер]:
– ...Обо мне написали бы в протоколе осмотра трупов так: «Труп... принадлежит мужчине двадцати семи лет. Он *любил и страдал*. Он любил деньги и страдал от их недостатка...»

Из романа «Золотой теленок»

Боже, боже, которого в сущности нет, до чего ты, которого на самом деле-то и нет, довел пешехода!

[Разговор председателя Исполкома с посетителем (О.Бендером), назвавшимся сыном героя революции – лейтенанта Шмидта]:

- Простите, а как ваше имя?
- Николай... Николай Шмидт.
- А по батюшке?
- «Ах, как нехорошо!» – подумал посетитель, который и сам не знал имени своего отца.

- Да-а, - протянул он, уклоняясь от прямого ответа, - теперь многие не знают имен героев. Угар нэпа.

- Вы зачем полезли в кабинет? Разве вы не видели, что председатель не один?

- Я думал...

- Ах, вы думали? Вы, значит, иногда думаете? Вы мыслитель. Как ваша фамилия, мыслитель? Спиноза? Жан Жак Руссо? Марк Аврелий?

- Вы, я вижу, бескорыстно любите деньги. Скажите, какая сумма вам нравится?

- У меня всегда так, - сказал Бендер, блестя глазами, - миллионное дело приходится начинать при ощутительной нехватке денежных знаков. Весь мой капитал, основной, оборотный и запасный, исчисляется пятью рублями...

[Остап Бендер уговаривает владельца старенького «лорен-дитриха» ехать в Черноморск]:

- У нас там небольшое интимное дело. И вам работа найдется. В Черноморске ценят предметы старины и охотно на них катаются. Поедем. <...> А в Арбатове вам терять нечего, кроме запасных цепей.

[Бендер - похитителю гуся Паниковскому]:

- Влезайте, - предложил Остап, - черт с вами! Но больше не грешите, а то вырву руки с корнем.

Паниковский, пригнувшись, убежал в поле и вернулся, держа в руке теплый кривой огурец. Остап быстро вырвал его из рук Паниковского, говоря: «Не делайте из еды культа». После этого он съел огурец сам.

[Начало повести крестьянского писателя-среднячка из группы «Стальное вымя»]:

Инда взопрели озимые. Рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку. Понюхал старик Ромуальдыч свою портянку и аж заколдобился.

Даже из обыкновенной табуретки можно гнать самогоп. Некоторые любят табуретовку.

[Паниковский успокаивает Бендера]: «Честное, благородное слово. <...> Мы с Шурой... не беспокойтесь! Вы имеете дело с Паниковским». – «Это меня и печалит», – сказал Бендер...

[Паниковский – Шуре Балаганову]: – Поезжайте в Киев и спросите там, что делал Паниковский до революции. Обязательно спросите!

<...> Поезжайте и спросите! И вам скажут, что до революции Паниковский был слепым.

– Бездарный старик! Неталантливый сумасшедший! Еще один великий слепой выискался – Паниковский! Гомер, Мильтон и Паниковский! Теплая компания! А Балаганов? Тоже – матрос с разбитого корабля. Паниковского бьют, Паниковского бьют! А сам... Идемте в городской сад. Я вам устрою сцену у фонтана.

[Разговор о полярнике, затерявшемся среди льдов на восемьдесят четвертой параллели]:

– Вот статья. Видите? «Среди торосов и айсбергов».

– Айсберги! – говорил Митрич насмешливо. – Это мы понять можем. Десять лет как жизни нет. Все Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи. <...>

– Что еще за параллель такая, – смутно отзывался Митрич. – Может, такой никакой параллели и вовсе нету. Этого мы не знаем. В гимназиях не обучались.

Митрич говорил сущую правду. В гимназии он не обучался. Он окончил Пажеский корпус.

О комнате пропавшего летчика заговорили все: и бывший горский князь, а ныне трудящийся Востока гражданин Гигиенишвили, и Дуня, <...> и тетя Паша – торговка и горькая пьяница.

Ровно в шестнадцать часов сорок минут Васисуалий Лоханкин объявил голодовку. Он лежал на клеенчатом диване, отвернувшись от всего мира. <...> Поголодав минут двадцать в таком положении, Лоханкин застоялся, перевернулся на другой бок и посмотрел на жену.

[Васисуалий Лоханкин – перед экзекуцией, которой подвергли его соседи]:

– Я не виноват! – запищал Лоханкин, вырываясь из рук бывшего князя, а ныне трудящегося Востока.

– Все не виноваты! – бормотал Никита Пряхин, придерживая трепещущего жильца.

– Я же ничего такого не сделал.

– Все ничего такого не сделали.

– У меня душевная депрессия.

– У всех душевная. <...>

– От меня жена ушла! – надрылся Васисуалий.

– У всех жена ушла, – отвечал Никита Пряхин.

[Васисуалий Лоханкин – после экзекуции]:

– Ведь в конце концов кто знает? Может быть, так надо. Может быть, именно в этом великая сермяжная правда.

– Сермяжная? Задумчиво повторил Бендер. – Она же посконная, домотканная и кондовая? Так, так.

[Бендер приходит снять комнату по объявлению]:
Это у вас «Сд. пр. ком. в. уд. в. н. м. от. ин. хол.»? А она на самом деле «пр.» и имеет «в. уд.»?

[Разговор «пикейных жилетов»]:

– Сноуден – это голова! Слушайте, Валиадис, – обращался он к... старику в панаме. – Что вы скажете насчет Сноудена?

– Я скажу вам откровенно, – отвечала панама, – Сноудену пальца в рот не клади. Я лично свой палец не положил бы.

И, нимало не смущаясь тем, что Сноуден ни за что на свете не позволил бы Валиадису лезть пальцем в свой рот, старик продолжал...

– Я чту Уголовный кодекс. Я не налетчик, а идейный борец за денежные знаки.

[Бендер возмущен, что в их фиктивную контору «Рога и копыта» какой-то мужик действительно принес рога и их пришлось купить]:

– Если Паниковский пустит еще одного рогоносца, – сказал Остап, дождавшись ухода посетителя, – не служить больше Паниковскому.

– Вы знаете, Шура, – зашептал Паниковский, – я очень уважаю Бендера, но я вам должен сказать: Бендер – осел! Ей-богу, жалкая, ничтожная личность!

[Журналист, провожающий своих коллег на открытие Турксиба]:

И, конечно же, все вы по вечерам будете петь в вагоне «Стеньку Разина», будете глупо реветь: «И за борт ее бросает в *надлежащую* волну».

...я видел стенгазету одной пожарной команды, называлась она – «Из огня да в полымя». Это было по существу.

[Толкования некоторых слов в «Пособии для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а

также парадных стихотворений, од и тропарей», написанном Остапом Бендером]:

АЗИАТСКИЙ ОРНАМЕНТ

ПЛОВ (пицца)

БАЙ (нехороший человек)

БАСМАЧ (нехороший человек)

ШАКАЛ (животное)

ТВОЯ – МОЯ НЕ ПОНИМАЙ, МАЛА-МАЛА и т.д. – выражения.

Из церковного подвала несло холодом, бил оттуда кислый винный запах. Там, как видно, хранился картофель.

– Храм Спаса на картошке, – негромко сказал пешеход.

[Имена и фамилии – в разных произведениях]:

М.Н.Фанатюк; Карл Павийнен; Б.Культуртфригер; журналист Лавуазьян; Ухудшанский; Талмудовский; Плотский-Поцелуев; акушерка Медуза-Горгонер; княгиня Белооруско-Балтийская.

М.М. ЗОЦЕНКО

(1894–1958)

Дрались, конечно, от чистого сердца. Инвалиду Гаврилову последнюю башку чуть не оттяпали.

(«Нервные люди»)

Но, между прочим, как он кормился – для автора неясная тайна.

(«О чем пел соловей»)

...ей [Лизе] кто-то сказал, что вообще как будто писатели живут довольно недурно. <...> И пусть она среди этой прослойки что-нибудь себе поищет. Но Лиза не знала, где ей этого искать. И потому она не без поспешности сошлась с одним первым попавшимся автором.

(«Бедная Лиза»)

Нынче, граждане, в народных судах всё больше медиков судят. Один, видите ли, операцию погаными руками произвел, другой – с носа очки обронил в кишки и найти не может.

(«Медик»)

[Не могут похоронить умершего.] Тут происходят разные семейные сцены. Ребенок, не привыкший видеть неживых людей, пугается и орет благим матом. И нянька отказывается служить этой семье, в комнате которой живет покойник.

(«Рассказ о беспокойном старике»)

– Ты, говорит, сразу мне приглянулся наружной внешностью, и беру я тебя в свои компаньоны.

(«Гиблое место»)

Будучи выпивши, племянник этого дяди пришел ко мне и, утирая рукавом слезы, рассказал мне об этой своей мелкой неприятности.

(«Последняя неприятность»)

Приглашено было на рождество человек пятнадцать самых разнообразных гостей. Были тут и дамы и не дамы. Пьющие и выпивающие.

(«Гости»)

Ничего я на это не ответил. Только побледнел ужасно и говорю: – Мне, говорю, товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать. Я, говорю, товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом разбивать. <...> Ничего я на это не ответил, только говорю: – Тьфу на всех, и на деверя, говорю, тьфу.

(«Стакан»)

Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закончена.

(«Ночное происшествие»)

...он [писатель] сам на себя не надеялся, создавая слабые, маловысокохудожественные книги.

(«Бедная Лиза»)

Он <...> кричал на посетителей и даже в раздражении иной раз топал на них ногами, посылая более назойливых к чертям и дальше.

(«Мишель Сиягин», б)

Я подхожу до портье [гостиницы] и говорю ему ломаным языком:

– Ейн шамбер-циммер, говорю, яволь?

Портье говорит:

– Батюшки-светы, никак иностранец к нам приперся.

И сам отвечает тоже ломаным языком:

– Яволь, яволь. Она, шамбер-циммер, безусловно яволь. Битте-дритте, сию минуту. Сейчас выберу номер, какой получше и где поменьше клопов. <...>

– Яволь, говорю, битте-цурбитте. Несите, говорю, поскорей чемодан в мою нумерулю.

(«История с переодеванием»)

– Петр, – говорят, – Антонович. Человек вы квалифицированный, не первой свежести, ну, мало ли в пьяном виде трюхнетесь об тумбу – разобьетесь же. Пейте несколько полегче.

(«Сильное средство»)

[Разговор лекаря с мужем больной]:

– Не иначе как помирает ваша бабочка.

– От какой же, – спрашиваю, – болезни? Извините за нескромный вопрос.

(«Жених»)

А положили меня в небольшую палату, где лежало около тридцати разного сорта больных. И некоторые, видать, были тяжелобольные. А некоторые поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки.

(«История болезни»)

И едет, между прочим, в этом вагоне среди других такая вообще бабешечка.

У нее ребенок на руках. Вот она с ним и едет.

Она едет с ним в Новороссийск. У нее муж, что ли, там служит на заводе. Вот она к нему и едет.

И вот она едет к мужу. Всё как полагается: на руках у ней малютка, на лавке узелок и корзинка. И вот она едет в таком виде в Новороссийск.

Едет она к мужу в Новороссийск. А у ней малютка на руках очень такой звонкий.

(«Происшествие»)

«Голубая книга»

[Римский папа Борджиа Александр VI с сыном хотели отравить двух кардиналов, но, перепутав бокалы, сами выпили отраву]. Кардиналы им говорят: «Что, дескать, с вами, папа с сыном?» А папа, к черту, под стол сползает.

[Нерон нанимает убийц, чтобы избавиться от матери]:

– Ну, уж вы там как хотите, – говорил Нерон, – но только чтоб – раз! – и нет маменьки.

– Не извольте тревожиться. Считайте, что ваша маменька уже как бы не существует на этом свете. Не успеют они на днях проснуться, как на них потолок – кувырк!

[О римском диктаторе Сулле, назначившем премию за головы своих врагов]:

– Клади сюда голову. А эту забирай к черту. Ишь, зря отрезал у кого-то...

– Извиняюсь... подвернулся.

– Подвернулся... Это каждый настрижет у прохожих голов – денег не напасешься.

(«Деньги»)

[О приезде к Ивану IV герцога Голштинского с тримониальными намерениями.]

И вот он приехал. Наверное, расфуфыренный. В каких-нибудь шелковых штанах. Банты. Ленты. Шпага сбоку. Сам, наверное, длинновязый. Этакая морда красная, с рыжими усищами. Пьяница, может быть, крикун и рукосуй. <...> Ну, суетня, наверное, мотня. Мамошка бегаёт. Курей режут. Невесту в баню ведут. Жених с папой сидит. Водку хлещет. Врет, наверно, с три короба. Дескать, у нас, в Германии... Дескать, мы герцоги, и всё такое.

(«Любовь»)

[Комментарий к статье «Правды Русской»: «Если убьют купчину немца в Новгороде, то за голову десять гривен»]:

Столь унизительно низкая цена за голову иностранного специалиста в дальнейшем, правда, была доведена до сорока гривен, и убийство интуристов, видимо, стало не всем по карману и не всем доступно.

(«Деньги»)

Вот, значит, помер у ней муж. Она сначала, наверное, легко отнеслась к этому событию. «А-а, – думает, – ерунда!..» А потом видит – нет, далеко не ерунда!.. Женихи по свету не бегают пачками.

(«Деньги»)

Они [инквизиторы] приговоренных к сожжению передавали светской власти с таким елейным заключением: «Наказать с возможной кротостью, без пролития крови».

(«Коварство»)

[В багажном отделении вокзала]:

«Да что же вы, – говорю, – делаете, арапы?»

Весовщик говорит: «Что пардон, то пардон! Извиняюсь!»

(«Коварство»)

[Гражданин, потерявший галошу]:

Галоша, говорю, конечно, не новенькая, но дорога, как память о потраченных деньгах.

(«Неудачи»)

...в свое время прекрасно выразился наш славный поэт. <...> Вот его слова:

– Жизнь моя, – воскликнул он, – иль ты приснилась мне!

Словно, говорит, я весенней, гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

(«Неудачи»)

Д. ХАРМС

(1905–1942)

Жил на свете старичок
 Маленького роста,
 И смеялся старичок
 Чрезвычайно просто:
 «Ха-ха-ха
 Да хе-хе-хе,
 Хи-хи-хи
 Да бух-бух!
 Бу-бу-бу
 Да бе-бе-бе,
 Динь-динь-динь
 Да трюх-трюх!»

(«Веселый старичок»)

- Вы как сюда попали? <...>
 - В шкафу приехала, - сказала старушка.
 - В каком шкафу? - в один голос спросили толстый и тонкий.
 - В том, который у вас на лестнице вверх и вниз катается, - сказала старушка.
 - Ах, в лифте! - рассмеялся тонкий...
- («О том, как старушка чернила покупала»)*

«Смотри, свинья какая в поле
 Идет», - заметил Коля Яше.
 «Она, пожалуй, будет, Коля,
 На вид толстей, чем наш папаша».
 Но Коля молвил: «Полно, Яша,
 К чему сболтнул ты эту фразу.
 Таких свиней, как наш папаша,
 Я еще не видывал ни разу».

Вдруг Сережа приходил,
неумытый приходил,
всех он позже приходил.
– Подавайте! – говорит, –
Чашку чая, – говорит, –
мне побольше, – говорит.
Наклоняли, наклоняли,
наклоняли самовар,
но оттуда выбивался
только пар, пар, пар.
Наклоняли самовар,
будто шкаф, шкаф, шкаф,
но оттуда выходило
только кап, кап, кап.

(«Иван Иванович Самовар»)

Доедая с маслом булку,
Братя шли по переулку.
Вдруг на них из закоулка
Пес большой залаял гулко.
Сказал младший: «Вот напасть,
Хочет он на нас напасть,
Чтоб в беду нам не попасть,
Псу мы бросим булку в пасть».

(«Очень страшная история»)

– Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Ну, конечно, знаете!
Ясно, что вы знаете!
Несомненно,
Несомненно,
Несомненно, знаете!

.....
 А вы знаете, что СО,
 А вы знаете, что БА,
 А вы знаете, что КИ,
 Что собаки-пустолайки
 Научились летать?

.....
 - А вы знаете, что ПОД?
 А вы знаете, что МО?
 А вы знаете, что РЕМ?
 Что под морем-океаном
 Часовой стоит с ружьем?
 - Ну! Ну! Ну! Ну!
 Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
 Ну, с дубинкой,
 Ну, с метелкой,
 Ну еще туда-сюда,
 А с заряженным ружьем -
 Это просто ерунда!

(«Врун»)

Туш:

До,
 ми,
 соль,
 до - бе - ла,
 добела
 выстирать, выстирать
 в бане му-
 дре-
 ца.

Петров и Камаров

Петров:

Эй, Камаров!
 Давай ловить комаров!

Камаров:

Нет, я к этому еще не готов;

Давай лучше ловить котов!

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растет, а у меня не растет», – частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

(«Анекдоты из жизни Пушкина»)

М.А. БУЛГАКОВ

(1891–1940)

Нужно, наконец, условиться, как будет называться то место, где стригут и бреют граждан: «голярня», «перукарня», «цирульня» или просто-напросто «парикмахерская».

(«Киев-город»)

У Веры маленький голосок, а какой противный!

[Визитная карточка]:

Альфред Аркадьевич Бронский. Сотрудник московских журналов – «Красный огонек», «Красный перец», «Красный журнал», «Красный прожектор» <...> сотрудник сатирического журнала «Красный ворон» издания ГПУ.

(«Роковые яйца», IV)

В газетах <...> появились заголовки: «Массовая закупка яиц за границей» и «Господин Юз хочет сорвать яичную кампанию».

Прогремел на всю Москву ядовитый фельетон журналиста Колечкина, заканчивающийся словами: «Не зарьтесь, господин Юз, на наши яйца, – у вас есть свои!»

(«Роковые яйца», VII)

...вот этот, вот и есть Кири-Куки, из-за которого сыр-бор загорелся. Дозвольте мне, ваша светлость, своими ручками ему глоточку перерезать.

(«Багровый остров», 12)

Я за ним на квартиру, а там голая гражданка в мыле и в ванне.

(«Черный маг»)

Чувствую, знаю – в правом кармане шубы у него колбаса <...> А в сущности – зачем она вам? Для чего вам гнилая лошадь? Нигде кроме такой отравы не получите, как в Моссельпроме.

[Переключка со стихами Маяковского.]

(«Собачье сердце», I)

[Профессор Преображенский.] Если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха.

(«Собачье сердце», III).

«Что же вы делаете с этими... с убитыми котами?» – «На польты пойдут, – ответил Шариков, – из них белок будут делать на рабочий кредит.

(«Собачье сердце», IX).

Ну, француз, конечно, речь говорит... на скорую руку спичишко. Шампанское, натурально.

(«Театральный роман», 5)

Сконфуженная Торопецкая повесила трубку и сказала: «Из-за вас я нахамила не тому, кому следует!»

(«Театральный роман», 10)

Торопецкая вписала три слова в анкету и спросила: – Когда вы родились?

Этот вопрос произвел на [артистку] Пряжину удивительное действие <...>:

– Пресвятая богоматерь! Что же это такое? Я не понимаю, кому это нужно знать, зачем? Почему? Ну, хорошо, хорошо. Я родилась в мае, в мае! Что еще нужно от меня? Что?

– Год нужен, – тихо сказала Торопецкая. <...>

Пряжина же приложила кулак ко лбу и закричала

резким, высоким голосом: «Меня сживают со свету! <...> Да взгляни же хоть ты, пречистая мать, что со мною делают в театре!»

(«Театральный роман», 10)

[Наставления артиста Бомбардова автору пьесы, который первый раз идет к режиссеру театра]:

– Как пройдет большой серый дом, – говорил Бомбардов, – повернете налево, в тупичок. <...> С улицы входа нету, а поверните за угол во дворе. Там увидите человека в тулупе, он у вас спросит: «Вы зачем?» – а вы ему скажите только одно слово: «Назначено».

– Это пароль? – спросил я. – А если человека не будет?

– Он будет, – сказал холодно Бомбардов и продолжал: – За углом, как раз напротив человека в тулупе, вы увидите автомобиль без колес на домкрате, а возле него ведро и человека, который моет автомобиль. <...> Напротив же как раз человека с ведром – дверь. <...> А напротив беленькие колонны и черная-пречерная печка, возле которой сидит на корточках человек в валенках и топит ее».

(«Театральный роман», 12)

Из романа «Мастер и Маргарита»

Незнакомец немедленно вытащил из кармана портсигар и предложил его Бездомному: «Наша марка». <...> Тут литераторы подумали разное. Берлиоз: «Нет, иностранец!», а Бездомный: «Вот черт его возьми! А?»

– У меня нет постоянного жилища, – застенчиво ответил арестант [Иешуа Га-Ноцри]. – Я путешествую из города в город.

– Это можно выразить короче, одним словом – *бро-
дыга*, – сказал прокуратор.

[Разговор Воланда и Коровьева («длинного клетчатого») со Степой Лиходеевым]: – ...кос-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний – именно вы!

– Они, они! – козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Степе, – вообще они в последнее время жутко свинаячут. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают.

В секретарскую спокойной деловой походкой вошла милиция в числе двух человек. Увидев их, красавица [секретарша] зарыдала <...>, тыча рукою в дверь кабинета. – Давайте не будем рыдать, гражданка, – спокойно сказал первый.

[Секретарь Комиссии зрелищ, загипнотизированный Коровьевым, поет «Славное море священный Байкал».]

... секретарь и сам бы отдал что угодно, чтобы перестать петь, да перестать-то он не мог и вместе с хором донес до слуха прохожих в переулке весть о том, что в дебрях его не тронул прожорливый зверь и пуля стрелков не догнала!

– У меня скорее лапы отсохнут, чем я прикоснусь к чужому, – напыжившись, воскликнул кот.

[Разговор с котом Бегемотом]: – А простите... это ты... это вы... – он сбился, не зная, как обращаться к ко-ту, на «ты» или на «вы», – вы – тот самый кот, что сидели в трамвай?

– Я, – подтвердил польщенный кот и добавил: – Приятно слышать, что вы так вежливо обращаетесь с котом. Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни с кем не пил брудершафта.

– О мой друг Азazelло! – простонал кот, истекая кровью, – где ты? – Кот завел угасающие глаза по направлению к двери в столовую, – ты не пришел ко мне на помощь в момент неравного боя. Ты покинул бедного Бегемота, променяв его на стакан – правда, очень хорошего – коньяку!

– Он, видите ли, в парадном сиреневом костюме, от лососины весь распух, он весь набит валютой, а наше-м-то, наше-м-то?! Горько мне! *Горько! Горько!* – завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе.

[Бегемот и Коровьев пытаются мимо охраняющей вход гражданки проникнуть в Дом литераторов]:

– Вы – писатели?.. – спросила гражданка.

– Безусловно, – с достоинством ответил Коровьев.

– Ваши удостоверения? – повторила гражданка. <...>

– ...чтобы убедиться в том, что Достоевский – писатель, неужели же нужно спрашивать у него удостоверение? Да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем. <...>

– Вы – не Достоевский, – сказала гражданка, сбиваемая с толку Коровьевым.

– Ну, почем знать, почем знать, – ответил тот.

– Достоевский *умер*, – сказала гражданка, но как-то не очень уверенно.

– Протестую! – горячо воскликнул Бегемот. – Достоевский *бессмертен!*

А.П. ПЛАТОНОВ

(1899–1951)

Она [Федератовна] помнила всех выдающихся коров в совхозном поголовье, а быков знала лично каждого.

(«Ювенильное море»)

Федератовна вцепилась здесь в бедняка-старика <...>:
– Не будь, не будь, либералистом не будь! Старайся, старайся, активничай, выявляй, помогай, шагай, не облеживайся, не единоличничай – суйся, суйся, суйся, бодрствуй, мучитель Советской власти!..

(«Ювенильное море»)

Из романа «Чевенгур»

В то время [время революции] Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала.

[Луй]: – На кого похож человек – на коня или на дерево <...>?

– На высшее! – выдумал Прокофий. – На открытый океан, дорогой товарищ, и на гармонию схем!

Луй не видел, кроме рек и озер, другой воды, гармонии же знал только двухрядки.

Этот вождь ничего не знал, но обо всём сообщал. Поэтому люди ему верили.

Он [Пашинцев] взял бутылку – с надписью «Смерть буржуйам» – и перелил ее непосредственно в горло.

С.Я. МАРШАК

(1887-1964)

В своих надеждах я умерен.
Питать Надежду должен он –
Илья Романович Гальперин,
Как обязал его закон.
Мне никогда не льстит Надежда
И безнадежен мой роман,
Поскольку я – профан, невежда,
А он – профессор и декан.
(«Чукоккала»)

Берегись Николая Олейникова,
Чей девиз: никогда не жалея никого.
(«Чукоккала»)

[О Демьяне Бедном]
Собес! Дела твои бесплодны,
Какой неслыханный позор!
Поэт труда, поэт народный
Остался *Бедным* до сих пор.
(«Чукоккала»)

Мой друг, зачем о молодости лет
Ты объявляешь публике читающей?
Тот, кто еще не начал, – не поэт.
А кто уж начал, – тот *не начинающий!*
(«Начинающему поэту»)

По проволоке дама
Идет как телеграмма.
(«Цифк»)

Спиридон Кузьмич
Коренной москвич,
А его подруга Дарья
Из другого полушарья.
(«Цирк»)

Говорила мышка мышке:
«До чего люблю я книжки!
Не могу я их прочесть,
Но зато могу их съесть».
(«Чукоккала»)

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подружкой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше – *смотри!* – на меня *не смотри,*
А больше – *смотри!* – на меня *не смотри!*
(Р.Бернс)

Заздравный тост

У которых есть, что есть,
– те подчас не могут есть,
А другие могут есть,
да сидят без хлеба.
А у нас тут есть, что есть,
да при этом есть, чем есть, –
Значит, нам благодарить остается небо!
(Р.Бернс)

Напрасные усилия

Он долго в лоб стучал перстом,
Забыв название тома.

Но для чего стучаться в дом,
Где никого нет дома?

(Александр Поп)

Вправо или влево?

Затеяли спор пешеходы в пути:
Влево идти или вправо идти?
Идущие влево окажутся правы,
И будут не правы идущие вправо.

(У.Оден)

В.В. НАБОКОВ

(1899–1977)

Попался навстречу негр в колониальной форме, –
лицо, как мокрая галоша.

(«Порт»)

– Я ничего не могу решить, – говорил мосье Годар.
<...> – Я должен сперва посоветоваться с мэром, кото-
рый только что умер и еще не избран.

(«Посещение музея»)

Насмешливый, высокомерный, всегда с цианистым
каламбуром наготове <...> этот мнимый весельчак дей-
ствовал неотразимо на мелких млекопитающих.

(«Весна в Фиальте»)

...наблюдателю было ясно, какое счастье над Смуро-
вым стряслось – именно стряслось, – ибо есть такое
счастье, которое по силе своей, по ураганному гулу по-
хоже на катастрофу.

(«Соглядатай»)

...воскресает образ моей детской кровати, с подъем-
ными сетками из пушистого шнура по бокам, чтобы ав-
тор не выпал.

(«Другие берега»)

[Надежда Ильинична («одна из беднейших набоков-
ских родственниц») наблюдает недоразумение между
воспитателями Набокова – французенкой и одесским
евреем]:

...при этом в Надежде Ильиничне, не жаловавшей
Mademoiselle за сожжение Москвы, а Ленского за рас-
пятие Христа, злорадство боролось с сочувствием.

(«Другие берега»)

От космического до комического один шаг.

Из романа «Подвиг»

[Воспоминания детства]:

...он в постели молился перед сном (сначала коротенькая молитва по-английски – «Иисусе нежный и кроткий, услышь маленького ребенка», – а затем «Отче наш» по-славянски, причем *какого-то Якова* мы оставляли должникам нашим).

[вм. *Яко же и мы оставляем должникам нашим*].

[Воспоминания об убийстве в Сараеве эрцгерцога Фердинанда]:

...отец уехал в Петербург и больше не возвращался. Это было как раз в год, когда убили в сарае австрийского герцога, – Мартын очень живо представил себе этот сарай, с хомутами по стене, и герцога в шляпе с плюмажем, отражающего шпагой человек пять заговорщиков в черных плащах, и огорчился, когда выяснилась ошибка.

Дверь ее [Сони] комнаты осталась открытой, света она не потушила, и там еще стояло облачко пудры, как дымок после выстрела, лежал наповал убитый чулок, и выпадали на ковер разноцветные внутренности шкапа.

Дарвин <...> торжественно потянул рукоятку тормоза. Поезд застонал от боли и остановился...

После ужина Соня мыла тарелки, а он их вытирал и одну разбил. «С ума сойти, все заложено, – сказала она, – и пояснила: «Да нет, не вещи, а у меня в носу. Вещи, впрочем, тоже».

Из романа «Дар»

[О фургоне с крупными буквами на борту]:

Фургона уже не было. <...> А как было имя перевозчицей фирмы? Мах Лух. Что это у тебя, сказочный огородник? Мак-с А то? Лук-с, ваша светлость.

...мне запомнилось [в стихах начинающего поэта] трогательное упоминание о «фресках Врублева» – прелестный гибрид... [из Врубель + Рублев].

[Пошляк прокурор Щеголев, намеренно искажающий известные поговорки]:

– Ну-с, давайте, не откладывая долгов в ящик, покажу вам апартамент.

<...> – За комнату будем у вас по знакомству брать столько же, сколько у мадам Абрамовой, притеснять не будем, будете жить как Христос за пазухой.

[Некая компиляторша госпожа Лялина]:

Невинно обрабатывая Пржевальского для средне-учебных заведений, приняла, видимо, солдатскую прямоту слога в одном из его писем за орнитологическую деталь: «Жители Пекина льют все помои на улицу, и здесь постоянно можно видеть, идя по улице, сидящих орлов, то справа, то слева».

[Васильев]:

«Я как друг прошу вас, не пытайтесь издавать эту вещь, вы загубите свою литературную карьеру, помяните мое слово, от вас все отвернется».

«Предпочитаю затылки», – сказал Федор Константинович.

...перспектива умывания и бритья казалась столь же близкой и невозможной, как перспектива у мастеров раннего средневековья.

Кончеев в своих критических обзорах не раз, – свысока и в сущности столь же недобросовестно, – задевал Мортуса (который, кстати сказать, был в частной жизни женщиной средних лет, матерью семейства, в молодости печатавшей в «Аполлоне» отличные стихи).

[Воспоминания детства героя]:

Я ничего не помню из этих пьесок, кроме часто повторяющегося слова «экстаз», которое уже тогда для меня звучало как старая посуда «экс-таз».

...от толчка, данного Добролюбовым, литература покатилась по наклонной плоскости с тем неизбежным окончанием, когда, докатившись до нуля, она берется в кавычки: студент привез «литературу».

...его [Чернышевского] отец, добрейший протоиерей, нечуждый садовничеству, занимает нас обсуждением саратовских вишень, слив, глив.

Ужу, уму – равно ужасно умирать.

– Слава? – перебил Кончеев. – Не смешите. Кто знает мои стихи? <...> В будущем, может быть, отыграюсь, но что-то уж очень много времени пройдет, пока тунгус и калмык начнут друг у друга вырывать мое «Сообщение», под завистливым оком финна.

...эти личные обстоятельства способны так повернуться, что, может быть, скоро, прихватив их с собой, покину *Карманию*. А когда мы вернемся в Россию? [Вм. «...покину Германию».]

...двое <...> из-за жасмина подкрались к третьему, с закрытыми глазами, кротко и кратко, перед трудовым днем, сомлевшему на скамье, чтобы цветком пощекотать ему нос.

От стихов она требовала только ямщикнегонилошадейности.

В.В. ШКВАРКИН

(1894–1967)

Б л а ж е в и ч. ...на голову рухнули тетки, дядьки и жена – светлая шатенка с темным прошлым! Мне не под силу такое приданое.

(«Страшный суд», 3)

Из комедии «Чужой ребенок»

Я к о в. ...Я спрашиваю: зачем приехал? Дорогу проводить?

К о с т я. Ну, дорогу.

Я к о в. В белых брюках можно время проводить, а не дорогу.

М а н я. Садитесь, только ненадолго.

С е н е ч к а. Конечно, с моим счастьем только в тюрьме долго сидеть.

М а н я. Отец, скажи, пожалуйста, из-за тебя погибла хоть одна женщина?

К а р а у л о в. Из-за меня? Из-за меня две чуть не погибли.

М а н я. Что же они, застрелились, утопились?

К а р а у л о в. Отравились. Еле спасли <...>.

М а н я. Как же они отравились?

К а р а у л о в. Рыбой. Я угощал.

О л ь г а П а в л о в н а (роняет чашку). Не говори ничего, когда у меня посуда в руках. (Зовет.) Сережа, Сергей Петрович!

Входит Караулов со смычком в руках.

К а р а у л о в. Ольга Павловна, ведь ты Чайковско-го перебила.

Ольга Павловна. Что Чайковского – я посуду перебила!

[Родители – о дочери, ждущей ребенка]:

Ольга Павловна. Что творится! Бога нет, стыда нет. У Мани ребенок. И все большевики сделали.

Караулов. Ну, может быть, и беспартийный.

Ольга Павловна. Но кто? Кто? Хорошо, если этот негодяй порядочный человек. <...>

Караулов. ...скажи, кто у нас в доме бывает?

Ольга Павловна. Теперешние молодые люди в домах не бывают, они свое место знают: дальше террасы не идут.

Ольга Павловна. Душа болит.

Караулов. Оля, прими капель.

Ольга Павловна. Что ты мне в душу валерьянкой капаешь?

Караулов [беременной дочери]: ...Маня, хотелось бы знать, кто, так сказать, виновник?

Маня. Никто. Во всем виновата я одна.

Ольга Павловна. Одна? Этого не может быть!

Александр Миронович. Всё-таки чем-нибудь он занимается? Или просто работник кино, с одной бородой?

Ольга Павловна. Что же, он [будущий ребенок] в беспризорные пойдет?

Маня. Зачем? Есть детские дома, ясли.

Ольга Павловна. Ясли для телят хороши.

Костя. Когда будут расписываться?

Яков. Кто с кем?

Костя. Маня с Семеном Перчаткиным.

Яков. Пока расписался один Сенька. Расписался в своей глупости и ушел.

Александр Миронович. ...У меня был процесс в легких, пускай теперь будет в Верховном суде.

Из комедии «Весенний смотр»

Страхов. А вдруг его [Зверева] напечатают <...> Имя будет, деньги...

Мария Михайловна. Имя-то у него и так есть, а вот денег на его имя что-то не поступает.

Наталья Петровна (Верховскому). Да, я должна вам отдать книги. (Передавая книги). Синяя мне понравилась, а желтая – нет.

Верховский. Я буду носить только синие.

Сеня. Вы кто, святая? <...> кто же еще согласится выгораживать негодяев?

Аня. Вы так говорите о моем муже?

Сеня. Извините, я хотел сказать: выгораживаете вашего мужа и другого негодяя.

Прасковья Ивановна. А вдруг она меня про политику спросит? Как отвечать? Ведь я марксизм только по портретам знаю.

Наталья Петровна. Твоя сестра с мужем мне тоже не понравились. А у их сына никакого сходства с отцом, и нос у него – вылитый нос какого-то постороннего мужчины.

Софья Сергеевна. Я так торопилась уйти, что все растеряла: и носовой платок и Дарью.

М.В. ИСАКОВСКИЙ

(1900–1973)

[О влюбленном студенте]:
Забросив все дела свои,
Пришел он вечером к Наташе:
Он у нее просил любви,
А сапоги просили каши...

Студент-математик дышал горячо
Шагая дорожками торными,
И думал:
«Какое крутое плечо!
Какие прелестные... формулы!..»

(«Формула любви»)

Товарищ Хесин! С нами Вы
Неверно поступили:
Одели с ног до головы,
А голову – забыли.

(«Послание директору Литфонда Г.Б.Хесину
от поэтов»)

А во ржи дорога стелется,
Только знай себе – иди.
Очень ветренная мельница
Показалась впереди.

(«В дороге»)

Я отвечаю спокойно,
Что водка у нас –
Социальное зло
И мне выпивать непристойно.
Они ж не пускают меня от стола:
Чего нагоняешь, мол, страху?..
И чайный стакан социального зла
Я выпил с единого маху.

(«Записка председателю»)

Е.Л. ШВАРЦ

(1896–1958)

Вениамин Каверин
Был строг и неумерен.
Вне себя от гнева
Так и гнул налево.
Бил был,
Был бит –
А теперь Вениамин
Образцовый семьянин.

(«Чукоккала»)

[О перемещениях в советском правительстве]:
А вы, друзья, как ни садитесь, только нас не сажайте.

[О Михаиле Слонимском]:

Миша – пророк

Федин уехал в Крым за неделю до землетрясения.
Слонимский сказал: – Федин уехал встряхнуться.
Так и вышло.

(«Чукоккала»)

Бургомистр. ...Не знаю, к дождю, что ли, но только сегодня ужасно разыгралась моя проклятая шизофрения. Так и брежу, так и брежу... Галлюцинации, навязчивые идеи, то, сё. (Зевает.) Табак есть?

(«Дракон», II)

Из комедии «Голый король»

Ученый [перечисляет королю предков его невесты – принцессы]:

Вильгельм I Веселый, Генрих I Короткий, Георг III Распущенный, Георг IV Хорошенький, Генрих II Черт побери.

Король. За что его так прозвали?

Ученый. За его подвиги, ваше величество. Далее идет Филипп I Ненормальный, Георг V Потешный, Георг VI Отрицательный, Георг VII Босой, Георг VIII Малокровный, Георг IX Грубый, Георг X Тонконогий, Георг XI Храбрый, Георг XII Антипатичный...

Король [ткачам, которые пришли к нему наниматься]: ...А рекомендации есть?

Христиан. Мы работали год у турецкого султана, он был так доволен, что это не поддается описанию. Поэтому он нам ничего и не написал.

Поэт. Моя муза помогла мне изыскать пятьсот восемь пар великолепнейших рифм, ваше величество.

Король. Что же, вы одни рифмы будете читать? А стихи где?

Поэт. Ваше величество! Моя муза едва успела кончить стихи на вашу разлуку с правофланговой фрейлиной...

Король. Ваша муза вечно отстает от событий. Вы с ней только и умеете что просить то дачу, то домик, то корову. Черт знает что! Зачем, например, поэту корова?

Первый министр. Ваше величество! Вы знаете, что я старик честный, старик прямой. Я прямо говорю правду в глаза, даже если она неприятна. <...> Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски, вы великий человек, государь! <...> Ох, король! (Грозит пальцем). Ох, умница!

Король. Поди сюда, правдивый старик. (Растроганно.) Дай я тебя поцелую. И никогда не бойся говорить мне правду в глаза.

С. ДОВЛАТОВ

Поздно вечером М. Горбачев звонит режиссеру:

– Поздравляю! Спектакль отличный! Это – пердуха! Захаров несколько смутился и думает:

«Может, у номенклатуры такой грубоватый жаргон? Если им что-то нравится, они говорят: «Пердуха! Настоящая пердуха!»

А Горбачев твердит свое:

– Пердуха! Пердуха!

Наконец Захаров сообразил: «Пир духа!» Вот что подразумевал генеральный секретарь.

(«Соло на IBM»)

– Тоска, – жаловался Шлиппенбах, – и выпить нечего. Лежу тут на диване в одиночестве, с женой...

(«Чемодан»)

Недаром моя жена говорит: – Тебя интересует всё, кроме супружеских обязанностей.

(«Чемодан»)

[Разговор дореволюционной придворной дамы с советским полковником Тихомировым]:

– Вы – страшное говно, мон колонель, не обессудьте!..

– Ведьма! – грохотал он. – Фашистка! Какать в одном поле не сяду!..

Старуха поднимала голову так резко, что взлетал ее крошечный золотой медальон:

– Неужели какать рядом с вами такая уж большая честь?!

(«Ремесло»)

«Жизнь прекрасна и удивительна!» – как восклицал товарищ Маяковский накануне самоубийства.

(«Ремесло»)

Знаменитый писатель Раевский опубликовал новеллу из дореволюционной жизни. В ней была такая фраза:

«Светлые локоны горничной выбивались из-под ее кружевного фартука...»

(«Ремесло»)

Трещит на улице мороз,
Снежинки белые летают,
Замерзли уши, мерзнет нос...
Замерзло всё. А деньги – тают!

(Сокаловский, по: С. Довлатов, «Ремесло»)

В. АРДОВ

[На гадании.]

– Уж теперь истинно тебе скажу, Дуська: твое дело в шляпе!

– В какой такой шляпе?..

– В божьей. То есть, безусловно, не в шляпе, – а в руке божьей. Одним словом, наладится у нас всё как надо.

(«Угодники перед судом»)

– Скликайте ваших профессоров! Пускай они сделают конвульсиум и дадут справку, что я – живой!!!

(«С того света»)

...шурин очень меня зовет в торговую сеть. Там, понимаешь, надо не ерундицию и не диссертации ваши, а голову нужно иметь.

(«Тяга к науке»)

...дворянские и купеческие бани, они, товарищи, были в распоряжении шайки эксплуататоров, и эта шайка не подпускала к своим шайкам широкие массы!

(«Пособие для ораторов»)

Если молодой человек обоего пола полюбил лицо обратного пола, то нехорошо, когда он (м. ч-к об. пола) разлюбит его (л. обр. пола).

(«Слова-паразиты и лектор-паразит»)

[Гадалка]: – Безусловно, эта бубновая дама на вас подала заявление в червонную организацию за трэфовое разложение.

(«Приворотное зелье»)

- Товарищи брачащиеся! Товарищи родственники и товарищи брачащихся товарищей!

(«Речь по случаю бракосочетания»)

- Мама, слышишь? – кот кипит, как самовар.

(«Почки»)

У ребенка закатился мячик под кровать. Он просит достать его. Мать говорит: достань сам. Ребенок полез было, но отшатнулся. – Ну, что же ты? – Ой, там под кроватью уже поздно!..

(«Почки»)

- Чем болел мальчик?

- Корью болел, коклюшем, за «Спартак» два года болел, потом перешел на за «Динамо». И еще скарлатиной.

(«Почки»)

[Из лекции по противовоздушной обороне] ...дети от нуля до пяти уносятся в первую очередь.

(«Почки»)

От гурии до фурии один шаг.

(«Почки»)

[Путевые заметки из Португалии] ...здешние женщины очень красивы, за исключением, конечно, тех, которые некрасивы. Одеты люди богато, но чаще – бедно.

(«Литературная штамповка, или Пиши как люди»)

Что же касается фосфора, то последний за последние 70 лет перестал входить в состав спичечной массы, уйдя из последней на поверхность для трения

предпоследней о последнюю, причем последняя помещается на боковой грани коробки (коробка).

(«Пособие о пособиях»)

– Если вы так считаете про искусство, то мне ясно:
вы – формалистка!

– Нет, я содержанка!

(«Записные книжки»)

В зоопарк пришла мама с ребенком.

– Мама, это уже обезьяна?

– Нет, сыночек, это еще кассирша.

(«Записные книжки»)

Журнал «За здоровый быт, против нездорового быта!»; Колбасный трест «Кишка тонка»; Киностудия «Эхфильм».

[Обыгрывание сокращений (особенно модных в советскую эпоху)]:

ЗАМКОМ ПО МОРДЕ (заместитель командующего по морским делам).

ГЛАВПИВПАФ – Главное управление пивной и парфюмерной промышленности.

С. МИХАЛКОВ

[О преимуществах социализма над капитализмом]:

Они свой рубль пускают в оборот,

Чтоб дать оружие убийцам.

А мы свой рубль даем, наоборот,

Чтоб строить школы и больницы.

(«Они и мы»)

[О болтуне, выдающем шпиону военные секреты]:

Вы, может быть, даже разведать хотите,

Стоит ли у нас звуковой усилитель?

Нет, если узнают об этом секрете,

То лучше уж вовсе не жить мне на свете.

Уже крокодил

У Фомы за спиной.

Уже крокодил

Поперхнулся Фомой.

Из пасти у зверя

Торчит голова...

(«Фома»)

[Пьяный заяц]:

- Да что мне Лев?

Да мне ль его бояться?

Да я семь шкур с него спущу

И голым в Африку пущу!

(«Заяц во хмелю»)

М а х о н и н а. Совсем забыла вас поблагодарить.
Хороший вы нам елочный набор достали <...>.

П о л у д у ш к и н. Раиса Марковна! О чем говоритесь? Такой уж я человек. Нужник!

Махонина. Как вы сказали? Кто вы?

Полудушкин (простодушно). Нужник. Нужный,
стало быть, человек.

(«Пена», I)

Пустамент.

Генерал от инфарктерии.

Н. ГЛАЗКОВ

Сужу по людям, по поступкам:
У каждого свой потолок,
А он взобрался по уступкам
И воду в ступе потолок.

Овощами богата страна;
Но овраги – они как измена,
В них не вырастет ни хрена,
Кроме, разве, пожалуй, что хрена.

– Молчи, семья, –
Сказала стая:
– В тебе семь Я,
Во мне до ста Я!
– До ста, да,
Да стадо!

Я лучше, чем Наполеон и Цезарь,
И эту истину признать пора:
Я никого на свете не зарезал,
Напротив, *резали* меня редактора!

Растения под снегом спали,
Но с них покровы снега спали,
Им птичьи стаи песни спели,
Чтоб их плоды от зноя спели.

Был разутым, босым,
Стал раздутым боссом.

Поглядеть велит сам бог нам
На сирень перед окном,
Потому что передохнем,
Если не передохнем!

Был не от мира Велимир,
Но он открыл мне двери в мир.

Заговорили об уже,
А он уполз уже.

Метель
Ревёт в ожесточенье,
Мячь ель –
Ее прямое назначенье.

Иногда идешь по победам,
А на самом деле по бедам.

Ударяйте кол о кол –
Вот и будет колокол.

Если бы это касалось меня,
А не мессии миссии,
Мне бы плевать на судьбу ремня
Жизненной всей трансмиссии.

И неприятности любви
В лесу забавны и милы:
Её кусали муравьи,
Меня кусали комары.

Жил на Арбате Юрка-граф,
Он по анкетным данным
Одной из многих строгих граф
Причислен был к дворянам.

(«Юрка-граф»)

Долой сюсюканье сонета!
Бросай сонеты в Лету лет.

<...>

Прими совет –
Забудь сонет.

Люблю речные отмели и косы;
Люблю, когда звенят лугами косы...
Но мне милей моей любимой косы!..
Ты не смотри на эту слабость косо.

Державин
По гроб
Держал вин
Погреб.

Крыловская лиса вошла в один
Уральский ювелирный магазин.
Взглянув на цены, повздыхала тут
И заявила: – *Зелен изумруд!*

То было ему чуждо
И он подумал: чушь то.

Я думал, что он товарищ,
А он презренная тварь лишь.

В результате житейских бурь
Сам себе могилу копай...
Не хочу!.. А хочу – буль-буль,
И дым-дым, а потом – бай-бай!

На пир в ауле
Отцы нам дали
Напареули
И цинандали.

Уголовников тоже влечет к добру, но, к сожалению,
к чужому!

ВЕН. ЕРОФЕЕВ

(«Москва–Петушки»)

«Человек смертен» – таково мое мнение. Но уж если мы родились – ничего не поделаешь, надо немножко пожить...

– Зато у моего народа – какие глаза! <...> Полное отсутствие всякого смысла, – но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят.

Человек должен отдавать себя людям, даже если его и брать не хотят.

Каждому, кто подходил, мы говорили: «Садись, товарищ, с нами – в ногах правды нет», и каждый оставался стоять, бряцал оружием и повторял условную фразу из Антонио Сальери: «Но правды нет и выше». Шаловлив был этот пароль и двусмысленен...

Я расширял им [рабочим] кругозор по мере сил, и им очень нравилось <...> особенно во всем, что касается Израиля и арабов. Тут они были в совершенном восторге. <...> Абба Эбан и Моше Даян с языка у них не сходили. Приходят они утром с блядок, например, и один у другого спрашивает: «Ну как? Нинка из 13-й комнаты даян эбан?» А тот отвечает с самодовольною усмешкою: «Куда ж она, падла, денется? Конечно, даян!»

Вон – справа, у окошка – сидят двое. Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто. <...> Тупой-тупой выпьет,

крякнет и говорит: «А! Хорошо пошла, курва!» А умный-умный выпьет и говорит: «Транс-цен-ден-тально!»

В Средней Азии <...> выпить ничего нет, но жратвы зато много: акыны, саксаул... Так он так и питался почти полгода: акынами и саксаулом.

[В ресторане]:

– Спиртного ничего нет, – сказал вышибала. И оглядел меня всего, как дохлую птичку или грязный лютик.

Я подремал так минут 12 или минут 35.

Итак, «Сучий потрох» подан на стол. Пейте его с появлением первой звезды, большими глотками. Уже после двух бокалов этого коктейля человек становится настолько одухотворенным, что можно подойти и целых полчаса с расстояния полутора метров плевать ему в харю, и он ничего тебе не скажет.

[Пьяный бред]:

А из тумана выходит кто-то очень знакомый, Ахиллес не Ахиллес, но очень знакомый. О! теперь узнал: это понтийский царь Митридат. Весь в соплях измазан, а в руках – ножик...

– Митридат, это ты, что ли?..

Я подумал: «Неслыханная! Это женщина, у которой до сегодняшнего дня грудь стискивали только предчувствия. Это – женщина, у которой никто до меня даже пульса не щупал...»

– ...хочешь мы завтра приволокем тебе Веру Дулову?

– Конечно, – отвечает, – если вы хотите, чтобы я ее,

вашу Веру Дулову, удавил струною от арфы, – тогда, пожалуйста, волоките.

Раз как-то ухватил меня за икры и спрашивает: «Мой чудный взгляд тебя томил?» Я говорю: «Ну, допустим, томил...» А он опять за икры: «В душе мой голос раздавался?» Тут он схватил меня в охапку и куда-то поволок.

...как немножко напьюсь, так сразу к нему [возлюбленному] подступаю: «А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?»

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

(1892-1963)

Нетребовательность

Он есть согласен хлеб сухой,
Но обязательно – с ухой.

(«Ларец острословов»)

Осел на выставке

Прельстясь картиной «Сеновал»,
Осел все сено в ней сжевал.
Здесь нет худого умысла.
Здесь просто виден ум Осла!

(«Ларец острословов»)

Грибы имеют форму зонта потому, что растут в дождливую погоду.

На курорт он ездил только с женой. Если не со своей, то с чьей-либо.

Сказочно плохая продукция: скатерть-саморванка.

У него было кое-что общее с Бальзаком: он тоже женился в Бердичеве.

«Отрывки из ненаписанного»

Она была завита, как овца, и так же развита.

В общем и целом он уже не шалил. У него шалили только нервы.

Нет ничего тяжелее легких связей.

«Крашенный пол» (женский).

К ней все приставали, даже загар.

– Верен себе! Опять изменил мне.

После долгой разлуки с друзьями он увидел, что они поседели, а их жены стали блондинками.

Два сапога – пара, если они одного номера и фасона.

Их роман был так короток, что правильной было бы назвать его новеллой.

Она была тяжела на подъем, но легка на падение.

Она содрала с него семь каракулевых шкурок.

Брак – это мирное сосуществование двух нервных систем.

Услышав, что ее называют женщиной бальзаковского возраста, она нервно спрашивала: – А сколько лет этому самому Бальзаку?

Брак по расчету на скорый развод.

Женщины подобны диссертациям: они нуждаются в защите.

Резолюция часто подобна покойнику: ее выносят и забывают.

Человек средней упитанности и начитанности.

Ничего не читал. Он был не читатель, а писатель.

Управдом говорил: – Меня беспокоит слабый пол.

Он умел обращаться с дамами: с карточными.

Все ее называли свиньей, но ели ее с удовольствием.

– Иду по улице, вижу, деньги валяются. Ну, думаю, деньги на улице не валяются! Поднял, разумеется.

На пляже и герой в трусах ходит.

Это был человек, способный пойти на все, даже на премьеру заведомо бездарной пьесы.

Дружба и чай хороши, если они горячие, крепкие и не слишком сладкие.

В семейном альбоме мирно уживались родственники, ссорившиеся всю жизнь.

Он хотел развалиться в кресле, но кресло его опередило: оно развалилось.

Дожил до внуков. Впал в «детство».

Весна хоть кого с ума сведет. Лед – и тот тронулся.

Лев жаловался, что львиную долю его рациона присваивает себе укротитель.

Лошадь любила выпить и закусить удила.

Дети – цветы жизни. Не давай им, однако, распускаться.

– Не бойтесь этой гранаты: она ручная.

«Крем для ответственного лица».

Утро только начиналось, и в цветнике томно шурились еще сонные анютины глазки.

Погода располагала к любви, а на огороде старый хрен заигрывал с молодой картошкой.

Разговор на похоронах:

– А ведь при жизни его не выносили.

Утопающий в удовольствиях хватается за соломинку в коктейль-холле.

Вина он любил тонкие, а лесьть грубую.

Высокий подъем бывает не только у поэтов, но и у башмаков.

Она говорила немного по-французски и очень много по телефону.

Он был незлопамятен: не помнил зла, которое причинял другим.

Войдя в трамвай, он был сжат в предельно сжатый срок.

В парикмахерской:

– Шею побрить?

– Вот пристал с ножом к горлу!

Плохо, если о поваре говорят, что с ним каши не сваришь.

Пожарный всегда работает с огоньком.

Дамы говорили о «тонких материях» – крепдешине и маркизете.

Переводил со всех языков, но только на один: суконный.

«Возьмем к примеру» (из разговоров взяточника).

Производство телеграфных столбов – «Столботворение».

Мудрецы и зубные врачи смотрят в корень.

Лифтер был настойчив, но и лифт умел постоять за себя.

– Прислуживаться к начальству? Нет уж, увольте...
И его уволили.

Починочная мастерская чинила только препятствия заказчикам.

Геометрическая фигура: круглый дурак в квадрате.

«Не рой другому яму» – принцип не для могильщиков.

Передовая строительная контора «Домострой».

Слов ему явно не хватало: он поминутно просил слова у председателя.

– Вы подождите немного. Пятиминутка длится у нас не более сорока минут.

Всем взял – умом, талантом, а кое с кого и деньгами.

Это был, что называется, рубаха-парень, и рубаха довольно грязная.

На всякого заведующего есть свой завидующий.

Летчику не ставят в вину, что он «оторвался от земли».

И в нелетную погоду можно вылететь со службы.

О заведующей пивной:

– Ее материальное благополучие родилось, как Венера, – из пены.

Короли и дворники равно должны заботиться о блеске своего двора.

Человек с тремя руками: две своих и одна в тресте.

Человек с тонким обонянием. Едва взглянув на букет, определил:

– Это пахнет полусотней.

Дрессировщик собак жаловался, что рецензент облаял его номер.

– Как прикажете постричь?

– Не в монахи, конечно. Боксом.

Машина была малолитражная, шофер – многолитражный.

Не успел еще докладчик разойтись, как уже разошлись слушатели.

О заведующей ларьком: «Расхитительная женщина!»

Бескорыстный человек: защищал чужую диссертацию.

Посетителей он принимал, как лекарства: неохотно и только по предписанию.

Дуэт льстецов – Фим и Ам.

Девушка в безрукавке работала спустя рукава.

И черными делами зарабатывают на белый хлеб.

Корабль жаловался, что льды его затирают.

И свинью допускают к столу, но только в виде ветчины.

У мыши всегда на сердце кошки скребут.

И траве приходится пробиваться.

Знал, что душа – предрассудок, а все-таки она у него болела.

Шипящие и в азбуке занимают последнее место.

После третьего инфаркта его стали называть генералом-от-инфарктерии.

Не всякая испанка – Кармен. Иногда она просто грипп.

Сколько времени ни теряешь, а лет все прибавляется.

Мороженое и годы охлаждают человека.

Поэт фамильярно похлопывал Кавказ по его хребту.

Природа не удивляла его: кустарник он рассматривал как «кустовое объединение», листопад воспринимал как «сокращение древесного листажа».

Ученые – свет, неученых – тьма.

Века были так себе, средние.

Годы обогатили его не только опытом: у него прибавилось и серебра в бороде, и золота – во рту.

Его заела не среда, а вся неделя в целом.

И некредитоспособные люди отдают последний долг покойнику.

Мы убиваем время, а время убивает нас.

«Каменный гость». Сел и не уходит.

Каждая его комедия была драмой для режиссера и трагедией для зрителя.

Не расставался с книгой. Возьмет в библиотеке – и не вернет!

Жаловался, что перо пишет плохо, а сам писал не лучше.

Такт необходим не только в музыке.

У него тоже был соавтор: он писал с грехом пополам.

Писать надо кровью сердца. Своего, конечно, а не чужого.

Морская качка была изображена художником с таким сходством, что при одном взгляде на картину тошнило.

Пьеса наделала шуму: во всех ее действиях стреляли.

Книжный шкаф позабыли закрыть, и мухи оставили след в литературе.

При одном взгляде на нее становилось ясно, что сценическим успехом своим она обязана не столько Мельпомене, сколько Галии.

Критик писал о статуе, что она «ничего не говорит зрителю».

Едва на него находил плохой стих, как он тотчас сдавал его в журнал.

Всякий талант в конце концов зарывают в землю.

Автора пьесы неоднократно вызывали в Комитет по делам искусств, в дирекцию театра. Не вызывала только публика.

Жег сердца глаголами и другими частями речи.

Закон всеобщего тяготения к шаблону.

Негативы и таланты надо проявлять.

Хорошие фильмы нам дороги, но и плохие подчас дороговаты.

Не всякому слуху верь, – даже слуху музыкального критика.

Он старался не походить на классиков, и это ему легко удавалось.

Он нес вздор, но нес его в журналы.

Если бы все хватали звезды с неба, не было бы звездных ночей.

Муха всегда не в своей тарелке.

Пуговица жаловалась: «Хоть в петлю полезай!»

Улица была вымощена камнями преткновения.

Робинзон, у которого семь Пятниц на неделе.

Писатель сидел в вольтеровском кресле и был явно не на своем месте.

Многообещающий человек. Много обещает, но ничего не исполняет.

Выговорносец.

Книга так захватила его, что он захватил книгу.

Сам не свой

В нем все чужое. Полон рот
Вставных зубов, чужих острот.

Курица хвасталась, что ее цыплята разодеты в пух и прах.

Удивительная вещь: ткань с разводами, а брак.

Малосольные остроты.

Руки мыл ежечасно и все же оставался нечист на руку.

Лучше эскимо без палочки, чем палочка без эскимо.

Ф. КРИВИН

Взяточник

Сначала отказался наотрез.
Подумав, согласился на отрез.

...очнувшись от своей игры, Орфей застал свою жену в объятиях Морфея.

Старый ключ

Старость, братцы, никуда не деть,
А она и мучит и печалит.
Старый ключ решил помолодеть,
Чтоб его щеколды замечали.
Старый ключ прекрасно понимал,
Как вернее обмануть природу:
Он свою *бородку* обломал
И остался парнем безбородым.

Спички

Спичкам жить на свете нелегко,
Спички – беспокойные творения:
Даже с лучшим другом – коробком
Не обходится у них без трения.

Ходики помедлили и стали,
Показав без четверти четыре.
Общее собрание деталей
Обсуждает поведение Гири.

<...>

Все твердят, что Гиря опустилась
И что Гире нужно подтянуться.

Когда Чайник, окончив свою кипучую деятельность на кухне, появляется в комнате, <...> старая плюшевая

Скатерть презрительно морщится и спешит убраться со стола, спасая свою незапятнанную репутацию.

Любопытная, ветренная Форточка выглянула во двор («Интересно, по ком это сохнет Простыня?»).

Никто не знал, что говорить, что делать, и только Штопор (который умел выкрутиться из любого положения) весело крикнул:

– Братцы, да ведь нужно отметить это событие! Пошли, я угощаю!

...в хорошей легковой машине всегда есть Часы. Машина идет – и они идут, машина стоит – а они все равно идут.

Мужчина забивает гвоздь при помощи молотка, а женщина – при помощи мужчины.

Бутылку судили за пьянство, а она оказалась невиинной.

3. ПАПЕРНЫЙ

Надпись в тюрьме. *Милиционер и уголовник, будьте взаимно вежливы.*

(«*Не хлебом единым*»)

Иван Грозный был не грозным, а милым, добрым, отзывчивым человеком. Правда, он был вспыльчив, но отходчив, что видно из картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына».

(«*Чукоккала*»)

Один эгоман, или по-русски «самолюб», патетически воскликнул:

– Тяжело нашему брату-писателю!

Его собеседник ядовито заметил:

– Я даже не знал, что у вас есть брат писатель.

(«*Глагол времен*»)

В присутствии Корнея Ивановича Чуковского одна восторженная дама стала беспричинно расхваливать одного писателя: «Поэт милостью божьей!» Корней Иванович поправил:

– Поэт... не милостью, а милостынью божьей.

(«*Глагол времен*»)

...неутомимый хлопотун. Если тот был сутяга, этот – суетяга, от слова «суета».

(«*Глагол времен*»)

Всё ему кажется, что именно в последнюю декаду декабря удастся <...> избежать недоперевыполнения.

(«*Глагол времен*»)

Чтили сантехника, как Санкт-техника.

(«Птичка голосиста»)

Придумал его [слово *авоська*] юморист В.С.Поляков. <...> Сам Владимир Поляков рассказывал мне об этом с гордостью и несколько уязвленной авторской обидой. Я сказал: «Это тогда она была *авоська*, сегодня ее надо бы уже называть не *авоська*, а *нифигаська*». [Видимо, перестройка помешала тому, чтобы русский язык обогатился новыми словами типа *нифигаська*, *нихераська*.]

(«Птичка голосиста»)

Разговор советского покупателя с продавцом:

– У вас есть мясо?

– У нас нет рыбы, а мяса нет в магазине напротив.

(«Птичка голосиста»)

**Из пародии «Чего же он кочет?»
на роман В.Кочетова «Чего же ты хочешь?»**

Булатов [писатель] был даже не инженер, а офицер человеческих душ.

Булатов не терпел Булатов – тех, что бренчат о последних троллейбусах.

– Ну почему последний? – искренно недоумевал он под одобрительный гул и сочувственный хохот рабочего класса. – Что у нас троллейбусов мало, что ли?

[Советская патриотка Лера Васильева вернулась домой «из итальянской глуши».] Вздвонная она ходила по московским улицам: – Ну и что с того, что в магазинах нет товаров <...>, но ведь нету наших советских товаров, а не их показной трухи.

[Зиновий Паперный «подловил» Евгения Евтушенко на не совсем обычном использовании категории грамматического рода в известных строках:

За медом на Черемушкинском рынке

Поэт стояла...

– и с немалой долей лукавства не *пародирует* сам эти стихи, а показывает, как пародисты *могли бы их обыграть*]:

*Евтушенко писало,
что стояла поэт.
Евтушенко считало,
что родов больше нет.
Евтушенко старалось
доказать – все равно
у народа осталось
Евтушенко одно.*

(Пример заимствован нами из «Книги о пародии»
Вл.Новикова.)

Б. ЗАХОДЕР

Людоеда
Людоед
Приглашает
На обед.
Людоед ответил: – Нет,
Не пойду к тебе, сосед!
На обед попасть не худо,
Но отнюдь
Не в виде
Блюда!

(«Считалочка»)

Ты не будь свиньей, Свинья, –
Ждет тебя
Моя семья!

(«Очень вежливый индюк»)

Этот зайчик – наш земляк –
Называется РУСАК.

Из пересказа книги А.Милна «Винни-Пух и все-все-все»

«Собака кусается»... Что ж, не беда.
Загадочно то, что собака,
Хотя и кусает ся, но никогда
Себя не кусает, однако...

[Разговор ослика Иа-Иа с Винни-Пухом о лопнувшем воздушном шарике]: «...какого цвета он был, когда... когда он был шариком?» – «Красного». – «Подумаешь только! Красного... Мой любимый цвет, – пробормотал Иа-Иа про себя. – А какого размера?» –

«Почти с меня». – «Да? Подумать только, почти с тебя!.. Мой любимый размер!»

[Винни-Пух]: «Надо привязать веревку к Пятачку, <...> мы потянем изо всех сил за этот конец, а Пятачок потихоньку подыметя вверх на том конце, и дело в шляпе. <...> – Если, конечно, веревка не оборвется. – «А если она оборвется?» – спросил Пятачок с неподдельным интересом.

– Вопрос мой прост и краток, –
Промолвил Носорог, –
Что лучше – сорок пяток
Или пяток сорок?

Иду вперед
(Тирлим-бом-бом) –
И снег идет
(Тирлим-бом-бом)
Хоть нам совсем,
Совершенно по дороге!

(«Из песенок Винни-Пуха»)

Хорошо быть медведем, ура!
Побежу...
(Нет, победу!)
Победу я и жару и мороз,
Лишь бы медом был вымазан нос!
Победу...
(Нет, победжу!)
Побежду я любую беду.

Возьмем это самое слово *опять*
Зачем мы его произносим,
Хотя мы свободно могли бы сказать:

Ошесть и осемь, и овосемь!
Молчит этажерка, молчит и тахта –
У них не добьешься ответа,
Зачем это ХТА обязательно ТА,
А ЖЕРКА, как правило, ЭТА?

(«Из песенок Винни-Пуха»)

[Винни-Пух – о цветах]:

– Я их посадил, и у меня теперь возле двери будет настоящий цветник – коготки и гвбздики. Или винтики.

– Я думал, они называются ноготки, – неуверенно сказал Пятачок, не переставая прыгать, – а гвбздики... гвбздики – это, наверно, гвоздики!

– Что делает Кристофер Робин по утрам? Он учится. Он получает образование. Он обалдевает – по-моему, он употребил именно это слово, но, может быть, я и заблуждаюсь, – он обалдевает знаниями.

Из пересказа книги Л.Кэрролла «Алиса в стране чудес»

Утверждаю это смело:
Если хочешь долго жить,
Должен ты любое дело
Первым делом отложить!

Что значит «слишком далеко»,
О чем тут рассуждать?
Где далеко от Лондона –
Париж рукой подать!

– В детстве, сын, я питался наукой одной,
Грыз гранит (как и прочие дети).
А женившись, так часто я грызся с женой,
Что могу раскусить все на свете!

Кот сказал бедной мышке: – Знаю я понаслышке, что у вас очень *тонкий, изысканный вкус*, а живете вы в норке и глодаете корки. Так ведь вкус ваш испортиться может, боюсь!

[Мышь – Алисе]:

– Внемли, о дитя! Этой трагической саге, этой страшной истории с хвостиком тысяча лет! – сказала она.

– Истории с хвостиком? – удивленно переспросила Алиса, с интересом поглядев на мышкин хвостик <...>.

«<...> даже Стиганд, славный любовью к отечеству архиепископ Кентерберийский, нашел это достохвальным...»

– Что, что он нашел? – неожиданно заинтересовалась Утка.

– Нашел это, – с раздражением ответила Мышь. – Ты что, не знаешь, что такое «это»? <...>

– Ты не слушаешь, – ни с того ни с сего сердито взвизгнула Мышь, <...> вот я по твоей милости потеряла нить!

– Потеряла нить? Она, наверно, в траву упала! – откликнулась Алиса.

[Разговор Алисы с птицами]: «Дина – это наша кошечка! Она так здорово ловит мышей, вы себе просто не представляете! Она даже птиц ловит, да еще как! Только увидит пташку – и готово дело!» Эта восторженная речь произвела на присутствующих должное впечатление. Несколько птиц немедленно снялись с мест и улетели. Пожилая Сорока поспешно начала кутаться в шаль. «Я непростительно тут засиделась», – объяснила она.

– Почему ты не пьешь больше чаю? – спросил Заяц заботливо.

– Что значит «больше»? – обиделась Алиса. – Я вообще ничего тут не пила!

– Тем более! – сказал Шляпа. – Выпить больше, чем ничего, – легко и просто. Вот если бы ты выпила меньше, чем ничего, – это был бы фокус!

– Так вот, – продолжала Соня, – этот самый мармелад они ели или пили – делали, что хотели...

Тут Алиса <...> не выдержала.

– Как же это они пили мармелад?! <...>

– А кто сказал, что они пили? – спросила Соня.

– Как кто? Вы сами сказали.

– Я сказала, они его ели! – ответила Соня. – Ели и лепили. Лепили из него все, что хотели.

– Да, кстати о сардинках, – сказал Деликатес, – они... ты их видала, конечно?

– Да, на таре... – начала было Алиса, запнулась и поправилась: – В банке!

– В банке? Странно, – удивился Деликатес, – в мое время у них, помнится, не водилось лишних денег!

– Когда тебе дурно, всегда ешь сено, – сказал Король, усиленно работая челюстями. – В таких случаях нет ничего равного сену.

– А я думала, брызнуть холодной водой или понюхать нашатырю будет лучше, – сказала Алиса.

– Я же не сказал, что нет ничего лучше, – возразил Король. – Я сказал, что нет ничего равного.

– Свидетель, давайте показания, – сказал король, – и не волнуйтесь, не то я велю казнить вас на месте.

[Малютка-сын экзаменует отца]:

– Ладно, – проворчал малютка, –

Вот тебе вопрос такой:

- Кто зовется Второпяхом?
Ах, попалась, птичка? Стой!
- Рано радуешься, мальчик, -
Осадил старик юнца, -
Как известно повсеместно,
Второпях - зовут отца!
[Переключка со стихами Пушкина:
...Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца.]

- А ты знаешь, чем скрипачи натирают смычки?
- Кани...телью, кажется, - сказала Алиса без особой
уверенности.

Не смейся языком, смейся делом! [Вм. «не спеши».]

[Разговор Алисы со Шляпой]:

...иногда, особенно на уроках музыки, я думала - хо-
рошо бы получше провести время...

- Все понятно! - с торжеством сказал Шляпа. - Про-
вести время?! Ишь чего захотела! Время не прове-
дешь!

...голос его прервался: беднягу душили рыдания, и
душили они его добрых минуты две.

- Всё бы ничего, но вот Герцогиня, Герцогиня! Она
придет в ярость, если я опоздаю. Она именно туда и
придет!

В. КОНЕЦКИЙ

(1929–2002)

В горах Принс-Чарльз есть хребты Атоса, Портоса и Арамиса. Бедный Арамис! Всегда он «и»...

(«Третий лишний»)

А в предбаннике пальто вешали. Мороз был жуткий. Висел там её [Анны Ахматовой] лапсердак – вытертое нечто, линялое в проплешинах, этакий енот, который лает у ворот.

(«Последняя встреча»)

Автомобильные трупы лежали штабелем, давя друг друга и выпучив фары, как глубоководные рыбы на палубе траулера.

(«Квазидурак Елпидифор Пескарев»)

«Последний раз в Антверпене»

[Герой ждет приема у капитана]:

– Сколько лет капитану? – спросил я у матроса.

– В этом рейсе отмечали шестьдесят, – сказал матрос <...>. – Старый полярный волк!

– Ладно. Спасибо. Идите, – сказал я и принялся осматривать волчье логово.

[Капитан – о своих помощниках]:

– Как-то этих моих голубчиков столичный корреспондент пытал о причине их огромной любви к морской профессии. Чиф сказал: «У меня кожа слабая, а в море комаров нет!» Другой: «Когда плаваешь на пароходе, так на работу не надо в трамвае ездить!»

[Капитан – боцману, который ударился «репкой» (головой)]:

«Чего с репкой? – спросил я. – Держишься за нее».

– «Кто сказал? – радостно загоготал боцманюга. – Я не репкой, я лопухом треснул!» Он показал на ухо. Оно немного распухло.

Член совета принес извинения за прискорбный случай минувшей ночи и шикарную – метр на метр коробку шоколада – для моей супруги.

– Он [Есенин] обозвал их [животных] нашими меньшими братьями. <...> Если мы появились после животных, то скажи, старшина, кто они нам – младшие или старшие братья?

– Старшие, товарищ капитан третьего ранга.

М. ЖВАНЕЦКИЙ

В этой толпе самая читающая в мире в метро публика.
(«Я прошу мои белые ночи»)

[После аварии при демонстрации машины]:
Машину собрали... в мешок и привезли уже другие
люди.

(«В век техники»)

Утро страны. Воскресенье. Еще прохладное. Потянулись в горы молодая интеллигенция. Потянулись к ларьку люди среднего поколения. <...> Стада потянулись за деревни в зеленые росистые поля. Потянулись в своих кроватях актеры, актрисы, художники и прочие люди трудовой богемы и продолжали сладко спать.

(«Коротко о себе»)

...на мои сигналы он не реагировал, а возражал и вступил в спор, после чего мы разошлись, причем я побегал. И поступил в Государственный ордена Трудового Красного Знамени медицинский институт в травматологическое отделение, откуда с большим успехом был выпущен 12 февраля 1971 года без ребра.

(«Автобиография»)

Все друзья хотят меня женить, потому что люди не выносят, когда кому-нибудь хорошо.

(«Для вас, женщины»)

И тут я сказал себе: «Стой, Сигизмунд. Она чудная женщина со всеми удобствами, с горячей водой, в пре-красном районе, но умна угнетающе».

(«Для вас, женщины»)

Чтоб мы всегда гуляли на именинах, а наши враги на костылях.

(по: Гридина 1996)

После 50-ти я оставил большой секс и перешел на тренерскую работу.

Довели

Директор нажимает кнопку. Появляется секретарша.

Директор. Попросите ко мне Семенова.

(Появляется Семенов.)

Директор. Семенов?

Семенов. Да.

Директор. Вон отсюда!

В. ВЫСОЦКИЙ

(1938–1980)

...хоть плачь, хоть смейся, но опять задержка рейса, –
И нас обратно к прошлому ведет
Вся стройная, как ТУ, та стюардесса – мисс Одесса,
Доступная, как весь гражданский флот.

(«Москва – Одесса»)

Я не шагал, а семенял
На ровном бруссе,
Ни разу ногу не сменил, –
Трусил и трусил.

(«Дурацкий сон...»)

А у тебя, ей-богу, Вань,
Ну, все друзья – такая рвань,
И пьют всегда в такую рань
Такую дрянь.

(«Разговор у телевизора»)

[О созвездиях]:
Из августа изголодавшийся Лев
Глядит на Овена в апреле.
В июнь, к Близнецам свои руки воздав,
Нежнейшие девы созвездия Дев
Весы превратили в качели.

(«Неправда, что...»)

[Прыгун, прыгающий неправильно – с правой ноги]:
<...> лучше выпью зелья с отравой,
Над собою что-нибудь сделаю,
Но свою неправую правую
Я не сменю на правую левую.

(«Прыгун в высоту»)

Однажды переперелил судьбе я ненароком.

(«О судьбе»)

А он шутил – не дошутил,

Недораспробовал вино,

И даже недопригубил.

(«Не до...»)

Он [палач] мне поведал назначенье инструментов.

Всё так нестрашно – и палач как добрый врач.

– Но на работе до поры всё это прячь,

Чтоб понапрасну не нервировать клиентов.

(«Когда я об стену...»)

Там, подо мной, сирены голосили,

Не знаю – хороня или храня.

Вот и дело с концом, –

в райских кущах покушаю яблоч,

Подойду не спеша –

вдруг апостол вернет, остолоп.

(«Райские яблоки»)

Родился я в рубашке из нейлона,

На шелковую тоненькую, жаль, не потянул.

(«На уровне фантастики и бреда»)

Ощутил он вдруг остроту рогов

И козлиное вдохновение –

Росомах и лис, медведей, волков

Превратил в козлов отпущения.

(«В заповеднике»)

Сорвиголов и оторвиголов видал:

В глазах – огонь, во рту – ругательства и кляпы.

Но были, правда, среди них такие шляпы,
Что я на них и шляп не надевал.

(«Песня шляпника»)

Товарищ первый нам сказал, что, мол, уймитесь,
Что не буяньте, что разойдитесь!
На «разойтись» – я сразу согласился,
И разошелся. И расходился.

(«Милицейский протокол»)

[О шахматном матче]:

Вижу – он нацеливает *вилку*,
Хочет *есть*. И я бы съел ферзя.
Под такой бы закусь – да бутылку!
Но во время матча пить нельзя.

(«Честь шахматной короны»)

Я хорошо усвоил чувство локтя,
Который мне совали под ребро.

(«Летела жизнь...»)

И. ГУБЕРМАН

Я пришел к тебе с приветом,
я прочел твои тетради:
в прошлом веке неким Фетом
был ты жутко обокраден.

Не знаю лучших я затей
среди вселенской тихой грусти,
чем в полусумраке – детей
искать в какой-нибудь капусте.

*Не стесняйся, пьяница, носа своего,
он ведь с нашим знаменем цвета одного.*

(Перекличка со стихами С.Михалкова о красном пионерском галстук:

*Как наденешь галстук, береги его,
Он ведь с нашим знаменем цвета одного.)*

Стало сердце покалывать скверно,
стал ходить, будто ноги по пуду;
больше пить я не буду, наверно,
хоть и меньше, конечно, не буду.

Налей нам, друг! Уже готовы
стаканы, снедь, бутылъ с прохладцей,
и наши будущие вдовы
охотно с нами веселятся.

Россия – странный садовод
и всю планету поражает,
верша свой цикл наоборот:
сперва растит, потом сажает.

Семья от Бога нам дана,
Замена счастью она.

Завел семью. Родились дети.
Скитаюсь в поисках монет.
Без женщин жить нельзя на свете,
а с ними – вовсе жизни нет.

Творимое с умом и не шутя
безделье освежает наши души;
с утра я лодырь, вечером – лентяй,
и только в промежутке бью баклуши.

Наследства нет, а мир суров;
что делать бедному еврею?
Я продаю свое перо,
и жаль, что пуха не имею.

Во мне талант врачами признан,
во мне ночами дух не спит
и застарелым рифматизмом
в суставах умственных скрипит.

Люблю эту пьесу: восторги, печали,
случайности, встречи, звонки;
на нас возлагают надежды в начале,
в конце – возлагают венки.

Взросление – пожизненный урок
умения творить посильный пир,
а те, кто не построил свой мирок,
охотно перестраивают мир.

К Родине любовь у нас в избытке
теплится у каждого в груди,

лучше мы пропьем ее до нитки,
но врагу в обиду не дадим.

России посреди в навечной дреме
лежит ее растлитель и творец;
не будет никогда порядка в доме,
где есть непохороненный мертвец.

Если б не был создатель наш связан
милосердием, словно веревкой,
Вечный Жид мог быть жутко наказан
сочетанием с Вечной Жидовкой.

Всегда еврей легко везде заметен,
еврея слышно сразу от порога,
евреев очень мало на планете,
но каждого еврея – очень много.

Дай голой правды нам, и только!
Нагую истину, да-да!
Но обе, женщины поскольку,
нагие лучше не всегда.

Надо жить наобум, напролом,
наугад и на ощупь во мгле,
ибо нынче сидим за столом,
а на завтра лежим на столе.

Ах, ветер времени зловещий,
причина множества кручин!
Ты изменяешь форму женщин
и содержание мужчин.

С каждым годом суетней планета,
с каждым днем кишение быстрее,

губят вырастающих поэтов
гонор, гонорар и гонорья.

В нас что ни год – увы, старик, увы,
темнее и тесней ума палата,
и волосы уходят с головы,
как крысы с обреченного фрегата.

Сто тысяч сигарет тому назад
таинственно мерцал вечерний сад:
а нынче ничего нам не секрет
под пеплом отгоревших сигарет.

В юности ждал я радости
от суеты и свиста,
а превращаюсь к старости
в домосексуалиста.

Живу я более чем умеренно,
Страстей не более, чем у мерина.

А.А. ИВАНОВ

Будь с нами б Пушкин, бард свободы,
 Дух декабризма б не погиб.
 За ним рванулись дружно б роты
 и эскадроны б и полки б.

(«Если б да кабы б»)

Майя Плисецкая

Я говорить о вас бы мог
 Экспромтом и не вдруг;
 Большой театр без ваших ног
 Буквально как без рук.

И без того был организм издерган,
 В глазах темно и в голове туман...
 И вот уже во мне не просто орган –
 Нашли собора Домского оргáн!

(«Дерзновенность»)

Надо бы по улицам Багдада
 Или хоть Стамбула походить...
 Но где надо говорят: «Не надо!» –
 И придется с этим погодить...

(«Надо или?..»)

Я думаю, она вам подойдет. <...> Не женщина – чудо!
 <...> Немного хромает. А вам нужна жена или Пеле?
 У нее одышка. Но кто сейчас легко дышит? Засорение
 среды... Среда! А четверг, а пятница? А, наконец,
 суббота и воскресенье?

*(«Чтоб мы так жили»,
 пародия на Михаила Жванецкого)*

Галя теперь убита, а Веру повесили на Доске почета.
(«Черная стая», пародия на Аркадия Адамова)

Серебряный стучался молоток
по лбу того, кто обречен, как зебра
тщетою лба, несовершенством зева
не просто пить, но совершать глоток.

Высокопарности был чужд мой дух,
я потянулась к зябкости сифона,
а рядом с ним четыре граммофона
звучанием мой утруждали слух.

(Пародия на Б.Ахмадулину)

Всё путём!

Льды на реке ломает март.
Апрель как вор в законе,
И льдины стаяй битых карт
Разбросаны в затоне.

Геннадий Касмынин

В свои права вошла весна,
Вокруг светлей и чище.
И стаи воробьев, шпана,
Спешат на толковище.
Ворона, словно человек,
Разинула едало.
Сорока, падла, будто век
Свободы не видала.
Всех обогрел весенний свет,
Длинные, как сроки, тени...
И вот уже сидит поэт
И ббтает по фене.

И взор его огнем горит, –
Трибун с трибуны говорит!

(«Евгению Евтушенко»)

Я влюбился, хотя было ясно, что у нас ничего не получится. После армии от меня пахло шинелью, а от нее – «Шанелью».

(«Музыкальный момент»)

На меня близоручил мигалисто
мой родной глухоманистый дед.
– Хорошо, – бормотал он гундосово,
ощербатя беззубистый рот, –
только очень уж стоеросово...
Да иначе и быть не может.

(Пародия на В.Гордейчева)

«Ну, наконец-то! – думал я. – Чичас!
Закусим, выпьем, эх, святое дело!»
(В графинчике проклятая белела!),
Лафитник выпить требовал тотчас!
Я сел к столу... Смотрела Цыганова,
Как подцепил я вилкой огурец.
И вот когда, казалось, всё готово,
Тут Иванов (что ждать от Иванова?!)
Пародией огрел меня, подлец!..

*(Пародия на стихи Давида Самойлова
«Ужин в колхозе»)*

В худой котомк поклав ржаное хлебо,
Я ухожу туда, где птичья звень.
Я дома здесь. Я здесь пришел не в гости.
Снимаю кепк, одетый набекрень.
Веселый птичк, помахивая хвостик,
Высвистывает мой стихотворень.

Зеленый травк ложится под ногами,
И сам к бумаге тянется рука.

И я шепчу дрожащие губами:

«Велик могучим русский языка!»

(Пародия на стихи Валентина Сидорова, содержащие

строки: «Косматый облак надо мной кочует,

И ввысь уходят светлые ствалы»).

Лирика с изюминкой

Я слышу, как под кофточкой иглятся
соски твои – брусничники мои,
ты властна надо мною и невластна,
и вновь сухи раскосинки твои...

Владимир Цыбин

Ты вся с такой изюминкой, с грустинкой,
с лукавинкой в раскосинках сухих,
что сам собою нежный стих с лиринкой
слагаться стал в извилинках моих.

<...>

Писал я с безрассудинкой поэта,
возникла опасёнка уж потом:
вдруг скажут мне: не клюквинка ли это
с изрядною развесинкой притом?..

Ночь во Флоренции

Фонари – словно реплики в споре фокусника и философа.
Флоренция. Фонарь. Фортуна. Фанты

Петр Вегин «Фонари Флоренции»

Фи! Фонтан фраз
на фронтоне филиала Флоренции,
как фото франта Фомы во фраке философа,
как фальцет форели,
фетр в футляре флейты,
фунт фольги, филателия фарфора,
фехтование ферзём.

Но вот
 из сфер фальцетом Фантомас:
 – О, Фегин, фы фелик! Я поздрафляю фас!
 Но я за фас трефожусь – фдруг
 Андрюфа Фознесенский фыркнет: «Фу-ух!..»
 («Феерическая фантазия»)

Лодка-молодка

По улице Горького – что за походка! –
 Девчонка плывет, как под парусом лодка.
 Юлия Друнина

По улице Горького – вижу я – ах ты!
 Девчонки плывут, как под парусом яхты.
 Одна-то, одна! Не сойти бы с ума.
 Вот это форштевень! Вот это корма!
 Такой не опасны ни буря, ни штиль.
 Какой у нее – представляете! – киль.

Панибратская ГЭС

Есенин, дай на счастье руку мне.
 Пожми мою. Дружить с тобой желаю.
 Давай с тобой полаем при луне.
 Ты помолчи. Я за двоих полаю.

*(Из пародии на поэму
 Е.Евтушенко «Братская ГЭС»,
 включающую строфу:*

*Есенин, дай на счастье нежность мне
 к березкам и лугам, к зверью и людям
 и ко всему другаму на земле:
 что мы с тобой так беззащитно любим.)*

ЮЛИЙ КИМ

Хоть ты лопни, хоть ты тресни –
Хорошо сидеть вот так:
Дух витает в поднебесье,
Оболочка пьет коньяк!

(«Волшебный сон»)

П о б е д о н о с о в. ...А то вот взять тебя, Артемий
Филиппович...

Тот бледнеет.

П р и с т а в. Взять?

П о б е д о н о с о в. Да нет, я в смысле – для при-
меру взять. Хе-хе. Пока.

(«Баня во весь волос»)

Ш а х. Мы дарим тебе жизнь, презренный! И иди
отсюда.

И в а н в т о р о й. Жизнь?.. Спасибо, у меня есть.
Своя.

(«Иван-царевич»)

Из комедии «Профессор Фауст»

О совести ведутся разговоры
Спокон веков, днем, ночью, то и дело
Всё совесть, совесть... зло берет!
Смотри, её любимые глаголы:
Грызет. Терзает. Мучает. Заела.
Спать не дает. Жить не дает!

[Артиллерист предлагает тост]:
За нашу артиллерию! Она спасет империю
От гибели и зла!
Она так замечательно любому неприятелю
Пускает дым в глаза!

В ответ на колкие замечания кавалериста и артиллериста Фауст спрашивает: *«Кого из вас назвать ослом?»*, на что кавалерист и артиллерист в один голос отвечают: *«Меня!!!»* и выхватывают шпаги.

Фауст. Я верю вам – но я не верю в вас.

Фауст.
Чтобы взорвать
Иную крепость,
Нам надо знать,
В чем ее крепость.

Т. ТОЛСТАЯ

Голое мокрое дерево поникло от горя. Пьяница расстегивает пальто, опершись лицом о забор.

(«Милая Шура»)

Соня хорошо готовила <...> требуху, почки, вымя, мозги – их так легко испортить, а у нее выходило – пальчики оближешь. <...> Вкусно, и давало повод для шуток. Лев Адольфович, вытягивая губы, кричал через стол: «Сонечка, ваше вымя меня сегодня просто потрясает!» <...> А Ада сладким голоском говорила: «А я вот в восторге от ваших бараньих мозгов!» – «Это телячьи», – не понимала Соня, улыбаясь.

(«Соня»)

Доктор <...> положил на низкий столик, на стеклянный медицинский квадратик длинную, тонкую, отвратительно тонкую, тоньше комариного писка иглу.

(«Чистый лист»)

Зое очень-очень хотелось пасть в кровавые хирургические объятия. Но инженер – тоже хорошо.

(«Охота на мамонта»)

Разговор победителя с проигравшим:

– Под стол! Ничего не знаю! <...>

– Нет же, нет, нет! Почему?! Я человек, звучу гордо, не полезу, хоть убейте!..

[Обыгрывание знаменитого горьковского Человек – это звучит гордо!]

(«Сомнамбула в тумане»)

– Вот как мы тут славно шуткуем, – говорил довольный Бахтияров, – <...> и все в рамочках дозволенного, все в граничках допустимого.

(«Самнамбула в тумане»)

...он собирался стать ее четвертым мужем, не потому что, как говорится, от нее светло, а потому что с ней не надо света. При свете она говорила без умолку и что попало.

[Переключка со стихами И. Анненского.]

(«Самнамбула в тумане»)

Осень вошла к дяде Паше и ударила его по лицу.
Осень, что тебе надо?

(«На золотом крыльце сидели...»)

[О дачном конфликте.] Соседи замкнулись: они укрепили металлическую сетку на железных столбах, насыпали в стратегически важных пунктах битого стекла, протянули стальной прут и завели страшного желтого пса.

(«На золотом крыльце сидели...»)

Г. МАЛКИН

(«Максимы и минимы», «Юбки – паруса мужчин»,
«Афоризмы на каждый день»,
«Живым из жизни не уйти»)

Подруги жизни всегда приятнее ее самой.

Ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого,
как чужая жена.

Мужчины бывают полубогами, женщины – только
богинями.

В маленькой женщине все под рукой.

И собаки бывают суками.

И светлые головы бывают крашеными.

След многих в литературе не берут даже собаки.

В того, кто полон оптимизма, больше ничего не лезет.

Соль жизни в том, что она – не сахар.

Уронив свое достоинство, сделайте вид, что это не
ваше.

Хочешь сойти за умного, сойди.

Ум, честь и совесть, как Лебедь, Рак и Щука.

Нравственно ограниченный контингент войск.

Чувство привязанности приходит вместе с верев-
кой.

Чтобы сохранить ангельский характер, надо дья-
вольское терпение.

Победитель соревнования со своей совестью.

Кадры решают все, но без нас.

Незаменимым бывает только покойник на похоронах.

Воспитанный мужчина не делает замечания даме, плохо несущей шпалу.

Идущий под белым флагом тоже чувствует себя знаменосцем.

Если судить по зарплате, то можно судить.

Как плохо, что победы всегда за нами!

Львиная доля чаще достается шакалам.

Материя бесконечна, но ее все время не хватает кому-то на штаны.

Часы пропили ровно в полночь.

Город, в котором не бьют только фонтаны.

Главное – сделать себе не имя, а отчество.

Некоторые снегурочки тают только от конвертируемых.

Боевой клич индейцев: «Не стой под стрелой!»?

Критиковать не взирая на лица лучше как следует в них всмотревшись.

Балерина – это женщина, выражающая ногами всё, что накипело на душе.

Не всякому по карману иметь собственную вдову.

Нам с лица не водку пить...

Мамаево попоище.

Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью.

[Перекличка с бодрой советской песней «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»]

ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ

Когда родился я на свет,
Не помню от кого,
Мне было очень мало лет,
Точней, ни одного.

Нет, мы империя добра,
А не империя мы зла,
Как мы тут слышали вчера
От одного тут мы козла.

<...>

А если вдруг когда-нибудь
Другой козел захочет вдруг
С пути нас этого свернуть,
Ему мы скажем: «Знаешь, друг,
Вали, откудава пришел!»,
И он отвалит, тот козел.

Выхожу я как-то на дорогу
В старомодном ветхом шушуне,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Впрочем, речь пойдет не обо мне.
На другом конце родного края,
Где по сопкам прыгают сурки,
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.

<...>

Хорошо, что в юбочке из плюща
Всем известна зренья остротой,
Вышла своевременно Катюша
На высокий на берег крутой.
И направив прямо в сумрак ночи

Тысячу биноклей на оси,
Рявкнула Катюша что есть мочи:
– Ну-ка, брысь отседа, иваси!
И вдогон добавила весоמו
Слово, что не с ходу вставишь в стих.
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.
Я другой страны такой не знаю,
Где оно так распространено,
И упали наземь самураи,
На груди рванувши кимоно.

Не гладьте брюки на ночь глядя,
Поскольку, брюки на ночь глядя,
Придется снять их все равно,
Чтобы не выглядеть смешно.

Пыльной грудюю в углу
Свалена посуда,
Ходит муха по столу,
Топают, паскуда.

Не говори мне про застой,
Не бреди больную душу.
Мне прожужжали им все уши,
Меня тошнит от темы той.
...Не говори мне про застой...

Отпусти меня, тятя, на волю,
Не держи ты меня под замком.
По весеннему минному полю
Хорошо побродить босиком.

Вот раздался страшный стук,
А за ним ужасный крик,
Потому что это вдруг
На асфальт упал старик.

<...>

Я поднял его с земли,
И спросил я напрямик:
– Чей, товарищи, в пыли
Тут валяется старик?
Кто владелец старичка?
Пусть сейчас же подберет.
Он живой еще пока,
Но того гляди помрет.

С папою римским тут в лифте столкнулся
Прямо в разгаре рабочего дня,
Я отвернулся, и он отвернулся,
Я – от смущения, он – от меня.

На столе часы стоят;
Но на первый только взгляд.
На второй – они идут,
Отмеряя ход минут.

Маша ела кашу,
Мама ела Машу,
Папа маму ел,
Ела бабка репку,
Лопал бабку дедка,
Аж живот болел.

Всё накрылось медным тазом,
Но, куда тлеет разум,
Ощущения конца
Всё же нету до конца.

Стоит могила
Незнамо чья.
А всё же мило,
Что не моя.

С тех пор лежу я на спине,
Хожу – ну разве под себя лишь.

Снег падал, падал – и упал,
На юг деревья улетели,
Земли родной в здоровом теле
Зимы период наступал.
Проснулись дворников стада,
К рукам приделали лопаты
И, жадой действия объяты,
На скользкий встали путь труда.

Зимы ждала, ждала природа,
Как Пушкин отмечал, А. С.,
И дождалась...

М. ЗАДОРНОВ

[В магазине]:

- Скажите, а эта майка из чистого хлопка?
- Из чистого... была, пока вы об нее руки не вытерли.

На вопрос: «За что вашему главному бухгалтеру выдают бесплатное молоко?» – все сотрудники предприятия единодушно ответили: «За вредность!».

«Клуб кинопутешественников». На этот раз побываем с вами в Сибирском этнографическом музее, где посмотрим избу крестьянина-бедняка прошлого века на четыре комнаты с коровником, курятником, конюшней, гаражом на две телеги и темным сырым погребом, где бедняк вынужден был хранить сало, колбасы, молочные и другие продукты, которые ежедневно спасали его от голодной смерти.

Новости. За рубежом. Администрация Соединенных Штатов Америки решила перенять наш опыт перестройки и тоже провести сокращение штатов. Первыми будут сокращены штаты Иллинойс и Флорида.

[Шутливые толкования слов]:

деньжонки – день 8 марта

батисфера – знакомые отца

пеньюар – дурак из Южной Африки

медицинский термин – *папазал* – трезвый папа

краснобай – бай, перешедший на нашу сторону

ханьга – дочь хана

забрало – милиционер

заморыш – иностранец

всадница – медсестра

А. КНЫШЕВ

(«Тоже книга»; «Уколы пера»)

И у Иуды был преданный друг.

«В первую голову надо поесты!» – просил Змей Горыныч.

«Хоть одним глазком взгляну на Париж» – мечтал Кутузов.

Даже в самые глухие, темные годы реакции гневный обличительный смех Салтыкова-Щедрина был слышен во всей России. Особенно жаловался сосед писателя, инвалид Артемьев.

Коктебель! <...> Вот на этих грядках работал на уборке укропа и инжира еще А.С.Пушкин. <...> Каких-нибудь 4-5 тысяч верст не дошел сюда Пржевальский со своей приживалкой.

«Добро должно быть с кулаками!» – заблуждалось зажиточное крестьянство в конце 20-х.

«Любишь кататься – катись к чертовой матери!»

Тише будешь – дальше уедешь [вместо: Тише едешь – дальше будешь].

«Эк тебя разнесло-то!..» – укорял Сидор Марфу, в которую угодил артиллерийский снаряд.

Жену звали Рая, тещу – Ада.

«Пою мое отечество!» – заявляла продавщица пивного ларька.

Женщины бывают полные и пустые.

«Проваливай!» – буркнул студент экзаменатору.

Из соседней комнаты слышится:

– Ну, чего вы заводитесь-то? А? Не заводись, я тебе говорю! Зачем бестолку заводиться-то, ну?..

– С кем это ты там разговариваешь?

– Да клопы, понимаешь ли, завелись...

«Надо же хоть чем-нибудь выделяться!» – считала моча.

Убийство было сделано топорно.

Сегодня Комитету госбезопасности стукнуло 70. Это на 5 человек больше, чем вчера.

Чаплин украл у Гитлера усы буквально из-под носа.

Пленного немецкого летчика спросили:

– Скажите, вы надумали сдать сами, добровольно?

– Нет, это меня подбил Талалихин.

«Чувствую себя вполне сносно», – говорил дом.

У нас запущенные спутники в запущенном состоянии, зато дома – в сносном.

Предатель Потапов застрелился в глаз, чтобы не попортить себе шкурку.

«Ни фиги себе!
Всё – людям!..»

...парадный белый китель, красиво отделанный
вишневым крушоном.

Вам правду резать или куском?

Углутился в свои мысли.

Среди идиотов есть много порядочных.

«Вкальваю с утра до вечера!» – жаловался наркоман.

Секс без дивчины – признак дурачины.

Мимо прошла девушка с большим бюстом
Аристотеля подмышкой.

Меня окружали милые, симпатичные люди, медленно сжимая кольцо.

Домашнее хозяйство подобно кроссворду: жена – по вертикали, муж – по горизонтали.

Не суй взнос не в свое ДЕЛО.

Истина в последней инстанции – философ в морге.

У нас каждый новый политический лидер вначале радуется, что вошел в историю, а после понимает, что он в нее влип.

Эту страну я люблю, когда в ней нет гражданских войн, голода, грязи, хамства, очередей и меня.

Глядя на наши достижения, хочется воскликнуть: «Велик человеческий разум! Куриный был бы как раз...»

Из интервью:

– Как вообще вы относитесь к людям?

– Я не в восторге от нас.

– Вы говорите-говорите, да не заговаривайтесь!

– Скажите пожалуйста!

– Три буквы!

– Сам пять букв!

ГИПОТЕЗЫ, ОТКРЫТИЯ. Любопытную версию выдвинул Сысой Свиридович Сидоров для объяснения тайны загадочной улыбки Моны Лизы. Не исключено, считает исследователь, что она просто была душой.

Старожилам особенно памятно цунами 1929 года, после которого никого из них в живых не осталось.

«Кровавое воскресенье еще раз показало, что царь мог стрелять не только по рабочим, но и по выходным».

Нужно безжалостно отрывать башку всякому, кто порочит высокое звание гуманиста.

Не спешите выбрасывать ржавый металлический матрац старой кровати. Выбросьте его медленно, с удовольствием.

Мужчины, женитесь! Женщины, мужайтесь!..

Молодой человек представляет гостям свою молодую супругу, с которой они только что провели медовый месяц:

– Познакомьтесь: это моя первая жена!

Некогда я любил ее. А теперь – некогда.

Даже на сковороде в преисподней каждый печется о себе.

«На тебя не напасешься!» – жаловались коровы пастуху.

Проявил себя?
Закрепи.

«Объявленный на сегодня спектакль переносится с большим трудом».

По радио: «Вы прослушали четыре маленьких пьесы для фортепьяно. Где вас черти носили?..»

О, раздевайся! (Это я не вам!)

Если бы молодость знала, то в старости бы могла.

В доме все было краденое, и даже воздух какой-то спертый.

«Не видите – я занят!» – надменно произнес туалет.

Хватит отсрачивать, пора подытаживать!

Деиделогизировали – деиделогизировали, и додеиделогизировались...

Это не нувориши, а нуворишки и нуворюги.

Лавка древностей – бабули на скамейке у подъезда.

Древнегреческая богиня мудрости *Ахинея*.

Римский историк *Хитросплетений*.

Мраморная крошка – *Венера Милосская*.

Конный милиционер – *ментавр*.

Польский журналист – *Ежи Недельник*.

Японская борьба *укушу*.

Майя Ацтековна *Инке*.

Дерьмовочка.

Шутливые толкования слов:

драпировка – отступление войск

пистолет – столетний юбилей числа «пи»

речушка – небольшой доклад

доходяга – процветающий бизнесмен

напасть – намордник

рубильник – палач

Наяда – отравительница

выкидьш – парашютист

выдающаяся личность – невеста

вечерний намаз – косметика перед сном

заводила – Иван Сусанин

Опечатки:

Художник изобразил ее ногою (вместо: *изобразил ее нагою*).

М. ГАСПАРОВ

(«Записи и выписки»)

Александр I жалел о невозможности запретить указом букву ять.

Большевики не исправили Россию за 70 лет, а христианство – за 1000 лет.

Под Иркутском разбился Ту-154, Москва затребовала черный ящик, «но снять всю матерщину». Осталось несколько разрозненных бессмысленных слов. Восстановили мат – катастрофу удалось реконструировать до подробностей.

Местоимение в зачине без предварительного названия героя это и «Стоял Он, дум великих полн», и почти одновременное «Скребницей чистил он коня».

На вопрос «С какими грехами люди приходят в церковь на исповедь», священник ответил: «Один сказал: накричал на канарейку»...

«НН ходит ко мне в душу, как в собственный клозет».

«Портрет портретыч», называл Серов свои рядовые работы. Доклад докладчы, статья статьинишна.

Разговор извозчика с Шаляпиным: «Чем занимаешься?» – «Пою». – «Да нет, чем занимаешься?» – и т.д.

В 1-м классе дали задание составить фразу из слов: *малыш, санки, горка, крутой, съехать*. Все написали: «Крутой малыш съехал на санках с горки».

Дочь организует группу Психологической Реабилитации Детей Трудного Поведения, сокращенно ПРЕД-ТРУП.

Когда осуждают хорошего писателя за то, что он нехороший человек – это все равно, что осуждать завод за то, что он дымит и лязгает.

Евг. Иванов писал Блоку по поводу секундантизма [на дуэли Блока с Белым]: «Помилуй, что ты затеял: что если, избави Боже, не Боря тебя убьет, а ты Борю, – как ты тогда ему в глаза смотреть будешь? и потом, мне неясны некоторые технические подробности, например, куда девать труп...»

Федор Сологуб говорил дочке Кривича: «Такая маленькая, а уже внучка Анненского!» Анненского он не любил.

Илл. Вас. Васильчикова назначили председателем Государственного совета. «Всю ночь не мог заснуть: до чего мы дожили! на такую должность лучше меня никого не нашли».

На вопрос: «За что вы любите Пушкина?» Бонди ответил: за то, что он не Горький, не Бедный, не Голодный.

Изменил и признаюся.
Виноват перед тобой.
Но утешься, я влюблюся,
Изменю еще и той.

(Стихи Магницкого-душителя из «Лонид»)

Хейфец, у которого в Одессе печатался Дорошевич, сказал: «Знаете, какая разница между Дорошевичем и проституткой? Он получает за день, а она за ночь». Дорошевич, узнав, спросил: «А знаете, какая разница между Хейфецем и проституткой?» – Не знаем. – «И я не знаю». – Больше Хейфец не острил.

(Г.Шенгели)

[Крестьянин о поэме Пастернака]: Связанных слов нисколько нетути. Добрый человек скажет одно слово, потом завяжет его, еще скажет, опять завяжет. Передние, средние и задние – все завяжет в одно. А в этом стиху слова, как скрозь решето, сыпятся и разделяются друг от дружки.

(А.М.Топоров, «Крестьяне о писателях»)

«Синтаксис у него какой-то развратный», – писал Набоков о Пастернаке.

Секрет истины: кто дольше живет, кто кого перемеруарит.

(В.Шаламов)

Отплывает пароход, в последнюю минуту по трапу вносят старшего помощника, мертвецки пьяного. Проспавшись, он читает в судовом журнале: «К сожалению, старший помощник был пьян весь день». Бежит к капитану, просит не портить ему карьеру. «Поправки в журнале не допускаются, но сделаю, что могу». Назавтра читает: «К счастью, старший помощник был трезв весь день».

(Азимов)

**Литературная
смесь**

Одиночные примеры

*из художественных произведений,
журналов, газет, ТВ, разговоров*

Дверь ворочается на крючьях своих, а ленивец на ложе своем.

(Кн. Пр. 26,14)

[О жизни в тюрьме, на цепи.] Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы...

(«Житие пророка Аввакума»)

[Царю Алексею Михайловичу]: Бедной, бедной царшко! Что ты над собою зделал?

(«Житие пророка Аввакума»)

Глуп ведь я гораздо. Так, человеченко ничему негодной.

(«Житие пророка Аввакума»)

На врача

Что ты лечил меня, слух этот, верно, лжив, –
Я жив.

(Д. Хвостов <1784>)

...он, живучи в свете, был добрый человек, и <...> только за ним было всего порока, что во всю жизнь не имел ни совести, ни чести.

(Ф.Амин, «Ведомости из ада»)

Носил ту шубу скот,
И скот и ныне носит.

(А.П.Сумароков, «Соболья шуба», по: Ходакова 1969)

Наш медик в рот больным без счету капли льет,
Однако от того ни капли пользы нет.

(М.А.Херасков, «Эпиграмма», по: Ходакова 1969)

Врач – от слова *враг* часто отличается переменою
буквы *г* на *ч*;

Арифметика – искусство богатому считать свое, а
бедному чужое;

Брак – панихида по любви;

Яма – место, куда прилежные лекари прячут плоды
своего искусства;

Ах! – затычка стихотворцев слабых и любовников
охладелых;

Шпага – висячая храбрость, которая иногда при-
цепляется к ходячей трусости.

(Я.Б. Княжнин, «Отрывок толкового словаря»)

Лекарь – квартирмейстер вечности.

(«Опыт вещественного Российского словаря», XVIII в.)

О, как велик На-поле-он!

Он хитр и быстр и тверд во брани;

Но дрогнул, как простер лишь длани

К нему с штыком Бог-рати-он.

(Г.Р.Державин, «На Багратиона»)

Ужален небольшою

Крылатой я змеей,

Которая пчелою

Зовется у людей.

(Г.Р.Державин; пример из: Никитина – Васильева 1996)

«У Державина есть ода «Ключ», посвященная Хера-
скову. Вяземский пишет, цитируя ее:

Священный Гребеневский ключ!

Певца бессмертной Россияды

Поил водой ты стихотворства...

– «Лучшая эпиграмма на Хераскова. <...> Вода стихотворства, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное!» [Тынянов 1993: 372].

Кай в митологии искусен без примера,
Понеже испытал, что Бахус, что Венера.
(«Анонимная эпиграмма XVIII века»)

Все говорят: он Вальтер Скотт,
Но я, поэт, не лицемерю.
Согласен я: он просто скот,
Но что он Вальтер Скотт, – не верю.
(«Лицейские эпиграммы»)

Поэт, не стану лицемерить,
Прослыть ты хочешь русским Беранже,
Я знаю, что ты бе, я знаю, что ты же,
Но Беранже? Нет, не могу поверить!
(С. Соболевский, по: Лук 1977).

Я пыль в глаза пускал;
Теперь – я пылью стал.
(Н.М. Карамзин, «Надгробие шарлатана»,
по: Ходакова 1969).

Простите, скромные диваны,
Свидетели нескромных сцен.
(Н.М. Карамзин, «Исправление»)

Триолет Лизете

«Лизета чудо в белом свете, –
Вздыхнув, я сам себе сказал, –
Красой подобных нет Лизете;
Лизета чудо в белом свете;
Умом зрела в весеннем цвете».

Когда же злость ее узнал...
 «Лизета чудо в белом свете!» –
 Вздыхнув, я сам себе сказал.

(Н.М.Карамзин)

Я не безмолствовал... о Министерстве *Просвещения*
 или *затмения*.

(Н.М.Карамзин, «Мнение русского гражданина»)

«Ты ль, Хвостов? – к нему вошедши,
 Вскрикнул я. – Тебе ль здесь быть?
 Ты дурак – не сумасшедший,
 Не с чего тебе сходить!»

(А.Ф.Воейков, «Дом сумасшедших»)

[На А.А.Кольцова-Мосальского]:

Под камнем сим лежит Мосальский тощий.

Он был весь в немощи – теперь попал он в мощи.

(Д.В.Давыдов)

Вы взобрались на своего конька, барон, а ведь пе-
 ший конному не товарищ.

(А.А.Бестужев-Марлинский, «Ревельский турнир», III)

Змея ужалила Маркела.

– Он умер? – Нет, змея, напротив, околела.

(В.Л.Пушкин, по: Лук 1977)

День блаженства настоящий

Дева вкусит, наконец,

Час пробьет н...

Дева сядет...

(А.Пушкин (?), по: Крученых 1924)

Ответ А.С.Хвостова на послание А.В.Храповицко-
 го, обыгрывающий одинаковое начало их фамилий –
 на букву х («хер»):

От хера умного
К посредственному херу
Пришло послание.
Доволен я чрез меру.

(«Раут», III, 155, по: Гаспаров 2001)

Издателю журнала с эпиграфом «С нами Бог»
В чем разноречит он с читателем своим?
Он пишет: «С нами Бог!», тот говорит: «Бог с ним».
(А.Илличевский)

Друзья и клад

Один мудрец сказал, хотя и не в стихах:
«Найди друзей – найдется клад в друзьях».
Я то же повторю обратными словами:
«Найди ты клад – друзья найдутся сами».

(А.Илличевский)

Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дня, ибо «оказия» из Екатеринограда еще не пришла и, следовательно, отправиться обратно не может. Что за оказия!.. Но дурной каламбур не утешение для русского человека.

(М.Лермонтов, «Герой нашего времени», IV, по карт. БАС).

Как ни неприятно быть иногда с носом, но все-таки сноснее, нежели быть совсем без носа.

(Альманах «Картины света», 1836 г. по: Виноградов В.В., «Натуралистический гротеск»)

Он слишком погрузился в негу своей семейной жизни и не может из нее выбраться. Он подобен мухе, увязшей в меду.

(Ф.Тютчев, по: Рус. лит. анекдот)

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшко? Я всё позабываю.

Рисположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна. <...>

Аграфена Кондратьевна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это? (...) А Псович, так Псович; что ж: это ничего, и хуже бывает, брали-янтвый. (...) Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Рисположенский. Жил старец, маститый старец... Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой... необитаемой.

(А.Н.Островский, «Свои люди – сочтемся!»)

Григорий, слуга [докладывает Турусиной, барыне-благотворительнице о приходящих странниках]:

Сударыня, странный человек пришел. <...>

Скитающие люди пришли-с. <...>

Сударыня, уродливый пришел.

Турусина. Григорий, как тебе не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить.

(А.Н.Островский, «На всякого мудреца довольно простоты»)

[Об актере Васильеве в роли Ивана Грозного]:

Васильев в «Грозном» мог смешить,

Но вряд ли повод даст к суждениям серьезным:

Иваном грязным он и грузным может быть,

Но мудрено ему быть грозным.

(П.А.Каратыгин, «Закулисные эпиграммы»)

[О суфлере Серебрякове, имевшем восьмерых детей]:

Из маленькой дыры глядит великий муж!

Хоть нет в самом души, но кормит восемь душ!

(П.А.Каратыгин, по: Рус. лит. анекдот)

К о ч е р г и н. Да, от той сухой партии в бильярд у меня и теперь лоб мокрый.

(Н.Некрасов, «Актер»)

И скучно, и грустно, и некого в карты задрать
В минуту карманной невзгоды.
Жена? но что толку жену обыграть –
Ведь ей же отдашь на расходы!

(Н. Некрасов)

Не лукавствуя и пылко
Уважай родимый край:
Гордо мужествуй с бутылкой –
Ни на пядь не уступай...
[Н. Некрасов, <На Н. Языкова> – намек на склон-
ность пародируемого автора к спиритному.]

Он у нас осьмое чудо –
У него завидный нрав.
Неподкупен – как Иуда,
Храбр и честен – как Фальстаф.

(Н. Некрасов, <На Ф. В. Булгарина>)

[Рассуждения гурмана]: – От хорошего блина глаза
выскачат. А вот я посмотрю на господ... Какие они к
блинам робкие: штуки четыре съест и сейчас отстанет...
(И. Горбунов, «Широкая масленица»)

[О консервативном писателе В. Аскоченском]:
Не трогал сердца ничьего
Застоя добровольный пленник:
Проходит мимо «Современник»,
Едва взирая на него;
«Пчела» в него впускает жало,
Костыль заносит «Инвалид»,
И «Время» грозное шумит
Косой звенящего металла

<...>

Гудеть собирается «Гудок»,
 «Свисток» неугомонно свищет -
 И тщетно он опоры ищет
 И робко смотрит на восток.

[Обыгрываются названия газет и журналов 60-х годов XIX в.]

(В.Курочкин, «Печальный рыцарь тьмы крошечной...»)

...успокою совсем
 Старцев, покрытых сединами,
 С тем, чтоб согреть их холодную кровь
 Фетом, балетом, паштетом.

(В.Курочкин, по: Черняева 1957)

Я люблю смотреть на звезды -
 Но не те, что в горнем мире;
 Мне милее те, что светят
 На чиновничьем мундире.

Эти Сириусы, Марсы
 Для меня смешны и странны;
 Мне милее Станиславы,
 И Владимеры, и Анны.

(П.Вейнберг, «Взгляд на природу»)

Каждый, кто глуп или подл, наверно, предан престолу,
 Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду.

(М.Михайлов, по: Лук 1977)

Кто такой Победоносцев?
 Для попов - Обедоносцев,
 Для народа - Бедоносцев,
 Для желудка - Едоносцев...
 Для царя - он злой Доносцев...

*(Л.Трефолов, «Действительный тайный советник
 Константин Петрович Победоносцев»)*

[Поэт Иван Мятлев, желая обезопасить себя от пропажи шляпы, вложил внутрь шляпы стихи, написанные от ее имени]:

*Я Мятлева Ивана,
А не твоя, болвана.
Свою ты прежде пощи!
Твои, я чай, пожиги цу.*

(по: В.Новиков, «Книга о пародии»)

Кредитом страсти изнывая,
Красавица! У ног твоих
Горю тобой, о кладовая
Всех мук и радостей моих!

<...>

Тебе служить хочу и буду
Я всем балансом сил моих,
Лишь выдай мне с рукою в ссуду
Всю сумму прелестей твоих!

(И.Мятлев, «Признание в любви чиновника заемного банка»)

Так облегчи, господь, вериги
Тому, кто много претерпел,
Кто в здешней жизни, кроме фиги,
Других плодов еще не ел.

(Н.Ломан, «Перед Милютиньими лавками»)

[О поэте Николае Ломане, который в 1860-х годах сотрудничал в «Искре» под странным псевдонимом – Гнут]:

Судьбой ты мало избалован –
Порою Гнут, порою Ломан.

(П.Степанов)

Раз архитектор с птичницей спознался...
И что ж? в их детище смешались две природы:

Сын архитектора, он строить покушался;
 Потомок птичницы, он строил только куры.
 (А.К.Толстой)

А.К.Толстой написал шуточные стихи, перекликающиеся с пушкинской «Царскосельской статуей»:

*Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
 Дева печально сидит, праздный держа черепок.
 Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой:
 Дева над вечной струей вечно печальна сидит.*
 Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант

Захаржевский,

В урне той дно просверлив, воду провел через нее.

Дело Скитских

Кто убил? То шито-крыто,
 Где убили? чем?
 Много времени убито
 Над вопросом тем.
 Тот бобра убьет, кто смело
 Это разьяснит...
 О, убийственное дело...
 Я совсем убит!

(Журн. «Словцо». Бенедикт)

Хожу, говорит, не в мундире, а во фраке я,
 Что мне их Крит, а либо Фракия?

<...>

У меня, говорит, богатырские и усы и талия,
 И королевство теплое – имя ему Италия.

(Н.П. Огарев, «Восточный вопрос в панораме»)

[Янов] в одной деловой бумаге, говоря о каком-то

умершем чиновнике, написал, что «покойный был беспокойного нрава».

(И.А.Гончаров, «Воспоминания», II, 6)

Фалалей <...> видел карету, наполненную дамами и Фомой Фомичом.

(Ф.Достоевский, «Село Степанчиково и его обитатели»)

[Рассказ Семена Семеныча об ужасном происшествии]:

Наконец, глотнув окончательно, крокодил вобрал в себя всего моего образованного друга и на этот раз уже без остатка. На поверхности крокодила можно было заметить, как проходил по его внутренности Иван Матвеев со всеми своими формами.

(Ф.Достоевский, «Крокодил, необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже»)

В комнату, пугаясь в соплях, вошел мальчик

(Ф.Достоевский?)

Наши грамматикки очень ошиблись, когда отнесли слова доброта, нежность и снисходительность к женскому роду, а гнев, сумасшествие и каприз – к мужскому и среднему.

(Из альманаха «Цефей», по: Одинцов 1982)

[Обращение к поэту, желающему описывать трудности жизни]:

Как живет у нас в столице

Голь, голь, голь <...>

Где лежит глубоким слоем

Грязь, грязь, грязь <...>

Где тяжел до изнуренья

Труд, труд, труд.

– «Стой! – прервала Муза, – вникнет

В эту песнь сонм важных лиц,
И как раз тебе он крикнет:
Цыц! цыц! цыц! <...>
Лучше пой, брат, про прелестных
Дев, дев, дев.
Обратись к луне, к природе,
Пой утехи юных лет –
Ведь поёт же в этом роде
Фет, Фет, Фет».

(В.Богданов)

Сказал раз медник, таз куя,
Своей жене, тоскуя:
«Задам-ка сыну таску я,
И разгоню тоску я».

(Я.Козловский)

– Но знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата [мужчины] и ошибкою женщины? Не знаете? Вот какая: мужчина может, например, сказать, что дважды два – не четыре, а пять или три с половиною; а женщина скажет, что дважды два – стеариновая свечка.

(И.Тургенев, «Рудин», II)

Итак, Вы опять отсрочили свой приезд, любезнейший Анненков. Боюсь я только, как бы Вы, все отсрачивая да отсрачивая (экое странное слово), – совсем к нам не пожаловали.

(И.Тургенев – И.В.Анненкову)

[Пересказ «Травиаты»]:

...при всем том я вас очень люблю! Вот вам мой патрет на память, а я, между прочим, помереть должна...

(И.Горбунов, «Травиата. Рассказ купца»)

Зима! Пейзанин, экстазуя,
Ренувелирует шоссе,
И лошадь, снежность ренифлюя,
Ягуарный делает эссе.

(Г.Е., Пародия на И.Северянина)

Бланшит вуаль солютидитный
В обскуре моря голубом...
Что шершит он в стране лонгитной,
Что обронил в краю родном?

*(Міхіх. Стихотворения Лермонтова.
Подражание новым поэтам)*

Солнце жаркое палит
Кафра, кафриху и кафрика.
Бур за камешком лежит.
Это – Африка.

(«Чукоккала». Федор Сологуб)

...сила не есть еще право, как сказано в римском праве.

(Л.Андреев, «Прекрасные сабинянки», I)

[Римлянин – о похищенных сабинянках]:

– Они все царапаются, как кошки! Я был в сотне сражений: меня били мечами, палками, камнями, стенами и воротами, но еще ни разу мне не было так скверно.

(Л.Андреев, «Прекрасные сабинянки», I)

Вампука (плачет):
Я плачу о зарытом
В песках здесь мертвец,
Я плачу об убитом
Безвременно отце!..

(М.Волконский, «Принцесса африканская»)

Эти духи могут свести с ума даже Эйфелеву башню.
На мужчин они действуют неотразимо.

(Н.Евреинов, «Кухня смеха»)

Троглодитов. Чиновника государственной служ-
бы так осрамить!.. Отечеству служил верой-правдой...
до геморроя дослужился...

(Н.Евреинов, «Кухня смеха»)

[Некоторые из пародий на стихи А.Ахматовой *Я на
правую руку надела / Перчатку с левой руки*] :

Только вздрогнула: – Милый! Милый!
О, господь мой, ты мне помоги!
И на правую руку стащила
Галошу с левой ноги.

(С.Малахов)

Стынут уста в немой улыбке.
Сон или явь? Христос помоги!
На ногу правую по ошибке,
Надела туфель с левой ноги.

(В.Зоргенфрей)

Но теперь, уступивши мужскому насилию,
Я скорблю глубоко!..
...Я на бледные ножки надела мантилью,
А на плечи – трико...

(Дон Аминадо)

Потом я чертил в тишине
По милому бюсту орнамент,
А Алла нагнулась ко мне:
«Большой ли у вас темперамент?»

(Саша Черный, «Прекрасный Иосиф»)

Дородный бык мычал в недоуменьи:
«Ярмо... Труд в поте морды... О Эдем...»
(Саша Черный, по: Еськова Н.А., «О языковой игре»)

Зачем я здесь, не там,
И так наалкоголен,
Что даже плыть неволен
По бешеным валам,
О белый Валаам,
К твоим грибам сушеным,
Зарям багряно-алым,
К твоим как бы лишенным
Как бы хвостов шакалам.

(Ил. Анненский, пародия на Бальмонта)

Сразу видно – нахал,
Сразу видно – скотина.
Но – изящный,
Но – вежливый,
Но никогда – чересчурю

(И. Северянин?)

Преемники Магомета назывались «халифами». Они
бывали и на час и на более продолжительный срок.

(О. Дымов, «Средние века»)

Они [германцы] одевались в звериные кожи, люби-
ли пить пиво и в мирное время, большей частью, не
воевали.

(О. Дымов, «Средние века»)

Когда вдали показывался какой-нибудь город, крес-
тоносцы спрашивали:

- Послушайте, это Иерусалим?
- Нет.
- Нет? А евреи в нем есть?
- Есть.

- А можно их перебить?
- Да сделайте ваше одолжение.

(О.Дымов, «Средние века»)

Генрих <саксонский король> отправился в кабинет папы. <...> В лютую зиму, в вьюгу и холод пришлось переправляться через Альпы – потому что кабинет папы находился по ту сторону Альп.

(О.Дымов, «Средние века»)

На небесах горят паникадила,
А снизу – тьма.
Ходила ты к нему, иль не ходила?
Скажи сама!
Но не дразни гиену подозренья,
Мышей тоски!
Не то, смотри, как леопарды мщенья
Острых клыки!
И не зови сову благоразумья
Ты в эту ночь!
Ослы терпенья и слоны раздумья
Бежали прочь.
Своей судьбы родила крокодила
Ты здесь сама.
Пусть в небесах горят паникадила, –
В могиле – тьма.

(Вл. Соловьев, пародия на декадентов и символистов, не брезговавших зоологическими метафорами, всякими *ослами терпенья*.)

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца...
Зачем Колумб Америку открыл?

(Н.Гумилев)

Новости техники. Вчера с конвейера Семеновского автозавода сошли три пьяных слесаря.

(Л.Измайлов)

На собрании сотрудников «Сатириконеа» кто-то уронил часы под стол... Красный (К.М.Антипов) серьезно дает рифмованный совет:

Теперь излишни ох и ах.

Но и дурак ведь каждый ведаёт:

Стоять возможно на часах,

Но *наступать* на них не следует.

[Петр Потемкин, поэт-«сатириконец», нацарапал на стене в ресторане «Вена»]:

В Вене – две девицы.

Veni, vidi, vici.

(Ю.Анненков, «Дневник моих встреч»)

ВО
|
Маяковский
тебе
не
икается
?
у
тебя
два
слова
на
строчку,
а
у
нас
уже

полагается
строчка
даже
на
точку.

(Г.Карейша, пародия на В.Маяковского)

Будет/ под / Маяковского делать.
Мокрые штанишки ручонками теребя,
Не ворота / мое / стопудовое тело!
Делай-/те / под / себя!

(М.Вольпин, пародия на В.Маяковского)

- Нет, простите! Наш долг был и есть – довести
страну до учредительного собрания!

Дворник, сидевший у ворот и слышавший эти горя-
чие слова <...>, горестно покачал головой:

- До чего в самом деле довели, сукины дети!

(И.Бунин, «Окаянные дни»)

А комендант сучара развалился в мягкой кресле и
языком ледве-ледве...

Мотнулись в порт.

Чур не хлопать. Ногой на суденышко – кока за сви-
сток, лапой в котел... Ну-ну. Охолостим бачка два,
штов пузяко трещало.

(Артем Веселый)

Вышел на арапа. Канает буржуй.

А по пузу – золотой бамбер.

- Мусью сколько время? Легко подхожу

Дззззызь промеж роги!! и амба!

(И.Сельвинский)

Девушка пела Шуберта,

Девушка пела Шумана...

Зачем производит шум она.
Когда не раскрыть и в шубе рта.
(И. Сельвинский, пародия на А. Блока)

Усадьба ночью, чингисхань!
Шумите, синие березы.
Заря ночная, заратустрь!
А небо синее, моцарть!
(В. Хлебников)

Верблюд угрюм, неразговорчив,
Стоит, насмешкой губы скорчив.
(В. Хлебников, «Хаджи-Тархан»)

К занятию Палестины англичанами

Сойнека жынэйра
Липитароза куба
Вейда лейдэ
Цюбэ
Тука стукá вэй
Ойок кйок Эбь
Хэпцуп
Уп
Пи
(И. Терентьев)

Умолкли все. И в мертвой тишине
Стучали слезы в грязные тарелки.
(«Чукоккала». Е. Шварц)

Корнею Чуковскому
Корней! Зачем Вам фидлереть?
Вы проживете жизнь, корнея;
Корнеть, корнеть, всегда корнеть –
Судьба несчастная Корнея!

[Городецкий продолжает обыгрывание фамилий и имен, начатое раньше образованием от фамилии Фидлер глагола *фидлереть* (собирать рукописи и портреты знаменитых людей).]

(«Чужоккала». С.Городецкий)

[Обращение В.Казина к поэту А.Крученых]:

Трудно нам одолевать
Кручи нэпа. Но круч оных,
Ну, не правда ли, Крученых,
Было нам не миновать.

(«Литературные шушу(т)ки». В.Казин)

Экспромт В.Казина на экспромт П.Орешина о Жице

П. О р е ш и н: У тебя, мой милый Жиц,

Не лицо, а много лиц.

В. К а з и н: Что за вздор, что много лиц –

Лишь всего *двуличен* Жиц!

(«Литературные шушу(т)ки»)

Хоть вы и Валтасар,
Хоть вы и Новуходоносор,
Но вы балда, сэр,
Вам в ухо дано, сэр!

(«Литературные шушу(т)ки». М.Светлов, С.Кирсанов)

**Отрывки из пародий, помещенных в сборнике
«Парнас дыбом. Про козлов, собак и Веверлеев»**

Книгопродавец
Вам муза, вижу я, верна;
Вас балует и ублажает,
И, как примерная жена,
Стихи без устали рождает.

(«Разговор книгопродавца с поэтом»)

Одна в глуши лесов сосновых
Старушка дряхлая жила,
И другом дней своих суровых
Имела серого козла.

(«А.С.Пушкин»)

Смрад от козла пошел.
Пахкий, жеглый смрад. Заегозила старуха: «Ух, хорошо. Люблю».

(«Алексей Ремизов»)

Скрипела старуха,
телега словно
кха,
кхо
кхе
кхи.

Великолепно мною уловлены
старухины все грехи.

(«Владимир Маяковский»)

А в лесу думаете что? Волки, уй, какие волки! Серые, страшные, с зубами. Разве они имеют жалость к козленку? Ну, так они его таки да, съели».

(«Семен Юшкевич»)

Веверлей

Пошел купаться Веверлей,
оставив дома Доротею,
С собою пару пузырей
берет он, плавать не умея.

И он нырнул, как только мог,
нырнул он прямо с головою,
Но голова тяжеле ног,
она осталась под водою.

Жена, узнав про ту беду,
удостовериться хотела,
Но ноги милого в пруду
она узрев, окаменела.
Прошли века; и пруд заглох,
и поросли травой аллеи,
но всё торчит там пара ног
и остов бедной Доротеи.

Царь всех царей земных, властитель Веверлей,
торжественно грядет к священному Мериду.
Царь плавать не умел. И пару пузырей
дает ему с собой владычица Изидида...

(«Валерий Брюсов»)

...там каждый вечер в час назначенный
среди тревожащих аллей
со станом, пузырями схваченным,
идет купаться Веверлей...

(«Александр Блок»)

Всё как прежде: небо лилово,
те же травы на той же земле,
и сама я не стала новой,
но ушел от меня Веверлей...

(«Анна Ахматова»)

Вы заплесневели,
как какая-то Балаклея,
о, чтобы вас разорвало,
чтоб!
А я лучше буду
кричать про Веверлея,
и про то,
как он утоп.

(«Владимир Маяковский»)

Если вы спросите меня: «Как поживаете?», вынужден ответить: «Ничего себе!.. Все финотделу».

(«Чужоккала». Ст. Надежди)

Однажды я вернулся домой и застал своих родных в панике. Судорожные звонки в неотложку. Шурик выпил чернила.

– Ты действительно выпил чернила? – спросил я.

Шурик торжественно показал мне фиолетовый язык.

– Глупо, если пьешь чернила, надо закусывать промокашкой...

(М.Светлов, по: Лук 1977)

[Разговор Михаила Светлова с вахтером Дома литераторов]:

Вахтер: – Член дома?

Светлов: – Нет, с собой.

Михаил Светлов – случайному собеседнику в кафе, который стал звать его Мишей:

– Ну, что за церемонии! Зовите меня просто: Михаил Аркадьевич.

Первую рюмку хватаешь ты, вторая тебя хватает.

(В.Катаев, «Золотое детство»)

[Отрывок из произведения писателя Ниагарова]:

Митька стоял на вахте. Вахта была в общем паршивенькая, однако, выкрашенная свежей масляной краской, она производила приятное впечатление. Мертвая зыб свистела в снастях среднего компаса. Большой красивый румб блистал на солнце медными частями. Митька, этот старый морской волк, поко-

вырвал бушпритом в зубах и весело крикнул: «Кубрик!»

(В. Катаев, «Мой друг Ниагаров»)

[Директор театра – автору пьесы]:

«Почему бы вам не сделать положительную девушку метростроевкой?» – «К сожалению, нельзя. Она у меня уже вузовка». – «Простите за нескромный вопрос: какого вуза?» – «Медичка. На доктора учится».

(В. Катаев, «Парадокс»)

... запел тонким голосом французскую песню, что он – ран-рон – нашел в лесу девицу и стал ее щекотать, всё дальше и больше, а потом ее и совсем ран-рон.

(Ю. Тынянов, «Восковая персона»)

Оставил Пушкин оду «Вольность»,
А Гоголь натянул нам «Нос»,
Тургенев написал «Довольно»,
А Маяковский «Хорошо-с».

(Ю. Тынянов)

[Записка В. Каверина К. Чуковскому на II Всесоюзном съезде писателей]:

Спасибо, дорогой Корней Иванович, за прекрасное выступление, украсившее наш всесоюзный второй кто-кого съест!

(«Чужкокала»)

Один из посетителей Горького в последние годы его жизни спросил его, как бы он определил время, прожитое им в Советской России?

Максим Горький ответил:

– Максимально горьким.

(Ю. Анненков, «Дневник моих встреч»)

Набирался ума-разума
И скончался от маразма!

(«Литературные шушу(т)ки». Ю.Олеша)

Кошка шлепнулась, как сырое тесто.

(Ю.Олеша, «Три толстяка», 1)

«Он мною живет, как червь яблочком» (слова Ю.Олеша, сказанные им об одном пародисте) [Рус. лит. XX в.: 357].

Я сижу и охаю...
Та ли я? Не та ли?
Мажет солнце охрою
Все мои детали...

(Литературные шушу(т)ки. Ю.Олеша)

Страшно жить на этом свете:
В нем отсутствует уют.

< ... >

Лев рычит во мраке ночи,
Кошка воеет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.

(Н.Олейников)

Неприятно в океане
Почему-либо тонуть.
Рыбки плавают в кармане,
Впереди – неясен путь.

(Н.Олейников)

Прямые лысые мужья
Сидят как выстрел из ружья.

(Н.Заболоцкий, «Свадьба»)

Однажды при-
Детишки бе-

В избушку жали,
«Плывет, смотри,
Мертвец к тебе!» –
Отцу сказали.

(М.Пустынин, пар. на С.Кирсанова)

Уважаемый старик
Был неистово велик,
Цель такого старика
Велика и широка!

(Н.Асеев, «Юбилейная шутка (о Л.Толстом)»)

Кости сбросивши с подушек,
Подставляй скорей под душ их!

(«Литературные шушу(т)ки». Н.Асеев)

И Боб <...>
С тактичной, хорошей
Соседскою лошадью
Встретился мордой к лицу.

*(В.Инбер, «О мальчишке с веснушками»,
по: Еськова Н.А., «О языковой игре»)*

Отсюда, из села «Малые трудодни», уходил он когда-то служить в армию.

(С.Лившин)

– О владыка! – ответил Ходжа Насреддин. – О свет нашей области, и солнце ее, и луна ее, и податель счастья и радости всему живущему в нашей области, выслушай своего презренного раба, недостойного даже зытирать своей бородой порог твоего дворца. <...> О мудрый эмир, о мудрейший из мудрых, о умудренный мудростью мудрых, о над мудрыми мудрый эмир!..

(Л.Соловьев, «Повесть о Ходже Насреддине»)

Облачившись в халат усердия и вооружившись по-
сохом терпения, мы посетили все эти места.

(Л. Соловьев, «Очарованный принц». Вступление)

Гюльджан вздохнула, на ее ресницах повисла сле-
за. Ходжа Насреддин понял: глина ее сердца размяг-
чена, – время вертеть гончарный круг своей хитрости
и лепить горшок замысла.

(Л. Соловьев, «Очарованный принц», 3)

...пастух, конечно, рассказал об этом лавочнику; тот
немедленно закрыл свою лавку и, приплясывая от не-
терпения, побежал в чайхану с горячим, обжигающим
язык и десны орехом новости во рту.

(Л. Соловьев, «Очарованный принц», 25)

Женщина судилась с Насреддином, утверждала, что
ее ребенок от Насреддина. Насреддин яростно отри-
цал это. Наконец судья спросил его: «Скажи только од-
но: спал ты с этой женщиной?» Насреддин ответил:
«Что вы, ваша милость, даже глаз не сомкнул».

Стакановец. [Вм. стахановец.]

– Хорошо положили, а? За полдня. Без подъемника,
без фуемника. <...>

Шесть их, девушек, в купе закрытом ехало, ленин-
градские студентки с практики. На столике у них мас-
лице да фуяслице, плащи на крючках покачиваются,
чемоданчики в чехолках...

(А. Солженицын, «Один день Ивана Денисовича»)

[О стихах Хлебникова]:

А что касается до смысла –

Он вообще куда-то смылся.

(А. Арго)

Осторожность – дело хорошее,
Только надо с ней осторожнее.

(К. Симонов, по: Земская 1959)

Ах, у Веры, ах, у Инбер
Что за щечки, что за лоб!
Всё глядел бы, всё глядел бы
На нее б.

(К. Симонов?)

[Запись в «Чукоккале» по поводу выступлений на съезде писателей Федора Гладкова и Михаила Шолохова]:

Вначале съезд шел довольно гладковато, а потом пошел шолоховато.

Пусть ты черт.
Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

(А. Твардовский, «Василий Теркин»)

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен.

(А. Твардовский, «Василий Теркин»)

[Обыгрывается известный штамп военных годов: *Противник был частично истреблен, частично рассеян.*]

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы – не померем,
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали – всё вернем.

(А. Твардовский, «Василий Теркин»)

...твой Чехов [рассказ о Чехове В.Конецкого], зану-
да, ...под сомнением <...>. Слишком нету своего взгля-
да на этого *хмурого* представителя *светлой* литературы.
(Ю.Казаков – В.Конецкому, 23/IX-1959 г.)

...за десять дней написал очерк про Закопане <...> и
рассказ. Рассказ небольшой, но препоганый.
(Ю.Казаков – В.Конецкому, 18 мар. 1962).

...застаю за секретарским столиком кудреватую де-
вицу выше-среднего возраста.
(Л.Леонов, «Русский лес», 10; по: Земская 1959).

Ардальон Панкратьевич (нос свеклой, глаза – туск-
лые) вошел в палату и (кислым голосом):

– Мать, поднеси чарочку.

Ардальоновы девы всполохнулись, закивали тулови-
щами, учиняли политес с конверсационом:

– Пуркуа, фатер, спозаранку водку хлещете?

– Цыц, кобылица! Я те плетку-та! (Это – старшей
Степаниде, широкозадой бабище.)

Взревел. Выпил. Поскреб под мышками.

(А.Флит, пародия на А.Толстого, по: Новиков 1989)

Он сидел в пятом углу.

– Каково вам? – спросил я.

– Никаково, – сказал он.

– Ну, а все-таки, каково? – спросил я. <...>

– Никаково, – сказал он, – мне никаково...

(В.Голявкин, по: Новиков 1989)

[О «Правилах пользования лифтом»]: Запрещалось
<...> всем без исключения производить шалости, зани-
маться сном и совершать подпрыгивания.

(А. и Б. Стругацкие, «Сказка о тройке»)

[Зам. директора по АХЧ]:

- У нас лозунг: лифт для всех. Невзирая на лица. Лифт должен выдерживать прямое попадание в кабину самого необученного академика.

(А. и Б. Стругацкие, «Сказка о тройке»)

...дверь распахнулась, движимая властной рукой, и в комнате появилась Тройка в полном составе – все четверо.

(А. и Б. Стругацкие, «Сказка о тройке»)

[Из записок школьника]: Судьбе было угодно, чтобы я родился в семье инженерно-технического работника, в самом начале второй половины нашего века. <...> Родители наши сумели дать своим детям хорошее образование: Костя <...> студент, и я тоже учусь.

(А.Алексин, «Очень страшная история»)

Режиссер долго ко мне присматривался и вдруг сказал: «Из вас, по моему, выйдет незаурядный подлец». И вот – роль моя.

(А.Вампилов, «Успех»)

Паровоз и проводница взвыли одновременно.

(Н.В.Думбазде, по: Береговская 1984)

Замечено, что грудь у кормящей матери, как правило, находится спереди. Ввиду этого рекомендуется сделать у блузки в соответствующем месте застёжки. Посредством расстегивания последних облегчается доступ молока потребителю.

(Н.Ильина, пародия на «полезные советы» в женских журналах, по: Новиков 1989)

Из быта переводчиков
 На чистый глядя небосвод,
 Он тронул друга за манишку:

- Ну как твой новый перевод?
- В порядке! Послан на сберкнижку.
(С.Васильев)

Два вопроса, два ответа
(Григорий Рыклин)

- Ну, как вам Рыклин?
 - Что ж, читаем...
 - Смеетесь после?
 - После? Да!
- Мы после Рыклина за чаем
Читаем Чехова всегда.

(С.Васильев)

[О деятельности шпионки *Порция Уиски* в СССР]:
Подрывную работу среди творческой интеллигенции Порция Уиски вела в постели. В промежутках между поцелуями она успевала подсказать молодому поэту сомнительную рифму, уговорить художника писать не маслом, а маргарином, композитора – сочинять музыку только в тональности «ми минор».

(С.Васильев, «Чего же ты хочешь?»; пародия на роман В.Кочетова «Чего же ты хочешь?»)

После обеда у нас мертвый час... или два.

(С.Альтов, «Мир дому твоему»)

Налицо вымогательство, порочащее и без того высокое звание советского официанта.

(С.Альтов, «Мир дому твоему»)

Впрочем, Серапионовы Братья – вовсе не братья: отцы у них разные, и это никакая не школа и не направление: какое же направление, когда одни правят на восток, а другие на запад?

(Ю.Замятин, по: Ю.Анненков, «Дневник моих встреч»)

Трагедия одного эпика

Он любит большие калибры,
А сам не крупнее колибри.

(С.Швецов)

Верное средство

В ателье немало брака,
Он исчез бы весь, однако,
Если б каждый бракодел
Сам себя в свой брак одел.

(С.Швецов)

Всех удивляют обычаи странные,
Дикие методы критики нашей:
Одних она кормит кашею манною,
Других – березовой кашей!

(С.Швецов)

Идеальный писатель

В его трудах нас всё пленило:
Бумага, почерк и чернила!

(С.Швецов)

Руководил –
Рукой водил:
Мол,
«Мы – умы,
А вы – увы!»

(С.Смирнов)

Призналась Мышь:
– Люблю тебя, Крупа, –
К тебе
не зарастет
моя тропа!

(С.Смирнов)

Из кожи
Лезет вобла:
– Я раньше
 тоже
Во! – была!..

(С. Смирнов)

И не то чтобы в Бразилии «маде»,
А написано ж внизу на наклейке,
Что, мол, «маде» в СССР, в маринаде,
В Ленинграде, рупь четыре копейки!
(А. Галич, «О том, как Клим Петрович восстал...»)

В. Пьецух
«История города Глупова
в новые и новейшие времена»

Редактор: – Дай вам, сочинителям, волю, вы, пожалуй, таких гадостей понапишете, что государственность может рухнуть. Ведь вы какой народ: в каждый горшок норовите плюнуть...

[Комиссар Стрункин]: – Кто был ничем, тот станет всем – такая у нас программа.

На эти слова глуповцы призадумались, потому что они знали много таких сограждан, которым <...> было бы так ничем и остаться, которые если вдруг станут всем, то это избави бог.

– Что ты за принц такой, что тебе слова сказать нельзя? Или у тебя высокопоставленная родня?

– Родня у меня среднепоставленная, обыкновенная...

Вл. Волин в фельетоне под названием «И шестикрылый кое-кто» («Лит. газета», 1983 г.) пишет, как в книжке стихов А. Блока о русской природе, выпущен-

ной в свет издательством «Детская литература», в стихотворении «Летний вечер» «крамольное» слово *ангел* было заменено на *кто-то*:

*Свифель запела на мосту,
И яблоки в цвету,
И кто-то поднял в высоту
Звезду зеленую одну...*

Автор фельетона шутливо предлагает произвести сходные замены и в других случаях:

«Вот, к примеру, «Демон», адаптированный для малышей:

*«Печальный кто-то, дух изгнанья,
Летал над грешною землей...»*

Пушкинский «Пророк» для дошколят:

*«И шестикрылый коекто
На перепутье мне явился...»*

(Вл. Волин, по: Кузьмина 1989)

– Нет, нет, доктор, я скорее умру, чем соглашусь на операцию.

– Не беспокойтесь, мадам, одно не исключает другое.
(Б.Васильев, «Вы чье, старичье?»)

– Товарищ полковник! Товарищ генерал приказал долго жить!

– Выполняйте приказание!

(А.Ковалев)

Когда вокруг несут дичь – звереешь.

(А.Сегедюк)

На носу «Анны Карениной» развевался трехцветный российский флаг.

Изящная корма «Анны Карениной» колыгалась в волнах.

(И.Виноградский)

[В бывших республиках бывшего СССР вводят свои деньги]:

в Латвии – латы, в Литве – литы, в Мордовии – ...нет, не то, что вы подумали, а *личики*.

(И.Виноградский)

Жители Кривого Рога и Санкт-Петербурга – криво-рожцы и криворожицы, Санкт-петербуржцы и Санкт-петербуржуйки.

(И.Виноградский)

Люд, шедший мимо, был щупл, зябл, приезж.

(Саша Соколов, «Палисандрия»)

...инструмент непременно распахнут, расстроен иль по-рахмановски разбит. Не избегайте услуг настройщика, но прибегните к ним. Стремглав приведите себе на память, а то и сразу в гостиную, это невероятно взвинченное действующее лицо. То нередко студент всевозможных учебнейших заведений, но чаще – потенциальный студент. Выходя из дворян, хлопнул дверью и сделался разночинцем. Влюблен, недостаточен. Чахоточен и хаотичен.

(Саша Соколов, «Палисандрия»)

И граммофон наяривал за речкой,

И пахло репами, как жизнь тому назад.

(Саша Соколов, «Между собакой и волком»)

[Разговор любимого вождя диктатории Огогондия с народом]:

– Ну что вы заладили: «Браво, браво»? Так и зазнаться можно. А я такой же, как все. Равный среди Равных!

– Да здравствует Равный среди Равных! Сто тысяч лет жизни самому Равному! <...> Слава Равнейшему!

(В.Бахнов, «Как погасло солнце...»)

Гражданин Сидоров осужден на 15 суток за то, что после 11 вечера осквернял тишину песнями советских композиторов.

(Л.Измайлов)

Вот подходит недавно один:

- Слушай, ты не мог бы одолжить трешку?

- Мог бы, - говорю. И иду своей дорогой.

- Куда ты? - спрашивает.

- В булочную, - отвечаю.

- Мне трешка нужна, - говорит.

- Мне тоже, - говорю.

- Так ты не можешь одолжить, что ли? - спрашивает.

- Почему? Могу, - отвечаю.

- Так чего же не одалживаешь? - спрашивает.

- Так ты же не просишь, - отвечаю.

(М.Зубков)

Наш директор как бы ни был завален работой, ему всегда удается ее развалить.

(С.Мишулин, МК, 12 окт. 1998)

- Господи, когда уж ты сдашь эту свою ничертанепонимательную геометрию? [вм. начертательную] (по: Гридина 1996).

Застойные годы. Призывы на заводских плакатах:

Выпалним - перевыпалним... Догоним - перегоним... Сделаем - передделаем... Добьемся - перебьемся...

(Пантелеймон Корякин)

[Стихи начинающего поэта]:

Лети, голубь мира!

Лети, голубь мира!

Ни пуха тебе, ни пера!

(Е.Евтушенко)

Говорят, экспрезидент
Это бывший президент.
Говорят, эксчемпион,
Это бывший чемпион.
И выходит, что экспресс
Означает – бывший пресс.
И выходит, что экстракт
Означает – бывший тракт.
И выходит, что эксперт
Это некий бывший перт.
И выходит, что экстаз
Это просто старый таз.
Да-с!

(В.Рич, «Филологические стихи», по: Земская 1992)

Даже очень хорошая острота должна быть как шприц: одноразового пользования.

(Л.Лиходеев)

Кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево.

(Вл. Владим)

Евг. Сазонов – душелюб и людовед.

(Вл. Владим)

[Н.Ильина сердится на мужа, профессора А.А.Реформатского за его «прибеднения»]: «Хватит. Перестань. Типичный Фома Опискин!» Или: «Ну, опять начинается фомизм-опискизм!»

(Н.Ильина, «Реформатский»)

Радиоактивные соседи.

(Н.Еськова)

Своя бумажка ближе к делу.

[Вм.: Своя рубашка ближе к телу.]

(В.Меламед, по: Новиков 1989)

Глубинка

Хорошо тому, об ком
Позаботился обком!

(В.Берестов)

Туристские впечатления

Тяжко на Западе людям живется:
Все покупается, все продается!

(В.Берестов)

Не может быть
Надежной спайки,
Покуда есть
Пайки и пайки.

(В.Орлов)

Я – в пирожковую: «Дайте нам с другом
С мясом, с капустой, с повидлом и луком».
А иностранец по имени Билл
Был с нами рядом и всех удивил:
«Дайте, – сказал он, пожалуйста, с луком,
С мясом, с капустой, с повидлом и с другом...»
(А.Кушнер, по: Береговская 1984)

Пенсионерский возраст крут!
Мне за заслуги дали орден...
А дамы если и дают,
то исключительно по морде.

(В.Никифоров)

Реклама: «Покупайте самоучитель игры на нервах!»
(В.Лагунов)

Его нужно мести из Института каленой метлой.
[Контаминация из: каленым железом + грязной метлой]
(Л.Крысин)

Щихлебалка – лапоть (от фразеологизма *Лаптем щи хлебать* [«быть крайне необразованным, невежественным»]).

(«Бестолковый этимологический словарь», по: Гридина 1996)

Легендарный козовладелец с садистскими замашками – Сидор [ср. фразему *драть, как сидорову козу*].

(по: Гридина 1996)

Страдал манией преследования... других.

(Ю. Шагин)

– Не будем судить о моем голосе, – говорил певец.
Все согласились: – На нет и суда нет.

(М. Тенин)

И долго буду тем любезен я и этим...

(В. Вишневский)

О, оторви недвижимость от стула!..

(В. Вишневский)

Разве удержишь язык за зубами, если зубы уже на полке?

(А. Бакиев)

...снес яичко поросенок,
Снес его соседке,
Курочке-наседке.

(Яснов, по: Береговская 1984)

Совість заговорила в нем нахальным голосом.

(А. Крыжановский)

Снимем квартиру, джинсы, ондатровую шапку.

(А. Крыжановский, «Три холостяка»)

Еще чуть-чуть, Ленин и вправду окажется живее всех живых.

(А. Трушкин)

Человек... Чего добился? Добился, что его самого от окружающей среды спасти пора. В водоемах можно купаться? Нельзя. Полной грудью можно вдохнуть? Можно, но врачи не советуют.

(А. Трушкин)

У них: «Живи как хочешь».

У нас: «Как хочешь, так и живи».

(А. Трушкин)

Из обращения к народу: «ТовариЩИ!...»

(В. Сумбатов)

Талант, не зарывайся!

(К. Елисеев [по: Новиков 1989: 249])

[Оппоненту, во время ученого спора]:

- У нас с вами не разногласие, а разноглазие!

(А.А. Реформатский)

Жена моя шагала на выставку Шагала.

(А.А. Реформатский)

- Есть, тещь, вино?

- Естественно.

(А.А. Реформатский)

Переделки фамилий: *Смердюченко* (Сердюченко), *Бесстыжев-Рябкин* (Бестужев-Рюмин), *Подлянский* (Полянский).

(А.А. Реформатский)

Упавшего Поля Синьяка
В плечо укусила собака.
Укус и синяк –
Подумал Синьяк,
Довольно обидно, однако.
(О.Седакова, «Лимерики»)

Один из героев Лесажа
Становился все гаже и гаже;
Когда, наконец,
Его хлопнул подлец.
Отлегло на душе у Лесажа.
(О.Седакова, «Лимерики»)

Конец – телу венец.
(В.Лагунов)

Хренометр.
(В.Лагунов)

Формалист

Я в марте Марте поклонялся,
А в мае Майю полюбил.
В июле Юлии отдался,
Их август с Августой сменил.
Там Октябрина в октябре
Пересекла мой долгий путь...
Фу, вроде совпадения все...
До марта можно отдохнуть!..
(В.Лагунов)

Собакаляпсис (из: собака + апокалипсис)
(А.Вознесенский)

Стоял Январь, не то Февраль,
какой-то чертовый Зимарь.

(А.Вознесенский, *Песенка травести*
из спектакля «Антимиры»)

Нет женщин – есть антимужчины,
В лесах режут антимашины.

(А.Вознесенский, «Антимиры»)

[Ср. пародирование этих стихов Вознесенского пародистом А.Ивановым:

*Нас постоянно гложет страх
И аргумент волнует веский:
Что если вдруг в антимирах
Живет и Антивознесенский?]*

Все репутации подмочены.

Трещи,

Трехспальная кровать.

(А.Вознесенский, «Ода сплетникам»)

– Что это за стук в соседней комнате?

– Это моей сестре стукнуло 30 лет.

(Н.Сац)

– Я так долго живу, что еще помню порядочных людей.

(Ф.Раневская)

– Весь советский народ знает меня как исключительно порядочного, честного и скромного человека...

(Гейдар Алиев (президент Азербайджана), из речи 1992 г.)

[О К.И. Бабицком, который одним из первых использовал в лингвистике математическое понятие графа]:

До этого мужика настоящего графа в лингвистике не было.

[Перефразировка известного высказывания Ленина о Льве Толстом: «До этого графа настоящего мужика в литературе не было».]

(А.Жалковский)

Пока лечишь – покалечишь.

(С.Кузьмина)

Обувной магазин: «Испанский сапожок».

(С.Кузьмина).

...все ходят в передовиках, ватниках и сапогах.

(по: *Береговская 1984*)

[О сатирике М.Жванецком]:

Какой же он сатирик? Он сатир, сатирище!

(Алла Пугачева)

– Девочка, ты хочешь на дачу или чтобы тебе оторвали голову?

(К/ф «Подкидыш»)

Листая старые журналы

Из журнала «Искра» (1859–1873)

Когда, порок бичуя строго,
Нельзя уж оседлать людей,
Приятно с козел хоть немного
Побичевать и лошадей.

– ...а видели вы мою последнюю драму?

– Нет.

– Теперь ее давать уже больше не будут. Сами виноваты: прозевали.

– Да не все ли равно. Теперь я прозевал драму, а тогда прозевал бы в драме.

Развязных людей часто можно распознать по красиво завязанному галстуку.

– Я вижу каждый день вас с дочерью моей,
Усердно целый год вы дом наш посещали,
Жениться, что ли, вы желаете на ней,
Иль с целию другой? – С другой, вы отгадали!

Из журнала «Будильник» (1865–1871; 1873–1917)

– Не ссорься с женой, чтобы не умереть... от удара.

На улице:

– Пойдем за той маленькой брюнеткой. Интересно, уда это она нас доведет.

– Несомненно, до больших расходов.

Льет обросший камень
Слезы на песок
Ах, в один я вечер
От любви иссох.

Уж не лучше ль в воду
Броситься скорей,
Там не буду сохнуть,
Буду я... мокрей.

– Будь членом общества покровительства животных, но не покровительствуй всяким скотам.

Из журнала «Стрекоза»
(1875–1908)

Как подразделяются гости?

– На приятных, у которых можно занимать, и неприятных, которых надо занимать.

Да! прическа ваша – уж шедевр, конечно!
Коса бесподобна – это общий голос!
Но признаться должен вам чистосердечно:
Вашим волосам не верю ни на волос!

Вошел усоносец небрежно,
Сморкалище дланью утер,
На печеначальницу нежно
Затем устремил он свой взор.
Под действием этого взора
Она к водкодавцу пошла
И водковместилище скоро
Оттуда с собой принесла.
Селедку в восторге немало
Она подала с огурцом

И тыкало вместе с резалом

На стол положила потом...

(Далее – описание пиршества, которое, несмотря на идиллическое начало, окончилось весьма печально):

И печеначальница злости

Была равномерно полна –

И гостю погладила кости

Печным горшкодержцем она.

(Стихотворение Кифы Мокиевича)

Из журнала «Шут» (1878–1881)

Неожиданный диагноз

– Посмотрите, доктор, что за здоровяк мой сынишка!

– Ему бы надо чаще брать ванны!

– Отчего? Разве он болен?

– Нет, он грязен!..

Верх учености – съесть на каком-нибудь предмете настоящую собаку с шерстью.

Воспоминание

Я в лодке сидел над рекою;

Качалась на круче сосна,

Качались ракиты порою,

Качалась на речке луна.

<...>

Качались тени ночные,

Качалась под лодкой вода.

И я до зеленого змия

В ладье накачался тогда!

Краткий роман
Встреча. Поцелуй.
Свидетели. Мамаша.

«Исайя Ликуй!»
И... заварилась каша...

Лишь горелки привлекли
Взоры жителей столицы:
Чуть касаясь земли
Пробежали две девицы.
«Знаешь, что я предложу?
Дернем ставку небольшую –
Я за рыжую держу».
– Ну, а я за... вороную.

Из журнала «Осколки»
(1881–1916)

Можно удивляться обилию воды в иностранных винах Братьев Елисеевых; но удивляться водянистости «Гражданина» странно.

Можно удивляться пустоте Путиловского порта, но удивляться пустоте модного франта – более чем странно.

Муж в редакции строчит
Обличения за плату,
А жена ему строчит
На локтях заплату.

По Вознесенскому проспекту,
Глядя на дев,
Я шел, для пущего эффекту
Пенсне надев.
Вдруг замечаю я, что слева –
Издалека,
Летит ко мне, пылая, дева
Лет сорока!

Лучше быть немножко сытым,
 Чем голодным, аки пёс;
 Лучше быть слегка побитым,
 Чем совсем утратить нос.
 Пузыри – хотя бычачьи –
 Лучше мыльных пузырей;
 Ласки, нежности телячьи –
 Лучше пламенных страстей.

Из журнала «Сатирикон»
 (1908–1914)

Нет такого слабого человека, который не был бы в состоянии перенести чужого несчастья.

Не так поняла

- Ты что это там, Маничка, так громко читаешь!?
- Историю, мама.
- Так читай про себя.
- Да в Истории, мамочка, про меня ничего не написано.

– Эй, Кузьма! Прикажи кучеру заложить лошадей!

– Гы! Да нешто, барин, их примут в заклад в ломбарде?..

Извозчика нанимает старая, безобразная дева...

– А что, милый, лошадь у тебя не пугливая?

– Нет, барыня... Садитесь! Она ведь назад не оглядывается.

– Эх, кабы не статья об оскорблении словами, обозвал бы я вас мерзавцем и подлецом!

– Отсиживать не нравится? Хо-хо!

– Конечно, скажешь вам: «Вы – прохвост и каналья», а потом и сиди!

Гость. – Ах, какой милый ребенок, ваше дитя... – а в котором часу его укладывают спать?

- Моя кузина вчера разрешилась от бремени.
- Мальчиком или девочкой?
- Да... что-то в этом роде.

– Эх вы, залетные! – сказал по привычке ящик, обдирая с издохшей лошади шкуру.

В редакции:

- Так это вы написали эти стихи: «Я помню чудное мгновенье»?
- Да. Я-с.
- Очень рад познакомиться. Василий! Стул господину Пушкину!

В Варшавском университете (факт). На экзамене профессор анатомии спрашивает студента: «Где помещается сердце?» – «В грудной клетке». – «Нет!» – «На диафрагме». – «Нет!» – «Другого ответа не знаю». Профессор поясняет: «Сердце помещается в сердечной сумке». Студент (нервно): «Позвольте, г. профессор, если меня спросят, где вы, г. профессор, находитесь теперь, – то как, по-вашему, я должен ответить: «в своем кабинете» или – «в своих штанах?»

– Какой здесь прелестный уголок! Вообще, я от природы без ума.

– Я и раньше замечала, что вы без ума *от природы*.

- Где твоя жена?
- Ты спрашиваешь про Аярову или Гридину?
- Про Ковровскую.

- Не знаю, что с ней. Позавчера в 7 с половиной вечера жила еще с Zenитовым.

Заря подобна прилежному ученику: она каждое утро занимается.

- Скажите, егерь, я убил зайца?

- Никак нет-с, ваше превосходительство изволили его помиловать.

Офицер. - Перед тобой север, справа - восток, слева - запад. Что сзади тебя?

Новобранец. - Ранец, ваше-скорodie!

- Что это у тебя с рукой?

- Пустяки, вчера, когда я домой возвращался, какой-то пьяница мне на руку наступил.

Объявление. Выводим пятна и клиентов из себя.

Лучше заложить старую лошадь в маленькую повозку, чем новые часы в большой ломбард.

Хирург

- Помогите бедному отставному фельдшеру, потевшему месту за неудачное вскрытие.

- За какое вскрытие?

- Больничной кружки...

- Неужели он не понимает, что тебе нужны деньги?

- Да я ему уже пробовала намекать... Спрашиваю: читали вы роман Золя «Деньги»? А он мне говорит: Нет, но я теперь читаю книгу «Бережливость» Смайльса!

- Скажите, третью Думу не разгоняли?
– Нет... Но и первые две *не раз гоняли*.

[Письмо, сопровождающее рукопись]:

- «Посылаю я стишки... Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Не пригодятся ли?»

А.Аверченко отвечает: «С благодарностью жмем вашу клешню, но стишки не подойдут».

(Почтовый ящик «Сатификона»)

Элегия

Взбираюсь на мыс ли,
Пью ль воду, кумыс ли –
Заветные мысли
Лелею в мозгу...
Сижу ль на полене –
Скучаю по Лене,
Письма же – по лени –
Писать не могу!..

В ресторане

Л а к е й. – Какой крепости чаю прикажете?
П о с е т и т е л ь. – Только не петропавловской!
Г о л о с с д р у г о г о с т о л а. – И не шлиссель-
бургской...

[Пасхальные поздравления]:

- Христос Воскресе! <...> Поцелуемся.
– А вы мне не откусите носа?
– Не беспокойтесь! Вы останетесь с носом.

«Маркиза... верьте, люблю до смерти
И после даже!»

<...>

Так пышным слогом об очень многом
Сказать он хочет...
А вещий месяц дерзким рогом
Рога пророчит.

- Ваша жена ревнивая?
- О, нет. Совсем почти не больно!

Отрывок одной лекции

...Запорожцы, по Гоголю, были очень чадолюбивы. Так, напр., Тарас Бульба не расставался с люлькой (в которой было, очевидно, дитя) и во время битвы. Последняя битва с поляками была для него роковой, потому что, потеряв люльку с ребенком, он хотел ее найти...

Актер. Слушайте, режиссер! Во втором акте мне нужно по пьесе пить вино. Так поставьте не чаю, а настоящего вина!

Режиссер. Можно. А в четвертом – вы должны отравиться. Так уж я и яду вам настоящего дам.

- Моя последняя повесть наделала шуму...
- Ну?!
- Ей-богу. Когда я принес рукопись в редакцию, редактор прочел ее, закричал, ударил меня стулом, а потом выбросил из окна.

- Что это у тебя голова завязана?
- Да вчера мы пили, ну... и вино ударило мне в голову.
- Неужели до такой степени ударило.
- Да... Вместе с бутылкой.

- Много у вас в городке жуликов?
- Не знаю... До вашего приезда я не видывал ни одного.

- Знаешь, женщины красивой мужчин.
- Естественно!
- Нет, искусственно.

Кто старое помянет, того историком назовут.

Верно, что и курица пьет, но кто видел ее пьяной?!

Молодость теряет голову, старость – только волосы...

Любительница точных выражений

- Приезжаю это я к ней и застаю, в чем мать родила...
- Голую?!
- Нет, одетую. Но в постели.

К даме, только что в третий раз овдовевшей, входит лакей и спрашивает: «Где поставить катафалк?». Дама (после минутного размышления): «Ах, да как обычно, в темный зал».

Пушкинианец

О н: – Позвольте мне высказать мое чувство к вам в стихах: «Люблю тебя, Петра творенье...»

О н а: – Какое же это имеет ко мне отношение?..

О н: – Как же-с! Вас ведь Марьей Петровной зовут-с!

И с одним пером можно быть важной птицей.

Любезник

Б у ф е т ч и ц а. – А ребрышки вы любите?

– Адамовы-с, сударыня, адамовы. Хе-хе!

Подпись к фотомонтажу, изображавшему С.В.Рах-манинова:

Руками громы извлекаю,
Ногой педали нажимаю,
Я – Рах! Я – Ма! Я – Ни! Я – Нов!

Что посеешь, то и пожнешь. (Этим доказывается пустота и бессмысленность хлебопашеского занятия.)

[В школе]: – А как ты объяснишь выражение: «в поте лица твоего есть хлеб твой?»

– Это значит – есть хлеб до тех пор, пока не прошибет пот!..

– Петров, сколько было в Греции муз?

– Девять, господин учитель.

– Так, а перечислить можешь?

– Могу. Первая, господин учитель, вторая, третья, четвертая...

Из журнала «Новый сатирикон» (1913–1917)

Лучше заложить галстук, чем – за галстук.

Вчера курица снесла маме яйцо, а папе ветер – шляпу.

7 раз примерь, а покупай лишь то, что действительно хорошо.

– Знаете, вы иногда бываете человеком, из ряду вон выходящим!

Молодой человек (расплывшись в довольную улыбку): – Да? Мерси... Когда же это?

– Да вот в театре, например, – когда не на свое место без билета усядетесь.

– С тех пор как запретили объявления о натурщицах, я сдаю туда такое объявление: «Блондинка роскошного телосложения предлагает карборунд, листовую сталь и фрезерные станки».

Г р а б и т е л ь (забравшийся в портретную галерею замка):

– Вот разница между мною и аристократами: их предков повесили всех в одном месте, а моих предков вешали в разных местах.

Заботясь о чистоте не только внешних покровов, но и внутренних частей тела – мы перемываем даже косточки.

Истинный шик

О н а: – Ну, как прошла в театре твоя новая пьеса?

О н: – О! С шиком.

О н а: – Так, так. И много шикали?

– Петров! Знаешь «Полтаву» Пушкина?

– Знаю...

– Скажи, чем занимался Кочубей в тюрьме?

– Рыбной ловлей.

– ?!!

– Да... Там еще Орлик, когда приходит к нему в тюрьму, то говорит: «Старик! Оставь пустые бредни...»

Кременчуг. Товариществом артистов будет поставлена пьеса «Отелло» Вильяма Шекспира, любимца кременчугской публики.

Тоже авиаторша

– Ты когда-нибудь поднималась с авиатором?

– Да, позавчера. На лифте – потому что его квартира в четвертом этаже.

Семья и школа

– Ну-с, госпожа Петрова, примемся теперь за разбор этого предложения.

– Не могу!

- Это почему уже?
- А потому, что татапа приказала нам принимать предложения без разбора.

Красное словцо

Одного литератора-юмориста друзья очень упрекали за то, что присутствовал на похоронах реакционного журналиста, принесшего в своей жизни очень много зла.

- Зачем вы туда потащились? - спрашивали юмориста <...>.

- Зато теперя я знаю, где именно *закрыта собака!*

«Кася повесила скворца в комнату профессора. Каждый вечер она подставляла к нему стул и влезала на него». Господи помилуй - на кого?! На скворца, на стул или на профессора?

Редактор: - Эту статью не пропустят в цензуре.

- Что вы, Бог с вами! Цензуры ведь больше нет.

- Вот именно поэтому и не пропустят: некому пропустить.

Старый стрелочник, на переезде которого ночью произошла авария, стоял на своем: он клянется, что размахивал фонарем, как положено по инструкции. В конце концов его оправдали. Адвокат удивляется его спокойствию во время суда: «Неужели вы совсем не волновались?» - «Еще как, сэр! Я думал, что мне ответить, если меня спросят, был ли зажжен фонарь».

Один человек сильно обжег руки в автомобильной катастрофе. В больничной палате, наблюдая, как сестра делает ему перевязку, он спросил доктора: «Когда повязки снимут, смогу я играть на пианино?» - «Думаю, что да», - кивнул доктор. «Ну и чудеса, доктор! А раньше я не играл!»

Светская женщина

– Терпеть не могу мужчин и собак: от них потом детей и блох не оберешься!..

Острая на язык одна придворная дама так заметила увивавшемуся за ней в машкераде графу д'Артишок-Ливорнеде:

– Ах, достолюбезный граф!.. примечаю я, что вы напоминаете собою принесенные вами розы...

То расцветший от тех слов д'Артишок вскричал:

– О, достоин ли я слов сих?!

– Достойны, – отвечала та дама. – Потолику и вы также, как сии розы, – очень распуститься изволили!

– Странные вы господа, националисты: хотите утереть нос и французам, и англичанам, а сами до сих пор сморкаетесь.

– Скажите, а у вас мальчишки на экзамене не теряются?

– Иногда теряются. Одного, например, три дня не могли найти.

[Разговор австро-венгерского и германского императоров]:

Ф р а н ц - И о с и ф: – Государь!! Вы ли?!!

В и л ь г е л ь м: – Еще не выли, но скоро, кажется, придется.

Из признаний неисправимого алкоголика

Спросили раз меня: – Вы любите ль «ханжу»? – Люблю, – я отвечал, – я вкус в ней нахожу.

[Обыгрывается многозначность слова «ханжа»: 1) китайская хлебная водка; 2) лицемер – ср. известное двустишие Козьмы Пруtkова:

«Вы любите ли сыр?» – спросили раз ханжу.

«Люблю, – он отвечал, – я вкус в нем нахожу».]

(по К.Пруткову)

Народу полезно знать, что знать бесполезна народу.

– Я ни разу не спала со своим мужем, пока мы не поженились, – доверительно сообщила женщина случайной знакомой. – А вы?

– Не знаю, право. А как его зовут?

– Кто это поклонился тебе сейчас?

– Мой поклонник... Представь себе, 65 лет – и ни одного седого волоса.

– Но ведь он совершенно лыс?!

– Я и говорю: ни одного седого волоса.

Женился вдовец на вдове. Оба имели детей. Потом у них родилось двое общих. Однажды в доме возник страшный шум.

– Жена, что там происходит?

– А то, что твои дети и мои детки бьют наших деточек!..

Начальник. Я с вами, любезнейший, больше служить не могу!..

Подчиненный. Но что же, ваше-ство, мы будем делать без вас?!.

Разговор следователя с обвиняемым:

– Так вы продолжаете настаивать на том, что вы литовец, потому что родились в Литве.

– Конечно!

– Так что же, по-вашему, если голубь родился в конюшне, то он – лошадь?

– Послушайте, что вы делаете?.. Здесь пить нельзя!
Выносите на улицу и пейте на здоровье.

– Милл... дарь... не могу...

– Почему?

– Принципиально не выношу спиртного!

– Вы за мировую войну?

– Нет, я просто за мировую!

Из журнала «Крокодил»

Житие одного молодого человека

«Всегда тянулся к свету...»

(на рисунке: Герой вывинчивает в подъезде лампочку)

«Ночи просиживал за классиками...»

(На рисунке: Ночь. Луна. Герой и его собутыльники
«содвигают стаканы» за памятником Пушкина.)

«Когда видел старших, снимал шапку».

(Герой снимает шапку с трепещущего старичка.)

«Дня не сидел без дела...»

(Герой, застенчиво потупившись, стоит перед сто-
лом следователя, поглаживающего папку с надписью:
«Дело №...»)

«И вообще далеко пошел».

(Герой под конвоем отправляется в места не столь
отдаленные.)

Отношение ревизора к делу было откровенно пред-
взяточным.

(По: Земская 1992)

Стоит ли есть посдом подчиненного, если его не переваривашь?

Перепалочный пункт.

Экскурсовод останавливается у огромной вольеры орла: – Внимание, граждане. Перед вами орел-стервятник. Питается исключительно стервами. Гражданочка, поберегитесь!..

После того, как Станецкий ударил меня в челюсть, у меня начался массовый падеж зубов.

(Из объяснительной записки)

Рина Зеленая изобрела прекрасное средство от бессонницы:

– Надо считать до трех. Максимум – до полчетвертого.

«Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо», – некогда сказал греческий поэт Менандр. <...> «Ничто чужое нам не чуждо», – расширили этот тезис большевики, когда проводили обобществление.

(Л.Лилов)

[Осужденному]: Не верти головой, не дергайся – уважай труд палача.

(Журн. «Соло»)

– Почему я больше не вижу с тобой ту очаровательную блондинку?

– Врач запретил мне с ней встречаться.

– Ты что, заболел?

– Нет, просто этот врач – ее муж.

(Журн. «Чаян»)

Из газет, радио, ТВ

Фильм – ужас

– Какой ужас! – сказал недавно знаменитый режиссер Альфред Хичкок, посмотрев последний фильм режиссера Николая Кошкина.

(«Лит. газета», 1989 г.)

С богатой добычей вернулся в родное стойбище охотник Черттезнаев. Каково же было удивление 60-летнего охотника, когда оказалось, что мех двух из убитых им лисиц – искусственный! Это уже не первый случай отстрела в Якутии лисиц с искусственным мехом.

(«Лит. газета», 13-я страница)

Пионерка спросила у Хрущева:

– Дяденька, правду папа сказал, что вы запустили не только спутник, но и сельское хозяйство?

– Передай своему папе, что я сажаю не только кукурузу.

(«Лит. газета», 1989)

Закончилась лекция «Есть ли жизнь на Марсе?»

– Вопросы будут? – спрашивает лектор.

– Скажите, а когда будет жизнь в Одессе?

(«Лит. газета», 1989)

Бабка шепчет: «Трава цветет волшебная, мать-и-матрица! Кто ее сорвет, тот, сказывают, большой научный вклад внесет». А Валерка мается: «Вдруг травка из Красной книги?» Но тут из чиста-полюшка вышла ему навстречу красна девица, Нюра-экологинюшка. «Не кручинься, Валера-свет, – говорит, – вот тебе лицензия на срыв травы в научных целях».

(«Лит. газета», 1985)

[Приказ, опубликованный «Лит. газетой» к дню 8 марта 1968 г., цитирую по: Земская 1992]:

ПРИКАЗ

В связи с наступлением 8 марта мужская часть администрации «Клуба ДС» постановляет:

поздравить

- а) *поэтесс*, б) *прозае*сс, в) *драматургесс*, г) *критикесс*, д) *очеркесс*, е) *переводесс*, ж) *фельетонесс*, з) *баснописцесс*, и) *юморесс*, к) *сатирикесс* и вообще всех женщин.

Администрация «Клуба ДС»

Реклама часов «Электроника»:

Эти часы вас не подводят, потому что вы их не подводите!

(«Юрмала», 14/VII-1988 г.)

Губенко провел пресс-конференцию. И журналистов.

(«Коммерсантъ», № 42, 1991 г.)

От секс-бомбы нужно прятаться в секс-убежище (КВН).

В е д у щ а я. Я предлагаю голосовать списком.

П о р о с е н о к Х р ю ш а. А я без писка.

(«Праздники детства», 3/IX-1989 г.)

Сейчас во всех колхозах формируются гурты бычков-кастратов для нагула. На днях их пригласили на бюро райкома КПСС для утверждения. Среди них и пожилые и молодые, коммунисты и беспартийные.

(«Вперед», орган Михайловского РК КПСС
Курской обл., 27 апр. 1961)

Письмо из Рязани в газету «Правда»: «Уважаемая редакция! Вы все время пишете, что в капиталистических странах люди недоедают. Так нельзя ли то, что они не доедают, прислать к нам в Рязань?».

Издrevле в месте сем жили славянские племена: кривичи, дреговичи, вятичи и рабиновичи.

(ТВ, 6 сент. 1997)

[Описание митинга]:

Люди братаются, сестрятся, матерятся...

(Радиопередача «740», 17/III-1992)

Если не успеваешь по математике, физике, химии, английскому, то успевай хотя бы пообедать.

(«С утра пораньше», 17/IX-1989 г.)

Мужчина – как клубок: когда женщина выпускает его из рук – он *распускается*, а когда забирает его в руки – он *сматывается*.

(«Вокруг смеха», 9/XI-1991 г.)

Женщина перед свадьбой говорит: «Ты мой», и только после свадьбы уточняет, что именно мыть.

(«Вокруг смеха», 9/XI-1991 г.)

Наконец поход окончен, едут [туристы] в электричке домой... А дома целую неделю отмываться, отсыпаться, отъедаться... и еще десять «от».

(«Комсомольская правда», по: Земская 1992)

Сегодня вечерней лошадейю я возвращаюсь в мою милую Одессу.

(К/ф «Неуловимые мстители»)

Разочарованная женщина – любовнику:

– Эй, ты, одноразовый шприц!

(К/ф «Устрицы из Лозанны»)

[Обыгрывание внутренней формы фамилий известных композиторов]:

Пообедал Сметаной, Мясковским с Хренниковым, запил Чайковским, и в животе у меня началось Пуччини, а потом и Паганини. Выбежал на Дворжак, пробежал Верстовского и устроившись на Глинке, сделал Бах.

В 60-е годы в стенгазете «Русист» Института русского языка АН СССР была помещена шутливая сценка, обыгрывающая фамилии сотрудников Института (точнее – внутреннюю форму этих фамилий):

– Что это ты сегодня такой не-Веселитский? Или Кручинина заела?

– Да вот, совсем я стал Голышенко. Беден, как монастырский Крысин. А ведь, такой был Добродомов! Панов Пановым, Баринов Бариновым!

– Эх, Касаткин! Плюнь ты на Морозову и, как Филин прокричит, надень Белошапкову на Шварцкопфа, запряги Коннову в Санникова, протруби в Трубачева и – Ходыкину, Ходакову, Ходарович!.. До самой Китайгородской! Там, говорят, все Багатовы: Соболевых – тьма-тьмуца, а Серебрянникова и Золотову Лопатыным гребут!

– Да, неплохо бы... Только вот не снесли бы Гловинскую Булатовой!..

[Начало коллективного рассказа подмосковных тристов, где все слова начинаются звуком с]:

Седые сосны сухо скрипели: «Сужин сын, сужин сын...». Саша скинул стоствалку со спины. «Сволочь!» – сказал старый сын. «Стрелять старого сыча!» – сообразил Саша. И т.д.

**Из старого
и современного
фольклора**

**Фольклорный
материал**
(пословицы, афоризмы, анекдоты)

Зашел в избу. Вижу: тесто бабу месит. Я усмехнулся, а тесту не понравилось.

Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.

Когда у кого заболит сердце и отяготеет утроба, и тому пристойные статьи:

Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелко-го вещного топу 13 золотников, светлого тележного скрипу 16 золотников, а принимать то всё по 3 дни не-етчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть три дни на морозе нагому, покрывшись от солнечного жар-кого луча неводными мережными крылами в однорядь.

(Лечебник XVIII в.)

*Из сборника пословиц П.Симони
(XVII в.)*

Мыло не мило, коли лицо сгнило.

Звал гостей, а накопил костей.

У Фили пили, да Филю же били.

Потчуют куму блинками, а Фому пинками.

То тебе не в чин, потому что ты Немчин.

У сыра дуба, у суха сука привязана сука.

Из сборника пословиц В.Даля

У кого колос, у того и голос.

Сегодня полковник, завтра покойник.

Были бы бумажки, будут и милашки.

Ни уса, ни бороды, ни сохи, ни бороны.

Брюхо-то есть, да нечего есть.

Наш Абросим есть не просит, а есть – не бросит.

Уж солнышко на ели, а мы еще не ели.

Быть было ненастью, да дождь помешал.

– Давно ль не видались? – Да как расстались.

Кабы знал, так бы ведал.

Сперва ты меня повози, а там я на тебе поезжу.

Ныне люди таковы: унеси что с чужого двора – вором назовут.

Последний год бедно живем, на будущий год побираться пойдем.

Что милее ста рублей? – Двести.

Исторические анекдоты

Из сборника «Л.Козлов. Музей остроумия»

Александр Македонский при осаде Лампсака увидел направлявшегося к нему его учителя Анаксимена, родившегося в этом городе и желавшего спасти родной город. Он тут же раздраженно предупредил: «На этот раз, наставник, я клянусь, что не выполню твоего требования». – «Хорошо, – сказал Анаксимен, – прошу тебя, разори Лампсак дотла!» И Александру, чтобы не прослыть клятвopеступником, пришлось отступить от города.

Во время Пелопонесской войны афиняне, уверенные в своем превосходстве, заявили в послании спартанскому полководцу Лисандру: «Если мы войдем в Спарту, то все предадим огню и крови», на что Лисандр ответил: «Если».

Актер Доминик, любимец Людовика XIV, был удостоен чести присутствовать при королевской трапезе. Король <...> указал лакею на одно из яств и велел: «Передайте это блюдо Доминику!» А блюдо, на котором было уложено кушанье, было великолепной работы, из вызолоченного серебра, и Доминик <...> быстро уточнил у короля:

- Вместе с куропатками, ваше величество?
- Вместе с куропатками! – рассмеялся король.

Бисмарк направил королю в подарок только что вышедшую свою книгу. Тот решил отблагодарить автора следующим оригинальным способом: в роскошную папку были вложены пачки банкнот, которым предшествовал титульный лист: «Сочинения короля Вильгельма».

Получив королевский «труд», канцлер написал в ответ: «Сочинения вашего величества весьма ценные. Жду следующего тома».

Самым ужасным преступлением при дворе прусского короля Фридриха II считалось опоздание на официальные приемы, чем Вольтер особенно грешил <...>. Когда однажды он появился в разгар какого-то званого обеда, король молча встал из-за стола и написал мелом на мраморной плите камина: «Вольтер – первый осел». Прочитав написанное, Вольтер дописал внизу: «Фридрих Второй».

Вольтер послал почитателю, преследовавшему его своими письмами, такую записку:

М.Г., я умер, и таким образом впредь уже не в состоянии отвечать на ваши письма.

Иноземный господин, навестив Вольтера в его замке в Ферне, был польщен оказанным ему приемом и вознамерился провести в этом восхитительном убежище несколько недель. «Месье, – со смехом сказал ему Вольтер, – вы, я вижу, изо всех сил не желаете походить на Дон-Кихота: тот принимал трактиры за замки, а вы принимаете замки за трактиры».

В веймарском парке критик, отрицательно относившийся к творчеству Гёте, демонстративно загородил дорогу поэту и гневно произнес:

– Я не уступаю глупцам!

– А я, наоборот, всегда это делаю, – спокойно ответил автор «Фауста» и вежливо сошел с тропинки.

Расскажите мне хотя бы пару случаев из биографии Джона Мильтона.

Студент. Пожалуйста: когда он женился, то написал «Потерянный рай», а когда его жена умерла – то «Возвращенный рай».

[Покупатель заказал художнику Уистлеру пейзаж с церковью]:

Покупатель заметил, что безлюдный пейзаж его угнетает. «Хотя бы пару человеческих фигур», – обратился он к мастеру. «Люди находятся на богослужении», – попытался уклониться Уистлер. «Хорошо. В таком случае я приобрету это полотно после того, как они выйдут из церкви».

Издатель «Энциклопедии» Панкук сконфуженно возражает против того, чтобы Дидро помогал ему одеваться: подобная услуга, мол, унижает такого известного человека. «Ничего, ничего, – успокоил его Дидро, – я не первый автор, который одевает издателя».

...один соляной пристав <...> писал в прошении: «Двадцать лет служил я при магазине с величайшим эгоизмом и прошу за это пенсии» (ошибка – вм.: с энтузиазмом).

П.А.Катенин, поэт и театральный деятель, был приглашен на репетицию спектакля, в котором дебютировал актер – протеже некоего петербургского мецената. Репетировалась сцена, в которой старая купчиха упрекает сына за увлечение картами.

– Не играй больше, прошу и заклиная тебя! – патетически восклицала актриса, обращаясь к дебютанту, довольно бледно выглядевшему <...>. – Не играй!..

– И я тоже прошу, – присоединился с места Катенин, – больше не играй!

Остановившись возле мужика, трудившегося в поле, граф стал рекомендовать ему всевозможные улучшения в хозяйстве.

- Ваше сиятельство, всё, что говорить изволили, напоминает мне молодость мою, когда я в Москве белокаменной царь-пушку поднимал.

- Как это поднимал? - изумился граф.

- Очень просто: поднимал, да не поднял.

Из сборника «Русский литературный анекдот»

[Шуту царя Петра I И.А. Балакиреву один из придворных задал вопрос]:

- Да знаешь ли ты, какой у персиян язык?

- И очень знаю, - отвечал Балакирев.

Все вельможи удивились. Даже и государь изумился. Но Балакирев то и твердит, что «знаю».

- Ну, а какой же он? - спросил шута Меншиков.

- Да такой красной, как у тебя, Алексаша, - отвечал шут.

Однажды Педрилло [придворный шут] был поколочен кадетами Сухопутного Шляхетного корпуса. Явившись с жалобой к директору этого корпуса барону Люберасу, Педрилло сказал ему: «Ваше Превосходительство! Меня обидели бездельники из этого дома, а ты, говорят, у них главный. Защити же и помилуй!»

Педрилло, прося герцога Бирона о пенсии за свою долгую службу, приводил в уважение, что ему нечего есть. Бирон назначил шуту пенсию в 200 рублей.

Спустя несколько времени шут опять явился к герцогу с просьбой о пенсии же.

- Как, разве тебе не назначена пенсия?

- Назначена, Ваша Светлость! и благодаря ей я имею, что есть.

Но теперь мне решительно нечего пить.
Герцог улыбнулся и снова наградил шута.

Педрилло спросил толстого немца-трактирщика: «Скажи-ка, любезный, сколько здесь, в Риге, свиней, не считая тебя?» Взбешенный немец замахнулся на Педрилло. – «Постой, братец, постой! Я виноват, ошибся. Хотел спросить: сколько здесь, в Риге, свиней с тобою!»

...какой-то придворный утверждал, что сам видал дважды при лунном свете человека без головы, который должен быть не что иное, как привидение одного зарезанного старика. «А я убежден, что этот человек без головы – просто ваша тень, господин гоф-юнкер» – сказал Педрилло.

Во время официальных торжеств некий оратор подошел к гробнице Петра Великого и, коснувшись её, воскликнул: «Восстань теперь, великий монарх, отечества нашего отец! Восстань теперь и воззри на любезное изобретение своё!». Среди общих слез и восторга Разумовский вызвал улыбку окружающих его, сказав им потихоньку: «Чего вин его кличе? Як встане, всем нам достанется».

Во время опасной болезни Канкрин герцог Лейхтенбергский, встретившись с Меншиковым, спросил его:

– Какие известия сегодня о здоровье Канкрин?

– Очень худые, – ответил Меншиков, – ему гораздо лучше.

Жена Д'Акосты была очень малого роста, и когда шута спрашивали, зачем он, будучи человек разумный,

взял за себя почти карлицу, то он отвечал:

– Признав нужным жениться, я заблагорассудил выбрать из зол, по крайней мере, меньшее.

При коронации Анны Иоанновны она, подойдя к князю Василию Лукичу Долгорукову, взяла его за нос («нос был большой, батюшка», – пояснял очевидец) и повела по Грановитой палате, а потом, остановясь, сказала:

«...вас семеро дураков собиралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню и чтоб духом твоим не пахло».

Дидро сказал однажды императрице Екатерине: «Иметь столицу на краю государства – всё равно, что держать сердце на ладони».

Адмирал В.Я. Чичагов на приеме у Екатерины II, описывая решающее сражение, увлекся, ругал трусов-шведов, обратившихся в бегство, причем употреблял весьма крепкие выражения. «Я их... я их...» – кричал адмирал. Вдруг старик опомнился, в ужасе вскочил с кресел, повалился перед императрицей... – Виноват, матушка, Ваше императорское Величество...» – «Ничего, – кратко сказала императрица, не дав заметить, что поняла непристойные выражения, – ничего, Василий Яковлевич, продолжайте; я ваших морских терминов не разумею».

В одном обществе очень пригоженькая девица сказала Кульковскому:

– Кажется, я вас где-то видела.

– Как же, сударыня! – тотчас отвечал Кульковский, – я там весьма часто бываю.

[Об известном фантазере графе Красинском.] Однажды занесся он в рассказе своем так далеко и так высоко, что не умея как выпутаться, сослался для дальнейших подробностей на Вылежинского, адъютанта своего, тут же находившегося. «Ничего сказать не могу (заметил тот): вы, граф, вероятно, забыли, что я был убит при самом начале сражения».

«Американец» Толстой говорит о С.П.Жихареве: «Кажется, он довольно смугл и черноволос, а в сравнении с душою его он покажется блондинкою».

На похоронах Н.А.Полевого, в церкви Николы Морского, Ф.В.Булгарин хотел было ухватиться за ручку гроба; присутствовавший при этом П.А.Каратыгин, оттолкнув его, сказал: – Уж ты его довольно поносил при жизни.

Неваховичи происхождения восточного <...>. Старший Невахович был чрезвычайно рассеян. Случилось ему обещать что-то Каратыгину, и так как он никогда не исполнял своих обещаний, то и на этот раз сделал то же...

При встрече с Каратыгиным он стал извиняться:

– Виноват, тысячу раз виноват. У меня такая плохая память... Я так рассеян...

– Как племя иудейское по лику земному... – докончил Каратыгин и ушел.

Не расслышав порядочно имени одного из представлявшихся дворян, обратился он [император Александр] к нему:

– Позвольте спросить, ваша фамилия?

– Осталась в деревне, Ваше Величество, – отвечает он, – но, если прикажете, сейчас пошлю за нею.

– Как это случилось? Ты никогда красавцем не был, а дочь у тебя такая красавица!

– Это бывает, – отвечал немедленно [Соллогуб]. – Попробуй-ка, женись! У тебя, может быть, будут очень умные дети.

N.N. говорит, что сочинения К. – недвижимое имущество его: никто не берет их в руки и не двигает с полок в книжных магазинах.

Из сборника «Энциклопедия весельчака», тт. I–IV

– «Данилыч, – спросил однажды Балакирев [шут] Меншикова <...> – знаешь ли ты, что колеса и судьи наши походят друг на друга?»

– «Как так? – спросили многие в один голос. – Ты что-то врешь!»

– «Нет, не вру: не подмажь-ка тех и других, то так закрипят, что заткнешь уши».

[А.П.Ермолов – военному врачу, домогавшемуся на граждения крестом]:

– Зачем, друг любезный, тебе этот крест, когда ты сам такой мастер оделять крестами других, с тою разницею, что твои кресты все на наших кладбищах!

Великий князь Константин Павлович, будучи наместником царства Польского, так часто слышал слово *пан*, что фамилии Панкратьев и Пантелеев понял как *пан Кратьев* и *пан Телеев*.

«Ну, что пруссаки?» – спросил однажды гуманный полковник молодого солдата, ему подчиненного <...> – «Ничто не помогает, ваше высокоблагородие, уж мы сыпали, сыпали персидского порошку, совсем одолели, мерзкие».

...гостям удобно было петь с Фигаро из оперы Россини: *Cito, cito, piano, piano* (то есть сыто, сыто, пьяно, пьяно).

Один из остроумнейших наших поэтов, говоря однажды о скупом богаче, сказал: «Богатство его приносит точно такую же пользу, какую бы приносило мне одеяло в три версты длиною. Я покрылся бы одним его уголком, а остальное лежало бы понапрасну.

Две особы вели между собою грамматический спор. Одна полагала, что правильнее сказать: налейте мне пить, а другая – дайте мне пить. «Как вы думаете об этом? – спросили они академика, – будьте судьей!» – «Вы обе не правы, потому что должны бы сказать: сведите на водопой».

Шалун, увидев человека, несшего прекрасные оленьи рога, которые он только что купил для выделки ручек для ножей, крикнул ему:

– «Мое почтение вашей супруге!»

В игре «Секретарь» задан был вопрос: «Что может быть неприятнее полученной пощечины?» – «Две», – сказано в ответ.

Одна разгульная барыня <...> вместе с взрослою и миловидною дочерью завели трактир, а чтобы дать публике понятие о двойном их промысле, наняли квартиру в большом доме и на углу повесили вывеску: «здесь обе | дают».

Возвращаясь с ловли лягушек, он [некий любитель поострить] спросил у часового: «Платят ли лягушки за вход?» – «Милостивый государь, лягушки не платят за вход, жабы тоже – проходите».

В одном нашем российском провинциальном городе, над магазином детских кроватей, была вывеска, изображавшая ребенка в люльке, под которой была подпись: «Сих дел мастер».

В одном семействе было три сестры – Роза, Маргарита и Гиацинта. У Софии Арну спросили мнение о них. «Ах, какой цветник!» – отвечала остроумная актриса.

Грек спорил с венецианцем о превосходстве национальностей. Грек в доказательство, что его нация превосходила все прочие, говорил, что все ученые и философы вышли из Греции. – «Это справедливо, – отвечал венецианец, – потому-то их там более и нет».

Генрих IV и Сюлли прогуливались по Монмартрским холмам. Поворотясь спиной, король смотрел между ног на Париж: «Посмотри, Сюлли, сколько домов рогоносцев!» Сюлли принял такое же положение и сказал: «Государь, я увидал Лувр!».

Мэр одного округа умер во время краткосрочной поездки в Париж и был там погребен, но любящие его жители округа поставили ему памятник, где была высечена надпись:

Здесь покоится бывший мэр округа господин Б., погребенный в Париже.

Альфред. Она спит! Как грациозно! Верно видит меня во сне.

Фанни (бредит). Альфред, милый Альфред, – не правда ли... ты не забудешь... к святкам... синюю бархатную мантилью!

За одним английским обедом часто пили, по обычаю, за здоровье дам.

М и л о р д Б. сказал: – «Я пью за прекрасный пол обоих полушарий».

– «А я, – возразил м а р к и з В., – пью за два полушария прекрасного пола».

Муж говорит своей жене: «По чести говоря, я думаю, что во всём нашем городе есть только один человек, которому не наставили рога». – «Кто же это?» – спросила жена. «Но, – возразил супруг, – ты его знаешь». – «Право, – отвечала жена, – сколько ни думаю, не могу догадаться».

Лондонский врач, доктор Жеб, получив от одного больного лорда две гинеи вместо ожидаемых трех, нарочно уронил обе гинеи. Их подняли и подали ему, но он продолжал шарить глазами по ковру и на вопрос лорда отвечал: «Я ищу третью гинею». Лорд понял намек и велел платить доктору по три гинеи.

*Из сборника «Справочник афоризмов
и изречений для школьников»*

Однажды Ксантиппа сперва разругала Сократа, а потом окатила его водой. «Так я и говорил, – сказал Сократ, – у Ксантиппы сперва гром, а потом дождь». Алкивиад твердил ему, что ругань Ксантиппы непереносима. – «А я к ней привык, как к вечному скрипу колеса».

(Сократ)

Ты в брак решил вступить, так знай как следует:
Большое будет благо, коль получишь ты
Лишь маленькое зло.

(Менандр)

Пользуйся ушами чаще, чем языком.

(Демонакт)

Аристиппа осуждали за то, что он живет с гетерой. «Но разве не все равно, – отвечал Аристипп, – занять ли такой дом, в котором жили многие, или такой, в котором никто не жил?» – «Все равно», – отвечал он. «И не все ли равно, плыть ли на корабле, где уже плавали тысячи людей, или где еще никто не плавал?» – «Конечно, все равно».

(Аристипп)

В собственность жизнь никому не дается, а только на время.

(Лукреций)

Лгут на тебя, будто ты волоса себе красишь, Никилла, Черными, как они есть, куплены в лавке они.

(Лукиллий)

Мед покупаешь ты с воском, румяна, и косы, и зубы. Стало б дешевле тебе сразу купить все лицо.

(Лукиллий)

Что ж сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый.
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.

(Анакреонт)

Конечно же, не правы лучшие из поэтов, постоянно твердящие о женщинах: «Вот слабый пол!» Как можно называть слабыми тех, кто ударами стремительных зрачков сражают даже Шакру и других богов!

(Бхартхари, инд. поэт VII в.)

Какис корабли безопаснес? – Вытащенные на берег.
(*Анахарсис, скиф. философ VI в. до н.э.*)

Скорей вина сюда! Теперь не время сну,
Я славить розами ланит хочу весну.
Но прежде Разуму, докучливому старцу,
Чтоб усыпить его, в лицо вином плесну.

(*Омар Хайям*)

Из сборника «Всемирное остроумие»

Какой-то философ, видя, как афинянин бьет своего раба, сказал про него: «Вот раб своего гнева бьет своего раба».

Македонский царь Архелай, как гласит предание, на вопрос одного славившегося своею несносною болтливостью брадобрея: как он прикажет себя выбрить? – отвечал: «Молча».

Угощая Цицерона за ужином, хозяин настойчиво обращал его внимание на качество вина, уверяя, что ему сорок лет. «Скажите, пожалуйста! – заметил Цицерон, – а оно выглядит таким молодым для своих лет!»

«Не надо терять надежды, – говорили Цицерону после того, как Помпей, сторонником которого он был, потерпел поражение, – у Помпея остается еще семь орлов (т.е. легионов, имеющих знаки с орлом)». – «Это бы кое-что значило, если бы мы сражались с воронами», – отвечал Цицерон.

Великий Конде, утомленный собеседником, постоянно говорившим о «господине своем отце» и о «госпоже своей матери», позвал своего лакея и сказал ему: «Господин мой лакей, скажите господину моему кучеру запрягать госпож моих лошадей в госпожу мою карету».

Сильно расстроив свое здоровье, Людовик XV однажды советовался со своим врачом Ламартиньером и, выслушав его, грустно заметил: «Вижу, что становлюсь стар, пора, видно, притормозить карету!» – «Лучше бы вовсе распрячь ее, государь!» – ответил врач.

Фридриху Великому приписывается (хотя иные и оспаривают его авторство) весьма нелюбезное слово относительно прекрасного пола: «Женщина, – будто бы говаривал он, – все равно что отбивная котлета: чем больше ее бить, тем она мягче!»

На вопрос какого-то любителя табачку, где Биевр берет такой славный табак, тот отвечал:

– Это вы берете, а я не беру, а покупаю!

[Один из директоров Конвента, Ревбель, спрашивает у Талейрана, министра иностранных дел]:

– Как идут внешние дела, гн министр?

– Да вкривь и вкось, как вы видите.

Ревбель был сильно кос.

Свирепый английский судья Джеффрис однажды, подняв трость, указывал на человека, который сидел перед ним на скамье подсудимых: «У конца моей трости сидит бестия и каналья, каких свет не видел».

– «У которого же конца, милорд?» – спросил подсудимый.

Когда министром финансов был назначен Брок, Меншиков сказал:

– Вот и ко Броку (к оброку) довелось прибегнуть; оплошали наши финансы.

Когда умер его старший брат, В.А.Каратыгин во время похорон, усиливаясь протискаться до гроба по-

койного, не утерпел и сказал каламбур: «Дайте мне, господа, добраться до братца!»

Старый генерал Шестаков <...>, не знавший в лицо императрицу Екатерину II, был впервые представлен ей. Екатерина долго милостиво с ним беседовала и, между прочим, в разговоре заметила, что совсем его до сих пор не знала. «Да и я, матушка-царица, не знал вас», – наивно и добродушно ответил старый воин. – «Ну, меня-то, бедную вдову, где же знать!» – со смехом сказала императрица.

Николай I подарил Клейнмихелю роскошную палку с рукоятью, усыпанную драгоценными камнями. Все, конечно, поздравляли его с монаршей милостью. Меншиков тоже поздравил, но нашел награду малою. «На месте государя, – говорил он, – я не пожалел бы для вас и ста палок».

Князь Горчаков, участвуя однажды в игре в вопросы, на заданный вопрос: «Что такое постель?» – отвечал: «Таблица умножения».

Желая подшутить над священником, один скептик обращается к нему: «У меня неразрешимая проблема, ваше преподобие. Никак не могу представить себе, как я буду надевать тунику через крылья, когда попаду в места вечного блаженства?» – «Это не ваша проблема. На вашем месте меня больше беспокоил бы вопрос, как нахлобучить шляпу на рога».

Кавалер, ведущий откровенную атаку на красавицу, для пущей убедительности вынимает монету в сорок франков и вставляет ее себе в глаз, на манер стеклышка. Дама, за которую он ухаживал, поняла его жест, но заметила: «Любовь, милостивый государь, не крива, а слепа» – намек на удвоение гонорара.

Из сборников «Анекдоты из жизни русских Императоров, Императриц и Великих Князей», «Исторические рассказы и анекдоты...», «Собрание анекдотов из жизни русских замечательных людей» и др.

[Император Николай I на смотре обратил внимание на правофлангового кадета.]

- Как твоя фамилия? – спросил он.
- Романов, Ваше Величество.
- Ты родственник мне? – пошутил Государь.
- Точно так, Ваше Величество <...> Ваше Величество – отец России, а я сын ее, – отвечал находчивый кадет.

И Государь изволил милостиво расцеловать своего находчивого внука.

[Об актере П.А.Каратыгине, славившемся своим остроумием]:

Раз на сцене император Николай Павлович разговаривал с Каратыгиным. Великий князь Михаил Павлович вставил свое острое слово (великий князь также отличался остроумием).

Государь сказал:

- Заметил, Каратыгин? Брат у тебя *хлеб отнимает*.
- Ничего, Ваше Величество, только бы *соль* при мне осталась, – ответил Каратыгин.

Говорят, что Нарышкин, умирая, произнес:

- Первый раз я отдаю долг – природе!

[Брюллов в мастерской рекомендует своего ученика Н.А.Рамазанова]:

- Рекомендую – пьяница.

Рамазанов, указывая на Брюллова, прехладнокровно ответил:

– А это – мой учитель.

Своему приятелю Никита Никитич [Всеволожский] телеграфировал в Светлое Христово Воскресение из своего Финляндского имения: «Христос Воскресе! Подробности письмом».

Некий композитор посвятил П.С.Федорову куплеты:

Что ты ходишь за мной,
Так уныло глядишь?
Ненавижу твой взор,
Ненавижу тебя!

Федоров сказал: «Я вам очень благодарен за музыку, а уж стихи-то вы могли бы посвятить кому-нибудь другому».

[На вопрос, что нового в Москве]:

– Ничего особенного. Ах нет! Виноват. Есть новинка. Все собаки в Москве разгуливают в намордниках [по распоряжению генерал-губернатора графа Закревского]; только *собаку Закревского* я видел без намордника.

N. Все же нельзя не удивляться изумительной деятельности его: посмотрите, сколько книг издал он в свет!

N. N. Нет, не издал в свет, а разве пустил по миру.

Приезжего итальянца спросили: «Что, по-вашему, должны выражать слова: любовь, дружба, друг?» – «Вероятно, что-нибудь жесткое, суровое, может быть, и бранное», – отвечал он. «А слово телятина?» – «О, нет сомнения, это слово ласковое, нежное, обращаемое к женщине».

Белла донна по-итальянски – красивая женщина, на всех же других языках – отравя.

Один француз пошутил: «Мрачное лицо у живого человека так же противоположественно, как улыбающееся у покойника».

N.N. говорит: «Я ничего не имел бы против музыки будущего, если не заставляли бы нас слушать ее в настоящем».

Кривой К. после долгого разговора с кривым О. сказал: «Я очень люблю беседовать с ним с глазу на глаз».

- Каким образом ушиблен у тебя, братец, глаз?
- Не образом, а подсвечником, за картами.

Рассказывают, что известный петербургский адвокат (Ф.Н.Плевако?) выступал в суде присяжных по делу об убийстве мальчика. Убийца (25-летний горбун) не отрицал, что он убил дразнившего его мальчика. И адвокат добился для убийцы оправдательного приговора! Свою речь он построил так. *«Господа! Господа! Господа! Господа!..»* – и так несколько минут. И реакция зала менялась – сначала легкое недоумение, потом смех, потом негодование, крики: *«Это издевательство! Вон!»* И тогда адвокат закончил свою речь: *«Так вот, господа. Вы пришли в бешенство оттого, что я две минуты повторил вежливое обращение к вам. А мой подзащитный 25 лет выслушивал, как ему кричали «Горбун!», без конца напоминая о его несчастье».*

При рассмотрении дела человека, зарезавшего свою жертву с целью ограбления, адвокат (Плевако?), с трудом сдерживая смех, сказал своему коллеге:

- Я подумал, что деньги подсудимому, действительно, нужны были *до зарезу!*

Современные афоризмы, пословицы

Афоризмы неизвестных авторов

Я глубоко уважаю этот анекдот за его почтенный возраст, но не в моих принципах смеяться над сединами.

Мы тоже не лыком шиты, не ломом подпоясаны, да и щи не лаптем хлебаем.

С пожилой собакой шел молодой мужчина.

Тряпка упала на пол и ну валяться!

Уехал поездом, вернулся ослом.

Самый сточный канал информации.

Лучше склероз, чем такая память! [Об обществе «Память».]

Моча – единственное на свете, о чем нельзя сказать, что это – говно.

Жизнь наша – как детская рубашка: коротка и оборвана.

Не бывает крепких напитков, бывают слабые головы.

Не душились сами – душили других!

Не человек красит яйца, а яйца красят человека.

Раньше носили платья до пола, а теперь – до признаков пола.

Танцы – это трение двух полов о третий.

Юбка с большим вырезом впереди – *«мужчинам не когда»*.

Прически: *«приходи ко мне в пещеру»* (пример А.Ф.Журавлева); *«Царь зверей»*; *«вшивый домик»*; *«вихри враждебные веют над нами»*; *«я у мамы дурочка»*; *«я упала с сеновала, тормозила головой»*.

Чтение – вот лучшее мучение.

Осип охрип, а Архип осип.

Вы – умы, а мы – увы!..

Что посмеешь, то и пожмешь.

Где бы ни работать, лишь бы не работать, а работать, не прикладая рук.

Назвался кой-чем – полезай кой-куда [шутливая переделка пословицы *Назвался груздем – полезай в кузов*].

Кочка зрения.

Повелителей не судят [вм. «победителей»].

Звание – сила.

Непокобелиная сучность марксизма [вм. «непоколебимая сучность»].

Спасите наши туши. Спасите наши уши [вм. «души»].

Битие определяет сознание [вм. «бытие»].

«Вася с зубами», «Вози зубами», «Вазис у бани», «Возись у бани» [шутливые переделки названия грузинского вина Вазисубани].

Разновидности бесов: *бессознательный* – «бес-активист»; *бес-порочный, бес-порядочный, бес-чувственный* (по: Гридина 1996).

Внуки не причина, чтобы мужчина чувствовал себя стариком. А вот сознание того, что он спит с бабушкой, вот это да!

«Стариками» можно называть друзей, родителей шэфов, детей. Например, жену: «Старик, ты уже давала грудь Алешке?»

Мне глубоко наплевать [из: *Мне наплевать + Мне глубоко безразлично*].

Что в вымени тебе моём?

Это выеденного гроша не стоит [из: *выеденного яйца + ломаного гроша*].

В колхозе «Победа» во время обеда случилась беда – пропала еда. – Ты съел? – Да!

Не так страшен черт, как его малютки [вм. «...малюют»].

Есть еще песок в песочницах [вм. «Есть еще порох в пороховницах»].

¹ Не боги на горшках сидят [вм. «Не боги горшки обжигают»].

Обращение к сантехнику – *сантехник-сан*.

Уединенция.

Стоит он могучий, как дуб,
Развешены рыжие баки,
И трубку не вырвать из зуб,
Как кость у голодной собаки.

[Из речи украинских эмигрантов в Канаде]:
– Оксана, закрой виндозу: чилдренята замэрзнуть!

Не успела доярка слезть с трибуны, как на нее забрался председатель колхоза.

Люди! Будьте взаимно вежливы до последней капли крови!

(Журн. «Огонек»)

Рисунок: лев показывает носорогу на легковую машину с туристами: – Открой-ка мне эту жестянку с мясными консервами!

Разговор встретившихся на улице:

– Вы меня не помните?

– Нет.

– Значит, у вас такая же плохая память, как у меня: я вас тоже не помню.

– Бабушка, дай напиток, а то так есть хочется, что даже ночевать негде!

Имеющий уши да развесит [контаминация из фраземы *развесить уши* и библейского выражения *Имеющий уши да слышит*].

Примеры из:
[Русская разговорная речь 1983]

Что с воза упало / то не вырубишь топором;

Сколько волка ни корми / насильно мил не будешь;

Большому кораблю море по колено.

А. Вот Юльке муж достался! И готовит, и стирает,
и на рояле играет.

Б. (шутливо) Роялист!

А. Этот старославянский! У него такая грамматика
тяжелая!

Б. Ага! Плюсquamперфект, плюсквамперфект, плю-
снимперфект...

А. Ты видела, какую Таня шаль связала?

Б. Да, я видела эту ошалевшую женщину.

Пьянварь кончается. Февраль будет трезвый.

Для отца не пожалеешь и свинца.

Приступим к телу!

Любишь кататься – люби и Санечку возить [вместо
«саночки»].

Благопрепятствовать.

Лживопись.

Натюрморд.

Общежутие, интертрепация, оператявка, однозара-
зовые шприцы (по: Гридина 1996).

Сессинально озабоченный студент [из: *сексуально + сессия*].

Ханастезнолог [из: *хана + анестезиолог*].

Владимир Жириновский: Я готов плюнуть тому в лицо, кто скажет, что я некультурный.

Созвучность целых строк – так наз. панторифма, или голорифма:

Слышен свист и вой локобилей,
Дверь лингвисты войлоком обили.

Угар и чад. В огне ведро мадеры.
«Уга!» – рычат во гневе дромадеры.

Далеко в Ригу поезд летит,
Дали ковригу – поест ли Тит?

Шутливые толкования слов

Гордыня – дыня, выращенная в городских условиях,
автомат – грубая самокритика,
жрец – клиент столовой,
самовар – холостяк.

(Л. Крысин)

Близлежащий – муж,
нахлебник – масло,
судак – сплетник,
столыф – тамада.

(Ада Китагава)

Положить зубы на палку – снять вставные челюсти.

(В. Лагунов)

Сверхишум – свидание двух скелетов на железной крыше.

Муж – заместитель любовника по административно-хозяйственной части.

Ссора – разговор между мужем и женой.

(Журн. «Шут»)

Людогод – муж Люды,

четвертовать – выставлять оценки за четверть,

колун – фехтовальщик,

вареник – повар,

рыло – лопата,

колокол – добывание огня трением двух колышков,

столбовая дворняжка – дворняжка, привязанная к столбу,

бракодел – работник загса,

дорогуша – икра,

неваляшка – трезвенник,

застенок – сосед,

домовой – управдом,

зубочистка – боксерский ринг,

завалинка – экзаменационная сессия.

(«Бестолковый этимологический словарь» –

«Лит. газета»; по: Гридина 1996)

Загадки

О морские города! Я вижу ваших граждан, как женщин, так и мужчин, туго связанных крепкими узами по рукам и ногам людьми, которые не будут понимать ваших речей, а вы сможете облегчать ваши страдания и утрату свободы лишь в слезных жалобах, вздыхая и сетуя про себя, ибо тот, кто связал вас, вас не поймет, ни вы их не поймете.

(Леонардо да Винчи, «Предсказания»)

[По форме – мрачное пророчество о судьбе Италии, в действительности – шутливая загадка о спеленутых младенцах.]

Много будет таких, что встанут друг против друга с острым железом в руках, но они не причинят друг другу иного вреда, кроме усталости, ибо насколько один будет подаваться вперед, настолько другой отклонится назад. Но горе тому, кто окажется между ними, потому что он будет разрезан на куски [Пильщики].

(Леонардо да Винчи, «Предсказания»)

Как называется каннибал, который пожрал своих отца и мать? – Круглый сирота.

(по: Фрейд 1925)

Чего в январе, феврале, марте, апреле, мае, июне, июле, августе не найдешь, зато найдешь в сентябре, октябре, ноябре и декабре, что у Бога есть, а у царя нет, в небе есть, а в земле нет, у бабы две, а у девки ни одной, у Бориса спереди, а у Глеба сзади? – Буква «б».

Чем кончаются и ночь, и день? – «мягким знаком».

(по: Булыгина – Шмелев 1997)

Два крестьянина остановились около одного предмета.

– Это черная, – сказал один.

– Нет, красная!

– А почему же она белая?

– А потому что она зеленая. [О зеленой, недоспелой смородине.]

В чем разница между курицей и велосипедистом? – Курица сначала несется, а потом садится на яйца, а велосипедист наоборот.

– Что лучше: теща или пиво?

– Хорошо и то, и другое. На столе и в холодном виде.

Что это такое: хвост длинный, глаза все злющие, а яйца маленькие и грязные? – очередь за яйцами в СССР.

В чем разница между верблюдом и человеком? – Верблюд может целую неделю работать и не пить, а человек – целую неделю пить и не работать.

В чем различие между столицей Камбоджи и генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И.Брежневым? – Столица Камбоджи – Пном-Пень, а генсек – Пень пнём.

Какой полуостров жалуется на свою величину? – *Ямал*.

Когда садовник бывает предателем? – Когда он продает *настуриши*.

Когда руки бывают местоимениями? – Когда они *вымыты*.

В название какого города входит одно мужское и сто женских имен? – *Севастополь*.

Что такое идеальный муж? – Слепой, глухонемой капитан дальнего плавания.

Волос на волос, тело на тело – и пошло большое дело (*Сон*).

Туда, сюда, обратно – тебе и мне приятно (*Качели*).

Что ужалила оса, влетевшая под юбку тетушки Салтанат? – Руку дядюшки Баграта.

Из серии каламбурных загадок

– Скажите, отчего гимн-азия, а не гимн-африка?..

А отчего пан-талоны, а не хам-купоны?

Отчего я вино-вата, а не пиво-хлопок?

(Н.Тэффи, «Взамен политики»)

Почему не говорят: «грудь американки»? – Потому что говорят: «перси-янки».

(С.Кузьмина)

Почему не: «по свату дерьмо»? – Потому что: «по-куме-кал».

(В.Лазунов)

Почему не говорят: «Красна чья морда?» Потому что говорят: «ал-кого-лик».

(Н.Еськова?)

Опечатки

В одной одесской газете, при описании коронации, – не помню, Александра III или Николая II, – было напечатано: «Митрополит возложил на голову его Императорского Величества ворону».

В следующем выпуске газеты появилась заметка:

«В предыдущем номере нашей газеты, в отчете о священном короновании их императорских величеств, вкралась одна чрезвычайно досадная опечатка. Напечатано: «Митрополит возложил на голову его Императорского Величества ворону», – читай: «корову».

(По рассказу В.Г. Короленко)

Люляки баб.

Сыр в чанах.

И шестирылый серафим

На перепутье мне явился

(А.Пушкин) – опечатка сообщена мне М.Григорян.

В Институте русского языка АН СССР заглавие научной статьи Заударный вокализм машинистка напечатала так: «За ударный вокализм!».

В списке литературы к статье В.П.Григорьева в сборнике «Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста» указана его книга «Будет Ленин» (вместо «Будетлянин»).

Опечатки трудно отделить от «подделок», от широко распространенной «игры в опечатки», ср.:

бальзамовский возраст; с подлинным скверно; свиная душонка (примеры из: Норман 1987: 182);

полное содрание сочинений (пример из: Щербина 1958);

список замученных опечаток (И.Ильф, «Записные книжки»);

Сезон вождей; коммунистическая пария; засуженный работник прилавка; перепалочный пункт; пример для подорожания.

(Журн. «Крокодил»)

Скороговорки

Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет.

Валерия к Валерию вырулила в Карелию.

Шел Саша по шоссе и сосал Саша сушку.

Лавировали корабли да не вылавировали.

Современные анекдоты

Вперед, к победе коммунизма!

*Какое время было, блин!
Какие люди были, что ты!
О них не сложено былии,
Зато остались анекдоты.*

Игорь Иртенев

У мово миленка в ж...
Поломалась клизма.
Призрак бродит по Европе,
Призрак коммунизма.

Малыш, вернувшийся из детсада говорит: «Я очень боюсь дедушку Ленина».

– «Почему?!»

– «Он умер, но он живой и очень любит детей».

«С товарищем Сталиным трудно спорить. Ты ему цитату, он тебе – заключение. Ты – выдержку, он – ссылку. (Предполагаемый автор – К.Радек, из выступления на съезде. Реакция на шутку общеизвестна.)

Мы рождены,
Чтоб Кафку сделать былью!

[Перефразировка бодрой советской песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».]

В Англии разрешено всё, кроме того, что запрещено; в Германии запрещено всё, кроме того, что разрешено; во Франции разрешено всё, даже то, что запрещено; в СССР запрещено всё, даже то, что разрешено.

В СССР был объявлен конкурс на лучший политический анекдот. Первая премия – двадцать пять, вторая – десять, третья – пять лет.

Москва переходит на печное отопление.

– Почему?

– Никита [Хрущев] много дров наломал.

– Какая у Брежнева партийная кличка?

– Бровеносец в потемках.

Работники мясокомбината пишут письмо Леониду Ильичу, который подверг критике их продукцию, назвав ее «сосиски сраные». Заверяют и обещают...

Вскоре из ЦК пришел ответ:

«Приветствую ваше решение выпускать продукцию только высшего качества. Однако вы меня неправильно поняли – я говорил не «сосиски сраные», а «социалистические страны».

– Какую музыку любит Андропов?

– Камерную.

– Какую поэзию любит Андропов?

– Больше всего он любит Пушкина за его слова «Души прекрасные порывы!»

– Вы слышали? Андропов сломал руку!

– Кому?

А и Б

Сидели на трубе.

А упало, Б пропало...

И служило в КГБ.

Вся наша история: культ – просвет, культ – просвет.

Первомайские призывы:

для транспортников: Дадим каждому пассажиру по мягкому месту!

для связистов: За связь без брака!

для шахтеров: Место коммуниста – под землей!

для сталеваров: Ваша сила в плавках!

Чем отличаются конституции СССР и США? Обе гарантируют свободу слова, но последняя гарантирует и свободу после произнесения этого слова.

С трибуны:

– Товарищи, в следующей пятилетке мы будем жить еще лучше!

Из зала:

– А мы?

В советской юридической консультации человек спрашивает: – Скажите, я имею право... – Имеете. – Нет, вы не поняли. Я имею право... – Имеете. – Значит, я могу... – Нет, не можете.

[О жизни советских людей]:

20-е годы: «Как вы живете?»

Начало 30-х: «Как вы? Живете?»

Конец 30-х: «Как?! Вы живете?!»

Коммуниста вызывают в партбюро: «Ваша жена жалуется, что вы не выполняете супружеских обязанностей! Объясните свое безобразное поведение!» – «Видите ли... Я – импотент...» – «Ты прежде всего коммунист!!!» – загремел секретарь партбюро.

– Почему опасно иметь дело с кукурузой?
– Ее не посадишь – тебя посадят! Ее не уберешь – тебя уберут!

– Что было раньше – яйцо или курица?
– Раньше было все!

В советские времена родился новый вариант басни Крылова:

В Воронеж как-то Бог послал кусочек сыру.

[Некоторые демагогические высказывания советской прессы и «простых советских людей»]:

(1) *Восхищаясь импортными бритвами, старый каммунист говорит: «Чего только эти капиталисты не придумают для наживы!»*

(2) *На американской выставке в Москве в конце 50-х американец спрашивает у русского, посетителя выставки, сколько костюмов тот может купить на свою зарплату. «Такой, как у меня, – один, таких, как у Вас, – два».*

(3) *Сотрудница Института русского языка АН СССР, побывавшая в 60-х годах в Англии, писала в институтской стенгазете о своих впечатлениях: «Магазины задыхаются от изобилия товаров, ибо покупательная способность населения очень низка».*

(4) *Матч по легкой атлетике СССР – США. Бегут двое. Американец победил. Советские газеты сообщили: «В беге на 100 метров советский спортсмен пришел одним из первых. Американский бегун был предпоследним».*

Плакат на артиллерийской академии:
Наша цель – коммунизм!

Советский знатный чабан приехал в Лондон на конгресс скотоводов. – У вас опять напутали, – говорят

ему. – Не скотоводов, а скоттоведов – исследователей творчества Вальтера Скотта.

- Знаешь, выпустили Майн Рида.
- Да, теперь многих выпускают.
- Есть ли в СССР оппозиционеры?
- Если бы они были, их бы уже не было!

Советский оргазм – введение нового члена в Политбюро.

- Как живешь?
- Как картошка: если зимой не сожрут, весной посадят!
- Какое реальное соотношение между фунтом, рублем и долларом?
- Фунт рублей стоит доллар.

К коммунизму мы идем,
Птицефермы строятся,
А колхозник видит яйца,
Когда в бане моется.

(Частушка)

- Что такое КПСС?
- Набор глухих согласных.

На официальном обеде королева одного из европейских государств производит неприличный звук. Вскрикивает французский дипломат: «Извините, пожалуйста. У меня острое желудочное заболевание. Еще раз прошу меня простить». Обед продолжается. Но – повторяется то же самое...

И тогда, расталкивая всех, вскакивает советский дипломат и громогласно заявляет: «Второй неприличный звук, произведенный се высочеством, советская делегация имеет честь взять на себя!»

Удивляется народ: мало партия даёт.
Но ведь партия не б....., чтобы каждому давать!

На просьбу Эстонии утвердить решение о написании *Таллинн* с двумя *н* ЦК КПСС отвечает: «Пожалуйста, можете писать *Таллинн* с двумя *н*, можете даже писать *Калыма* с двумя *а* – *Калымаа*.

Показательно-образцовый советский рабочий на партконференции громко читает заранее написанное для него выступление: «Я рад и горд, что коллектив моего родного завода послал меня на х...» Несколько обескураженный, начинает сначала и еще раз повторяет сказанное. Тогда председатель берет у него бумажку и досадливо говорит: «Не на х..., а на ХУП партконференцию! Римских цифр не знаете!»

Покупатель спрашивает у продавца: «Товарищ, у тебя есть бритвенные лезвия?» – «Если ты назвал меня “товарищем”, брейся серпом!»

– Что такое скелет?

Это колхозник, который сдал государству шерсть, сало, мясо и яйца.

Что такое экономическая реформа в СССР? – Это инъекция в протез.

Плакат на здании обкома: «Кто у нас не работает, тот не ест! [Обыгрывается коммунистический лозунг: «Кто не работает, тот не ест!»]

У нас кто не работает, тот ест – тех, кто работает.

После похорон генсека КПСС Черненко раздается телефонный звонок в Политбюро:

- Здесь записывают в Генеральные секретари?
- Ты что, дурак?
- Ага. Еще и больной, и старый.

Один высокий гость СССР из Непала с гордостью сказал:

- Я рожден непальцем и непалкой.

Спросили нашего и японского рабочих, сколько часов в день они работают.

Японец ответил:

- Шесть: два часа я работаю на Японию, два часа на хозяина и два на себя.

Наш рабочий сказал:

- А я работаю только два часа на себя, потому что хозяев у нас нет, а на хрена мне еще работать на Японию.

- Товарищи, социализм ежедневно доказывает свои преимущества перед капитализмом. Например, советский паралич – самый прогрессирующий в мире!

Гражданин, читая в метро советскую газету, бормочет:

- Жмут, ну жмут, сволочи!

Сидящий рядом подозрительно заглядывает в газету:

- Кто, кто жмет?
- Сапоги.
- А вы не в сапогах!
- Потому и не в сапогах, что жмут.

Телеграмма:

Рабинович не лежит и не стоит.

Кредо советского человека:

– Лучше смотреть на всё сквозь пальцы, чем сквозь решетку.

На съезде советских писателей поднимается казахский акын и что-то говорит. Как из-под земли возникает бойкий молодой человек, переводит: «Акын благодарит родную коммунистическую партию за счастливую жизнь». Акын продолжает речь, переводчик тотчас переводит: «Акын передает привет писателям СССР от писателей Казахстана». С видимым волнением акын говорит что-то еще. Переводчик переводит: «Акын счастлив побывать в столице нашей Родины Москве». И тут сзади слышится голос: «Акын третий раз спрашивает, где тут у вас туалет!»

Утреннее сообщение по Всесоюзному радио: – Уважаемые товарищи! Сообщаем, что общероссийский эксперимент, длившийся семьдесят два года, закончен... Здравствуйтесь, дамы и господа!

Поручик Ржевский

Наташа Ростова танцует с поручиком Ржевским:

- Наташа, вам по балде веслом доставалось?
- Нет, а к чему это вы?
- Да так, для поддержания разговора...

В будуаре своей любовницы поручик Ржевский расстегнул жилет и скинул сапоги. Даму передернуло:

- Фи, поручик, да вы когда-нибудь носки меняете?
- Иногда меняю, на водку.

Поручик Ржевский утром кричит денщику:
– Иван! Ты почистил мою одежду? А то вчера в офицерском собрании штабс-капитан Ивановский упился как свинья. Весь мундир мне облевал!
– Он Вам, Ваше благородие, еще и в штаны насрал!

Поручика Ржевского уговорили заменить в спектакле заболевшего актера, пообещав, что поручику нужно будет только повторять реплики суфлера.

Суфлер подсказывает: (Садится в кресло!)

Поручик сел.

Суфлер: Жениться, что ли?

Поручик: Жениться, что ли?

Суфлер: Да нет, пожалуй!

Поручик: Да нет, пожалуй!

Суфлер: (С трудом встает).

Поручик, вслух: Встает с трудом!

Чапаев

Василий Иванович говорит своим бойцам: «Гласность, ребята, это вот что такое. Вот вы меня критикуете, критикуете, и ничего вам за это не будет – ни валенок, ни шинелей, ни портянок».

[Василий Иванович и Петька переплывают бурную реку]:

– Бросай сумку, командир, утонешь!

– Не могу, Петя, тут карты, две колоды штабных карт.

– Командир! Там белые суп с раками жрут!

– Нет, Петя, это у них морды такие.

- Командир, в лесу белые!
- Не до грибов, Петя, не до грибов!

[Василий Иванович – бойцу]:

- Петька, а ну скажи, кто взял Измаил?
- Да ну тебя, командир! Как кто что сопрет – сразу на Петьку!

- Командир, почему на танцы не ходишь? Недосуг, что ли?

- Не до них, Петя.

- Командир! Сзади белые!

- Впе-е-еред!

Над полем появился вражеский аэроплан. Чапаев и Петька бросились в кусты. Летчик их не заметил и улетел. – Пронесло!.. – сказал Петька. – Меня тоже, – признался Василий Иванович.

Пьяный Василий Иванович с шашкой вваливается в хату и орет:

- Порублю, гады!
- Петька с печи спрашивает:
- А может, по два, а то на поллитру не хватит?

Анка: «Я произвела в Париже настоящий фужер!».

Петька: «Не фужер, а фураж! Василий Иваныч, как правильно?».

Василий Иванович: «Ребята, я в этих вопросах не копенгаген».

Уезжая в Париж, Василий Иванович уговорился с Петькой называть походы к девочкам *охотой*. Петька систематически получал сообщения типа: «Часто хожу

на охоту», «Вчера опять с удовольствием поохотился», но вот пришло сообщение: «На охоту пока не хожу, чиню ружье».

Штирлиц

Штирлиц выстрелил вслепую. Слепая упала.

До Штирлица не дошло письмо из центра. Он перечитал еще раз, но всё равно не дошло.

Штирлиц читает шифrogramму из центра. Вбегает Мюллер, вырывает кусок шифrogramмы и убегает.

– Пронесло, – подумал Штирлиц.

– Тебя бы так пронесло! – подумал Мюллер.

Штирлиц и Мюллер выходят из кабака:

– Может, девочек снимем? – предложил Штирлиц.

– Да нет, пусть еще повисят...

В лесу Штирлиц напоролся на сук. Суки с визгом разбежались.

Мюллер и Штирлиц стреляли по очереди. Очередь медленно таяла.

Штирлиц склонился над картой. Его неудержимо рвало на родину.

Этот портфель Штирлиц узнал бы из тысячи. Он принадлежал известному ему министру без портфеля.

Штирлиц сунул вилку в розетку, но ему тактично намекнули, что из розетки едят ложечкой.

– Гоните, Штирлиц! – крикнул Мюллер, захлопнув дверцу. Штирлиц включил мотор. Забулькало... В нос ударил приятный запах капающего в кружку самогона.

Из окна дуло.

Штирлиц выстрелил, дуло исчезло.

Штирлицу угодила в голову пуля. «Разрывная», – раскинул мозгами Штирлиц.

Искусство и наука

[О современной манере пения эстрадных певцов]:
Этот стон у них песней зовется!

Режиссер говорит актрисе: «К сожалению, у меня сейчас нет для вас ничего подходящего. Зайдите лет через 10». – «А когда, утром или вечером?»

Влюбленный волк приглашает в театр лису и обещает вести себя прилично, не ругаться и говорить только о цветах. Волк сдержал обещание. Увидев, что заяц занял его место, он сказал: «Эй, ты, Роза! А ну нарцись отсюда, а то я тебя так по жасмину тюльпану, что ты обсиренишься!»

[Писателю]: – Ну, что пишешь – вечную или нетленку?

Однажды Гоголь, переодевшись Пушкиным, пришел к Пушкину. Пушкин открыл ему и кричит:

– Смотри-ка, Арина Родионовна, к нам я пришел!

Разговор двух приятелей:

– Ты знаешь, я стал писателем.

- И что-нибудь уже продал?
- О да, свои часы, приемник и телевизор.

На званом вечере актриса подходит к писательнице, которую не переносит, и говорит: «Хочу поздравить тебя с твоей последней книгой, мне она очень понравилась. Кто тебе ее написал?» – «Дорогая, – отвечает писательница, – я очень рада, что она тебе понравилась. Только вот кто тебе ее прочитал?»

Машина писателя столкнулась с грузовиком, и водитель грузовика откровенно высказал писателю все, что о нем думает. Когда он на секунду замер, чтобы перевести дух, писатель промолвил: «Я не могу, молодой человек, прибегнуть к той живописной терминологии, которую применяете вы. Но вот что я вам скажу: надеюсь, что когда вы сегодня вернетесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и вас как следует искушает».

Во время спектакля в оперном театре в ложу вошел военный в сапогах со шпорами, которые издавали громкий звон. Известный композитор, находившийся в ложе, встал и поблагодарил его. Человек со шпорами удивленно спросил, за что его благодарят. – Я благодарю вас за то, что вы не привели с собой своего коня.

В кинотеатре:

- Тебе хорошо видно, дорогая?
- Да, спасибо.
- И тебе никто не мешает?
- Нет, никто.
- А кресло удобное?
- Да, все в порядке.
- Может, поменяемся местами?

На концерте:

– Какой неприятный голос! Вы не знаете, кто поёт?

– Моя дочь.

– Прошу прощения. Дело, разумеется, не в голосе, а в песне. Прямо вам скажу – никуда не годная песня. Интересно, кто ее написал?

– Я.

– Подлизывается музкружок к своему начальству: только два дня как загрипповал завклубом, а музыканты уже похоронный марш репетируют!

Один английский пианист, отправившийся в гастрольную поездку по Ближнему Востоку, внезапно вернулся на родину. По возвращении он объяснил дирижеру Бичему, что уехал, потому что дважды был обстрелян арабами. «Что ты говоришь? – удивился Бичем. – Никогда не предполагал, что арабы так хорошо разбираются в музыке!»

Анкета

– Ваша профессия?

– Я солист.

– Где поете?

– Я не пою. Солю капусту, огурцы и помидоры.

Вундеркинд

– Мой годовалый сынишка очень музыкален!

– Откуда вы это знаете?

– Вчера упали ноты с фортепьяно, а он говорит: «Мама, Бах!»

Понравилось

– Что вы скажете о трио?

– Только одно: три о! о! о!

Известный скульптор Зураб Елелия, работающий в мраморе, на днях высек свою жену.

В консерватории один зритель спрашивает у другого, который в задумчивости разглядывает свой ботинок:

– Это Глинка?

– Какая глинка? – Говно!

Завидное будущее

– У Вашей оперы есть будущее, – сказал критик, когда композитор закончил играть. – Уверяю Вас, что ее поставят тогда, когда уже не будут ставить ни «Лоэнгрина», ни «Кармен», ни «Пиковую даму».

– О, я Вам очень благодарен, – промолвил композитор.

– ...но не раньше! – закончил свою мысль критик.

Экскурсовод в музее рассказывает туристам: «Посмотрите на эту статую. Как изящно вытянута у нее рука! Этим жестом она как бы говорит: “Не забудьте дать на чай экскурсоводу”».

Посетитель античного зала музея долго рассматривает древний клинок и наконец спрашивает у смотрящего, кто и когда его изготовил? – «Кто изготовил – не знаю, – бодро ответил смотрящий, – а вот что ему уже четыре тысячи лет и три месяца, так это как пить дать!». «Но как вы могли так точно вычислить время?» – удивился посетитель. – «...тот джентльмен, который принес его сюда, сказал, что ему четыре тысячи лет. С тех пор прошло ровно три месяца. Ясно?»

– Послушай, мне очень понравился циркач, который кидал сегодня ножи.

– Да ты что? Метнул двенадцать ножей в эту глупую девчонку и ни разу в нее не попал!

Когда дела идут хуже некуда, в самом ближайшем будущем они пойдут еще хуже.

В работе много нового и интересного. К сожалению, то, что ново, – неинтересно, а что интересно – не ново.

Встречаются два кандидата наук:

– Что это у тебя в портфеле – небось докторская?

– Нет, ливерная.

(Некоторые традиционные общеупотребительные выражения в научных текстах и их глубинный смысл):

«Хорошо известно, что...» (Я не удосужился найти ссылку на работу, в которой об этом было сказано первый раз.)

«Имеет огромное теоретическое и практическое значение» (Мне лично это кажется интересным).

«Эта работа была выполнена четыре года тому назад...» (Нового материала для доклада у меня не было, а поехать на конференцию очень хотелось).

«Для детального исследования мы выбрали три образца» (Результаты, полученные на остальных двадцати образцах, не лезли ни в какие ворота).

«...был случайно слегка поврежден во время работы...» (Уронили на пол.)

«...обращались с исключительной осторожностью...» (Не уронили на пол.)

«На этот счет существует единодушное мнение...» (Я знаю еще двух ребят, которые придерживаются того же мнения.)

Один из посетителей, увидев подкову, прибитую над дверью дома Бора, воскликнул: «Неужели такой великий ученый, как вы, может действительно верить,

что подкова над дверью приносит удачу?» – «Нет, – ответил Бор, – конечно, я не верю. Это предрассудок. Но, вы знаете, говорят, она приносит удачу даже тем, кто в это не верит».

Ученый Дайфонд видит в мечтах совет директоров в составе: д-р Плиз, м-р Отдалл, м-р Роздалл и м-р Рискнулл; в действительности его встречают: д-р Скупоу, м-р Фигвам и м-р Г. де-Гарантия.

– Какая разница между стадом овец и академией наук?

– Овец считают по головам, а академиков по членам.

О Президенте Академии наук М.В.Келдыше:

– Мань, хочешь, Келдыша покажу?

– Что ты, Ваня?! Дома, дома!

И.П.Петров утверждает, что он – заведующий мясным отделом гастронома, между тем как достоверно известно, что он доктор филологических наук. Это уже не первый случай мании величия у филологов.

Рабфаковец (учащийся советского «рабочего факультета» 30-х годов) загадывает шараду: «Первое – певчая птица. Второе – то, что говорят в начале телефонного разговора. А целое – то, что я чувствую на экзамемене. Ответ – *чиж-ало*».

Преподаватель спрашивает студента: «Этот вопрос вас не смущает?» – «Нет, совсем нет, мне он ясен. А вот что меня действительно смущает, так это мой ответ».

На экзамене профессор спрашивает нерадивого студента:

- Что такое экзамен?
- Это беседа двух умных людей.
- А если один из них идиот?
- Тогда второй не получит стипендию.

На экзамене студент обращается к профессору: «Товарищ профессор!..» – «Гусь свинье не товарищ», – прерывает профессор. – «Ничего, гусь птица не гордая, он еще раз придет сдавать».

Сидел на лекции. Что-то не спалось.

Студент должен: не путать Моголя с Гоголем, Гоголя с Гегелем, Гегеля с Бебелем, Бебеля с Бабелем, Бабеля с кабелем, кабеля с кобелем и кобеля с сукой.

Профессор. Какие три слова самые распространенные среди студентов нашего университета?

Студент. Я не знаю...

Профессор. Точно!

- Ты произнес блестящую речь!
- Да, но в зале присутствовали одни дураки и тупицы.
- Ага, тогда понятно, почему ты начал свою речь словами: «Мои дорогие братья!»

Три студента – американский, английский и русский обсуждают, где легче сдавать экзамены.

Американец говорит: – У нас просто сдают. На экзамене задают вопросы типа: в каких единицах измеряется сила тока?

Англичанин: – У нас еще легче. Дают вопрос – в каких единицах измеряется сила тока, и к нему три ответа: кг, ампер, литр. Тут и выбираешь.

– А у нас приходишь на экзамен, – говорит русский, – и тебя спрашивают: а не в амперах ли измеряется сила тока?

«Почему это на защите диссертации было человек пятнадцать, а на банкете после – чуть не сто?» – «Стололазы».

Лектор заявил, что конец мира, по-видимому, наступит через семь миллиардов лет.

– Через сколько, через сколько? – послышался испуганный голос.

– Через семь миллиардов лет.

– Фу-ты... А то мне послышалось, что через семь миллионов.

– Ты читал в сегодняшней прессе, как критик разнес в пух и прах мой последний фильм?

– Не обращай на него внимания, он просто повторяет как попугай то, что говорят другие.

Учитель. Семенов, что вы скажете о центробежной силе?

Ученик. Совершенно согласен с мнением автора учебника физики, господин учитель.

Женщины и мужчины

Вечерняя лампа бросает свет.

В комнате я и жена.

– Сю-сю, дорогая, ты слышишь – сю-сю!

– Сю-сю, – отвечает она.

(Вариант: – Гав-гав, – отвечает она).

Что сказать о браках? – Хорошую вещь браком не назовут.

– Невеста в день свадьбы одевается во все белое, потому что это для нее самый радостный день.

– Тогда я понимаю, почему жених одевается во все черное, – говорит Рабинович.

[Телеграмма жены с юга]: Но люблю я только тебя.

Звонок в дверь. Малыш открывает дверь и видит на пороге жениха своей взрослой сестры. «Люба, – кричит он ей, – твоя «синица в руках» пришла!»

В суде мужчина обосновывает свое желание развестись с женой тем, что она «не устраивает его как женщина». Возмущенный выкрик с места: «Ишь какой! Всех устраивает, а его, видите ли, не устраивает!»

– Почему ты развелась с мужем?

– Он относился ко мне, как к собаке.

– В каком смысле?

– Требовал от меня верности.

– Богат ли молодой человек, который собирается жениться на твоей сестре?

– Нет, не очень. Каждый раз, как мама начинает разговор о свадьбе, папа говорит – бедный молодой человек!

– Ты слышал: Жан-то, оказывается, двоеженец.

– С ума сошел. Значит, у него две тещи?

Жена нового русского жалуется подруге:

– Мой муж меня вчера так обидел, так обидел! Я попросила у него 200 долларов на косметический салон...

– А он не дал?

– Нет, он внимательно посмотрел на меня – и дал 500!!

Жена в ярости бьет пьяного мужа:

– Будешь пить, скотина? Будешь пить, скотина?

– На-ли-ва-ай... Уговорила...

Муж (проезжая на машине возле осликов, разразившихся громким криком): – Небось это тебя приветствуют твои родственнички!

Жена (ласково улыбаясь): – Да, со стороны мужа.

Она (раздраженно): Никак не могу тебя понять. Иногда ты ведешь себя как истинный мужчина, а иногда как самая настоящая женщина. В чем дело?

Он (спокойно): Дело, по-видимому, в наследственности: одна половина моих предков была мужчинами, а другая половина – женщинами.

– Сколько лет человеку, родившемуся в 1946 году?

– Мужчине или женщине?

– Что у тебя с головой?

– Мне моча в голову ударила.

– А почему такой синяк?

– Она в горшке была.

Молодые люди подходят на улице к двум дамам и спрашивают: – Сережки не нужны? – Нужны. А какие? – Один – я, а другой Сережка – вот, мой товарищ.

Молодой человек допоздна сидел в гостиной со своей девушкой. Внезапно открылась дверь, и появился ее отец: «Гм... а сколько сейчас времени?» Молодой человек что-то промямлил и выскочил вон. «Что это с ним? У ме-

ня часы остановились, а он так и не сказал, который час!»

[Разговор матери с дочерью-пятиклассницей] :

– Доченька, пора бы нам с тобой поговорить на сексуальную тему.

– Да, мама, что бы ты хотела знать?

Жертву дорожного происшествия доставили в госпиталь.

В приемном отделении, записывая его данные, сестра спрашивает:

– Женаты?

– О нет, нет! Я попал под автомобиль.

«Пора поливать сад», – говорит непререкаемым тоном жена мужу. – «Но ведь дождь льет как из ведра», – робко возражает он. – «Ну и что? Надень плащ».

– Я все знаю! Полиция подобрала тебя в три часа ночи, когда ты обнимал фонарный столб!

– Дорогая, надеюсь, ты не будешь ревновать меня к фонарному столбу?

– Всю ночь глаз не сомкнула: ты храпел, а собака лаяла...

– А что же ты хотела, чтобы собака храпела, а я лаял?

– Стбит ли молодой девушке выходить замуж за старика?

– Когда вы берете деньги, вы же не смотрите, в каком году они напечатаны.

Каково соотношение между формой и содержанием

ем? – Формы должны быть такими, чтобы их хотелось взять на содержание.

Слово «счастье» не имеет множественного числа, а «несчастье» – имеет.

Она не только сохранила свою девичью фигуру, но даже удвоила ее.

– Моя жена постоянно сравнивает меня с Аленом Делоном.

– Да между вами нет ничего общего!

– Вот и она так говорит!

Женщина, обвинявшаяся в убийстве своего мужа, была оправдана благодаря стараниям одной присяжной заседательницы, которая объяснила свою позицию следующим образом: «Мне так жаль ее, ведь она – вдова!..»

– Элен, скажите, Вы могли бы выйти замуж за полного идиота, если у него есть дача и шикарный автомобиль?

– Н-не знаю... Ваше предложение так неожиданно..

Мужчина собирается познакомить своего приятеля с женщиной: «Она некрасивая, но если ты выпьешь побольше, ты перестанешь это замечать». Приятель соглашается, но увидав женщину, в ужасе кричит: «Нет! Мне столько не выпить!»

Западный журналист берет интервью у русской модели.

– Нам известно, что женщины из России очень красивы и умны, но скажите, это верно, что они имеют один маленький недостаток – немножко грубоваты?

– Что ты сказал, козел? Это мы-то грубоваты, сука ты подзаборная?!

Двое молодых людей ожесточенно ухаживали за дамой, которая отличалась необычайной худобой. Какой-то остряк говорил про них: «Вот две собаки, которые грызутся за кость».

Разговор молодоженов:

- Если ты мне еще раз возразишь, я тебя поцелую.
- Нет, не поцелуешь...

Разговор молодоженов:

– «Скажи, дорогая, сколько у тебя было мужчин до меня?». Молчание. «Обиделась!» – решил муж. Через час он спросил: «Ты все еще сердишься?» – «Нет, я все еще считаю».

– Ваня! Ты абсолютно ничего не делаешь по дому, зарабатываешь копейки, вечно пьяный, только и знаешь, что бегаешь по бабам.

– Тысячу раз тебе говорил, сотни тысяч раз говорил и в миллионный раз повторяю: не смей преувеличивать!

– Так ты хочешь меня уверить, что оставляешь за собой последнее слово во всех спорах со своей женой?

– Конечно. Я всегда говорю: «Да, дорогая!».

Трусливый муж спрятался от сердитой жены под кровать. «Выходи!» – «Не выйду!» – «Выходи, я тебе приказываю!» – «Сказал не выйду, значит, не выйду! Кто в доме хозяин?»

На вопрос жены: «Ты гулял сегодня с собакой?» ни в коем случае нельзя отвечать «Нет», потому что она скажет: «Так погуляй же!» Нужно отвечать: «Нет. А ты?»

– Перед свадьбой ты обещал исполнять малейшее мое желание.

– Я не соврал. Скажи, какое твое желание малейшее, и я его исполню.

– Почему каждый раз, когда я тебя о чем-нибудь спрашиваю, заявил муж, – ты отвечаешь мне вопросом на вопрос?

– Да что ты говоришь, неужели? – удивилась жена.

Жена – мужу:

– Мне надоела такая жизнь. Позавчера ты пришел домой вчера, вчера ты пришел сегодня. Если сегодня ты придешь завтра, я послезавтра подаю на развод. Понятно объяснила?

Жена. Я уверена, ты женишься на следующий же день после моей смерти!

Муж. Нет, дорогая! Сначала несколько дней я отдохну!

Идет мужик по кладбищу. Смотрит, другой мужик занимается любовью с двумя женщинами. Он к нему: «Дай хоть одну!» – «Возьми лопату да сам накопай!».

Старый петух преследует курочку. Что они при этом думают?

Он: Не догоню, так согреюсь.

Она: Не слишком ли быстро я бегу?

– Как ты живешь со своей женой?! Она тебе изменяет с половиной города!

– Рабинович, как человек деловой, ты должен знать, что лучше 10 процентов в хорошем деле, чем 100 – в плохом.

– Вчера я встретила твоего мужа, и он рассказал мне такой анекдот, что я так хохотала, так хохотала – чуть с кровати не свалилась.

– Хрен не слаще редьки, – говорится.
Вряд ли дама с этим согласится.

Разговор двух приятелей:

- Ты знаешь, она мне вчера, судя по всему, отказала.
- Ерунда! Когда женщина говорит «нет», это значит «может быть».
- Но она мне сказала: «Что? Тыфу!»

– Я не мог не жениться на ней. Ведь как она поставила вопрос: «Ты женишься на мне? У тебя нет возражений?» Тут уж я никак не мог выкрутиться. Скажи «да» или «нет», ее устроил бы любой ответ.

– Почему же ты не промолчал?

– В том то и дело, что промолчал. Тогда она сказала: «Молчание – знак согласия!», и на этом все было кончено.

На бракоразводном процессе женщина просит оставить дочку ей, поскольку она ее родила. Мужчина категорически не согласен: «Ваша честь! Если вы опустили монету в автомат для продажи воды, то кому принадлежит стакан воды – вам или автомату?»

– Какая разница между джентльменом и истинным джентльменом? Джентльмен, открыв не ту дверь и увидев голую женщину, говорит: «Простите, мисс», а истинный джентльмен: «Простите, мистер!»

– Я человек немногословный.

– Я тоже женатый.

Приходит пьяный летчик домой. Стучит в дверь. Жена спрашивает: «Кто там?» – «ИЛ-62 просит посадки». – «Не пушу, ты пьян». – «Тогда я полетел на запасной аэродром». Утром летчик возвращается, стучит в дверь: «ИЛ-62 просит посадки». – «Вам придется подождать, взлетная полоса занята – еще не взлетел ЯК-40».

Разговор старика с немолодым холостяком:

– Не остаться бы тебе, мой друг, с носом! Женись, пока не поздно.

– Ну, знаете, уважаемый, – ухмыльнулся холостяк, – в море плавает еще много славных рыбешек!

– Так-то оно так, – покачал головой старик. – А как обстоит дело с наживкой? Не потеряла бы она свежесть...

Одинокий мужчина каждый вечер слышит, как за стеной кто-то спрашивает: «А чья это у нас попка?» Однажды он не выдержал: «Выясните вы наконец, чья там у вас жопа, и не мешайте людям спать!»

На балу муж показывает супруге гостей:

– Вон там у стойки – любовница Ивана Петровича, рыжая – любовница Пал Палыча, а та блондинка – моя...

– Семен! Таки наша самая лучшая!

Встречаются два друга.

– Ты знаешь, а я женился. Вот и фото есть с собой. Ну как?

– Бывает и хуже...

– Что?!

– Ой, извини, хуже не бывает!

В разгар бурной вечеринки студент подходит к скромно сидящей в сторонке девушке, представляется и говорит: «Я вижу, что ни мне, ни вам эта компания совсем не подходит. Не отвезти ли вас домой?»

– «Чудесно! А где вы живете?»

[Девушка делится с подругой]:

– Я люблю и любима.

– Поздравляю.

– Не с чем – это разные люди.

В кинотеатре, во время сеанса громкий женский шепот: «Уберите руку! Немедленно уберите руку! Да не вы – вы!»

Хорошенько погуляв, красотка возвращается домой в шесть утра. Отец, проснувшись, спрашивает:

– Это ты, чертова дочь?

– Да, папочка.

Жена кричит мужу, который наставил пистолет на ее любовника:

– Остановись, несчастный! Ты что, хочешь убить отца твоих детей?

М у ж ч и н а (вставая с ложа любви, молодцевато):

– Долго ли умеючи!

Ж е н щ и н а: – Умеючи – долго.

[Из показаний человека, обвиняемого в нарушении общественного порядка]:

– Слышу, кричат: «Пожар!» Ну, я и выскочил на улицу в одном презервативе.

Какой-то любезник говорил даме, что он во всю свою жизнь знал только двух вполне совершенных женщин. «Кто же другая?» – спросила его собеседница.

[Женщина рассказывает подруге о своих детях]:

– Сын женился, да так неудачно! Жена такая лентяйка! Утром он встанет, кофе ей в постель несет. А она развалится, как корова! А вот дочери повезло. Муж такой хороший, такой заботливый. Утром кофе ей в постель несет. А она лежит, как куколка!

– Вы давно знакомы со своей женой?

– С детства. Помню, когда я качал ее на руках, она любила шлепать меня по лысине.

– Меня уже много раз уговаривали выйти замуж, – сказала деревенская девушка. – «Кто же тебя уговаривал?» – «Да папа с мамой».

– Если ты мне откажешь, – сказал он, – я умру. Она отказала. Через шестьдесят лет он умер.

– Что новенького?

– Ты знаешь, жена мне изменяет.

– Ты меня неправильно понял. Я спросил: «Что новенького?»

Разговор двух приятелей:

– Мне жена прямо дышать не дает!

– А моя, наоборот: только приду домой, она сразу: «А ну, дыхни!»

Известная киноактриса попросила выписать ей загранпаспорт.

– Замужем? – спросил чиновник, заполняя анкету.

– Временами.

– Послушай, милый, если я выйду за тебя замуж, я потеряю работу.

– Тогда надо держать наш брак втайне.

– А если у нас появится ребенок?

– Ну, ребенку нам, конечно, придется открыться.

– Милый, чем больше я читаю сказок, тем больше убеждаюсь, что заяц очень глупое животное.

– Совершенно верно, зайчик ты мой!

– Но, дорогой, это же не наш ребенок!

– Тише, тише, ведь эта коляска намного лучше!

Жена – мужу: – Сегодня 20-я годовщина нашей свадьбы. Как мы ее отметим?

– Минутой молчанья.

Жена кричит мужу: «Жизнь с тобой становится невыносимой!» – Тогда проваливай к своей матери! – Но ты же знаешь, что она умерла! – Конечно!

Жена говорит мужу в гневе:

– Лучше бы я вышла замуж за черта!

– Что ты, дорогая! Браки между кровными родственниками запрещены.

Муж утром в постели спрашивает жену:

– Ты хотела бы быть мужчиной?

– А ты?

Первое января. Звонок подруги:

– Галка? Ну, как провела Новый год?

– А! Как обычно, в постели...

– И много было народу?

- Что это у тебя все лицо исцарапано?
- А ты что - холостой?
- Нет...
- Почему же задашь глупые вопросы?

Как жаль, что я не встретился с этой женщиной 20 килограмм тому назад.

- Моя жена - настоящий ангел!
- Ты счастливец! А вот моя всё еще жива, дрянь!

Штутгарт. Житель этого города Н. подал в суд иск, требуя развода на том основании, что жена не дает ему возможности говорить. В качестве вещественного доказательства суду была предъявлена магнитофонная пленка с записью беседы супругов, которая длилась четыре часа. В течение всего этого времени беспрерывно говорила одна жена; мужу удалось вставить только десять слов. Суд удовлетворил иск о разводе.

Киноактер Борис Андреев попросил знакомого букиниста: «Дай мне такой детектив, чтобы жена три дня молчала».

- Папа, какая разница между винтовкой и автоматом?
- Очень большая! Вспомни, как говорю я и как твоя мама.

Если дипломат говорит «да», это значит «может быть», если он говорит «может быть», это значит «нет», а если он говорит «нет», то какой же он дипломат? Если женщина говорит «нет», это значит «может быть», если она говорит «может быть», это значит «да», а если она говорит «да», то что же она за женщина?

[Разговор мужа с женой]: «Ты не права!» – «Значит, по-твоему, я говорю неправду! Значит, я вру! Брешу, так сказать? Я что, собака? Мама! Он меня сукой обозвал!»

Женщина привела в дом любовника, приготовила великолепный стол, выпивку. Он поел, выпил, разомлел и откинулся на спинку дивана. Она положила ему голову на плечо и прошептала:

– Ну, милый, теперь ты мой!

Он резко скинул ее голову:

– Сама мой!

– Когда мужчина нуждается в поддержке жены?

– Когда он возвращается из компании друзей.

– По-моему, дочка, ты выходишь замуж не подумав.

– Но ты же сама говорила, что мне рано об этом думать!

Вернувшийся с работы муж догадывается, что у жены был любовник. Выглянув в окно, он видит убегающего мужчину и в ярости сбрасывает на него стоящий у окна холодильник, где как раз и прятался любовник. Сильно пострадавший случайный прохожий вызывает ревнивца в суд и объясняет судье, как в него, спешившего на работу, ни с того, ни с сего запустили холодильник. Потом в качестве свидетеля вызывают любовника, тоже порядком помятого, и тот дает показания: «Сижу это я в холодильнике...»

Мужчина и женщина легли спать в купе поезда.

– У меня дома остался неверный муж.

– А у меня ненадежная жена. Отомстим?

Отомстили. Мужчина начал засыпать. А женщина все ворочается.

- Что вы не спите? Ведь мы отомстили?
- А я хочу мстить, мстить, мстить...
- А я не злопамятный...

На свадьбе спортсмена женщина обращается к молодому человеку:

- Простите, это Вы жених?
- Нет, я выбыл в четвертьфинале.

Женщины хуже гангстеров. Гангстеры ставят перед выбором – «кошелек или жизнь», а женщины отнимают и то, и другое.

«Внешность обманчива!» – сказал еж, слезая с сапожной щетки.

В переполненном автобусе девушка взялась за руку, как она полагала, своей спутницы. И вдруг она обнаруживает, что держится за руку незнакомого мужчины. Придя в великое замешательство, она восклицает:

- О, простите, я взялась не за ту руку!
- Пожалуйста, вот вам моя другая рука, мисс.

- Гражданин, уступите место женщине. Видите, она собирается стать матерью!

- А я, может, собираюсь стать отцом!

(К/ф «Операция Ы и другие приключения Шурика»)

Вовочка прибежал к маме:

- Мама, мама, на кухню пробрался какой-то дядя и целует мою няню!

Мама бросилась на кухню.

- 1 апреля! – захохотал Вовочка. – Это не дядя, это наш папа.

- Чем закончилась вчера твоя ссора с женой?
- Она стала передо мной на колени.
- И что же она сказала?
- Вылезай из-под кровати, подлый трус!

- Что сказала твоя жена, когда застала тебя целующимся с соседкой?

- Представь себе, ничего. А те два передних зуба мне и так давно пора было удалить.

- Папа, скажи, пожалуйста, а как ловят сумасшедших?

- С помощью пудры, красивых платьев и милых улыбок, сын мой.

- Скажите, такая женщина – может ли возбудить в мужчине сильное чувство?

- О, да. Чувство отвращения.

Возвращаясь домой, мужчина видит на двери табличку: «Осторожно! Злая, как собака!»

- Эх, дурак я был, когда на тебе женился...

- Я это знала, да думала, что ты со временем поумнеешь...

Муж (отвечая по телефону). Я не знаю, позвоните в бюро погоды.

Жена. Кто это?

Муж. Какой-то моряк, наверное. Он спрашивает, как там на горизонте.

Объявление: «Мужчина средних лет ищет спутницу жизни. Первые и последние этажи не предлагать».

- Позвольте узнать, сколько Вам лет?
- Недавно исполнилось двадцать семь.
- Сколько лет назад?

Сообщение. Тройня родилась у гражданина Х. Все три матери чувствуют себя отлично!

Он и она занимаются любовью.

О н а: Вась, ты меня любишь?

О н: А я что делаю?

- Ах, дорогой, хорошо бы купить автомобиль и увидеть свет!

- Тот или этот?

- Ты женишься на мне, потому что я унаследовала от тети Норы виллу?

- Что за чушь? Я женился бы на тебе, от кого бы ты ее не унаследовала.

- Какая женщина лучше – полная или худая?

- Это дело вкуса: кто-то любит качаться на волнах, кто-то любит биться о скалы.

- Какая разница между женщиной и собакой?

- ?!?

- Собака к своим ластится, а на чужих лает.

Юмор в коротких штанишках

Учительница биологии объясняет ребятам строение обезьяны. Вовочка не слушает и она делает ему замечание:

– Вовочка, смотри внимательно на меня, а то ты не будешь иметь никакого представления об обезьяне.

– Мама, дай конфет!

– Нельзя – съедите.

– Что случится с золотом, если оно полежит на открытом воздухе? – спрашивает учитель. – Оно испарится! – ответил ученик.

Голос со двора:

– Мама, мама, папа нашелся!

– Сколько раз тебе говорить, не ройся в мусоре!

[В зоопарке] «Папа, эта обезьяна мужчина или женщина?» – «Это самец», – отвечает отец. Переходят к следующей клетке. Сын снова спрашивает: «А это мужчина?» – «Запомни, мальчик, мужчина тот, у кого деньги! А это – самец!»

– Мамочка! Не брани меня за то, что я опоздала. Недалеко отсюда упала лошадь, и они сказали, что послали за лошадиным доктором. Вот я и прождала там все это время, и что ты думаешь? Пришел не лошадиный доктор, а просто человек!

Учительница с нетерпением ждет, когда ученик вымоет ноги:

– Ну, скоро ты?

– Последнюю домываю.

– Ты что, сороконожка?

Отец читает сказку маленькому сынишке. Через некоторое время воцаряется молчание. Мать осторожно открывает дверь и спрашивает шепотом: «Ну как, заснул?» – «Да» – вздыхает малыш.

– Что значит: королева подарила своему супругу сына? – спросила маленькая Катя учительницу.

– Это значит, что она родила ему сына.

Через несколько дней Катя, сияя от радости, прибежала к учительнице.

– Мария Петровна, вчера был мой день рождения!

– Что же тебе подарили?

– Тетя Лида родила мне маленькую таксу!

– Мама, Марь Иванна, наша учительница, не знает кто такая лошадь, никогда ее не видела.

– Откуда ты это взял?

– Как же, я нарисовал лошадь, а она спрашивает: «Это кто?»

[Разговор детей]: «Кто с вами живет?» – «Азор и бабушка. Азор у нас уже пять лет, а бабушку держим еще дольше».

– Сынок, тебя сегодня вызывали в школе?

– Да. Теперь вызывают тебя...

– Когда ты наконец исправишь свою единицу?

– Что я могу сделать, папочка, если журнал хранится в учительской!..

– Дети, кто мне объяснит, какая разница между осторожностью и трусостью?

– Осторожность – это когда ты сам боишься, а трусость – когда боится кто-то другой.

Учительница пения вызывает Вовочку. «Каких ты знаешь композиторов?» Вовочка не знает, и его товарищ берет книгу и стучает ею по парте. «Бах», – сказал Вовочка. «Правильно. А еще?» Друг вырывает из тетради листок и показывает Вовочке. «Лист», – говорит тот. «Правильно. А еще?» «Членников» – говорит Вовочка. А учительница ему: «Не Членников, а Хренников, а ты, Петров, спрячь подсказку».

- Скажи, мальчик, у вас в семье кто самый старший?
- Пра-пра-пра-прабабушка.
- Так не бывает!!
- Бы-бы-бы-бывает!

Учитель. Составь предложение со словами «цыпленок», «желторотый», «вылупился».

Ученик. Серезка вылупился на мои кроссовки, как желторотый цыпленок.

Г о с т ь я (собирается уходить): «У меня мать к постели прикована!»

М и т я А. (6 лет), с негодованием:

– Галина Ивановна, почему вы приковали свою мать к постели?

Оля С. (4 года) долго смотрит на дворника, сгребющего громадной лопатой снег, говорит: *Нет, таких лопат не бывает!* – и, не оборачиваясь, уходит.

Оля С. (4 года): «Посмотри, как собака тараторит ножками!»

[Большая девочка – 5-летнему Арсению Л.]:

- Дура, ты же упадешь!
- Во-первых, я не дура, а дурак!

[Андрей С., 3 года – про жирафа на картинке]: Похож на подъемного крана.

Андрей С. (3 года) спрашивает: – «Знаешь, как солдаты просят есть?» Приставляет руку к виску: «Есть!»

Андрей С. (3,5 г.): – Галина Ивановна, а у тебя есть какая-нибудь детишка?

[Андрей С., 3,5 года – матери]:

Ты никуда-преникуда не уйдешь? Правда-преправда? Ты думаешь, я ни на что – прениначто не способен?

[Андрей С. (4 года) спрашивает про старшую сестру]:
– Я понимаю, что папу зовут Володя, маму Светлана, а как зовут Олю?

Андрей С. после долгого спора соглашается с отцом:

– Ну, ладно, папа. Давай сделаем так: я буду делать по-своему, а ты будешь делать по-моему.

Мальчик спрашивает: «А где мама от этой девочки?»

Из школьных сочинений

Онегин каждое утро мочился духами.

Маша Троекурова имела сношения с Дубровским через дупло.

Будни

– Вы уверены, что вот этот щенок будет подходящим подарком для моей маленькой племянницы?

– Безусловно, мадам. Он очень добр и доверчив, ест всё подряд и особенно любит детей.

Сержанту Иванову удалось объединить пространство и время; он сказал солдатам: «Копайте от забора и до обеда».

На военном смотре генерал спрашивает:

- Хватает ли вам еды, солдаты?
- Хватает! и даже остается!
- А что с остатками делаете?
- Съедаем! и даже не хватает!

- Я смотрю, товарищ солдат, вы слишком умный.
- Кто, я?
- Ну, не я же!

Умом ты можешь не блистать,
Но сапогом блистать обязан.

Солдат стоит на боевом посту. Из темноты появляется человек. Солдат: «Стой, стрелять буду!». Человек: «Стою». Солдат: «Стреляю».

Удовольствие москвичей.

- Эх, и встряхнулся же я сегодня!
- Что, покутил, что ли?
- Нет, в автобусе проехался.

- Тебе повезло на охоте за тиграми?
- О да, страшно повезло! Я не встретил ни одного.

Крестьянин приехал в город покупать корову. Торговец велосипедами уговаривает его: «Купите лучше велосипед! Подумайте, как глупо вы будете выглядеть,

когда въедете в деревню верхом на корове!» – «Да, но я боюсь, что еще глупее я буду выглядеть, когда буду нить велосипед!».

[Разговор посетителя с хозяином ресторана]:

– Скажи правду, ты добавляешь еще что-нибудь в пирог с зайчиной?

– Видите ли... Иногда я, ну, как вам сказать, добавляю конины...

– Ясно. И в каком соотношении?

– Поровну: один заяц на одну лошадь.

– Видимо, я очень похож на Христа. Вчера в автобусе одна старушка по ошибке даже сказала мне: – Господи, ну, куда ты прешь?!

– Скажите, здесь посылают на Кубу?

– Здесь посылают на..., а на Кубу – этажом ниже.

– Вот тут у вас в меню: «поросенок с хреном». Подайте, только хрен – отрежьте.

[Разговор при приеме на работу]: – Почему вы ушли с последнего места работы? – По причине усталости. – Какой усталости? – Не знаю. Просто они сказали, что очень от меня устали.

Лежат на витрине две курицы: импортная и советская. Импортная говорит:

– Боже, какая ты худая и синяя! То ли дело я: аппетитная, вся в целлофанчике, с фирменными наклейками.

– Зато я своей смертью умерла.

Умер учитель и попал на тот свет. Увидел открытые двери и зашел. Ему там понравилось, и он решил остаться. Вдруг к нему подходят и говорят:

– Что же вы здесь остались? Здесь ад, а вам положено в рай.

– Нет, я здесь останусь, – ответил учитель. – Мне после школы ад раем кажется.

Если вы стали думать о смене пола, то сначала почините крышу. [Эффект усиливается тем, что здесь задействовано также выражение «У вас крыша поехала».]

Маленький червячок, плача, спрашивает мать:

– Мама, мама, а где наш папа?

– Замолчи. Папа ушел с мужиками на рыбалку.

У зайца в лесу юбилей. Все его поздравляют. Решили послать приветственный адрес и волки. Написали и думают как подписаться «стая волков» или «группа товарищей». Думали, думали и подписались: «Стая товарищей».

Медведь, волк и лиса сели играть в покер. Перед началом игры медведь сказал: «Предупреждаю сразу: если кто-нибудь из вас будет жульничать, повторяю, если хоть кто-нибудь будет жульничать, тот сразу же получит по морде... по этой хитрой, нахальной рыжей морде».

После кораблекрушения петух и лиса плывут по морю, и вдруг лиса говорит: «Петя, не пыли, пожалуйста». Петух отплыл подальше, но лиса всё еще недовольна: «Петя, я еще раз тебя прошу, пока по-хорошему: не пыли». Петух подплыл к лисе и закричал: «На, ешь, только душу не тяни!»

Две дрессировщицы собак хвастаются:

– Моя Джильда читает газеты.

– Знаю, мне про это говорил мой Шарик.

Генерал, проезжая мимо озера, видит купающуюся белотелую женщину с длинными волосами и приказывает денщику:

– Иван, сплавай к этой даме и спроси ее, как она насчет поездки со мной в город, гостиницы, вина, картишек и так далее.

Денщик, вернувшись: – Ваше превосходительство, насчет поездки в город, гостиницы, вина, картишек они могут-с, а насчет так далее – никак-с, они поп-с.

– Официант, я хочу то, что ест посетитель за соседним столиком!

Официант:

– Так, сейчас я скажу тому господину, что его вызывают к телефону, а вы – действуйте!!

Разговор двух незнакомых дам в купе поезда:

– Сколько бы вы мне дали лет?

– Неужели вам своих мало?

– Смеею вас уверить: мне гораздо приятнее давать, чем получать.

– Вы убежденный филантроп?

– Нет, профессиональный боксер.

– Я могу любого изуродовать одним нажатием пальца!

– О, вы, наверное, мастер по джиу-джитсу?

– Нет, я – фотограф.

Перед прыжком с парашютом инструктор напутствует учеников:

– Чтобы не совместить два прыжка в одном, точно выполняйте мои указания.

– А как можно совместить два прыжка?

– Очень просто. Первый и последний.

В высоковольтных проводах
Недолго мучилась старушка,
И до сих пор лежит в кустах
Ее обугленная тушка.

Мимо кладбища идет ночью девушка. Страшно трясит. Вдруг ее нагоняет какая-то фигура. «Бойтесь?» – спрашивает, поравнявшись. «Боюсь». – «Я, когда живой был, тоже боялся».

- Финны – самые воинственные в мире мужчины.
- Почему так думаешь?
- Они даже спят с обнаженными финками.

– Знаешь, дорогая, работника, который чинил нашу крышу, задавил автомобиль.

– Господи, да что же это делается! Даже на крыше уже нельзя чувствовать себя в безопасности от этих машин!

Однажды Моллу спросили: «Молла, когда несут покойника, где быть лучше – впереди гроба или позади?» – «Где хотите, – ответил Молла, – только не посередине».

- Кума, почему ты не поставишь на огороде пугало?
- А зачем? Я и так целый день на огороде.

Две мышки прогуливаются по двору. Вдруг одна из них хватается другую за лапку: «Смотри, черная кошка!» – «Вы суеверны, милая?»

Объявление. Ищу учителя музыки, который научит или отучит соседскую девочку играть на пианино.

Генерал – полковнику: – Поставьте здесь шлагбаум или толкового майора!

[Иногда высказывание приписывается известному лицу, заведомо не имеющему к нему никакого отношения]:

Еще Гете считал, что валенки нельзя сушить на плите.

Бытие определяет сознание, – как говорил Шекспир.

Кто не рискует, шампанского не пьет, – как сказал Гомер.

Была не была, – как говорят англичане, несколько неточно цитируя Шекспира.

(по: Земская – Китайгородская – Розанова 1983)

Но шишка упала с большого сука
И тотчас вскочила на нос барсука.

В купе поезда:

– Позвольте представиться – Иванов. А вы?

– А я – нет.

В автобусе пьяного вырвало на кофточку стоявшей рядом девушки. «Свинья!» – кричит возмущенная девушка. «Да ты посмотри на себя-я!» – отвечает пьяный.

В битком набитом московском автобусе возмущенный пассажир вспоминает о мэре Москвы: «Лужкова бы сюда!» Другой пассажир возражает: «Ну, что вы? Нам и так тесно!»

Дайте простой и ясный ответ на следующий рыбацкий вопрос: «Что, рыбалка делает из человека вряля или рыбачат одни только вряли?»

– Я заметил, что говоря о пойманной вчера рыбе, ты разным собеседникам показываешь разные размеры.

– Да, я всегда показываю собеседнику именно такие размеры, в какие, я прикидываю, он может поверить.

На остановке:

- Когда она пойдет?
- Это не она, а он. Автобус.
- А я к ней под колеса не заглядывал.

Дама почтенного возраста обращается к известному журналисту:

- Вы не могли бы дать автограф пожилой женщине?
- Пожалуйста, но где она?

- Позвольте узнать, сколько вам лет?
- Недавно исполнилось двадцать семь.
- А сколько вам было, когда вы родились?

- Что будете пить, вино или водку?
- И пиво!

Водка – наш враг. Но кто сказал, что мы боимся врагов?!

Жена местного воротилы, застигнутая ливнем, укрылась в магазин:

- Сегодня у вас так тихо, – заметила она недавно поступившему сюда продавцу. – Обычно здесь столько народа.

- О да, мадам! Но взгляните на улицу! Какой дурак выйдет из дому в такую погоду?

Мужик ловит рыбу, выходит из леса ежик:

- Мужик, у тебя изолента есть?
- Нет...

Ежик молча уполз. Через час он возвращается:

- Мужик, держи изоленту!

Водитель автобуса каждое утро наблюдал, как к автобусу спешит и последней втискивается в него пожи-

лая женщина. Но вот однажды водитель закрыл перед ней дверь. «Не успела!» – подумал он, отъезжая.

В гостинице, где «всё для клиента».

– У вас клопы есть?

– Нет, но если желаете – можем запустить.

Дама, шутя, спросила молодого человека, будет ли он на ее похоронах. – «Без сомнения, сударыня, с величайшим удовольствием!»

Девушка на улице спрашивает встретившуюся ей женщину:

– Вы не скажете, где живет Анатолий?

– А кто вы ему?

– Я его сестра.

– Очень приятно. А я – его мать.

– Мы ищем бухгалтера.

– Как? Вы же взяли на работу бухгалтера неделю назад!

– Да, а теперь мы его ищем.

Анекдот периода антиалкогольной кампании в СССР:
Двое приятелей договорились называть в телефонных разговорах водку «книгой», вино – «журналом», а пиво – «газетой». Один звонит другому: «Знаешь, я книгу не достал. Журнал? Нет, тоже не нашел. Даже газет нет. Но ты все-таки приходи: ко мне тетка из деревни приехала, рукопись привезла» (= самогон).

Звонит телефон. Трубку поднимает отец трех дочерей. Не успел он открыть рот, как голос в трубке ласково спросил: «Это ты, моя лягушечка?» – «Нет, это говорит владелец пруда».

- Что за псих! Хотел ударить меня по лицу!
- Откуда ты взял, что он хотел?
- А если бы не хотел, то не ударил бы!

Из какого же прочного материала сделаны мужчины! На работе с них снимают стружку, дома пилят, а они всё живы!

Редактор провинциальной газеты поместил разоблачительную статью под заголовком: «Половина наших воротил – взяточники». Под давлением местных политиков он вынужден был дать опровержение под заголовком: «Половина наших воротил не взяточники».

- А это правда, что Иван Иванович выиграл машину в лотерею?

- Правда. Только не машину, а тысячу рублей. И не в лотерею, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл...

- Вы, милостивый государь, мне в подметки не годитесь!!

- Ну, это еще вопрос!!

- Я сейчас тащусь от Наташи.

- А я всегда от нее тащусь – замечательная девушка!

[Один из работающих на компьютере – другому]:

- Да ты, я вижу, совсем чайник, даже пар идет!

Новый русский в книжном магазине спрашивает: «Дайте мне, пожалуйста, книгу «30 щенков». Продавец: «У нас такой нет». «Как нет? – возмущается покупатель. – Вон на полке стоит». «Не «30 щенков», а 30-ЩЕНКО», – поправляет продавец.

Командированный посылает домой телеграмму: «Пришлите деньги», потом: «Пришлите деньги, меня выселяют из гостиницы», и, наконец: «Вашу мать выселили из гостиницы».

- Вот это да! Какая у тебя прелестная роза в петличке!
- Это не роза, а хризантема.
- Хризантема? А как она пишется?
- Э... а... гм... ты, пожалуй, прав, это роза.

Из газет. «В небе над Кореей доблестно сражаются китайские летчики-добровольцы Ван-ю-шин и Ли-си-цын».

- Я говорю про овцу, а ты про хвост.
- Кто, я прохвост?!

Дама с грудным ребенком входит в вагон метро. Никто не уступает места. Она обращается к мужчине: «Вы не могли бы поддержать ребенка?» – «Почему именно я?» – «На вас непромокаемый плащ».

Измученный долгим голодом бедняк увидел на скамейке богатую женщину и, чтобы вызвать у нее сострадание, упал на колени и стал есть траву.

- О, бедняга, что же ты делаешь?!
- Я так голоден, что готов есть даже траву.
- Как это ужасно! Пройди тогда к нам во двор. Там трава сочнее.

[Чрезвычайно распространена шутливая переделка пословиц, известных стихов. Комическое впечатление производит замена слов на неопределенные местоимения]:

Пусти кой-кого кой за что, так он и кой-что на кой-что («Пусти свинью за стол, так она и ноги на стол»);

Кой-кому кой-что не кой-что («Дуракам закон не писан»).

Письмо родителям:

...Днем я купаюсь, гуляю, а по вечерам с наслаждением отдаюсь пинг-понгу.

Ответ:

– Ну ничего, что китаец. Лишь бы человек хороший.

– Как тебе работается?

– Как в лесу! Что ни начальник – дуб, что ни подчиненный – пень, что ни бумага – липа.

Чем отличается французский студент от русского?

– Французский студент всегда слегка пьян, до синевы выбрит, а русский наоборот.

– Я заметил, что вы не ходите в церковь и сожалею об этом.

– Святой отец, я не хожу в церковь потому, что туда ходит много лицемеров.

– О, пусть это вас не смущает: в нашей церкви всегда найдется местечко еще для одного.

Старик – это остров сокровищ: в волосах у него серебро, в зубах – золото, в кишечнике – газы, в костях – соли, а кроме того, масса строительных материалов: в желчном пузыре – камни, в моче – песок, в легких – известь...

Лев обращается к Тигру:

– Ну, как новый укротитель?

– Пожурем – увидим...

Лозунг: Одернут немедленно должен быть всякий,
Кто кусает прохожих посредством собаки.

– Этот галстук стоит 80 крон?! Да за эти деньги я куплю пару туфель!

- Да, конечно, но не будете ли вы глупо выглядеть с парой туфель на шее?

Заканчивая проповедь, священник воскликнул:

- И не забывайте братья и сестры, что наступит день, когда вы все, мои прихожане, уйдете в мир иной!

Из толпы плачущих прихожан раздался смех.

- Да, да, каждый из вас умрет, - настойчиво повторил священник.

Сзади снова послышался смех.

- Почему ты смеешься, сын мой?

- Потому, святой отец, что я не из вашего прихода!

В магазине женщина придирчиво и очень долго выбирает метлу. Продавец взмок. Наконец, выбрала: «Вот эту». - «Мадам, вам завернуть или так полетите?»

- Вы знаете, когда я здесь появился, у меня даже приличной одежды не было!

- А когда я здесь появился, у меня вообще не было никакой одежды.

- Да бросьте шутить!

- Какие шутки, дорогой друг, я просто здесь родился!

- У вашей собаки хорошая родословная?

- У нее? Да если б она умела говорить, она бы не стала разговаривать ни с вами, ни со мной!

Корреспондент берет интервью у болельщиков:

- Ваша любимая команда?

- «Спартак».

- А Ваша?

- «Динамо».

Подходит к генералу:

- Какая ваша любимая команда?

- Моя любимая команда «Смирно!»

- Позовите к телефону Васю.
- Васи нет дома, а что ему передать?
- Передайте ему три рубля.

- Черт бы его побрал, этот лифт! Часто поднимаюсь пешком.
- Что, не работает?
- Работает. Но на кабине надпись: «Только на 4 человека», и каждый раз приходится ждать еще троих.

Разговор двух официантов:

- А ты не знаешь, почему это бутерброд с маслом всегда падает на пол вниз маргарином?

Новый русский в художественном салоне выбирает картину. Видит на обороте этикетку «Сальвадор Дали». Говорит продавцу: «Ну, это, заверните мне вот эти «Сальвадорские дали».

В шуточном рисунке, изображающем космовокзал XXII века, художник поместил объявление: «Пассажиры, возвращающихся с Луны, просят звезд с неба не хватать» (пример из: Лук 1977).

Спикер Государственной Думы делает выговор лидеру одной из фракций (Жириновскому), снявшему во время заседания пиджак и галстук: «Владимир Вольфович, вы в государственном учреждении!». «А мне сама английская королева разрешила сидеть в таком виде!» – ответил Жириновский, и не солгал: в Англии, на заседании парламента, где Жириновский также начал раздеваться, королева сказала: «Мистер Жириновский! Вы можете в Государственной думе сидеть в таком виде, а здесь, в английском парламенте, извольте вести себя прилично!»

Врачи и больные

Больной нуждается в уходе врача. И чем дальше уйдет врач, тем лучше.

– Доктор, ваш диагноз не подтверждает ни один другой врач.

– Ну что ж. Вскрытие покажет, кто был прав.

Встречаются два старичка: «Здравствуй. Ты как себя чувствуешь?» – «Спасибо, намного лучше, чем завтра».

В психбольнице удалось вылечить больного, который считал себя зерном. Теперь на все вопросы он отвечал, что он человек, а не зерно, как ошибочно считал раньше. Довольные врачи выписывают его из больницы. Однако через несколько минут после выписки он, бледный, прибежал обратно в больницу: «Там куры!» – «Ну и что? Вы же знаете, что вы человек, а не зерно». – «Я-то знаю, а куры-то не знают!»

В провинциальной больнице медсестра делает укол артисту Юрию Никулину и, всаживая иглу, говорит: «Первый раз в жизни вижу в лицо народного артиста!»

В отделение скорой помощи звонит мужчина и сообщает, что один из его гостей проглотил штопор.

– И что же вы делаете?

– Да вот, бутылки вилкой открываем.

Хоронят двоих молодых людей. Очевидец рассказывает:

– Они поспорили, кто дальше из окна трамвая высунется.

– И что же?

– Тот, что в правом гробу, выиграл.

– Спасибо, доктор, что вы излечили меня от мании
всличия. Сколько миллионов я вам за это должен?

Санитары везут на каталке больного.

– Куда вы меня везете? – спрашивает больной.

– В морг.

– Но ведь я же еще не умер!

– Но ведь мы еще и не доехали!

Автомобилист, сбивший семерых прохожих, разбивший три машины и врезавшийся затем в витрину магазина, через три дня приходит в себя в госпитале и видит склонившегося над ним врача в белом халате.

– Ну как, доктор, мои дела? – еле слышно спрашивает он.

– А вот как, любезный: мне принесли анализы, в вашем алкоголе почти нет крови.

– Доктор, за последнее время я сильно сдал как мужчина. А вот моему соседу Рабиновичу под 70, а он говорит, что может три раза за ночь.

– А вам что мешает? Вы тоже говорите!

Лучше журавль в небе, чем утка под кроватью.

У сумасшедшего спрашивают: «Кому письмо пишешь?» – «Себе». – «А о чем?» – «Получу – узнаю».

– Есть ли у вас проблемы с алкоголем?

– Нет. А вот без него...

Старая женщина впервые в жизни осмелилась попробовать пива. Она сделала один глоток и очень удивилась:

– Странно! У пива такой же вкус, как у лекарства, которое муж принимал последние двадцать лет!

Доктор. Гм! Я никак не могу поставить точного диагноза. Думаю, что всё это из-за пьянки.

Пациент. О, я вас понимаю, доктор. Прикажете прийти в другой раз, когда вы будете трезвым?

- Доктор, почему вы всегда спрашиваете своих пациентов, что у них было на обед?

- Чтобы сориентироваться, сколько можно взять с них за визит.

Врач - пациентке: «Раздевайтесь!» - «А вы, доктор?».

Медведь сел на ежа и сказал:

- За что я любил покойного, так это за острую критику снизу.

[На похоронах]: - Спи спокойно, дорогой товарищ! Память о тебе, видишь ли, надолго сохранится в наших сердцах. Понял, нет?

Человек гуляет по кладбищу и видит пышные похороны: оркестр, гора венков... Он спрашивает старушку:

- Не знаете, от чего он умер?

- А ты ленты на венках почитай, там написано от чего.

«От месткома», «От парткома», «От группы товарищей», «От любящих жены и сына»...

С какой-то грустью смотрел я на покойника (пример Т.М.Николаевой).

- Ты знаешь, Иван Иванович умер!

- Как! Иван Иванович!? Умер!? То-то я вижу: его вчера в гробу несут...

На столбе объявление:

«Перевозу с немецкого и армянского на Ваганьковское».

*Эпитафии, где умершие
обращаются к живым*

Я дома, вы в гостях.
Прохожий, мерными шагами
И я бродил между гробами
И надписи и тут и там читал,
Как ты теперь мою читаешь.
Намек, надеюсь, понимаешь?

Дорогая, теперь-то ты веришь, что я действительно был болен?

«Полицейские и воры»

Ограбленный бандитами человек требует: «Немедленно верните деньги! Немедленно верните деньги, а то будет как вчера!» Испуганные бандиты возвращают деньги, а потом спрашивают: «А как было вчера?» – «А вчера так и не вернули».

Двое, сойдя на полустанке, идут лесополосой. Вдруг один выхватывает нож и грозно спрашивает:

– Деньги есть?

– А тебе зачем? – отвечает другой, достав из-за пояса топор.

– Да разменять думал...

[Клиент – своему адвокату]: «Обвиняемый не оплатил мой счет и послал меня к черту». – «Ну, и что же вы после этого сделали?» – «Пришел к вам».

Три свидетеля под присягой показали, что видели, как обвиняемый украл свинью. Хитрый адвокат обви-

няемого сказал, что у него есть двенадцать свидетелей, готовых под присягой показать, что не видели, чтобы обвиняемый украл свинью. Мировой судья промолвил с должным достоинством: – Если имеются двенадцать человек, которые не видели, как он украл свинью, и только трое, которые видели, я снимаю с него обвинение.

Судья – подсудимому:

– Почему вы не взяли себе защитника?
– Все адвокаты отказываются вести мое дело, как только узнают, что я действительно не брал этих пяти миллионов.

– Вы видели, как преступник задушил вашу тещу?
– Видел, господин судья.
– Почему же вы не бросились на помощь?
– Я хотел, но когда увидел, что он и сам справится, решил не вмешиваться.

Два грабителя изучают витрину ювелирного магазина.
– Видишь вон тот большой алмаз справа? Сколько, по-твоему, на нем можно заработать?
– Всё зависит от судьи...

Преступник, которого в понедельник ведут на казнь, говорит: «Ничего себе неделька начинается!».

[В темном переулке.]

«Гражданин, вы не видели поблизости милиционера?» – «Нет». – «Тогда снимайте пальто».

Спрашивают должника: «Когда же заплатите вы мне свой долг?» – «Я и не знал, что вы так любопытны», – отвечает тот.

Молодого прокурора упрекнули за слишком строгое обращение с подсудимыми. На очередном судебном процессе он восклицает, увидав вводимого в зал подсудимого:

– А кто это к нам пришел?! А кто это ба-абушку убил?!

«Куда вы попадете, если воткнете нож между четвертым и пятым ребром?» – спрашивает профессор на экзамене у студента-медика. – «В тюрьму», – отвечает, не задумываясь, последний.

(З. Фрейд 1925)

– Представляешь, моему другу точно предсказали будущее на семь лет вперед.

– И кто же был этот пророк?

– Судья, который читал приговор.

На улице

– Дядь, дай закурить?

– А волшебное слово?

– А в глаз?

По морде схлопотать – дело не хлопотное.

Разговор судьи и подсудимого:

– Как часто вы занимаетесь воровством?

– От времени до времени...

– А где вы крадете?

– О, то здесь, то там!

– Всё ясно, ведите его в тюрьму.

– А когда меня выпустят?

– О, раньше или позже!

Судья: – Это преступление было совершенно настоящим мастером своего дела, и проведено оно было очень умно и тонко.

Подсудимый, покрасневший от смущения: – Не надо, господин судья, вы мне льстите.

Двое осужденных водворяются в тюремную камеру.

– Тебе сколько дали? – спрашивает один.

– Десять лет. А тебе?

– Пять лет.

– Значит, ты выйдешь первым. Занимай тогда койку поближе к двери.

Как пользоваться автоматом для получения денег?

1. Зайти в отделение банка.

2. Достать автомат.

3. Получить деньги.

Учитель. Приведите пример употребления выражения «к счастью».

Ученица. Грабители подстерегли на пустынной дороге путника и убили его. К счастью, он не захватил с собой денег.

– Свидетель, вы знаете подсудимого?

– Да. Мы с ним работали в банке.

– Когда это было?

– Числа не помню, но дело было на рассвете, примерно в четыре утра...

– Скажите, Гоша дома?

– Он на даче.

– Как, у вас есть дача?

– Нет, он на даче показаний в прокуратуре.

– Мадам! На этой неделе вы сбили уже пять человек. Это уже слишком.

– А сколько можно?

В Риме итальянка, разгневанная равнодушием проходящего по улице советского туриста, кричит: «Кастрато!.. Импотенто!..» Переводчик переводит: «Уходи, я тебя больше не люблю!»

Русские мафиози за границей хватают местного жителя, знающего, где зарыт клад. Через переводчика они говорят ему: «Говори, где зарыт клад, или мы тебя расстреляем!» Он отвечает: «Вон от того дерева двадцать метров на юг, а потом десять метров на восток». Переводчик переводит бандитам: «Он говорит, что ни за что не скажет. Лучше, говорит, расстреляйте его вон под тем деревом».

Евреи

Два еврея встретились в вагоне поезда. На вопрос первого: «Куда едешь?» второй отвечает «В Лемберг», и когда он в Лемберге собирается выходить, первый кричит: «Какой же ты лгун! Ведь ты сказал, что едешь в Лемберг, чтобы я подумал, что ты едешь в Краков, а ты, оказывается, едешь в Лемберг! Зачем ты меня обманул?»

(З. Фрейд 1925)

– Гольдберг, за вами рубль!

– Где?!

– Вот, Лева, когда я был такой, как ты, семилетний мальчик, у меня не было ни отца, ни матери. Я рос у чужих и часто не было чего есть...

– Да, но зато с тех пор, как ты у нас живешь, тебе, папа, ведь хорошо: тебя кормят три раза в день...

– Тетя Сара, – кричат пацаны, – ваш Борька опять из помойки ест...

Тетя Сара выглядывает из окна:

– Борис! Сколько раз я тебе говорила: не наедайся перед обедом.

Бабушка, а кто такой Карл Маркс? – Деточка, Карл Маркс был экономистом. – Как наш дедушка Изя? – Нет. Дедушка Изя старший экономист.

– Мама, давай назовем нашего котенка Изей!

– Нельзя, сынок, это человеческое имя. Назовем его Васька.

Изя, если ты еще раз дернешь дедушку за нос, я закрою крышку гроба!

– Это правда, что Мойша дал тебе пощечину, а ты никак не отреагировал?

– Ничего себе «не отреагировал»! А кто же тогда упал?

Бабушка спрашивает маленького Леву:

– Кто это разбил окно?

– Мама. Но виноват папа. Он пригнулся, когда тарелка летела ему в голову.

В Советском Союзе жена-еврейка – это не роскошь, а средство передвижения.

[Обыгрывается известное выражение: *Машина – не роскошь, а средство передвижения.*]

– Папа, там во дворе Розочку насилуют на наших дровах!

– Это не наши дрова.

В советском магазине объявление: «Сегодня евреям сметана не продается». Возмущенные покупатели тре-

буют директора. На крик продавщицы: «Лев Абрамович, вас просят покупатели», является директор. «Почему нам сегодня не продается сметана? Это безобразие, антисемитизм!» – «А вы пробовали сегодняшнюю сметану?» – спрашивает директор.

На вокзале еврей спрашивает служащего:

– Скажите, здесь вход для депутатов парламента?

– Да, проходите, пожалуйста.

Его спутника: «Разве вы депутат парламента?» – «А я и не говорил, что я депутат. Я просто спросил, здесь ли вход для депутатов».

– Рабинович, дай сотню взаймы.

– После возвращения из Парижа.

– Ты едешь во Францию?

– И не думаю.

[Сваха]: – У меня есть на примете очень хорошая невеста, но вы вряд ли захотите на ней жениться... – Но почему? Старая? – 16 лет. – Очень некрасивая? – Писаная красавица. – Значит, бедная? – Первые богачи в местечке. – Так в чем же дело?! – Видите ли, она немножко, чуть-чуть беременна...

Секретарь спросил Рабиновича, почему он не был на последнем партсобрании. – «Если бы я знал, что оно последнее!»

Рабинович, проходя вместе с ноябрьской демонстрацией перед трибунами, поднимает руку и кричит:

– Пламенный привет! Пламенный привет!

– Рабинович, с каких это пор вы их так любите? – тихо спрашивает идущий рядом Абрамович.

– Не могу же я прямо заявить: «Чтоб вы сгорели!»

Утром за завтраком.

– Сема, пей кефир, чтоб ты сдох, тебе нужно поправляться!

[Анекдот, рассказанный Аркадию Райкину Леонидом Утесовым]:

Дежурным офицерам французского Генштаба категорически запрещалось: 1) приводить женщин, 2) пить, 3) играть в карты.

Заслышав приближающегося генерала, три офицера поспешно побросали карты под стол.

Генерал, однако, почувал неладное и приступил с допросом.

«Вот ты – кто?» – «Католик я». – «Клянись на Библии, что не играл в карты». – «Клянусь Всемогущим Богом, что не играл в карты».

«А ты кто?» – «Магометанин». – «Клянись на Коране, что не играл в карты». – «Клянусь Аллахом, что не играл в карты».

«А ты кто?» – «Таки еврей». – «Клянись – что у вас там, – на Талмуде, что не играл в карты». – «Таки зачем мне клясться?! Этот – не играл в карты, этот – тоже не играл в карты! Таки с кем я мог бы играть в карты?!»

«Лица кавказской национальности»

У азербайджанского радио спрашивают: «Что такое дружба всех народов?»

Азербайджанское радио отвечает: «Это когда мы, азербайджанцы, вы, русские, турки, немцы, американцы и все-все-все, тесно сплотившись, идем бить армян».

У армянского радио спрашивают:

– Каков идеальный вес для тещи?

– 5 кг вместе с урной.

- Хорошо ли в Армении с мясом?
- С мясом в Армении хорошо, а без мяса в Армении очень плохо!

Армянское радио спрашивает:

- Кто это там сидит и сочиняет анекдоты?

Армянское радио отвечает:

- Кто сочиняет, тот и сидит!

Армянское радио было закрыто за то, что оно не могло объяснить, почему слово *квас* пишется вместе, а *к вам* – отдельно, *ананас* – вместе, а *мы а* – отдельно.

Из кого состоит Верховный Совет СССР?

Армянское радио отвечает:

- Из людей, ни на что не способных и одновременно способных на всё.

В Армянское радио пришел вопрос из Америки: «Сколько получает советский инженер?». После долгого молчания армянское радио ответило: – А у вас негров линчуют.

Армянское радио спрашивают: «Что такое телеграфный столб?»

Армянское радио отвечает: «Это хорошо отредактированная сосна».

Товарищ Карапетян просит исполнить сонату си-минор Листа.

Отвечаем: Не выпендривайтесь, товарищ Карапетян.

Армянское радио спрашивают: «Какая разница между разведчиком и шпионом?»

- «Разведчик – это наш, шпион – их».

На кладбище покойник-грузин кричит в соседнюю могилу: «Гиви, хватит валяться, пайдем па Маскве пагуляем!» Потом с удивлением смотрит на Гиви, идущего рядом с могильной плитой на голове: – «Зачем, дарагой?!» – «Ну, в Маскве без документов сейчас нельзя хадить!»

На состязании по водному поло тренер кричит своему игроку, завладевшему мячом и рвущемуся к воротам противника: «Отдай мяч Гиви!» Игрок, видя, что Гиви далеко позади, а ворота соперника близко, устремляется вперед, забивает гол и торжествуя кричит тренеру: «Вот видите, я гол забил!» Тренер отвечает: «Гол-то ты забил, а Гиви утонул!»

Знаменитая западная кинозвезда гастролирует в Грузии. Накануне ее отъезда Гиви приходит в гостиницу и предлагает ей тысячу долларов только за то, чтобы при отъезде она помахала ему рукой и крикнула: «Чао, Гиви!» На следующий день, садясь в вагон она приветливо улыбается Гиви, стоящему на перроне с группой своих приятелей: «Чао, Гиви!» Тот досадливо махнул рукой и буркнул: «Уезжай, надоела!»

Грузин спрашивает у русского: «Ты сколько зарабатываешь?» – «Ну, когда 100 долларов, когда и того меньше». – «У меня тоже: день на день не приходится».

У грузина спрашивают: «Какие девушки, отдыхающие, тебе больше нравятся – загорелые или незагорелые?» – «Конечно, незагорелые – у них денег больше».

– Папа, мы все грузины. А мой старший брат Гиви – он тоже грузин?

– Нет, сынок, он новый русский.

Информационное агентство сообщает: «В результате спецоперации на территории Чеченской республики захвачено несколько полевых командиров, в том числе таких известных, как:

Ушат Помоев
Улов Налимов
Заради Недугов
Рекорд Надоев
Отряд Ковбоев
Подрыв Устоев
Погром Евреев
Поджог Сараев
Исход Изгоев
Обвал Забоев
Камаз Отходов
Развод Супругов
Забег Дебилов
Парад Уродов.

Среди арестованных также воевавший на стороне боевиков абхазский снайпер Партучеба».

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Из зарубежного юмора**

В прошлое воскресенье рано утречком, часов примерно в шесть вечера, я плыл на всех парусах через горы, когда повстречался вдруг с двумя всадниками в карете, сидевшими верхом на одном муле, и спросил их, не знают ли они, на какой час назначена свадьба Билла Хэннефорда, которого отпевали вчера в нашей церкви.

(«Бабушкин дедушка»)

Омар Хайям

Не осталось мужей, коих мог уважать,
Лишь вино продолжает меня улаживать.
Не отдергивай руку от ручки кувшинной,
Если в старости некому руку пожать.

«Как там – в мире ином?» – я спросил старика,
Утешаясь вином в уголке погребка.
«Пей! – ответил. – Дорога туда далека,
Из ушедших никто не вернулся пока.

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил – разве жил? Отвечай!

Брось молиться, неси нам вина, богомол,
Разобьем свою добрую славу об пол.
Все равно ты судьбу за подол не ухватишь –
Ухвати хоть красавицу за подол.

* См. также раздел «Исторические анекдоты».

[В комедии Карло Гольдони «Семья антиквария, или Свекровь и невестка» (пер. А.В.Амфитеатрова) обманщик Арлекин задорого сбывает графу Ансельмо кучу хлама, выдавая его за антикварные редкости. При этом себя он выдаёт за заезжего армянина, хотя из армянского языка знает только «-янец», которым он и оканчивает каждое слово. Любопытно, что одураченный Ансельмо также переходит на «армянский язык» (цитирую по: Новиков 1989)]:

Ан с е л ь м о . И если будянец еще... еще редкостьянец, обязательно приносянец.

А р л е к и н . Да, да, приносянец, приходянец, обставлянец.

– То ли это место, где герцог Веллингтон произнес эти слова?

– Да, это то место, но этих слов он никогда не произносил.

(по: Фрейд 1925)

Лучшее лекарство от перхоти – гильотина.

(пример из: Лук 1977)

«Ехать так ехать!» – как сказал попугай, когда кот потащил его из клетки.

(Ч.Диккенс, «Посмертные записки Пиквикского клуба»)

Когда кучера графа Сен-Жермена, иллюзиониста и шарлатана, спросили, верно ли, что графу четыреста лет от роду, тот ответил: «Не знаю точно, но за те сто тридцать лет, что я у него служу, граф нисколько не изменился».

(А.Вадимов и М.Тривас «От магов древности до иллюзионистов наших дней». М., 1979)

[Женщина излагает свои пожелания (даже, пожалуй, требования) в виде опасений]:

- Тебя попробуй лишь пусти...
- «Пусти!» – сказал Финдлей.
- Уснуть не дашь ты до зари...
- «Не дам!» – сказал Финдлей.

(Р.Бернс, пер. С.Маршака)

[Стихи Франсуа Вийона, приговоренного к повешению, написанные им в ночь перед казнью]:

Я Франсуа, чему не рад,
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает завтра шея.

(Франсуа Вийон, по: Лук 1977).

Жена моя в гробу!

Рабу

Устрой, господь, твою

В раю.

Подчас она хитрила

(Нельзя же без того!)

Но искренно любила...

Соседа моего.

(Беранже, «Плачущий муж», в пер. В.Курочкина)

Хвалю я пьесу вашу, сэр,

Особенно вторую часть.

Но почему бы, например,

Вам и начало не украсть?

(У.Оден, пер. С.Маршака)

Концерт по заявкам

– Играет ли оркестр по заявкам публики? – спросил Бернард Шоу у дирижера шумного ресторанного оркестра.

– Конечно, сэр.

– Отлично. В таком случае попросите его сыграть в домино.

(«Музыканты шутят»)

Известный итальянский певец после концерта сказал своему аккомпаниатору, который играл слишком громко: «Спасибо, маэстро, за то, что вы дали мне возможность сопровождать вашу чудесную игру своим пением».

Бернард Шоу, показывая свой портрет одному из приятелей, как-то заметил: – Странная вещь: с течением времени этот портрет становится всё моложе и моложе.

Одна настойчивая дама спросила Шоу, как лучше писать, чтобы стать известным писателем.

«Слева направо», – ответил Шоу.

Рекомендация

Бернард Шоу написал для начинающего актера письмо такого содержания: «Искренне рекомендую Вам молодого актера. Он играет Гамлета, Шейлока, Цезаря, на флейте и в бильярд. Лучшее всего он играет в бильярд».

(«Музыканты шутят»)

О концерте хора врачей он [Бернард Шоу] отозвался кратко: «Вчера пели медики. Им надо еще раз напомнить об их врачебном долге: хранить молчание».

Мужская свобода тоже кое-чего стоит. Когда мужчины холост, все женщины палят по нему как развеселившиеся охотники по дикой утке.

(Б.Шоу, по: «Ларец острословов»)

Престарелый Б.Шоу успокаивает сконфуженного лихого велосипедиста, который сбил его с ног:

– Да, вам не повезло. Прояви вы чуть больше прыти, и вы бы вошли в историю, став моим убийцей.

(по: Лук 1977)

Нет сомнения, что христианство будет существовать даже через тысячу лет (в виде чучела в музее).

(Марк Твен, «Из записных книжек»)

Я не так легко теряю самообладание, но если потеряю, его не найдешь даже с ищейкой.

(Марк Твен «Из записных книжек»,
по: «Ларец острословов»)

– Вы уже дрались на дуэли?

– Нет, но я уже получил пощечину.

(Жюль Ренар, «Из дневника»)

У меня не было времени написать короткое письмо, и я написал длинное.

(Г.Лессинг)

Один из друзей Генриха Гейне, желая подшутить над поэтом, прислал ему объемистый пакет, в котором было много вложенных друг в друга конвертов. В последнем из них лежала записка: «Я жив и здоров». Через неделю почтальон принес этому приятелю большую посылку. В ящике лежал увесистый камень и записка Гейне: «Этот камень свалился у меня с души, когда я узнал, что ты в добром здравии».

(Пример из: Лук 1977)

Оказалось, что она не прочь. Да еще как не прочь!
(Э.Калдуэлл, «Случай в июле», по: Лук 1977)

Трагедия старости не в том, что стареешь, а в том, что остаешься молодым.

(Оскар Уайльд, по: «Ларец острословов»)

Эта женщина и в старости сохранила следы изумительного своего безобразия.

(Оскар Уайльд, по: Лук 1977)

Джером К. Джером

(«Как мы писали роман», в пер. Е.Полонской и В.Давиденковой; «Трое в лодке, не считая собаки», в пер. М.Донского и Э.Линецкой; «Трое на четырех колесах», пер. А.Ливерганта; «О суете и тщеславии» и др.)

Речные дома в те дни еще не достигали размера пароходов, плавающих по Миссисипи, а были совсем маленькими. <...> Хозяин арендованного нами домика называл его «компактным». Тот, кому мы в конце первого месяца пытались переуступить его, охарактеризовал его как «курятник»).

Всё на свете имеет свою оборотную сторону, как сказал один человек, когда у него умерла теща и пришлось раскошелиться на похороны.

Это был изумительный сыр, острый и со слезой, а его аромат мощностью в двести лошадиных сил действовал с ручательством в радиусе трех миль и валил человека с ног...

Любопытно: что если бы Гаррис вдруг возродился к новой жизни, сделался бы выдающимся и порядоч-

ным человеком, стал бы премьер-министром и потом умер, – появились бы на вывесках трактиров, к которым он благоволил, надписи вроде следующих: «Здесь Гаррис выпил кружку светлого»; «Здесь летом 1888 г. Гаррис пропустил два стаканчика холодного шотландского»; «Отсюда в декабре 1886 г. вывели Гарриса»? Не думаю. Таких надписей было бы слишком много! Скорее прославились бы те питейные заведения, куда он ни разу не заглядывал. «Единственная пивная в Южной части Лондона, где Гаррис не выпил ни одного глотка!» – и толпа повалила бы туда, чтобы поглазеть на такое диво.

[О дамах, приглашенных на лодочную прогулку.]

Одна из них притронулась к сиденью пальчиком, обтянутым перчаткой, и показала результат исследования своей подруге; обе вздохнули и уселись с видом мучениц первых веков христианства, старающихся поудобнее устроиться на костре.

Монморанси [фокстерьер] пригласил двух знакомых собак проводить его, и они коротали время, грызаясь у крыльца.

Омут у Сэндфордской запруды, сразу же за шлюзом, – настоящая находка для всякого, кто ищет подходящего местечка, чтобы утопиться. Здесь необычайно сильное подводное течение: стбит лишь вам туда попасть – и дело в шляпе.

Тоном, не допускающим возражений, он [старший мальчик] велит остальным детям убираться. Они и не думают возражать; в гробовой тишине они все как один бросаются на него. С кровати вам виден лишь клубок тел, напоминающий сильно нетрезвого осьминога...

...однажды Гаррис оскорбил патриотические чувства Джорджа, предложив ввести в Англии гильотину. «Это гораздо гигиеничнее», – заметил Гаррис. «А мне плевать, – вспыхнул Джордж. – Я англичанин и хочу умереть на виселице».

Они (рыболовы) говорили, что у меня поразительно точный бросок, и за глаза хватит сообразительности, и что я в достаточной мере лодырь от природы. И всё же они считали, что я никогда не добьюсь успеха в рыбной ловле.

...представьте себе человека, который, объясняясь в любви, принципиально ни на шаг не отступает от правды, не говорит ни одного комплимента, не позволяет себе никакого преувеличения и щепетильно придерживается фактов. Представьте себе, что он восхищенно смотрит в глаза своей возлюбленной и тихо шепчет ей, что она далеко не безобразна, не хуже многих других девушек. <...> Прижимая девушку к своему сердцу, он объясняет ей, что носик у нее хотя и пуговкой, но симпатичный, и что ее глаза, – насколько он может судить, – кажутся ему соответствующими среднему стандарту, установленному для органов зрения.

Может ли подобный поклонник выдержать сравнение с человеком, который скажет той же девушке, что лицо ее подобно только что распустившейся пунцовой розе, что волосы ее сотканы из залетного солнечного луча, плененного ее улыбкой, и что глаза ее – две вечерние звезды?

С. Шамфор

Чтобы не осквернять слово «римлянин», Дюкло всегда называл современных римлян «итальянцами из Рима».

Некий сельский священник воззвал к прихожанам во время проповеди: «Дети мои, помолимся за владельца этого замка, который скончался в Париже от тяжких увечий» (его там колесовали).

К гну де Ла Реньеру ездят все: у него отличный стол, хотя сам он – человек смертельно скучный. М. не зря сказал о нем: «Его объедают, но не переваривают».

Умиряющего Фонтенеля спросили: «Как вы себя чувствуете?» – «Чувствую, что уже ничего не чувствую», – отозвался он.

Некая девица покаялась на исповеди: «Святой отец, я очень уважала одного молодого человека». – «Уважала? Сколько раз?» – спросил исповедник.

В слове «дорогой» есть и нечто нежное, и низменное: оно равно выражает любовь и скупость, как бы подразумевая, что кошелек неотрывен от сердца.

(А. де Ривароль, по: «Ларец острословов»)

Ничто так часто не отсутствует, как присутствие духа.

(А. де Ривароль, по: «Ларец острословов»)

Однажды <...> император [Нерон] читал в узком кругу отрывок из своей «Троики», и, когда он закончил чтение и смолкли хвалебные возгласы, Петроний, отвечая на вопросительный взгляд императора, сказал: «Плохие стихи, они достойны того, чтобы бросить их в огонь».

Присутствующие замерли от страха – Нерону с детских лет ни от кого не доводилось слышать подобного приговора. <...>

Медоточивым голосом, чуть дрожащим от глубоко уязвленного самолюбия, Нерон спросил: «Что же ты находишь в них плохого?»

И тут Петроний дал себе волю. <...> – Ты спрашиваешь, что плохого в твоих стихах? Если хочешь знать правду, скажу: они хороши для Вергилия, хороши для Овидия, даже для Гомера хороши, но не для тебя. Тебе такие стихи непростительны. <...> Кому боги дали столько, сколько тебе, от того можно больше требовать.

(Г. Сенкевич, «Куда идешь?», в пер. Е. Лысенко)

[Читатель советует поэту, как преодолеть основные его (поэта) затруднения]:

Вы часто спрашиваете, где ваши друзья юных лет, и настаиваете, чтобы вам их вернули. Насколько мне известно, те из них, которые сейчас не в тюрьме, по-прежнему живут в вашей родной деревне, <...> вы имеете возможность к ним присоединиться и быть с ними в час их веселья. <...>

Как-то раз вы выразили недоумение по следующему поводу:

Путь держит за море любовь моя.

Как же случилось это?

Полагаю, что всё было очень просто: она купила билет и ехала в отдельной каюте. Вряд ли она путешествовала третьим классом или на палубных местах.

(Стивен Ликок, «Ответ поэту»)

Винифред поселилась в одной из бедных квартир беднейшей части Лондона. <...> Здесь сидела она на своем сундуке, мужественно строя планы будущего.

(Стивен Ликок, «Неотразимая Винни», пер. С. Займовского)

В голосе сурового старого адвоката послышалось нечто вроде чувства, в глазах его на мгновение блесну-

ло нечто вроде слез, которые он вытер чем-то вроде носового платка.

*(Стивен Ликок, «Неотразимая Винни»,
пер. С. Займовского)*

Чтобы не быть пристрастным, я никогда не читаю книгу, которую я рецензирую.

(Сидней Смит)

[Об умершей жене]: – Анджела ни в чем не испытывает недостатка. Я имею в виду памятник, мессы, надгробные цветы.

(И.Тердзоли и Э.Вайме, «Ночь в Венеции»)

Член английского парламента Бэсси Брэддок крикнула Уинстону Черчиллю: «Уинстон, вы пьяны!». Черчилль ответил: «А вы, Бэсси, уродливы. Я-то завтра буду трезв...»

(Суета сует)

Леди Астор сказала Уинстону Черчиллю: «Если бы вы были моим мужем, я бы подсыпала вам яд в кофе». Черчилль ответил: «Если бы вы были моей женой, я бы этот кофе выпил».

Дилан Томас

(«Портрет художника в щенячестве, в пер. Е.Суриц»)

Он снова пустил лошадь, и мы с грохотом покатали сквозь режущий ветер. Дядя ежился, натягивал на уши кепку; а кобыла была как тяжело трусящая статуя...

[Молитва]:

– О, Господи, Ты всегда и везде, Ты в росе на заре и в вечернем морозе, в городах и всях, в проповедни-

ке и грешнике. <...> Ты нас видишь и по темным углам и на широких просторах, и под одеялом, когда мы громко храпим, и в страшной темной тени, в страшной темной тени. Все-то Ты видишь. О Господи, Ты прямо, ей-богу, как кот.

Я в первый раз гостил у бабушки. Доски пищали, как мыши, когда я влезал в постель, а мыши в стене скрипели, как доски, будто там на них наступает кто-то еще.

П. Г. Вудхауз

(«Держим удар, Дживс!», «Этот неподражаемый Дживс», в пер. И.Шевченко)

...Десять минут назад я видел, как он целуется с парварихой, – проговорил Спод сквозь зубы, заскрежетал ими – на этот раз я хорошо расслышал скрежет, – и выскочил из комнаты. <...> Когда я устремился в открытое пространство, Спод еще находился в пределах видимости. Он двигался на северо-северо-восток.

...один из них [детей на роликовых коньках], летевший опрометью с опущенной головой и скоростью сто миль в час, протаранил меня в районе третьей пуговицы жилета.

Он [путешественник Планк] много лет подряд являлся куда его не звали, то в Бразилию, то в Конго, то еще куда-нибудь. И ни один из аборигенов даже не потрудился проткнуть его копьем или, на худой конец, пустить в него отравленную стрелу из фамильного духового ружья.

[Жених – невесте, давшей в газете объявление об их помолвке]: ...зачем трубить на весь свет, что ты помолвлена со мной, если только возможно трубить в письменной форме?

У меня всегда была своего рода аллергия на старинные народные песни, и чем они стариннее, тем пуще аллергия.

...до моего слуха начали доноситься странные звуки, будто кто-то поблизости полощет горло. Оглядевшись вокруг, я поймал на себе пристальный взгляд скотч-терьера. <...> У скотч-терьера, возможно, по причине кустистых бровей, всегда такой вид, будто он проповедник из некой особенно строгой шотландской секты, а вы – прихожанин, пользующийся сомнительной репутацией и посаженный в первом ряду...

Будь я молодым помещиком и владельцем загородного дома, я мог бы приветствовать гостя какой-нибудь звучной фразой, вроде «Добро пожаловать в усадьбу «Райские кущи». Но ведь не скажешь же «Добро пожаловать в квартиру ба, дом Крайтона по Беркли-Стрит».

Г.К. Лихтенберг
(по: «Ларец острословов»)

Ему принесли горячую, слегка подгоревшую благодарность.

Рабский поступок – не всегда поступок раба.

Его рвет секретами и вином.

В Англии одного человека обвинили в двоеженстве, и он был спасен своим адвокатом, который доказал, что его клиент имел трех жен.

Общеизвестно, что четверть часика больше, чем четверть часа.

Двухспальная женщина; односпальный церковный стул. (по: Фрейд 1925) [намек на женское непостоянство и на «усыпительное действие проповедей»].

«Куда вы попадете, если воткнете нож между четвертым и пятым ребром?» – спрашивает профессор на экзамене у студента-медика.

– В тюрьму», – отвечает, не задумываясь, последний.

(З. Фрейд 1925)

Служитель права прав,
когда страшится права,
А то и на него отыщется управа.

(Ф. фон Логау, по: «Ларец острословов»)

Когда у Фонтенеля спросили, что такое красавица, он отвечал: «Рай для глаз, ад для души и чистилище для кошелька».

В Нью-Йорке я увидел панков, затянутых в черную кожу и увешанных цепями... Нам выпало жить в дермивую эпоху, а им хочется быть дермеем самого дерьма.

(Сальвадор Дали)

[14-е] Нет, честно, – не надо писать бесчестно!

[16-е] С Браком у меня – как у Вольтера с Господом Богом – кланяемся, но бесед не ведем!

[20-е] Арагон: с таким-то карьеризмом – и такая ничтожная карьера!

(Сальвадор Дали, из дневниковых записей в мае 1953)

В фильме «Соблазненная и покинутая» [Пьетро Джерми, 1964] адвокат покинутой девушки уговарива-

ет совратителя жениться на ней. «Неужели вы думаете, что я женюсь на обещанной?» – отвечает тот. – «Но ведь это сделали вы!» – «Если это сделал я, значит, она уже не обещанная? Хорошенькая у вас логика, господин адвокат!»

Газетная рубрика происшествий. Перпиньян, 12 марта. Прошлой ночью в Сен-Феленд'Аваль Лоранс Ж., 54 лет, вылила кастрюлю кипящей воды на голову своего спящего мужа, после чего нанесла ему удары скалкой для белья. Предполагают, что между супругами не всё было ладно [В.Г. 1994].

Однажды восточный властитель увидел страшный сон, будто у него один за другим выпали все зубы. В волнении он призвал толкователя снов. Тот выслушал властителя и сказал с тревогой: «Владыка, я должен сообщить тебе печальную весть. Ты потеряешь, подобно зубам во сне, одного за другим всех своих близких». Разгневанный повелитель приказал бросить в тюрьму злополучного толкователя снов и позвать другого. Тот выслушал сон и сказал: «Я счастлив сообщить тебе радостную весть: ты переживешь всех своих родных». Властелин обрадовался и щедро наградил толкователя. Недоумевающим придворным толкователь объяснил: «Мы оба одинаково истолковали сон. Но важно не только то, что сказать, но и то, как сказать».

Анекдоты из сборников:

«Анекдоты английские, немецкие, французские и американские»; «Американцы смеются»; «Когда улыбаются джентльмены»; «Физики шутят»; «Музыканты шутят»; «Анекдоты от Никулина» и др.

Секретарь входит в кабинет шефа:

- Мсье, один из ваших сотрудников хочет поговорить с вами о надбавке.
- Скажите, что меня нет.
- Невозможно, этот человек точно знает, что вы на месте.
- Кто же он?
- Это я, мсье.

Врач, осмотрев хорошенькую пациентку, говорит:

- Мадам Дюбуа, хочу сообщить вам приятную новость.
- Простите, доктор, но я мадемуазель Дюбуа!
- О! В таком случае, мадемуазель Дюбуа, я хочу сообщить вам плохую новость: вы беременны.

Опаздывающий на вокзал постоялец гостиницы:

- Тьфу ты, пропасть! По-моему, я что-то забыл в номере. Эй, мальчик, сбегай в мою комнату и посмотри, не оставил ли я там своей пижамы и бритвенного прибора. Беги скорее, у меня осталось всего пять минут.

Через четыре минуты вернулся запыхавшийся мальчик:

- Да, сэр, они лежат там.

Техасец рассказывает о размерах своего ранчо:

- У меня уходит два дня, чтобы проехать из конца в конец на машине.

- Раньше у меня тоже была дрянная машина, - сочувственно говорит его собеседник.

[Разговор о только что вышедшей книге]:

– Нет, Патрик, ты не можешь по-настоящему оценить ее. Ведь ты лично не написал ни одной книги.

– Ну и что! Я яиц тоже не несу, но могу лучше судить о качестве омлета, чем любая курица!

Айк и Пэт, хорошо погуляв на вечеринке, расходятся. «О'ревуар», – говорит Айк, стараясь показать свою ученость. «Что это значит?» – спрашивает Пэт. – «Это по-французски – до свидания». – «Чудесно, – говорит Пэт, – *цианистый калий*». – «А это еще что?» – «До свидания на любом языке».

Молодой человек входит в большой ювелирный магазин на улице Риволи.

– Сколько стоит это кольцо?

– Десять тысяч.

– Черт! А вот это кольцо?

– Два чёрта, месье!

Хозяйка. А это капитан Бланк, он только что возвратился из Арктики.

Хорошенькая гостья. О, подходите тогда поближе к камину, капитан, вы, должно быть, здорово озябли.

– Какое маленькое деревцо ты высаживаешь, Джон!

– Когда вы приедете в следующий раз, мы уже сможем сидеть в его тени!

Богатый хозяин виллы вернулся домой и отдает свой плащ камердинеру, который потихоньку шепчет:

– Мосье сегодня вернулся рано. Мадам его не ожидает. Мадам будет очень удивлена, Впрочем, мосье тоже. Словом, я хочу сказать, что для мадам, для мосье и для мосье это будет большим сюрпризом!

– Первые двадцать лет мы с женой были очень счастливы.

– А что же случилось потом?

– Мы встретились...

Молодежен после ресторана решил показать другу, как отлично они с женой устроились.

– Вот небольшая прихожая, здесь – столовая, вот кухня, а это – спальня.

Включает свет и продолжает: – Видишь, какая широкая кровать? Эта красивая женщина, что на ней, – моя жена.

И растерянно, после небольшой паузы:

– А тот мосье, что рядом с ней... это я!

Жена, получив письмо, с досадой убирает его в стол. – Что это ты от меня скрываешь? Ведь мы обещали друг другу, что у нас все радости и печали будут общие. – Да, ты прав. Вот тут некая Катрин извещает нас, что мы стали отцом ее ребенка.

Жена, вся в слезах, жалуется вернувшемуся с работы мужу: «Сегодня твоя мать прислала тебе письмо, в котором жестоко оскорбляет меня». Муж читает письмо и не находит там ничего оскорбительного. – А ты посмотри на приписку к письму, – говорит жена. – Видишь, что там написано: «Дорогая Алиса, не забудь передать это письмо Джорджу».

– Дорогая, я сегодня сэкономил 20 пенсов потому, что не ехал на автобусе, а бежал за ним.

– Ну и дурень же ты! Почему же ты не побежал за такси, тогда ты мог бы сэкономить целых два фунта!

Как-то у нас была страшная засуха, и кукуруза совсем не уродилась. Мы приготовили себе немного каши из

нового урожая, и мой отец съел четырнадцать акров кукурузы за один присест.

Надпись на могиле: «Здесь покоится прах Юджина Джерома Смита, чья безутешная вдова держит отличный ресторанчик на 94-й авеню, который всегда к вашим услугам с шести утра».

– Фредди, ты получишь пять долларов, если принесешь мне локон твоей сестры.

– Чего уж там! Давай четвертак, я тебе весь парик притащу.

– Миссис Джоунс, пожалуйста, не отдадите ли вы мою стрелу?

– Конечно, мой милый, – отвечает старушка. – А где же она?

– Я думаю, она застряла в вашей кошке.

На одном из приемов к светской даме подходит галантный мужчина:

– Мадам Валуа, если не ошибаюсь?

– Вы опоздали, мосье. Мадам Валуа я была четыре мужа тому назад.

Врач. Слушаю вас, мистер Джеймс. Почему у вас перевязана правая сторона лица?

Джеймс. Потому, доктор, что у меня жена левша!

– Чем можно объяснить ваши успехи в торговле?

– Теми первыми пятью словами, которые я произношу, когда женщина открывает мне дверь: «Скажите, мисс, ваша мать дома?»

Разговор торговца молоком с новым работником:

– Джонни, ты добавил утром воды в молоко?

– Но ведь вы сами приказали мне добавить воды в молоко.

– Да, но я сказал тебе, что *сначала* надо налить воды, а *потом* добавить туда молоко. Тогда мы могли бы со спокойной совестью отвечать покупателям, что никогда не разбавляем молоко водой.

– Патрик! Как ты мог украсть у бедной вдовы поросенка и съесть его! Когда тебе придется встретиться с вдовой и поросенком в день страшного суда, что ты сможешь сказать в свое оправдание? – Вы говорите, что и поросенок будет там, ваше преподобие? – Конечно. – Я скажу вдове, ваше преподобие: вот вам ваш поросенок!

Лакей похитил в доме ценную вещь и был уличен.

– Фердинанд, – говорит ему хозяйка, – если вы вернете то, что украли, я не буду заявлять в полицию.

– Мадам, но ведь это смахивает на шантаж.

В психиатрическую клинику к ведущему специалисту привели прибывшую в Америку с официальным визитом румынскую королеву Марию. Представляя почетную гостью профессору, ректор сказал: «Доктор, это королева Румынии». – «Да, – ответил профессор, – очень интересно. Значит, эта старушка мнит себя королевой, а?»

Женщина-водитель после столкновения с другой машиной говорит:

– Это моя вина!

– Нет, мадам, – галантно отвечает водитель второй машины, – это целиком моя вина. Я видел, что за рулем – женщина, и должен был переехать через кювет и подождать, пока вы проедете.

Пэт предстал перед судьей за пьянку и безобразное поведение. Когда его спросили, как он все это может объяснить, Пэт ответил, что попал в плохую компанию.

- А что это была за компания? – стал уточнять судья.
- Четверо трезвенников.
- Лучшей компании невозможно представить!
- Но у меня была с собой бутылка виски, и я был вынужден выпить ее один.

Джентльмен всегда поправит галстук, когда мимо канавы проходит женщина.

Джентльмен никогда не ударит женщину, не сняв шляпу.

Муж, узнавший об измене жены, входит в квартиру, с силой захлопывает дверь, направляется тяжелыми шагами к жене и, покраснев от гнева, изрекает:

- Я знаю всё!
- Вот и прекрасно, тогда скажи, когда была битва на Марне, малыш никак не может закончить домашнее задание!..

Двое незнакомцев разговорились.

- Так, значит, вы артист. А я вот банкир и, каюсь, не был в театре лет десять.
- Ну, пусть это вас не смущает. Я тоже не был в банке вот уже два десятка лет.

Молодая жена хочет назвать родившуюся девочку Евладией. Мужу не нравится это имя, но он не стал спорить с женой:

- Ты здорово придумала. Мою первую любовь тоже звали Евладией, и имя нашей девочки всегда будет вызывать во мне приятные воспоминания.

Помолчав немного, жена добавила: – Знаешь что, давай лучше назовем ее Марией.

Мистер Ричардсон попросил дать объявление в газете о награде в 1000 фунтов за пропавшую кошку его жены. «Такая награда за какую-то кошку?» – удивились в отделе рекламы. – «Да никто этой награды не получит! Эту кошку я вчера собственноручно утопил в канале. Но зато как я подымусь в глазах жены!»

– Ничего не может быть лучше стакана вина! – сказал кто-то в одном берлинском обществе в присутствии знаменитого профессора Энгеля. Энгель ответил: «Ну нет! Бутылка вина, по-моему, лучше».

Судья. Почему вы ударили свою жену?

Подсудимый. Видите ли, ваша честь, она стояла ко мне спиной, рядом лежала сковородка, дверь во двор была открыта, и я сказал себе: «Билл, у тебя никогда не будет больше такого удобного случая!»

Судья. Эту кражу вы совершили сами?

Обвиняемый. Да, ваша честь. Мы переживаем тяжелые времена – никому нельзя доверять.

Свое длинное поучение проповедник закончил призывом:

– Братья и сестры! Кто из вас хочет попасть в рай – встаньте!

Все поднялись, кроме одного.

– Ну и ну! – воскликнул проповедник. – А вы что, не хотите попасть в рай?

– Хочу, но не сейчас.

Прихожане не очень охотно откликнулись на призыв нового священника давать пожертвования для церкви, но один из них расщедрился и положил на

блюдо 10 фунтов. «Да благословит тебя Господь, сын мой, – промолвил священник, – и да процветают дела твои!» Тут церковный служка потянул его за рукав и, наклонившись, тихо прошептал: «Ваше преподобие, это местный гробовщик!»

Молодой защитник выступал в суде по делу одного фермера, предъявившего иск железнодорожной компании за то, что принадлежащий ей поезд раздавил его двадцать четыре свиньи. Стараясь произвести впечатление на присяжных размером нанесенного ущерба, адвокат заявил: «Двадцать четыре свиньи, джентльмены! Двадцать четыре! В два раза больше, чем вас!»

Высокомерный помещик решил поиздеваться над ветеринаром и спрашивает: – Это вы доктор для скотины? – Да, я, – спокойно отвечает тот, – а что у вас болит?

Парижский адвокат зашел со своей женой в ночной клуб на Монмартре. Одна из девиц, сидевшая возле бара, улыбнулась ему, как старому знакомому.

– Ты что, ее знаешь? – насупилась жена.

– Да, – ответил адвокат, – по профессиональным делам.

– Чьим профессиональным делам, твоим или ее? – уточнила жена.

[Железнодорожный служащий спрашивает у знаменитого тенора]:

– И сколько же вам платят?

– Одна нота, вот такая, – певец взял один из высоких звуков, которые принесли ему славу, – стоит пятнадцать фунтов стерлингов.

– Маэстро, а я в год зарабатываю четыре ноты!

Я потерял на одной неделе жену и зонтик.

– Жан, зачем ты выкопал в парке эту ямку?!

– У меня здесь назначено свидание с горбатой Ни-
нон.

[Полицейский – парню, ведущему двух ослов]:

– Эй, послушай, никак ты своих братьев вывел на прогулочку? Зачем же ты так крепко держишь их на по-
воду?

– Боюсь, как бы они не сбежали и не поступили в по-
лицию.

Думая напугать увивавшегося вокруг него мальчугана, кузнец сунул ему под нос кусок раскаленного металла. «Если вы дадите мне полдоллара, я его лизну», – сказал парнишка. Кузнец вытащил монету и отдал ее мальчи-
ку. Тот, ни слова не говоря, взял монету, лизнул ее, по-
ложил в карман и, весело насвистывая, побежал прочь.

Говард Пауль перечисляет преступления, которые
могут быть совершаемы без страха ответственности:

Убивать – время,

Отравлять – воздух,

Пронзать – сердца,

Душить – смех,

Бить – баклуши,

Красть – поцелуй.

Один адвокат, желая смутить свидетеля, сказал ему,
что он сразу увидел в нем мазурика.

– Скажите пожалуйста! – отвечал свидетель, –
сколько лет живу на свете и не подозревал, что мое ли-
цо – зеркало!

Крестьянин должен был отдать неприятельскому генералу четверть своего имущества в качестве реквизиции.

– Мне хотелось бы лучше отдать вам мою половину!
– сказал он, указывая на жену.

Исповедуясь доброму старому священнику, молодой человек спросил:

– Скажите, святой отец, разве это действительно великий грех – спать с девушкой?

– Конечно, нет, – улыбнулся священник. – Но дело в том, что вы, молодые люди, не спите...

Я знаю графов, которые не очень бы ушиблись, если бы упали со своего генеалогического древа.

Многие люди ни на что не способны и одновременно способны на всё.

Любовь помогает убить время, время помогает убить любовь.

Экскурсовод:

– Если бы уважаемые дамы минутку помолчали, мы услышали бы ужасающий рев Ниагарского водопада.

Конфуз

На конкурсе <...> первую премию едва не получила совершенно безголосая певица, имевшая, впрочем, большие придворные связи. Позже председателя конкурсной комиссии Густава Малера спросили:

– Правда ли, что госпожа Н. чуть не стала лауреатом конкурса?

Малер серьезно ответил:

– Да, это чистейшая правда. Ей в самом деле не хватило только одного голоса – ее собственного.

Резерфорд демонстрировал слушателям распад радия. Экран то светился, то темнел.

– Теперь вы видите, – сказал Резерфорд, – что ничего не видно. А почему ничего не видно, вы сейчас увидите.

Дирак женился на сестре другого знаменитого физика Вигнера. Вскоре к нему в гости заехал знакомый, который еще ничего не знал об этом событии. В разгар их разговора в комнату вошла молодая женщина, которая называла Дирака по имени, разливала чай и вообще вела себя как хозяйка дома. <...> Дирак заметил смущение гостя и, хлопнув себя по лбу, воскликнул: «Извини, пожалуйста, я забыл тебя познакомить – это... сестра Вигнера!»

[Обвиняемый – защитнику]:

– Я знаю, что существуют очень веские доводы против моей невиновности, но у меня есть пятьдесят тысяч долларов.

– Как ваш защитник, – перебил его юрист, – могу вас заверить, что с этой суммой вы в тюрьму не попадете.

Так оно и вышло. Ко времени вынесения приговора у фермера не осталось ни цента.

Журналист был привлечен к суду за то, что обозвал в своей статье некую баронессу «коровой». Дело он проиграл, но в конце заседания спросил судью:

– Скажите, ваша честь, значит, в будущем я не могу называть баронессу коровой, так?

– Да, так.

– Ну, а если я назову корову баронессой?

– Это будут неостроумно, но не подсудно.

– Благодарю вас, ваша честь, – сказал журналист и, обернувшись к истице, произнес: – Привет, баронесса!

Один джентльмен написал из командировки письмо своей жене: «Дорогая, лучше тебя нет ни одной женщины! Вчера я опять в этом убедился!»

– Господин Браун, вы заболели?

– С чего вы это взяли?

– Я видел, как вчера вы выходили из аптеки, и подумал...

– Интересно, что бы вы подумали, если бы я выходил с кладбища?!

Пожилой мужчина обещает симпатичной молодой дамочке, сидящей напротив него в автобусе, сто франков, если она немного приподнимет юбку. Выполнив просьбу и получив сто франков, она говорит: «Еще столько, и я покажу вам то место, где мне вырезали аппендицит». Мосье дрожит от радости и вручает ей еще одну купюру. «Вот здесь», – говорит дама, показывая в окно на клинику, мимо которой они проезжали.

В Гренландии обвиняемого в убийстве эскимоса допрашивает судья:

– Скажите-ка нам, что вы делали в ночь с 1 октября на 31 марта?

– Мистер Баркер, но «Ромео и Джульетту» вы, конечно, читали?

– «Джульетту» я, к сожалению, не читал, а вот «Ромео» читал и даже несколько раз!

Едет ковбой на лошади, видит, впереди лужа, думает вслух:

– Я – ковбой, я перепрыгну.

Перепрыгнул, едет дальше, впереди ручей, ковбой говорит:

– Я ковбой, я перепрыгну.

Перепрыгнул, едет дальше, увидал ущелье и говорит:

– Я – ковбой, я перепрыгну.

А лошадь ему отвечает:

– Ты ковбой, ты и прыгай.

В таверне один посетитель указывает другому на ковбоя, не спеша проезжающего мимо таверны:

– Это неуловимый Джо!

– Неужели его так трудно поймать?

– Поймать-то нетрудно, да кому он нужен?

Ему явно не повезло с рыбалкой. По пути домой он зашел на рынок и попросил торговца рыбой:

– Бросьте мне оттуда, где вы стоите, штук пять самых крупных карпов.

– Бросить их? Зачем? – удивился торговец.

– Чтобы я мог сказать друзьям, что я их поймал.

Пусть я плохой рыбак, но я не лжец.

Л и н д а. Вчера вечером, когда тебя не было, я слышала, как папа назвал мою нянечку ангелом. А когда она полетит?

М а т ь. Завтра утром, дорогая.

Учитель задал классу такую задачу:

– Если к вам на парту сядет пять мух и вы одну из них убьете, сколько останется?

– Одна, – закричал парнишка с задней парты, – остальные улетят.

Умер миллионер. Нотариус зачитывает его родным и друзьям завещание:

«...А Джонсу, которому я обещал не забыть его при составлении завещания, передаю свой сердечный привет!»

К итальянскому судье привели бродягу, обвиняемого в мелкой краже. Судья, разбирая дело, был в затруднении, как обращаться к бродяге – на вы или на ты. Первое казалось ему слишком уважительным, второе – некорректным. Судья решил обратиться на мы: «Итак, похоже, что мы украли часы», – сказал он. «Вы, может быть, и украли, ваша честь, – ответил обвиняемый. – Я же их не крал».

(Н.Романова, А.Филиппов, «Русский язык в СССР», 1991, № 10)

Разговор в автобусе. Мужчина обращается к женщине, стоящей впереди него:

– Сударыня, вы что встали на дороге как телка недоеная?

– Какая я вам сударыня?

На экзамене в музыкальную школу пожарника спрашивают: «Какая разница между скрипкой и роялем?» – «Рояль дольше горит».

На демонстрации робота, который отвечает на все вопросы, англичанин задает вопрос:

– Что сейчас делает мой отец?

Замигали огоньки, и из машины выползла лента: «Сейчас ваш отец ловит рыбу на берегу Темзы».

Торжествующе хохоча, англичанин уличает машину во лжи и показывает телеграмму от его секретаря: «Лорд Бартелл вылетел вчера на курорт в Ниццу».

На повторный запрос машина ответила: «Лорд Бартелл вылетел вчера на курорт в Ниццу. А ваш отец ловит рыбу на берегу Темзы».

– Скажите, вы случайно не сын старика Ковальского?

– Да, сын, но что «случайно», я слышу впервые.

[Разговор бродяги с судьей]: – Ваша честь, этот человек имеет на меня зуб. Когда я был слепым, он таскал медяки из моей миски, а когда я был хромым – удрал вниз по улице с коробкой моих карандашей.

Едут два ковбоя по степи. Один курит сигару. Второй ему говорит:

– Джо, ты смахиваешь на дурака.

– Хорошо, я буду смахивать в другую сторону.

– Послушайте, стюард, в моей тарелке плавает муха!

– Не может быть, сэръ. Мухи не умеют плавать.

Польский юмор

*Из книги D. Buttler. Polski dowcip językowy**

Тучная оперная певица – приматонна.

Министерство Халтуры [вм. «Культуры»].

Журналглист.

Безпортковец.

Фортификация.

Человек, который завещает свое тело университетской клинике – филантроп.

Ошибка врача – эскуляпус.

Операция I класса – новые инструменты, старые ассистенты, операция II класса – наоборот.

Дегенерал – дегенерирующий генерал

Хорошая парочка – он кретиноват, она мегеровата.

Борьба первобытных людей с мастодонтами и хлородонтами.

* Перевод примеров – В.З. Санникова.

- Читал недавно одно из ваших стихотворений.
- Последнее?
- Надеюсь!

Накрывая любимую женщину с другим типом – делаешь глупость: пусть сами накрываются, если хотят.

- Папа, барометр упал!
- Намного?
- Нет, два метра, но уже никуда не годится.

Женщина – соседу в трамвае:

- Вы, случайно, не отец одного из моих детей?
- Нет, конечно!!
- О, извините, я – учительница.

Переводы – как женщины: если красив, то неверен, если верен, то наверняка некрасив.

Огромная трибуна была набита. Бутылками.

Соломенные вдовцы очень легко загораются.

- У меня есть слепой брат, но мы редко видимся.

Легче указать кому-нибудь дверь, чем выход.

Кассир закрыл дискуссию и окошечко кассы.

Часы ходят, но не идут.

- Знаю его так же хорошо, как собственный карман.

- Так, так! Это должен быть очень пустой человек!

Фрагмент разговора матери с дочкой:

- Выходишь замуж?
- Да.
- А когда вернешься?

- Травчински, к какому семейству принадлежат пальмы?

- К богатому, пан профессор.

Разговор врача с больным капитаном:

- Тридцать девять градусов, капитан.
- Какой широты?

Разговор после бала:

- Как тебе понравились туалеты?
- Не знаю, не был.

Когда же конец этих мук? – жаловался мельник.

- Почему ты не взяла с собой Шарика?
- Как, в такую собачью погоду?!

- Дикари – миссионеру:

- Но, пан миссионер, домой еще рано, оставайтесь лучше у нас на обед!

- Владек должен очень любить Касю!
- Ох, должен, должен!

- Хорошо, я приму вашего протеже, но он – человек способный?

- Конечно, пан директор. На все.

Dura sex, sed sex. [«Суров секс, но секс»; переделка лат. поговорки Dura lex, sed lex («Суров закон, но закон»)].

[Разговор начинающего поэта с критиком]:

- Как вы находите мои стихи?
- Обычно, перелистывая номера старых журналов.

- Был вчера на обеде у Ковальских.
- Ну, и как у них кухня?
- Не знаю, я шел через парадный вход.

С.Е. Лец

(«Непричесанные мысли», «Фрашки»)

Не следует разгонять скуку силами полиции.

Срывай лавры! Но не с чужой головы.

XI заповедь: «Не прелюбословь!»

Верующий ли я? Одному Богу известно.

Во что верую? В Бога, если он есть.

Есть пьесы настолько слабые, что не могут сойти со сцены.

Часы бьют. Всех.

Французская революция наглядно показала, что проигрывают те, кто теряет голову.

Расисты! Не допускают черных мыслей!

Кто-то спросил меня, глядя на X: «Как правильнее сказать: “осведомитель” или “доносчик”?»

Бестактно предлагать профессиональным жонглерам не играть с огнем.

Кандалы не любят приковывать к себе внимание.

Овладел наукой, но не оплодотворил ее.

Людей можно делить по-разному. Это известно всем. Можно на людей и нелюдей. «А я делю на головы и туловища», – сказал удивленный палач.

Что ты скажешь на это, физика? В отношениях между людьми трения ведут к охлаждению.

Не согласен с математикой. Считаю, что сумма нулей дает грозную цифру.

Обязан ли каждый, найдя в себе что-нибудь ценное, сообщить в ближайшее отделение милиции?

Дьявол не спит. С кем попало.

Не заостенеть, но и не размякнуть, оставаться на посту, но не стоять на месте, быть гибким, но негибким, быть львом, но не звереть, не быть ни односторонним, ни двуличным – как все это трудно!

Парадокс

Истерзала меня эта дума вконец
безысходностью многолетней:
почему же последний подлец
к сожаленью, подлец не последний?!

Слышите бессвязное бормотание? Это хор согласных после уничтожения гласных.

О сердце

«...Большого сердца был человек!» –
услышал я в чаще беседу.
Кто это там? Отодвинул ветвь...
Говорил людоед людоеду

О людях

Побеждаем ли мы, разбиты ли,
в двух местах застает нас заря:
либо в лагере победителей,
либо там, где у них лагеря.

Не говори о человеке дурно. Ведь и ты – он.

Идеальное супружество

Жена – как лань со стройными ногами,
муж тоже... бегаёт с рогами...

ЛИТЕРАТУРА

БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. I-XVII. М.-Л., 1950-1965. 2-е изд. Т. I-VI (А-З). М.: «Русский язык», 1991-1994.

Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис. Смоленск, 1984.

Виноградов В.В. Натуралистический гротеск (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // В.В. Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Дземидок Б. О комическом. М., 1974.

Ефимов А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.

Земская Е.А. Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М., 1959.

Крученых А. 500 новых острот и каламбуров Пушкина. М., 1924.

Крученых А. Сдвигология русского стиха. М., 1923.

Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. М.: «Искусство», 1977.

Мандельштам И. О характере гоголевского стиля. Гельсингфорс, 1902.

Новиков В. Книга о пародии. М., 1989.

Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.

Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982.

Протп В.Я. Проблемы комизма и смеха. 2-е изд. СПб.: «Алетейя», 1997.

Русская литература XX века в зеркале пародии. М.: «Высшая школа», 1993.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983.

Санников В.З. Русский каламбур. 1200 каламбуров старых и современных. N.J.: Hermitage Publishers, 1995.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Языки славянской культуры», 2002.

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. Пер. с 3-го нем. издания Я.М.Когана. М., 1925.

Ходакова Е.П. Каламбуры у Пушкина и Вяземского // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М.: Наука, 1964.

Ходакова Е.П. Каламбур в русской литературе XVIII в. // Русская литературная речь в XVIII в. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. М.: Наука, 1968.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М.: «Языки славянской культуры», 2002.

Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбур). Киев, 1958.

Buttler Danuta. Polski dowcip językowy. Warszawa, 1968.

ОСНОВНЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Американцы смеются. 1000 шуток и анекдотов. М., 1989.
- Анекдот – улыбка жизни. Тула, 1990.
- Анекдоты английские, немецкие, французские и американские. СПб., 1874.
- Анекдоты от Никулина. Рига, 1991.
- Анекдоты из жизни русских Императоров, Императриц и Великих Князей. М., 1990.
- Всемирное остроумие. Сборник изречений, метких мыслей, острых слов и анекдотов всех времен и народов. СПб., 1903.
- Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий. СПб., 1885.
- Козлов Л.Р. Музей остроумия. 3-е изд. Минск: Польша, 1989.
- Крученых А. 500 новых остроумий и каламбуров Пушкина. М., 1924.
- Ларец острословов / Сост. Г.П. Лобарев. М., 1991.
- Музыканты шутят. М., 1990.
- Наши юмористы за 100 лет. СПб., 1904.
- Разговоры Пушкина. Собрала С.Гессен и Л.Модзалевский. М., 1929.
- Русская рулетка. Русские анекдоты с переводом на финский язык. Helsinki, 2000.
- Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. М., 1990.
- Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX столетий. Изд. ОРЯС Императорской Академии Наук. СПб., 1899.
- Собрание анекдотов из жизни русских замечательных людей / Под ред. Михайлова-Викторова. СПб., 1900.
- Справочник афоризмов и изречений для школьников. Ростов-на-Дону, 1995.
- 1001 избранный советский политический анекдот / Сост. и ред. Юлиус Телесин. 1986.

Физики продолжают шутить. М., 1968.

Физики шутят. М., 1968.

Ходяков Е.П. Каламбур в русской литературе XVIII в. // Русская литературная речь в XVIII в. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. М.: Наука, 1968.

Энциклопедия весельчака. Собрание 5000 анекдотов древних, новых и современных. Собрал И.Попов. Т. 1-5. СПб., 1873.

Buñuel Danuta. Polski dowcip językowy. Warszawa, 1968.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ШУТОК

Аввакум, протопоп 347	Вампилов А. 376
Аверченко А. 182-201	Васильев Б. 380
Азимов А. 344	Васильев С. 376-377
Алексин А. 376	Васильчиков И. 343
Алиев Гейдар 388	Вейнберг П. 354
Альтов С. 377	Веселый Артем 364
Анакреонт 426	Венский Е. 162-163
Анахарсис 427	Вересаев В. 227-229
Андреев Л. 359	Вийон Франсуа 512
Андрей Белый 164-165	Виноградский И. 381
Анна Иоанновна 420	Вишневский В. 385
Анненков Ю. 370	Владин Вл. 383
Анненский Ин. 361	Восйков А. 350
Антипов К. 363	Вознесенский А. 387-388
Арго А. 373	Волин Вл. 379-380
Ардов В. 277-279	Волконский М. 359
Аристипп 426	Вольпин М. 364
Архангельский А. 211-212	Вольтер 416
Асеев Н. 372	Вудхауз П. 521-522
Бабель И. 225-226	Высоцкий В. 313-315
Бакиев А. 385	Вяземский П. 101-102
Балакирев И. 418, 422	Галич А. 379
Бахнов В. 381	Гаспаров М. 342-344
Беранже П. 512	Гейне Г. 514
Берестов В. 384	Гете И. 416
Бернс Роберт 512	Глазков Н. 282-284
Бестужев-Марлинский А. 350	Гоголь Н. 114-117
Бисмарк О. 415-416	Гольдони Карло 511
Богданов В. 357-358	Голявкин В. 375
Бонди С. 343	Гончаров И. 356-357
Булгаков М. 256-260	Горбунов И. 353, 358
Бунин И. 364	Городецкий С. 366
Буренин В. 136-138	Губерман И. 316-319
Бухов А. 160-161	Гумилев Н. 362
Бхартрихари 426	Д'Ор О. 202-205

- Давыдов Д. 350
Дали Сальвадор 523
Даль В. 414
де Ривароль А. 518
Демонакт 426
Державин Г. 348-349
Джером К. Джером 515-517
Дидро Д. 417, 420
Диккенс Ч. 511
Дилан Томас 520-521
Довлатов С. 275-276
Дон Аминадо 360
Дорошевич В. 343
Достоевский Ф. 357
Думбадзе Н. 376
Дымов О. 361-362
Евреинов Н. 360
Евтушенко Е. 382
Екатерина II 420, 429
Елисеев К. 386
Ермолов А. 422
Ерофеев Вен. 285-287
Есенин С. 213-215
Еськова Н. 383, 442
Жванецкий М. 311-312
Жолковский А. 388-389
Журнал «Будильник» 390-391
Журнал «Искра» 390
Журнал «Крокодил» 405-406
Журнал «Новый Сатирикон» 400-405
Журнал «Осколки» 393-394
Журнал «Сатирикон» 394-400
Журнал «Стрекоза» 391-392
Журнал «Шут» 392-393
Заболоцкий Н. 371
Задорнов М. 335
Замятин Ю. 377
Заходер Б. 303-308
Зоргенфрей В. 360
Зоценко М. 247-251
Зубков М. 382
Иванов А. 320-324, 388
Иванов Е. 343
Измайлов А. 156-159
Измайлов Л. 363, 382
Илличевский А. 351
Ильина Н. 376, 383
Ильф И. 234-235
Ильф-Петров 238-246
Инбер В. 372
Иртенъев И. 331-334, 444
Исаковский М. 51, 272
Казаков Ю. 375
Казин В. 366
Карамзин Н. 349-350
Каратыгин В. 428-429
Каратыгин П. 352, 421, 430
Карейша Г. 363-364
Катаев В. 369-370
Катенин П. 417
Ким Ю. 325-326
Кирсанов С. 366
Китагава А. 438
Кнышев А. 336-341
Княжнин Я. 348
Ковалев А. 380
Козловский Я. 358
Колдуэлл Э. 515
Конде Л. 427
Конецкий В. 309-310
Корякин Пантелеймон 382
Кроткий Эмиль 288-297
Кривин Ф. 298-299

- Крученых А. 168-169
Крыжановский А. 385
Крылов И. 99-100
Крысин Л. 384, 438
Кузьмина С. 389, 442
Курочкин В. 353-354
Кушнер А. 384
Лагунов В. 384, 387, 442
Леонардо да Винчи 439-440
Леонов Л. 375
Лермонтов М. 351
Лесков Н. 121-123
Лессинг Г. 514
Лец С. 542-544
Лившин С. 372
Ликок Стивен 519-520
Лиходеев Л. 383
Лихтенберг Г. 522
Логау Ф. 523
Ломан Н. 355
Лукиллий 426
Лукреций 426
Людовик XV 428
Малахов С. 360
Малкин Г. 329-330
Мандельштам О. 206-208
Маршак С. 262-264
Маяковский В. 216-224
Меламед В. 383
Менандр 425
Меншиков А. 428, 429
Минаев Д. 124-129
Михайлов М. 354
Михалков С. 280-281
Мишулин С. 382
Мятлев И. 355
Набоков В. 265-268
Надеждин Ст. 369
Некрасов Н. 352-353
Никифоров В. 384
Огарев Н. 356
Оден У. 512
Олейников Н. 371
Олеша Ю. 371
Омар Хайям 427, 510
Орлов В. 384
Островский А. 352
Паперный З. 300-302
«Парнас дыбом» 366-368
Педрилло 418-419
Петров Е. 236-237
Платонов А. 261
Плевако Ф. 432
Потемкин П. 363
Прутков И. 166-167
Прутков Козьма 119-120
Пугачева Алла 389
Пустынин М. 371-372
Пушкин А. 103-113
Пушкин В. 350
Пьецух В. 379
Разумовский А. 419
Рамазанов Н. 430-431
Раневская Ф. 388
Ренар Жюль 514
Реформатский А. 386
Рич В. 383
Салтыков-Щедрин М. 130-135
Сац Н. 388
Светлов М. 366, 369
Северянин И. 361
Сегедюк А. 380
Седакова О. 387
Сельвинский И. 364-365
Сенкевич Г. 518-519

- Серов В. 342
Симони П. 413
Симонов К. 374
Смирнов С. 378-379
Смит Сидней 520
Соболевский С. 349
Соколов Саша 381
Сократ 425
Солженицын А. 373
Соллогуб В. 422
Соловьев Вл. 362
Соловьев Л. 372-373
Сологуб Ф. 343, 359
Степанов П. 355
Стругацкие А. и Б. 375-376
Сумароков А. 347
Сумбатов В. 386
Сухова-Кобылин А. 118
Твардовский А. 51, 374
Твен Марк 514
Тенин М. 385
Терентьев И. 365
Толстая Т. 327-328
Толстой А.К. 355-356
Толстой А.Н. 209-210
Топоров А. 344
Трефолов Л. 354
Трушкин А. 386
Тургенев И. 358
Гынянов Ю. 370
Тэффи Н. 170-181, 442
Тютчев Ф. 351
Уайльд О. 515
Федоров П. 431
Флит А. 375
Фонвизин Д. 97-98
Фридрих II 428
Хармс Д. 252-255
Хвостов А. 350-351
Хвостов Д. 347
Херасков М. 348
Хлебников В. 365
Цицерон 427
Черный Саша 360-361
Чехов А. 139-155
Чуковский К. 231-233
Шаламов В. 344
Шамфор С. 517-518
Шанин Ю. 385
Шварц Е. 273-274, 365
Швецов С. 378
Шишков В. 230
Шкваркин В. 269-271
Шоу Бернард 513-514

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

О природе комического	3
Установка на комическое	20
Комизм «вольный» и «невольный».	
«Незаконнорожденные» каламбуры	22
Неуместные шутки. Правила речевого такта	27
Функции языковой шутки	28
Маскировочная функция языковой шутки	31
Несколько слов об иронии	36
Языковая игра – это лингвистический эксперимент	39
Шутка предметная vs. шутка языковая	42
Языковые средства создания комического	45
О каламбуре	59
Определение каламбура	60
Семантические типы каламбуров	67
Смысловое взаимодействие обыгрываемых слов.	
Возникновение добавочных смыслов	74
Приемы придания слову каламбурной	
многозначности	80
Об истории и современном состоянии	
русского каламбура	88
<i>Источники</i>	93

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XIX-XX вв.

Д.И.ФОНВИЗИН	97
И.А.КРЫЛОВ	99
П.А.ВЯЗЕМСКИЙ	101
А.С.ПУШКИН	103
Н.В.ГОГОЛЬ	114
А.В.СУХОВО-КОБЫЛИН	118
КОЗЬМА ПРУТКОВ	119
Н.С.ЛЕСКОВ	121
Д.Д.МИНАЕВ	124

М.Е.САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН	130
В.П.БУРЕНИН	136
А.П.ЧЕХОВ	139
А.А.ИЗМАЙЛОВ	156
А.С.БУХОВ	160
ЕВГ. ВЕНСКИЙ	162
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ	164
И.К.ПРУТКОВ	166
А.Е.КРУЧЕНЫХ	168
Н.ТЭФФИ	170
А.Т.АВЕРЧЕНКО	182
О.Д'ОР	202
О.Э.МАНДЕЛЬШТАМ	206
А.Н.ТОЛСТОЙ	209
А.Г.АРХАНГЕЛЬСКИЙ	211
С.ЕСЕНИН	213
В.В.МАЯКОВСКИЙ	216
И.Э.БАБЕЛЬ	225
В.В.ВЕРЕСАЕВ	227
В.Я.ШИШКОВ	230
К.И.ЧУКОВСКИЙ	231
И.ИЛЬФ	234
Е.ПЕТРОВ	236
И.ИЛЬФ, Е.ПЕТРОВ	238
М.М.ЗОЩЕНКО	247
Д.ХАРМС	252
М.А.БУЛГАКОВ	256
А.П.ПЛАТОНОВ	261
С.Я.МАРШАК	262
В.В.НАБОКОВ	265
В.В.ШКВАРКИН	269
М.В.ИСАКОВСКИЙ	272
Е.Л.ШВАРЦ	273
С.ДОВЛАТОВ	275
В.АРДОВ	277
С.МИХАЛКОВ	280
Н.ГЛАЗКОВ	282
ВЕН. ЕРОФЕЕВ	285

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ	288
Ф.КРИВИН	298
З.ПАПЕРНЫЙ	300
Б.ЗАХОДЕР	303
В.КОНЕЦКИЙ	309
М.ЖВАНЕЦКИЙ	311
В.ВЫСОЦКИЙ	313
И.ГУБЕРМАН	316
А.А.ИВАНОВ	320
ЮЛИЙ КИМ	325
Т.ТОЛСТАЯ	327
Г.МАЛКИН	329
И.ИРТЕНЬЕВ	331
М.ЗАДОРНОВ	335
А.КНЬШЕВ	336
М.ГАСПАРОВ	342

ЛИТЕРАТУРНАЯ СМЕСЬ

Одиночные примеры

из художественных произведений, журналов, газет, ТВ, разговоров	347
Листая старые журналы	390
Из газет, радио, ТВ	407

ИЗ СТАРОГО И СОВРЕМЕННОГО ФОЛЬКЛОРА

Фольклорный материал

(пословицы, афоризмы, анекдоты)	413
Исторические анекдоты	415
Современные афоризмы, пословицы	
Афоризмы неизвестных авторов	433
Современные анекдоты	444
Вперед, к победе коммунизма!	444
Поручик Ржевский	451
Чапаев	452
Штирлиц	454
Искусство и наука	455
Женщины и мужчины	462
«Юмор в коротких штанишках»	479

Будни	482
Врачи и больные	496
Полицейские и воры	499
Евреи	503
«Лица кавказской национальности»	506
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Из зарубежного юмора	510
Польский юмор	539
Литература	545
Основные фольклорные источники	547
Указатель авторов шуток	549

Санников Владимир Зиновьевич

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ШУТКА

от пушкина до наших дней

Редактор *О. Булаева*
Компьютерная верстка *Г. Егорова*

ИД № 03974 от 12.02.01 г.

Подписано в печать 17.07.03. Формат 84х108/32
Печать офсетная. Гарнитура «NewBaskervilleС»
Усл.-печ. л. 29,4. Тираж 1500 экз. Заказ № 4016

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
на ФГУИПП «Вятка»
610033, г. Киров, Московская ул., 122.

ISBN 5-7784-0263-5

9 785778 402638 >